Цивилизация и варварство обычно
считаются взаимоисключающими категориями,
но каждое общество есть их смесь.

Фелипе Фернандес-Арместо

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY
DEPARTMENT
OF HISTORICAL AND THEORETICAL RESEARCH

LABORATORY OF RESEARCH OF
CIVILIZATION AND BARBARITY

CIVILIZATION AND BARBARITY

●

TRAPS, AMBUSHES AND ABYSSES OF LATENT BARBARITY

IX

2020

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ОТДЕЛ
ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ЛАБОРАТОРИЯ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ
ЦИВИЛИЗАЦИИ И ВАРВАРСТВА

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСТВО

●

ЛОВУШКИ, ЗАСАДЫ И ПРОПАСТИ ЛАТЕНТНОГО ВАРВАРСТВА

IX

2020

CIVILIZATION AND BARBARITY

TRAPS, AMBUSHES AND ABYSSES
OF LATENT BARBARITY

2020 • ISSUE IX

EDITOR-IN-CHIEF

Prof. *Vera P. Budanova*
(Institute of World History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation)

EDITORIAL COUNCIL

Prof. *Levon H. Abrahamian* (Institute of Archaeology and Ethnography of National Academy of Sciences of Armenia, Yerevan, Republic of Armenia), Prof. *Sergey A. Arutyunov* (Institute of Ethnology and Anthropology N.N. Miklouho-Maklay of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Mikhail V. Bibikov* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Claire Billen* (Free University of Brussels (ULB), Brussels, Belgium), Prof. *Sabine Jansen* (National conservatory of arts and crafts, Paris, Republic of France), Dr. hab. *Michel Kazanski* (National Centre of Scientific Research (CNRS), Paris, Republic of France), Prof. *Aleksandr V. Koptev* (University of Tampere, Finland), Prof. *Aleksandr A. Maslennikov* (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Maja S. Petrova* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Louis E. Primero Rivas* (National Pedagogical University (UPN), Mexico city, Mexican United States), Prof. *Lorina P. Repina* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Sergey J. Saprykin* (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation), Prof. *Olga V. Sidorovich* (National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russian Federation), Prof. *Igor.V. Sledzevskiy* (Institute of African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Victoria I. Ukolova* (Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation), Prof. *Pavel P. Shkarenkov* (Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation), Dr. *Jens Shneevajss* (Leibniz Institute for the History and Culture of Eastern Europe at the University of Leipzig (GWZO), Federal Republic of Germany)

Publisher: Institute of World History, Russian Academy of Sciences

Frequency: 1 time per year
First issue: 2012

Abstracting and Indexing: The yearbook is included in the Russian Science Citation Index (RSCI)

All materials published in the "Civilization and Barbarity" undergo peer review process

Editorial address: 32A Leninsky Prosp., Moscow 119334, Russian Federation

Tel.: + 7 (916) 081–29–66
e-mail: labcb@yandex.ru
website: https://www.aquilopress.com

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСТВО

ЛОВУШКИ, ЗАСАДЫ И ПРОПАСТИ ЛАТЕНТНОГО ВАРВАРСТВА

2020 • ВЫПУСК IX

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

д.и.н., проф. *В.П. Буданова*
(Институт всеобщей истории РАН
Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Член-корр. НАН РА *Л.А. Абрамян* (Институт археологии и этнографии Национальной академии наук Армении (НАН РА), Ереван, Армения), член-корр. РАН *С.А. Арутюнов* (Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия), д.и.н., проф. *М.В. Бибиков* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия), д.и.н., проф. *К. Биллен* (Брюссельский свободный университет, Брюссель, Бельгия), проф. *С. Жансен* (Национальная школа искусств и ремесел, Париж, Франция), д.х.и. *М.М. Казанский* (Национальный центр научных исследований, Париж, Франция), д.и.н., доц. *А.В. Коптев* (Университет Тампере, Финляндия), д.и.н., проф. *А.А. Масленников* (Институт археологии РАН, Москва, Россия), д.и.н., доц. *М.С. Петрова* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия), проф. *Л.Э. Примеро Ривас* (Национальный педагогический университет (UPN), Мехико, Мексика), член-корр. РАН *Л.П. Репина* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия), д.и.н., проф. *С.Ю. Сапрыкин* (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия), д.и.н., проф. *О.В. Сидорович* (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия), д.и.н., проф. *И.В. Следзевский* (Институт Африки РАН), д.и.н., проф. *В.И. Уколова* (Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия), д.и.н., проф. *П.П. Шкаренков* (Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия), д-р *Й. Шнеевайсс* (Лейбницкий институт истории и культуры Восточной Европы (GWZO) Лейпцигского университета, Лейпциг, Германия).

Учредитель Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт всеобщей истории Российской академии наук

Периодичность: 1 раз в год
Выходит с 2012 года

Издание включено в Российский индекс Научного цитирования (РИНЦ)

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора

Адрес редакции: Российская Федерация. 119334, Москва, Ленинский пр., 32А

Тел. + 7 (916) 081–29–66
e-mail: labcb@yandex.ru
сайт: https://www.aquilopress.com

ISSN 2307–7794

CIVILIZATION AND BARBARITY

TRAPS, AMBUSHES AND ABYSSES OF LATENT BARBARITY

2020 • ISSUE IX

EDITOR-IN-CHIEF

Prof. *Vera P. Budanova*
(Institute of World History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Prof. *Marina Ts. Arzakanian* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Alexander S. Balesin* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Dr. *Mikhail G. Gusakov* (LLC Archaeological Research in the Construction of Moscow, Moscow, Russian Federation), Prof. *Sergey A. Vasyutin* (Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation), Dr. *Evgeny V. Vdovchenkov* (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Dr. *Olga V. Vorobjova* (executive secretary, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Dr. *Ivan A. Kopylov* (Centre of Interdisciplinary Studies, Civil Association (Mexico City), *Larisa L. Selivanova* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Igor E. Surikov* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Ksenia V. Khvostova* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Dr. *Anna A. Sazonova* (Moscow, Russian Federation).

Publisher: Institute of World History, Russian Academy of Sciences

Frequency: 1 time per year
First issue: 2012

Abstracting and Indexing: The yearbook is included in the Russian Science Citation Index (RSCI)

All materials published in the "Civilization and Barbarity" undergo peer review process

Editorial address: 32A Leninsky Prosp., Moscow 119334, Russian Federation

Tel.: + 7 (916) 081–29–66
e-mail: labcb@yandex.ru
website: https://www.aquilopress.com

ISSN 2307–7794

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСТВО

ЛОВУШКИ, ЗАСАДЫ И ПРОПАСТИ ЛАТЕНТНОГО ВАРВАРСТВА

2020 • ВЫПУСК IX

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

д.и.н., проф. *В.П. Буданова*
(Институт всеобщей истории РАН
Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Д.и.н., проф. *М.Ц. Арзаканян* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия), д.и.н., проф. *А.С. Балезин* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия), д.и.н., проф. *С.А. Васютин* (Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия), к.и.н., доц. *Е.В. Вдовченков* (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия), к.и.н., доц. *О.В. Воробъева* (ответственный секретарь, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия), к.и.н. *М.Г. Гусаков* (ООО Археологические изыскания в строительстве г. Москвы. Москва, Россия), д.и.н. *И.А. Копылов* (Центр Междисциплинарных исследований, Гражданская ассоциация (Мехико), *Л.Л. Селиванова* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия), д.и.н. *И.Е. Суриков* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия), д.и.н. *К.В. Хвостова* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия), к.и.н. *А.А. Сазонова* (Москва, Россия).

Учредитель Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт всеобщей истории Российской академии наук

Периодичность: 1 раз в год
Выходит с 2012 года

Издание включено в Российский индекс Научного цитирования (РИНЦ)

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора

Адрес редакции: Российская Федерация. 119334, Москва, Ленинский пр., 32А

Тел. + 7 (916) 081–29–66
e-mail: labcb@yandex.ru
сайт: https://www.aquilopress.com

УДК 9.94
ББК 63.3
Ц 579

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСТВО: ловушки, засады и пропасти латентного варварства / В.П. Буданова (Ред.) М.: Аквилон, 2020. Вып. IX. 452 с.

В IX выпуске ежегодника на материале исторических источников, в широком географическом и хронологическом контексте рассматриваются различные проявления латентного варварства. Особое внимание уделяется коварству, вероломству, интригам и провокациям как сущностным свойствам латентного варварства, исторические и современые формы которых можно охарактеризовать как «ловушки», «засады» и «пропасти». В чем особая опасность скрытых форм варварства? Какова историческая обусловленность различных форм латентного варварства? Каков опыт противостояния скрытым формам варварства?

CIVILIZATION AND BARBARITY: traps, ambushes and abysses of latent barbarity / V.P. Budanova (Ed.). M.: Aquilo, 2020. Issue IX. 452 p.

In the IX edition of the Yearbook by the material of historical sources, various manifestations of latent barbarity is considered in a wide geographical and chronological context. Special attention is paid to guile, treachery, intrigues and provocations as essential properties of latent barbarity, historical and modern forms of which can be characterized as «traps», «ambushes» and «abysses». What is the special danger of hidden forms of barbarity? What is the historical conditionality of different forms of latent barbarity? What is the experience of confronting hidden forms of barbarity?

ISSN 2307–7794

TSIVILIZATSIYA I VARVARSTVO
lovushki, zasady' i propasti latentnogo varvarstva
V.P. Budanova (Red.). M.: Akvilon, 2020. Vyp. IX. 452 s.

АКВИЛОН

© Институт всеобщей истории РАН, 2020
© Цивилизация и варварство, 2020
© В.П. Буданова, общее редактирование, составление, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Издательство «Аквилон», 2020

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В.П. Буданова

ВАРВАРСТВО И ЕГО СТРЕССОРЫ В ПЕРСПЕКТИВЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье варварство рассматривается в качестве уникального феномена мировой истории в контексте бинарной оппозиции «цивилизация vs. варварство». Прослеживается его историческая динамика от времени осознания цивилизацией варварства своим антиподом и антагонистом до XXI в. Варварство определяется как транзитивный деструктивный феномен злонамеренных действий, нарушающих допустимые нормы и пределы, свойственные любой цивилизации. Анализируется появление его новых видов и форм, в том числе — латентного варварства. Показана эволюция понятия «варвар». Возникнув в эпоху Античности для негативного обозначения «не–эллина» и «не–римлянина», оно практически исчезает из трудов раннесредневековых авторов, что связано с процессами оцивилизовывания варваров, хотя сам феномен варварства лишь меняет свои свойства и проявления. В XVI–XVIII вв. понятие «варвар» вновь актуализируется в связи с нарастанием варварства как явления. В XIX–XXI вв. понятия «варвар» и «варварство» уже прочно входят в актуальный лексикон для обозначения крайне дес-

---

Вера Павловна БУДАНОВА — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела историко–теоретических исследований Института всеобщей истории РАН, руководитель Лаборатории по исследованию цивилизации и варварства Института всеобщей истории РАН. Российская Федерация, Москва — vpbudanova@yandex.ru

Цивилизация и варварство
2020. Вып. IX. С. 9-30
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2020. Issue IX. P. 9-30
DOI: 10.21267/AQUILO.2020.9.9.019

труктивного типа личности и его злонамеренных действий. Варварство, агрессия и насилие воспринимаются как некое триединство. Рассмотрение исторической динамики варварства в статье выступает основой для выявления причин появления и трансформации варварских начал в человеке в различные исторические эпохи. Анализируются теории, объясняющие эти причины. Вводится и обосновывается понятие «стрессор» варварства как условие и стимул деструкции личности и развития в ней варварских начал. В качестве стрессоров рассматриваются голод, эпидемии, войны, острые экологические, демографические проблемы и прайминг. В статье отмечается, что в современном исследовании проблем варварства, наряду с углублением его анализа, в частности — активным изучением механизмов злонамеренных действий, острой проблемой является то, что варварство развивается и эволюционирует быстрее, чем его исследование и осмысление. Это ставит вопрос об интенсивном развитии варваристики в ее междисциплинарном формате. Исследование стрессоров злонамеренных действий может стать ключом к противодействию и преодолению варварства.

Ключевые слова: цивилизация, варварство, латентность, латентное варварство, варваризация человека, подстрекательство, провокация, стрессоры варварства, голод, эпидемии, войны, экология, демография, прайминг.

Одну из самых древних и самых жёстких бинарных оппозиций в мировой истории образуют цивилизация и варварство. В наступившем тысячелетии мир по-прежнему продолжает делиться на цивилизованный и варварский. Учитывая исторически разрушительный потенциал действий варвара, термин «варварство» становится все более популярным в политической и социально-культурной риторике о противостоянии сил добра и зла. При этом варварство стремительно движется к скрытым и скрываемым способам злонамеренных действий. В условиях современного цивилизационного кризиса нарастающая историческая реанимация варварства практически во всех сферах жизни ставит проблему стрессоров латентного формата варварства, агрессии и насилия в ряд остро звучащих и актуальных.

В стадиальной парадигме варвары как дикие, грубые и жестокие, необразованные и невежественные субъекты исторического

процесса изучаются уже на протяжении нескольких сотен лет. Содержательно-фактологическую историю варвара, труднопостижимый инструментарий его действий и формы бытия раскрывает варварство варвара. В общепринятом употребительном значении это понятие объединяет не только такие характеристики, как грубость, жестокость, бесчеловечность и дикость, но демонстрацию невежественности, бескультурья, непросвещенности, бессмысленного уничтожения культурных и материальных ценностей. В современном гуманитарном дискурсе понятие «варварство» с предельной точностью выражает поведенческую логику движения к архаичным и примитивным формам существования. Но по мере того, как варварство выходило за рамки своей стадиальной прописки, оно обретало одежды универсального определения транзитивного деструктивного феномена злонамеренных действий, нарушающих допустимые нормы и пределы, свойственные любой цивилизации. Нельзя не видеть и того, что по мере становления, развития и гибели цивилизаций ускоряется процесс придания понятию «варварство» особого метафизического смысла в виде выхода за пределы дозволенного.

Уже в раннем Средневековье, в этот период «зловещего распутья варваров» (здесь цит. в пер. Н.Ю. Чехонадской)[1], когда шло их оцивилизовывание, все более явно проявлялась тенденция трансформации варварства в латентное состояние. Скрытое варварство отражало разрушительный характер теневой зоны социального порядка как внутреннего антипода и неизбежного спутника средневековой цивилизации. В раннем Средневековье, «когда времена были варварские» (здесь цит. в пер. Д.М. Ракова)[2], человек находился в состоянии нестабильности, неопределенности и хаоса. Покидая римский и варварский миры и находясь в жестоких условиях выживания, он шел от Своего к Чужому, при этом был чрезмерно подвижен и активно социально маргинален.

В раннесредневековом нарративе понятие «варвар» встречается крайне редко. Надо сказать, что хотя термин «варвар» был мобилизующим, фиксирующим жесткую поведенческую логику действий, в нарративных источниках характеристика варварства

[1] *Gild. Sap*. 10.
[2] *Paul. Diac.* VI. 35.

оставалась подчеркнуто скупой, теряя всякую открытую враждебность. Она уже удостоверяла не самое черное злодейство, а лишь неспособность к разумному рассуждению, бедность, примитивный образ жизни, хаос, воинственную дикость и эгоистичское своеволие[3]. В варварском дискурсе раннесредневековых текстов отражался оценочный набор иного уклада жизни, иной системы ценностей в поисках истины и заблуждений, иного выбора между спасением и грехом, добром и злом, прекрасным и безобразным, иной мотивации и установок в определении друзей-союзников (amicus socius) и врагов-язычников (hostis, inimicus, paganus). Формирование и осмысление новых реалий и характеристик варварства в IV–IX вв. происходило на фоне «собирания слухов», осмысления упорного стремления выведывать тайны установления традиций, «имея доступ с заднего крыльца» (здесь и далее цит. в пер. Ю. Кулаковского и А. Сонни)[4]. С другой стороны, разные нормы отношений уже консимилированных варваров с местным населением порождали страх, который сковывал сознание, «стали бояться даже стен, единственных свидетелей чего–либо тайного»[5]. Пройдя через столько «превратностей и перемен» (здесь и далее цит. в пер. Е.Ч. Скржинской)[6], писатели т.н. «варварских королевств», этих imitation imperii, пытались отмежеваться от варварского прошлого. В это время, как и в дальнейшем, ни один народ не назвал себя «варварским», и, тем более, те, кто писал о консимилированных варварах. Возможно, поэтому варвара в его варварской сущности в сочинениях этих авторов разглядеть так и не удается. И чем дальше в своих штудиях они уходили от описания фиксированного, взлелеянного древностью варварства, тем меньше шансов оставалось у него проиграть и возродиться уже в другом формате. В дальнейшем варварство реализовало этот шанс и выжило не только в открытом, но и в латентном варианте.

Заметим, что варваров или признаки варварства находили в современной им исторической реальности мыслители почти всех эпох, хотя само по себе варварство полагалось как исторически

[3] *Bed. Ven.* III. 4, 5; *Paul. Diac.* I. 1; V. 38.
[4] *Amm. Marcell.* XIV. 1, 6.
[5] *Amm. Marcell.* XIV. 1,7.
[6] *Iord.* Get. 240.

пройденный этап. И, тем не менее, в XVI–XVIII вв. инерция наработанных схем и представлений о варварстве «вытягивала» штампы характеристик варваров из исторического прошлого. Они вводились в систему оценок и рассуждений в связи с присутствием актуального настоящего варварства. «Здесь и сейчас» происходящее переживалось и воспринималось в соотнесении с событиями прошлого и настоящего. Ф. Бродель отмечал, что

> «...когда цивилизации проигрывают или по–видимости проигрывают борьбу, победителем всегда предстает “варвар”. Так принято считать <...> Конечно же, именно цивилизации создали варвару репутацию, которую он заслужил разве что наполовину <...> Но что наверняка следует пересмотреть, так это миф о силе варваров. Всякий раз, когда варвар одерживает верх, это случается от того, что он уже более чем наполовину цивилизовался»[7].

В XIX–XX вв. формы насилия и агрессии заметно изменились, динамика исторического процесса меняла и самого варвара. «Огромная волна варварства поднимается у наших дверей», — писал в 1873 г. Ф. Ницше[8]. Помимо ущерба телесного и материального, которые совершались в открытой форме, варвар все чаще стремился действовать латентно, самыми изощренными способами скрывая свои злонамеренные цели. Он выставлял в невыгодном свете, очернял распространением слухов, пренебрежительно высказывался за глаза, клеветал, провоцируя насилие. Главная цель латентного варвара, как и заявляющего себя открыто, — причинить боль, страдания, оскорбить, нанести материальный и духовный ущерб и тем самым утвердить самого себя. «Варвар» и «варварство» в историческом дискурсе постепенно становились категориями идентификации, частью группового мифа. Представление о варварстве несколько упрощалось и схематизировалось.

Сталкиваясь с понятием «агрессия», варварство вытеснялось из привычного ракурса интерпретации, приобретая порой даже критический, повстанческий, нонконформистский потенциал. Теперь оно стало рассматриваться в качестве одной из деструктивных форм агрессии, тогда как ранее агрессия считалась одним из

[7] *Бродель Ф.* 1986, 108–109.
[8] *Ницше Ф.* 1990, 182.

внешних проявлений варварства. Когнитивно насилие, агрессия и варварство составляют некое триединство. Зачинщиком каждого из них могут быть такие деструктивные акты поведения человека, как подстрекательство и провокация. *Подстрекательство* — это побуждение, скрытый призыв к вредным, опасным своими последствиями или неблаговидным преступным действиям. В контексте варварства почти всегда появляется тот, кто был «подстрекателем злодеяний»[9], обладающим «удивительным умением выискивать тайные пути на погибель людям»[10]. Подстрекатель, науськиватель, провокатор действует целенаправленно и расчетливо, стремится задействовать память, сложившиеся установки и атрибуции.

Провокация — одна из распространенных форм подстрекательства, как правило, осуществляется как физически, так и вербально. Провоцировать жестокость могли действия, слова и даже внешность Чужого. Реакция на физическую провокацию достаточно прямолинейна. Так, например, в эпоху Великого переселения народов племена Барбарикума, равно как и римляне, реагировали на провокативные действия друг друга, решительно отвечая ударом на удар и контратакой на атаку. Зачастую реакция была уже только при одном предположении, что у противоположной стороны имеются какие-либо враждебные намерения. Что касается вербальной провокации, то ответом на оскорбление могла быть и отсроченная *месть*. И если открытое варварство можно было остановить страхом отмщения, то латентное страх отмщения только усиливал. Как известно, варварское поведение человека, группы людей или племенного объединения проявляется в процессе коммуникации как ответ на реальное или воображаемое действие или намерение. И если возникал конфликт, то именно месть не давала ему погаснуть. Племенной мир Барбарикума в IV–VI вв. практически всегда направлял ее на тех, от кого получал или ожидал получить возможные неприятности. Но как только менялось представление о варварстве, менялся и сам механизм проявления мести. Так, например, в XVIII в., вместе с традиционными тайными интригами с целью мести, мстительность все чаще демонстрировалась, преимущественно, в присутствии других людей, т.е. когда

[9] *Amm. Marcell.* XV. 2, 10.
[10] *Amm. Marcell.* XIV. 5. 6.

было на кого произвести впечатление. Особенно разрушительное действие может нести *вербальная провокация*. Как профессионально, не кулаками и оружием, но словом варвары ранят, причиняют боль и страдания не меньше, чем прямым физическим воздействием. Художественная литература и живопись XVIII–XIX вв. изобилуют множеством примеров того, как комментарии и унижения в присутствии других, особенно тех, чье мнение в обществе высоко ценилось, приводило к трагическим последствиям. Один из персонажей комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» восклицал: «Ах, злые языки страшнее пистолета!»[11].

Варварство не возникает в вакууме. Если открытое варварство может осуществляться демонстративно и без видимой причины, то в основе варварства латентного всегда лежит сознательно скрытое стремление причинить вред. Почему оно возникает? Сегодня один из главных вопросов, который определяет пространство дискуссий о варварстве, о том, что провоцирует и подталкивает к состоянию антропологического провала, ситуации пограничья, какие стрессоры являются источником посыла к варварству, ставят человека в положение варвара? Главной причиной появления жестокости, грубости, бесчеловечности и невежества З. Фрейд считал инстинкт смерти, утверждая, что человек одержим жаждой разрушать либо себя, либо других людей. Эволюционисты связывают любые деструктивные действия человека с инстинктом борьбы, присущим как животным, так и человеку. Психологи придают особое значение фрустрации, полагая, что пресечение движения к цели в определенных ситуациях может стать самым мощным детонатором злонамеренных действий и появления варварства как такового. Историки, опираясь на теорию исторического материализма, утверждают, что варварство — явление социальное, формат поведения, усвоенный человеком в процессе социального научения. Оно появляется в ходе взаимодействия только в соответствующих социальных обстоятельствах. Проявление агрессии и насилия, необузданного разрушительного начала возникает, как правило, под действием разных социальных факторов, различных видов социального напряжения, экстремальных ситуаций и нагрузок. Они

[11] *Грибоедов А.С.* 1987, 58.

могут быть связаны со сложностями социально–политической, экономической и культурной действительности. Могут проявляться внезапно, а по своей силе, новизне и продолжительности превышать *приспособительные возможности* человека. При этом склонность к варварству — нечто большее, нежели обычная агрессия как реакция на конфликт или фрустрацию потребностей. Варвар формируется во взаимодействии с системой ценностей каждой конкретной цивилизации как носитель биологических, психологических и социальных характеристик. Он не рождается варваром, но становится им. Во II–VII вв. не все племена Барбарикума были варварами, но только некоторые из них стали ими, вступив во взаимодействие с Римской империей.

Конкретно-исторический материал, которым сейчас располагают историки, позволяет выделить ряд посылов, сигналов, зачинщиков и *стрессоров* возможного начала и точек отсчета появления варвара и варварства. Имеются в виду *голод, эпидемии, военные действия, экологические катастрофы* и *плотность населения*. В настоящее время, в ситуации информационной революции постиндустриальной цивилизации XXI в. особо пристальное внимание стоит также обратить на такой стрессор как *прайминг*. Он представляет собой использование механизма включения нарастающей активации в памяти специфических воспоминаний, которые могут пробуждать соответствующие мысли и эмоции, провоцирующие варварское поведение. Как конкретно–исторические факты и события всемирно–исторического процесса некоторые из этих цивилизационных явлений исследуются гуманитариями уже давно и достаточно подробно. Но в качестве стрессоров, порождающих и провоцирующих варварство, внимание им уделялось недостаточно. По мнению Э. Фромма,

> «...спонтанные взрывы разрушительности не проявляются безо всякой причины. Всегда имеются внешние обстоятельства, которые их стимулируют, например, войны, религиозные или политические конфликты, нужда и чувство обездоленности. Спонтанные проявления агрессивности обусловлены не человеческой природой, а тем деструктивным потенциалом, который произрастает в определенных постоянно действующих условиях. Однако в результате внезапных травмирующих обстоятельств этот потенциал мобилизуется и дает резкую

вспышку. По-видимому, *без провоцирующих факторов деструктивная энергия народов дремлет* (курсив. — *В. Б.*)»[12].

Варварство как форму социального поведения может порождать и усиливать *голод*. На протяжении веков голод был «элементом биологического режима людей»[13]. Вся история человечества показывает, что на протяжении многих столетий его настойчивое присутствие в жизни людей изнуряло обессиленного и обезумевшего от голода человека. Тот, кому суждено было пережить и выжить, пройдя через 16 голодных лет в V в., 39 лет в VI в., 23 года в VII в., 32 года в VIII в., 25 лет в IX в., 32 года в X в., становился жестоким и агрессивным. В России в XVI–XVII вв. из каждых десяти лет 2–3 года, а иногда и 4, были голодными. За период с 1553 по 1584 годы голод приходил в Россию 19 раз, усиливая социальное напряжение[14]. На протяжении XVIII–XIX вв. вспышки голода продолжали терзать Европу, удерживая континент в состоянии хронического голодания. После «картофельного голода» 40–х гг. XIX в. вспышки голодных лет стали повторяться реже. На протяжении многих лет голод был мощным стрессором возникновения насилия, формируя эмоционально-психологическое состояние человека, возбуждая и разжигая страсти, «...проявлявшиеся... в неожиданных взрывах грубой необузданности и зверской жестокости...»[15].

Второй, не менее важный, сигнал воздействия на формирование склонности к варварству, злонамеренному поведению представляло распространение *эпидемий*. В истории вихри таких болезней как туберкулез, малярия, проказа, холера, сыпной тиф, дизентерия, сифилис уносили если не жизни, то физические силы людей, способствовали появлению недоброжелательности и злобности. Начиная с VI в. Европа неоднократно переживает эпидемии чумы — Черной Смерти, которая воспринималась современниками

---

[12] *Фромм Э.* 2016, 356–357.

[13] *Бродель Ф.* 1986, 87.

[14] См.: *Пушкин А.С.* 1986, 369: «Бог насылал на нашу землю глад, / народ завыл, в мученьях погибая, / я отворил им житницы, я злато / рассыпал им, я им сыскал работы — / они ж меня *беснуясь* (курсив. — *В. Б.*) проклинали».

[15] *Хейзинга Й.* 1988, 7–8.

как преддверие Страшного суда. В XIV в. пандемия бубонной чумы унесла 35 млн. человек, особенно пострадало население Венеции, Гамбурга, Бремена и Парижа, в Лондоне выжил каждый десятый, болезнь затронула жителей Новгорода и Пскова. В XVII в. эпидемия чумы, охватив почти все Средиземноморье, привела к потере половины городского населения, но особенно потери велики были в Англии и Германии. Английский чиновник морского ведомства, политик и писатель Сэмюэл Пипс писал в 1665 г. в своем «Дневнике»: «Эта болезнь делает нас более жестокими друг к другу, чем если бы мы были собаками»[16]. С XVIII века болезни, терзавшие население Европы, начинают медленно отступать, хотя пришлось еще пережить несколько эпидемий чумы. В XIX в. Москву и Париж охватили вспышки холеры, большим испытанием стали оспа и тиф. В начале XX в. в Европе прозвучало страшное слово «испанка» — название пандемии гриппа, от которого в 1918–1920 гг. погибло 20 млн. человек, больше, чем во время Первой мировой войны. Во второй половине XX в. на человечество обрушилась новая беда — СПИД. От ВИЧ-инфекции к началу 2001 г. умерло около 20 млн. человек. Инфицировано почти 40 млн. человек. В начале XXI в. мы стали свидетелями пандемии коронавируса, унесшей сотни тысяч жизней. Отчаянная борьба за жизнь, стрессы, потрясения и повышенное витальное напряжение формировали склонность к импульсивной агрессии. Варваризация человека не столь бессистемный или случайный процесс, как это обыкновенно представляется. Менялся ли человек в сторону варварства в ходе эпидемий? Если менялся, то можно ли описать механизмы, вызывавшие эти изменения, или можно только констатировать сам процесс бифуркации варварства? Ответить на этот вопрос исследователям еще предстоит.

Одним из самых значительных стимулов, который провоцирует появление интенсивных реакций варварства с высоким уровнем негативных чувств, отрицательных эмоций и агрессии, является *война*. По разным оценкам ученых в период с 3600-х годов до н.э. до 1980-х годов н.э. человечество пережило примерно 14550 войн, в т.ч. две мировые, в ходе которых погибло более 3,6 млрд.

[16] Цит. по: *Бродель Ф.* 1986, 99.

человек[17]. Военные действия ведут к качественным изменениям состояния всех сфер жизни, в целом разрушительно воздействуя на человека. В русле краткого изложения некоторых наиболее известных военных действий, стоит привести примеры войн, которые стали детонатором варварства, стрессором, способствовавшим появлению разрушительных качеств в поступках и поведении человека. Любые формы военных действий уже сами по себе несут варварство и не требуют особой расшифровки разрушительных деструктивных вызовов человеку. В истории цивилизаций захватнические и междоусобные войны, набеги, нашествия никогда не сводились только к военному насилию, но демонстрировали столкновение разных систем ценностей.

Моральное насилие, страх и трепет позора подчинения, оскорблений, коварства многие в Европе испытали от гуннов Аттилы, на протяжении многих десятилетий не забывая — «кто может пребывать в покое, если Аттила сражается, тот уже похоронен»[18]. Человек Средневековья пережил жестокие и грубые столетия грабительских походов норманнов, претерпел нападения арабов на Южную Европу, набегов венгров на Германию и Италию, был участником и свидетелем Крестовых походов, Реконкисты, борьбы германских императоров с папским престолом, Столетней войны между Англией и Францией, Гуситских войн, завоеваний турок-османов в Юго-Восточной Европе. От постоянного насилия, внутреннего напряжения и стрессов он спасался покаянием с надеждой на милосердие божие, ибо он хотел верить, что «милосердие божие превосходит человеческое и поэтому оно подвигает волю человека к раскаянию, чего человеческое милосердие сделать не может»[19]. Накапливались ментальные потрясения от монгольских нашествий, когда человек мог руководствоваться только ближайшими потребностями в желании выжить. Постоянной враждой, страхом и тревогой сопровождались нашествия Чингисхана и Тимура.

В XVI–XVII вв. войны и насилие новых экономических отношений обернулись многими человеческими жертвами, покалеченными и уничтоженными судьбами, трагической ломкой внут-

[17] *Аршин К.В., Павлов А.В.* 2007, 143.
[18] *Iord.* Get. 206.
[19] *Фома Аквинский*. 2015, вопрос 86.

реннего мира человека. Он оказался на распутье между добродетелью и варварством. Человека влекут «выгода, слава, страх, привычка и другие столь же далекие от добродетели побуждения»[20]. У него стали проявляться худшие черты — вероломство, измена и политический расчет. Драматизм действительности, чувство растерянности, смятения и неустойчивого положения в противоречивом нечеловеческом мире (чтобы тебя поняли, надо умереть как Джордано Бруно) вело к новому пониманию насилия и варварства. Внутренний мир человека, его система представлений и мотивация поступков были затронуты и деформированы разрушительным фактором невиданной, по масштабам того времени, жестокости общеевропейской Тридцатилетней войны. Только в Германии население сократилось на 10 млн. человек. Картину общей эмоционально перегруженной атмосферы дополняют и свидетельства о жертвах религиозного фанатизма, которые погибали в огнях костров «Святой инквизиции», особенно активно действующей в Испании, Италии и Нидерландах. В XVIII в., когда велись войны за испанское, польское и австрийское наследство, человеку довелось пережить настоящие, в том числе социальные, потрясения. При этом он пытался утверждаться в мире, отвечая на вопрос о причине существования зла и вероломства в человеке, которые искажают бытие, принося страдания, революции и войны.

Чудовищное эмоциональное напряжение, страдания и страх перед возрастающей агрессией и варварством принесли человеку в XIX в. наполеоновские, австро-турецкие и русско-турецкие войны. Пройдя через стихию насилия войн, революций, различных национально-освободительных движений, человек «железного» (А. Блок) XIX в. испытывал неудовлетворенность и ущербность, будучи одновременно предрасположенным к добру и злу. Он не стремился понять, почему становился варваром, в чем причина отчаяния и «ужасной ответственности одиночества»[21], но продолжал преимущественно заниматься собиранием фактов и явлений насилия и агрессии в истории. И даже когда в XIX в. вместо свободы, равенства и братства установились разбой, торговля и война, варварство не воспринималось как норма. Оно осознавалось как

[20] *Монтень М.* 1992, 251.
[21] *Кьеркегор С.* 2015, 131.

один из вариантов насилия, которое, по словам К. Маркса, «является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым»[22]. На фоне обострившихся социальных противоречий и контрастов между добром и злом, с наступающим кризисом западной индустриальной цивилизации варварство впервые в истории стало рассматриваться с позиций диалектического материализма. К. Маркс и Ф. Энгельс впервые обратили внимание на то, что человек, будучи не только биологическим (Ч. Дарвин), но прежде всего историческим существом, является продуктом своей среды и что его отношения с другими людьми и обществом в целом формируются его трудовой деятельностью.

Усталость, разочарование, несбывшиеся надежды на безграничную свободу и обновление, на гражданскую и личную независимость определяли на рубеже XIX–XX вв. атмосферу преддверия появления новых форм варварства. Так, например, в философской трагедии И.В. Гёте «Фауст» ее главный герой, уже в первой половине XIX в., в поисках смысла жизни видит выход в необходимости продажи души дьяволу. И далее, уже на пороге XX в. появляется фигура человека с «волей к жизни» (А. Шопенгауэр), с «фаустовской душой» (О. Шпенглер), и «сверхчеловек» (Ф. Ницше), не связанный не с какими моральными нормами. Двойная мораль «сверхчеловека», уже «нового варвара», агрессивно проповедовала терпимость к Своим и ненависть к Чужим. Откровенный расизм, национализм, геноцид, терроризм становились зловещими символами открытого и латентного варварства XX в. Французский политолог Р. Арон отмечал, что

> «...насилие это носит характер как физический, так и моральный. При этом особую роль играет «символическое насилие» — моральное насилие посредством символов (культуры) и, в частности, посредством символов физического насилия без реального применения оного»[23].

За прошедшие столетия стрессор войны мало изменил алгоритм действий варвара. В XXI в. варвары поступают не менее цинично и безжалостно чем поступали в IV в. — «не встречая ника-

---

[22] *Маркс К.* 1987, 695.

[23] Цит.: Сравнительное изучение цивилизаций. 1999, 309.

кого отпора, разоряют и уничтожают всё»[24]. Однако, не только эмоции, слова и поступки порождают варварство. Грубость, жестокость, бесчеловечность, саморазрушение могут вызывать и усиливать также и некоторые *физические параметры* окружающей среды, как, например, *высокая температура* или значительная *плотность населения*. Читая источники, мы не всегда обращаем внимание и тем более не связываем вспышки коллективного неистовства с погодными условиями, в частности – с невыносимой жарой. Так, в эпоху Великого переселения народов значительная доля вторжений племен в Римскую империю приходилась на жаркие летние месяцы: 9 августа 378 г. готы выиграли битву у Адрианополя; 23 августа 410 г. Аларих взял Рим; «Битва народов» на Каталаунских полях состоялась в июне 451 г.; Одоакр отправил Ромула Августула в Лукуланум 23 августа 476 г.; летом 527 г. началось судьбоносное противостояние Византии и Персии за кавказский регион; 15 июля 1099 г. штурмом был взят Иерусалим, устроена чудовищная резня; 30 июня 1174 г. был организован заговор и убийство Андрея Боголюбского; в августе 1382 г. Тохтамыш захватил и сжег Москву; 29 мая — 4 июня был взят и подвергся чудовищным варварским истязаниям Константинополь; в июне 1527 г. Карл V взял Рим и подверг его беспрецедентному варварскому разграблению; 24 августа 1572 г. — Варфоломеевская ночь; 22 июня 1667 г. Степан Разин взял Астрахань, подвергая жестоким испытаниям население города; 27 мая 1915 г. начался геноцид армян, их депортация в Сирию и Месопотамию; 30 июня 1934 г. — «ночь длинных ножей» в Германии. И, если начало войн, завоевательные походы, даты крупных сражений еще можно объяснить удобством ведения военных действий в летнее время, то чудовищное варварство этим трудно объяснить. Подобные примеры можно продолжить. Однако, следовало бы пока воздержаться от соблазнительных заключений. Широкие категорические обобщения еще преждевременны и требуют детальной проработки и системного анализа. Конечно, физический дискомфорт усиливает раздражение, изнуряющая жара подстрекает, «и будем помнить об изначальной хрупкости человека перед лицом колоссальных сил природы»[25]. Но

[24] *Amm. Marcell.* XV. 8.1.
[25] *Бродель Ф.* 1986, 62.

представляется, что зависимость между варварством, особенно латентным, и внешними условиями (плотность населения, температура и др.) не всегда линейна, этот процесс гораздо сложнее.

Итак, латентное варварство как одно из самых опасных проявлений злонамеренного действия всегда корреспондируется с враждебностью. Подстрекательство как одна из форм латентного агрессивного злонамеренного поведения вуалирует, маскирует свою враждебность и требует самого пристального внимания современных исследователей. Мы живем в то время, когда человеческое насилие поднялось до новых беспрецедентных высот. В войнах еще только начавшегося XXI века уже погибло более 780 тысяч человек. И это лишь в крупнейших конфликтах, по которым ведется статистика[26]. Злонамеренное действие всегда являлось составной частью человеческого общества. И если варварство – это приобретенная форма поведения, историки могут обратить внимание, как на его формирование влияют ситуационные, социальные и когнитивные факторы. Античная матрица варварства уже достаточно обстоятельно показала: чтобы исключить варварство, необходимо устранить условия, способствующие его появлению.

Таким образом, в современной исторической науке общая картина варварства, как исторического, так и современного в их единстве и преемственности сложна и неоднозначна. Здесь наблюдаются две взаимосвязанные и взаимопротиворечивые тенденции. В качестве позитивной можно отметить тенденцию углубленного осмысления варварства как явления. В частности, перехода к активному изучению инструментария и механизмов злонамеренных действий. Тревожной тенденцией является то, что в настоящее время отсутствует концептуальное видение эволюции варварства в неоварварство. Варварство развивается и эволюционирует быстрее, чем его исследование и объективное осмысление. Варварство стремительно движется вверх по шкале идентификации зла, нанося на нее все новые «деления». Появляются новые лики варварства: оно становится «аномальной нормой», предметом бравирования. В целом происходят глубокие изменения исторической позиции человека, осознание им своего места в истории. И параллельно, как оборотная сторона

[26] http://apparat.cc/world/endless-war/ (август 2020).

этого процесса, в новом обличье варварства, растет агрессивное самоутверждение человека и его чувство мести за оскорбленное достоинство. Для историков все острее встает вопрос о стрессорах варварства и личности варвара, и, соответственно, об интенсивном развитии варваристики в ее междисциплинарном формате.

ЛИТЕРАТУРА

Ammianus Marcellinus. Rerum gestarum libri qui supersunt. Berlin: Akademie – Verlag, 1992.

Iordanes. Getica (De origine actibusque Getarum) / Th. Mommsen (ed.) // MGH. Auct. Antiquiss. Vol. V. Ps. 1. Berlin, 1882.

Beda Venerabilis. Historia ecclesiastica gentis Anglorum / J.P. Migne (ed.) // Patrologiae cursus completus. Series latina. Paris, 1861. T. XCV. Col. 21-290.

Gildas Sapiens. Liber querulous de calamitate, excidio et conquestu Britanniae / H. Petrie (ed.) // Monumenta historica Britannica. London, 1848. 1-46.

Gregorius Turonensis. Historia Francorum / W. Arndt et Br. Krusch // Monumenta Germaniae historica. Scriptores rerum Merovingicarum. Hannover, 1887. T. 1. Teil 1. 31-450.

Isidorus Hispalensis. Historia Gothorum, Wandalorum, Sueborum / Th. Mommsen (ed.) // Monumenta Germaniae historica. Auctores Antiquissimi. XI. Chronica minora. Saec. IV–VII. II. Berlin.

Paulus Diaconus. Historia gentis Langobardorum / L. Beithmann et G. Waitz (ed.) // Monumenta Germaniae historica. Scriptores. Berlin, 1878.

Аршин К.В., Павлов А.В. 2007: Война // Новая российская энциклопедия. М.: «ИНФРА-М», IV (1). 143-145.

Бродель. Ф. 1986: Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Том 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс.

Буданова В.П. 2000: Варварский мир эпохи Великого переселения народов / В.И. Уколова (ред.). М.: Наука.

Буданова В.П. 2019: Латентное варварство: природа, формы проявления и место в истории // Цивилизация и варварство: антропология латентного варварства / В.П. Буданова (отв. ред.). М.: Аквилон, VIII. 74-103.

Бэрон Р., Ричардсон Д. 2017: Агрессия. Санкт-Петербург: Питер.

Грибоедов А.С. 1987: Горе от ума. М.: Наука.

Гуревич П.С. 2018: Классическая и неклассическая антропология: сравнительный анализ. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Петроглиф.

Ионов И.Н. 2007: Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия / Л.П. Репина (ред.). М.: Наука.

Колосовская Ю.К. 2000: Рим и мир племен на Дунае. I–IV вв. н.э. М.: Наука.

Кьеркегор С. 2015: Страх и трепет / Пер. с дат. Н.В. Исаевой, С.А. Исаева. М.: Академический проект.

Лоренц К. 1994: Агрессия (так называемое «зло») / Г.Ф. Швейник (пер. с нем.). М.: Прогресс; Универс.

Малашенко А.В., Нисневич Ю.А., Рябов А.В. 2018: Современное варварство: причины и следствия // Полития. 2. 6–22.

Маркс К. 1987: Капитал // К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные сочинения. В 9-ти т. М.: Политиздат. Т. 7.

Мотрошилова Н.В. 2010: Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М.: ИФРАН, «Канон+» РООИ «Реабилитация».

Монтень М. 1992: Опыты. М.: Голос.

Назаретян А.П. 2008: Антропология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционно-исторической психологии. М.: Издательство ЛКИ.

Ницше Ф. 1990: О пользе и вреде истории для жизни. Соч. в 2-х т. М.: Мысль, 1.

Пушкин А.С. 1986: Борис Годунов. Соч. в 3-х т. М.: Художественная литература, 2.

Следзевский И.В. 2019: Феномен нового варварства в картине глобализирующегося мира: идентификационный и познавательный аспекты // Цивилизация и варварство : антропология латентного варварства / В.П. Буданова (отв. ред.). М.: Аквилон,VIII. 29–59.

Сравнительное изучение цивилизаций. 1999: Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия / Сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасов. М.: Аспект-Пресс.

Томалинцев В.Н. 2016: Социальный экстремизм в системе координат культуры. Типы личности и война. СПб.: Алетейя.

Уколова В.И. 2014: Античное наследие и культура раннего Средневековья. Конец V - середина VII вв. М.: ЛКИ.

Фома Аквинский. 2015: Сумма теологии. Киев: Ники-Центр, XII. Раздел 6.

Фромм Э. 2016: Анатомия человеческой деструктивности / Пер. с нем. Э.М. Телятниковой. М.: Изд-во АСТ.

Хейзинга Й. 1988: Осень Средневековья. М., 1988.

Цивилизация и варварство. 2012: Цивилизация и варварство: трансформация понятий и региональный опыт / В.П. Буданова, О.В. Воробьева (отв. ред.). М.: ИВИ РАН, I.

Чиксентмихайи М. 2017: Эволюция личности / Михай Чиксентмихайи; Пер. с англ. 4-е изд. М.: Альпина нон-фикшн.

Шваб К. 2019: Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо.

Шкаренков П.П. 2004: Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха. М.: РГГУ.

Шкуратов В.А. 1997: Историческая психология. М.: Смысл.

Ясперс К. 2000: Введение в философию / Пер. с нем. А.А. Михайлов (ред). Мн.: Пропилен.

Boletsi M. 2013: Barbarism and its discontents. Stanford. California.

Caro A. 2002: The Barbarians. New York; London.

Dauje Y.-A. 1989: «Le Barbare». Recherches sur la conception de la barbarie et de la civilization. Bruxelles.

Vera P. BUDANOVA

BARBARITY AND ITS STRESSORS IN THE PERSPECTIVE OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH

The article considers barbarity as a unique phenomenon of world history in the context of the binary opposition “civilization vs. barbarity”. Its historical dynamics from the time when civilization realized barbarity as its antipode and antagonist to the XXI century is traced. Barbarity is defined as a transitive destructive phenomenon of malicious actions that violate the permissible norms and limits inherent in any civilization. The emergence of new types and forms of it, including latent barbarity, analyzes. The evolution of the concept of “barbarian” is shown. Having appeared in the Ancient era for the negative designation “not-Hellenic” and “not-Roman”, it practically disappears from the works of early medieval authors,

which is associated with the processes of civilizing of barbarians, although the phenomenon of barbarity itself only changes its properties and manifestations. In XVI-XVIII centuries the concept "barbarian" becomes relevant again in connection with the growth of barbarity as a phenomenon. In XIX-XXI centuries the concepts of "barbarian" and "barbarity" are already firmly included in the current lexicon to denote an extremely destructive type of personality and its malicious actions. Barbarity, aggression and violence are perceived as something triune. Consideration of the historical dynamics of barbarity in the article is the basis for identifying the causes of the appearance and transformation of barbaric principles in man in various historical epochs. The theories, explaining these reasons are analyzed. The concept of "stressor" of barbarity is introduced and justified as a condition and incentive for the destruction of the personality and the development of barbarian principles in it. Famine, epidemics, wars, acute environmental and demographic problems and priming are considered as stressors of barbarity. The article notes that in the modern study of the problems of barbarity, along with the deepening of its analysis, in particular, the active study of the mechanisms of malicious actions, the acute problem is that barbarity develops and evolves faster than its research and understanding. This raises the question of intensive development of research of barbarity in its interdisciplinary format. Investigating the stressors of malicious actions can be the key to countering and overcoming barbarity.

Keywords: civilization, barbarity. Great migrations of peoples, latency, latent barbarity, human barbarization, incitement, provocation, stressors of barbarity, famine, epidemics, wars, ecology, demography, priming.

Vera P. BUDANOVA — Dr. Sc. (History), Professor, Chief Researcher of the Department of Historical and Theoretical Research of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Chief of the Laboratory of Research of Civilization and Barbarity of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russian Federation. — vpbudanova@yandex.ru

REFERENCES

Ammianus Marcellinus. Rerum gestarum libri qui supersunt. Berlin: Akademie – Verlag, 1992.

Iordanes. Getica (De origine actibusque Getarum) / Th. Mommsen (ed.) // MGH. Auct. Antiquiss. Vol. V. Ps. 1. Berlin, 1882.

Beda Venerabilis. Historia ecclesiastica gentis Anglorum / J.P. Migne (ed.) // Patrologiae cursus completus. Series latina. Paris, 1861. T. XCV. Col. 21–290.

Gildas Sapiens. Liber querulous de calamitate, excidio et conquestu Britanniae / H. Petrie (ed.) // Monumenta historica Britannica. London, 1848. 1-46.

Gregorius Turonensis. Historia Francorum / W. Arndt et Br. Krusch // Monumenta Germaniae historica. Scriptores rerum Merovingicarum. Hannover, 1887. T. 1. Teil 1. 31-450.

Isidorus Hispalensis. Historia Gothorum, Wandalorum, Sueborum / Th. Mommsen (ed.) // Monumenta Germaniae historica. Auctores Antiquissimi. XI. Chronica minora. Saec. IV–VII. II. Berlin.

Paulus Diaconus. Historia gentis Langobardorum / L. Beithmann et G. Waitz (ed.) // Monumenta Germaniae historica. Scriptores. Berlin, 1878.

Arshin K.V., Pavlov A.V. 2007: Voina // Novaya rossiiskaya entsiklopediya. M.: «INFRA-M», IV (1). 143-145.

Boletsi M. 2013: Barbarism and its discontents. Stanford. California.

Beron R., Richardson D. 2017: Agressiya. Sankt-Peterburg: Piter.

Brodel'. F. 1986: Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV-XVIII vv. Tom 1. Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe. M.: Progress.

Budanova V.P. 2000: Varvarskii mir epokhi Velikogo pereseleniya narodov / V.I. Ukolova (red.). M.: Nauka.

Budanova V.P. 2019: Latentnoe varvarstvo: priroda, formy proyavleniya i mesto v istorii // Tsivilizatsiya i varvarstvo: antropologiya latentnogo varvarstva / V.P. Budanova (otv. red.). M.: Akvilon, VIII. 74-103.

Caro A. 2002: The Barbarians. New York; London.

Chiksentmikhaii M. 2017: Evolyutsiya lichnosti / Mikhai Chik-sentmikhaii; Per. s angl. 4-e izd. M.: Al'pina non-fikshn.

Dauje Y.-A. 1989: «Le Barbare». Recherches sur la conception de la barbarie et de la civilization. Bruxelles.

Foma Akvinskii. 2015: Summa teologii. Kiev: Niki-Tsentr, XII. Razdel 6.

Fromm E. 2016: Anatomiya chelovecheskoi destruktivnosti / Per. s nem. E.M. Telyatnikovoi. M.: Izd-vo AST.

Griboedov A.S. 1987: Gore ot uma. M.: Nauka.

Gurevich P.S. 2018: Klassicheskaya i neklassicheskaya antropologiya: sravnitel'nyi analiz. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Petroglif.

Ionov I.N. 2007: Tsivilizatsionnoe soznanie i istoricheskoe znanie: problemy vzaimodeistviya / L.P. Repina (red.). M.: Nauka.

K'erkegor S. 2015: Strakh i trepet / Per. s dat. N.V. Isaevoi, S.A. Isaeva. M.: Akademicheskii proekt.

Kheizinga I. 1988: Osen' Srednevekov'ya. M., 1988.

Kolosovskaya Yu.K. 2000: Rim i mir plemen na Dunae. I–IV vv. n.e. M.: Nauka.

Lorents K. 1994: Agressiya (tak nazyvaemoe «zlo») / G.F. Shveinik (per. s nem.). M.: Progress; Univers.

Malashenko A.V., Nisnevich Yu.A., Ryabov A.V. 2018: Sovremennoe varvarstvo: prichiny i sledstviya // Politiya. 2. 6-22.

Marks K. 1987: Kapital // K. Marks, F. Engel's. Izbrannye sochineniya. V 9-ti t. M.: Politizdat. T. 7.

Motroshilova N.V. 2010: Tsivilizatsiya i varvarstvo v epokhu global'nykh krizisov. M.: IFRAN, «Kanon+» ROOI «Reabilita-tsiya».

Monten' M. 1992: Opyty. M.: Golos.

Nazaretyan A.P. 2008: Antropologiya nasiliya i kul'tura samoorganizatsii: Ocherki po evolyutsionno-istoricheskoi psikhologii. M.: Izdatel'stvo LKI.

Nitsshe F. 1990: O pol'ze i vrede istorii dlya zhizni. Soch. v 2-kh t. M.: Mysl', 1.

Pushkin A.S. 1986: Boris Godunov. Soch. v 3-kh t. M.: Khudozh. literatura, 2.

Shvab K. 2019: Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya. M.: Eksmo.

Shkarenkov P.P. 2004: Rimskaya traditsiya v varvarskom mire. Flavii Kassiodor i ego epokha. M.: RGGU.

Shkuratov V.A. 1997: Istoricheskaya psikhologiya. M.: Smysl.

Sledzevskii I.V. 2019: Fenomen novogo varvarstva v kartine globaliziruyushchegosya mira: identifikatsionnyi i poznava-tel'nyi aspekty // Tsivilizatsiya i varvarstvo : antropologiya latentnogo varvarstva / V.P. Budanova (otv. red.). M.: Akvilon,VIII. 29-59.

Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsii. 1999: Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsii: khrestomatiya / Sost., red. i vstup. st. B.S. Erasov. M.: Aspekt Press.

Tomalintsev V.N. 2016: Sotsial'nyi ekstremizm v sisteme koordinat kul'tury. Tipy lichnosti i voina. SPb.: Aleteiya.

Tsivilizatsiya i varvarstvo. 2012: Tsivilizatsiya i varvarstvo: transformatsiya ponyatii i regional'nyi opyt / V.P. Budanova, O.V. Vorob'eva (otv. red.). M.: IVI RAN, I.

Ukolova V.I. 2014: Antichnoe nasledie i kul'tura rannego Srednevekov'ya. Konets V seredina VII vv. M.: LKI.

Yaspers K. 2000: Vvedenie v filosofiyu / Per. s nem. A.A. Mikhailov (red). Mn.: Propilen.

ЗАЗЕРКАЛЬЕ СОВРЕМЕННОГО ВАРВАРСТВА

К.В. Хвостова

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ СОБЫТИЙНОСТИ

Автор анализирует понимание исторического события в рамках современной философии и исторической науки. Согласно философии М. Хайдеггера только крупномасштабные феномены, которые превосходят границы повседневности, могут рассматриваться как событие. Явления повседневности не являются событием. Принимая во внимание тесную связь крупных исторических событий и происшествий повседневности и на основе учета роли конкретики в рамках современной постнеклассической научной парадигмы, автор полагает, что социальные феномены повседневности должны в исторических исследованиях также рассматриваться как события. Анализируется роль математических методов в исторической науке при изучении отдаленного прошлого. Учитывается роль современной постнеклассической научной парадигмы. Выводы иллюстрируются с помощью примеров византийской истории.

Ключевые слова: события, повседневность, эмерджентизм, Хайдеггер, индукция, математические методы, постнеклассическая научная парадигма.

Проблема исторических событий представляется актуальной в рамках современной методологии и эпистемологии исторической

Ксения Владимировна ХВОСТОВА — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела историко-теоретических исследований Института всеобщей истории РАН. Российская Федерация, Москва. — hvks@mail.ru

Цивилизация и варварство
2020. Вып. IX. С. 31-41
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2020. Issue IX. P. 31-41
DOI: 10.21267/AQUILO.2020.9.9.020

науки и гуманитарного знания в целом. Подобное утверждение может показаться тривиальным и не требующим специального рассмотрения и обоснования. Действительно, историк не представляет предметов своего исследования вне обращения к рассмотрению событий, отраженных в исторических источниках.

Однако в настоящее время наблюдается актуализация данной проблематики в рамках современной постнеклассической научной парадигмы. А именно в современном знании в соответствии с названой парадигмой уделяется особое внимание изучению деталей, конкретики, изучаемых явлений. Более того, признается правомерным объединение гетерогенных признаков исторической реальности в рамках единых трансдисциплинарных образов, важнейшим из которых является многофакторный образ цивилизации.

Актуальность проблемы исторической событийности, кроме того, вызвана необходимостью прояснения отношения историков к идеям такого крупного представителя экзистенциализма и феноменализма, как М. Хайдеггер. Согласно его взглядам, под событием следует понимать только крупномасштабные общественные проявления мирового значения. Они понимаются как истинное бытие, означающее «просветы» и «эффекты» в неистинном бытии, то есть в будничной повседневной рутинности, которая лишена истинной событийности[1].

Нам представляется, что подобная исследовательская позиция восходит к некоторым античным представлениям. Согласно идеям Парменида и Платона истинное бытие является видом реальности, имеющей предел. Именно благодаря наличию такового подобная реальность является доступной для понимания человеком[2]. Близкие идеи содержатся так же, например, в сочинении Ф.Б.Й. Шеллинга, характеризовавшего событие как остановку, задержку исторического времени, определенным образом воспринимаемую человеком[3].

Полагаем, что понимание общественных событий М. Хайдеггером и отчасти Ж. Делёзом, как эффектов и просветов в повседневном обыденном бытии может быть, на наш взгляд, также со-

---

[1] *Хайдеггер М.* 2002, 129.
[2] *Доброхотов А.Л.* 1996, 10, 56.
[3] *Шеллинг Ф.Б.Й.* 1999, 319.

поставлено с современными идеями эмерджентизма, согласно которым результат действий целого (т.е. в данном случае крупномасштабное событие) не сводится к сумме действий отдельных частей этого целого (т.е. рядовых происшествий), но имеет свое особое значение[4]. Однако, например, такой известный представитель эмерджентизма как А.К. Уайтхед, определивший общее как простое соединение частей, признает историческую роль не только крупномасштабных, но и мелких событий[5].

Позиция М. Хайдеггера, восходящая к античности, очевидно, отличается от идей современной теории вероятностей, широко используемых в современной социологии, экономике и социально-экономической истории. Согласно этой теории, акцентируется социальная роль именно малых повторяющихся однородных событий, определяемых как случайные и вероятностные проявления.

Современный отечественный политолог М.М. Федорова присоединяется к идеям М. Хайдеггера, а также кратко характеризует близкие по содержанию идеи Х. Аренд, М. Мерло-Понти и ряда других теоретиков[6].

Однако характеристику общественных событий в соответствии с взглядами М. Хайдеггера вряд ли целесообразно рассматривать как исчерпывающую. Названные идеи носят исключительно ценностный характер, они акцентируют особую роль в общественном развитии крупных событий мирового значения, безотносительно к их связи с малыми происшествиями.

В этой связи, сошлемся на отличное мнение Э. Кассирера, писавшего о равной значимости сочетания индуктивных и дедуктивных выводов в гуманитарном знании[7]. Отметим, тот факт, что выводы современных историков о взаимосвязи и взаимозависимости малых повторяющихся событий с крупномасштабными событиями, имеющими мировое значение, имплицитно восходят к идеографическим идеям В. Виндельбанда, историзму и герменевтике В. Дильтея, идеям современной социологии, синергетики, детализации, самоорганизации и хаоса. Опыт многих исторических ис-

---

[4] *Юлина Н.С.* 2010, 127.
[5] *Уайтхед А.К.* 1990, 639.
[6] *Федорова М.М.* 2019, 43, 45,47.
[7] *Кассирер Э.* 1999, 76.

следователей показывает, что крупномасштабные исторические события не мгновенны, они растянуты во времени, делимы и представляют собой процессы разной размерности и длительности, а также интенсивности и разного исторического значения.

Полагаем, что малое рядовое историческое событие целесообразно рассматривать как научное умозаключение, отражающее единичные совместные действия исторических агентов, осуществляемые в фиксированном пространственно-временно́м диапазоне прошлого. При этом исторический факт понимается как неделимое действие в коротком временно́м диапазоне. В некоторых исторических исследованиях понятия факта и события отождествляются[8]. Полагаем, что подобная акция является оправданной при изучении истории отдаленного прошлого. Дело в том, что источники, отражающие отдаленные эпохи, не всегда дают возможность четко фиксировать границы фактов и событий и, соответственно, возможности их объединения. Иными словами, существуют источниковедческие трудности определения пространственно-временны́х границ происходящего. Кроме того, при изучении исторических источников нельзя не учитывать роль так называемой ментальной каузальности, отражающей индивидуальные ментально-психологические и ценностные подходы как авторов источника, так и исследователей.

Проблематика, связанная с определением исторического события и факта, неотделима от проблемы короткого исторического времени, в рамках которого происходит деятельность агентов изучаемого прошлого. Иными словами, имеется в виду так называемое кайрологическое историческое время, являющееся одной из разновидностей событийного короткого времени в целом. Понятие «кайрос» является греческим наименованием благоприятного момента для свершения определенного действия и восходит к эпохе античности, а также широко использовалось в Византии. В одном из византийских императорских постановлений говорится: «Кайросы — это душа вещей, и, если кто-либо не сумеет ими воспользоваться, то возникнет большой ущерб делам»[9]. Речь идет о важности социально-политической ориентации исторических агентов в конкретной пространственно-временно́й ситуации.

---

[8] *Про А*. 2000, 89.
[9] Lavra 1979, n. 133, 50.

Соответственно, М. Хайдеггер определял кайрос как «время для»[10]. Полагаем, что с позиций современного знания понятие «кайрос» целесообразно рассматривать как метафору понятия логической импликации, вводимой в предложение сложным союзом «если… то». Союз «если», вводит описание временнóго момента, благоприятного для совершения некоторого действия, тогда как союз «то» вводит описание самого действия исторического агента. Понятие «кайрос», постоянно употреблявшегося в византийских и античных источниках, в терминах современного знания можно оценить как выражение специфики ментально-психологической оценки ситуации ее участниками — историческими агентами.

Важно подчеркнуть то обстоятельство, что как в античности, так и в Византии кайрологическое время, отражающее временную ситуацию, благоприятную для свершения некоторого социального действия, понималось как повторяющаяся во времени устойчивая структурная связь событий. Иными словами, кайрологическое время представляет собой вариант циклического времени. Повтор ситуаций, благоприятных для свершения некоторого действия создавал возможность предвидения будущего на основе знания о прошлом. Это отражает понимание авторами соответствующих текстов цикличности социального развития. Подобная позиция близка позднейшим идеям Дж. Вико, Б. Кроче, а также Г.В.Ф. Гегеля, который писал: «События различны, но общее и внутреннее в них, их связь едины»[11].

Признание наличия у кайрологического циклического времени прогностической функции позволяет современному исследователю наметить неявные, а, однако, существенные для понимания исторических событий аналогии рассмотренных представлений с идеями современной теории вероятностей, согласно которой событие рассматривается как «факт, который может произойти или не произойти»[12]. Как видно факт и событие обозначают не только связанные во времени явления, но при этом, факт определяет потенциальную возможность события.

---

[10] *Хайдеггер М.* 2002, 414.
[11] *Гегель Г.В.Ф.* 1993, 61.
[12] *Вентцель Е.С.* 1969, 23.

Историк, для которого событие всегда означает результат совершившегося действия, тем не менее, как правило, интересуется его связью с другими более ранними событиями и фактами. Характерно, что в историописании, как и в теории вероятностей, события именуются иногда случаями[13]. При этом, в историописании подразумеваются такие результаты действий агентов, которые не редуцируются или слабо редуцируются к известным более ранним событиям.

При изучении серии единичных однородных исторических событий, как отдаленного, так и близкого прошлого, т.е. соответствующих тенденций и традиций, исследователь, как правило, располагает ограниченными сведениями источников, не позволяющими делать строгие выводы. В подобных исследовательских ситуациях ученый прибегает к когнитивному приему, так называемой ментальной каузальности[14]. Это означает конструирование гипотезы с предположительным домысливанием недостающих сведений. Использование названного когнитивного приема, распространенного, впрочем, не только в гуманитарном, но и в других видах знания, и отражающего индивидуальное ви́дение проблемы исследователем, позволяет осуществить процедуру стохастизации. Это означает трактовку имеющихся данных как случайностной выборки в рамках вероятностного процесса.

При современном феноменологическом исследовательском подходе, подразумеваемом постнеклассической парадигмой, подобная практика представляется необходимой. Например, при изучении автором данной статьи византийских поземельных описей крупных афонских монастырских владений XIV в. обнаруживается, что поземельный налог, взимаемый с поземельно зависимых держателей-крестьян, варьировал вокруг некоторой стандартной нормы не только в зависимости от качества и размеров земли, но и от внеэкономических факторов[15]. На основе всестороннего изучения византийских аграрно-правовых отношений данного периода, автором с учетом ментальной каузальности сделан вывод о право-

[13] *Про А.* 2000, 59.
[14] *Юлина Н.С.* 2010, 132.
[15] *Хвостова К.В.* 2009 116.

мерности понимания названных колебаний как стохастического вероятностного процесса и, соответственно, о правомерности использования для его характеристики специально разработанного автором данной статьи коэффициента имущественного расслоения[16].

Задача исследователя, констатирующего вероятностный характер колебания содержащихся в византийских источниках взимаемых с крестьян податей вокруг их стандартной нормы, облегчается наличием в соответствующих исторических источниках — актах и описях — многочисленных повторов соответствующей информации. Подобный стиль, присущий византийской императорской канцелярии, образующий круговорот сведений, снижает степень их неопределенности, т.е. энтропию, что повышает степень их надежности. Соответственно повышается вероятность предположения о стохастическом случайностном характере содержащихся в источниках сведений и возможности их анализа с помощью статистических методов, включая специально разработанный автором данной статьи коэффициент имущественного расслоения держателей[17].

Кроме того, повторы информации облегчают современному исследователю задачу определения в историческом исследовании роли индуктивного анализа. В современной эпистемологии, как известно, распространено восходящее к Попперу и другим постпозитивистам мнение, согласно которому при изучении свойств переменной величины индукция не имеет значимости, поскольку состояние величины в фиксированный момент времени не означает, что оно будет таковым и в будущем[18]. Полагаем, что подобная настороженность по отношению к индукции не должна распространяться на историческую науку, которая изучает зафиксированное в исторических источниках прошлое, а не интересуется будущим. Соответственно, в историописании, как известно, в отличие от экономической науки и социологии, индукция играет важную роль.

---

[16] *Хвостова К.В.* 2009, 119,120.
[17] *Хвостова К.В.* 2009, 120.
[18] *Мюллер Д.* 2012, 113.

Итак, с точки зрения историка общая характеристика крупного события, имеющего всемирно-историческое значение, невозможна без анализа его конкретных единичных качеств и обстоятельств его появления.

Научная значимость мелких событий, составляющих крупные тенденции и традиции, становятся очевидной при применении в подобных исследованиях математических методов. В таких исследовательских ситуациях явно акцентируется идея делимости крупного события на ряд конкретных мелких событий. Таковы, например, крупные события, знаменующие расцвет, упадок, стагнацию, и другие длительные состояния обществ. Их характеристики подразумевают анализ процессов, состоящих из мелких событий.

Наряду со статистическими коэффициентами корреляции и регрессии в историописании используются специально разработанные коэффициенты, учитывающие специфику изучаемых явлений. Автор данной статьи, как отмечалось, предполагает для изучения экономического положения византийских поземельно-зависимых крестьян XIV в. специально разработанный для этой цели коэффициент имущественного расслоения, основанный на дифференциальных уравнениях[19]. Его использование позволяет поставить в соответствие данным об отдельных держателях земли и целым поселениям количественный показатель их имущественного состояния. Сопоставления подобных показателей позволяет детализировать и сравнить многие сведения источников, характеризующих имущественное положение крестьян[20]. Сравнительный анализ подобных результатов позволяет проследить направление и темпы развития дифференциации крестьян во времени.

Данное направление исследований сближает экономическую историю с современной социологией и экономической наукой, основанных на разветвленной системе математических коэффициентов, относящихся к сфере однородных событий. Полагаем, что глобальный подход к изучению исторического прошлого, основанный на акцентировании роли крупных событий, должен совмещаться с анализом крупных тенденций, состоящих из единич-

[19] *Хвостова К.В.* 2009, 119.
[20] *Хвостова К.В.* 2009, 114-115.

ных событий. Именно совокупность и пересечение тех и других явлений создают цивилизации.

Все вышесказанное отражает роль применения количественных методов в историописании. Благодаря их применению малые единичные события приобретают новое познавательное значение, отражающее крупномасштабное развитие цивилизационного характера. Глобальный ценностный подход к истории, состоящей в провозглашении особой значимости крупных событий, при комплексной исторической стратегии сочетается с признанием равновеликой роли тенденций, традиций, процессов, образуемых единичными, мелкими, однотипными событиями. При этом, каждое такое событие, совокупность которых образует не только отдельные крупные масштабные события, но и целые цивилизации, является отдельным предметом пристального конкретного рассмотрения.

Все вышесказанное определяет и иллюстрирует то значение, которое представляет собой обращение историка к применению математических методов в историописании, начало которого относится к 60-м гг. прошлого столетия. Несмотря на то, что практика математического моделирования в социально-экономической истории, особенно в отношении отдаленных эпох не достигла такого высокого уровня и распространенности как в социологии и экономике, именно она способствовала повышению научной значимости и роли малых единичных исторических событий. В результате развития соответствующего направления исследований крупные события должны восприниматься не только как уникальный ценностный исторический феномен, возвышающийся над будничной усредненностью, но и как процесс, означающий развитие суммы будничных, единичных событий. Все сказанное означает, что ценностный подход к изучению исторической событийности, восходящей к идеям М. Хайдеггера и ряду других крупных исследователей, недостаточен для историка. Такой подход должен сопровождаться изучением тенденций, вызвавших появление крупного события и представляющих собой вероятностный процесс развития мелких единичных событий. При изучении значительных пространственно-временны́х диапазонов такой процесс означает развитие цивилизационных параметров соответствующего ареала. Например, рассмотрение ряда параметров экономиче-

ского развития Византии XIV в., являющихся предметом изучения автором данной статьи, отражает медленный процесс обострения социальных противоречий, отражающий, в том числе, упадок цивилизации в целом[21].

ЛИТЕРАТУРА

Actes de Lavra. / A. Guillou, P. Lemerle, D. Papachryssanthou, N. Svoronos (ed.). Paris, 1979. III. 133.

Вентцель Е.С. 1969: Теория вероятностей. М.: Наука.

Гегель Г.В.Ф. 1998*:* Философия истории. СПб.: Наука.

Доброхотов А.Л. 1986: Категории бытия в классической западноевропейской философии. М.: МГУ.

Кассирер Э. 1998: Логика наук о культуре // Избранное. Опыт о человеке. М.: Мысль.

Мюллер Д. 2012: Машинное угадывание // Вопросы философии. 7. 110-119.

Про А. 2000: Двенадцать уроков по истории. М.: РГГУ.

Уайтхед А.Н. 1990: Избранные работы по философии. М.: Прогресс.

Федорова М.М. 2019: Событие: современные подходы к формированию понятия // Вопросы философии. 6. 40-49.

Хайдеггер М. 2002: Бытие и время. М.: Наука.

Хвостова К.В. 2009: Византийская цивилизация как историческая парадигма. М.; СПб.: Алетейя.

Шеллинг Ф.Б.Й. 1999: Система мировых эпох. Томск: Водолей.

Юлина Н.С. 2010: Эмерджентизм, сознание, редукция, каузальность // Вопросы философии. 12. 127.

Ksenia V. KHVOSTOVA

ACTUAL PROBLEMS OF HISTORICAL EVENTS

The author analyzes the difference in the comprehension of historical Event in frameworks of modern philosophy and in the historical studies. According to the philosophy of Heidegger only large-scale phenomena which exceeded the bounds of everyday life can be called «event». Phenomena of everyday should not be called

[21] *Хвостова К.В.* 2009, 110.

event. Taking in account the close relations of great historical Events and incidents of Everyday and taking into account the role of specifically in the modern post nonclassical historical paradigm the author believes that social phenomena of everyday should also be considered as events in historical researches. The role of the mathematical methods in historical researches are studied. The role of contemporary post nonclassical historical paradigm is analyzed. The conclusion of article is illustrated using the examples from Byzantine history.

Keywords: events, everyday life, emergentism, Heidegger, induction, mathematical methods, postnonclassical historical paradigm.

Ksenia V. KHVOSTOVA — Dr. Sc. (History), Chief Researcher of the Department of Historical and Theoretical Research of the Institute of World History of the Russian Academy of Science. Moscow , Russian Federation. — hvks@mail.ru

REFERENCES

Actes de Lavra. / A. Guillou, P. Lemerle, D. Papachryssanthou, N. Svoronos (ed.). Paris, 1979. III. 133.

Dobrokhotov A.L. 1986: Kategorii bytiya v klassicheskoi zapadnoevropeiskoi filosofii. M.: MGU.

Fedorova M.M. 2019: Sobytie: sovremennye podkhody k formirovaniyu ponyatiya // Voprosy filosofii. 6. 40-49.

Gegel' G.V.F. 1998: Filosofiya istorii. SPb.: Nauka.

Kassirer E. 1998: Logika nauk o kul'ture // Izbrannoe. Opyt o cheloveke. M.: Mysl'.

Khaidegger M. 2002: Bytie i vremya. M.: Nauka.

Khvostova K.V. 2009: Vizantiiskaya tsivilizatsiya kak istoricheskaya paradigma. M.; SPb.: Aleteiya.

Myuller D. 2012: Mashinnoe ugadyvanie // Voprosy filosofii. 7. 110-119.

Pro A. 2000: Dvenadtsat' urokov po istorii. M.: RGGU.

Shelling F.B.I. 1999: Sistema mirovykh epokh. Tomsk: Vodolei.

Uaitkhed A.N. 1990: Izbrannye raboty po filosofii. M.: Progress.

Venttsel' E.S. 1969: Teoriya veroyatnostei. M.: Nauka.

Yulina N.S. 2010: Emerdzhentizm, soznanie, reduktsiya, kauzal'nost' // Voprosy filosofii. 12. 127.

М.К. Любарт

ХРИСТИАНСКОЕ КУЛЬТОВОЕ НАСЛЕДИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ

Некогда считавшаяся «старшей дочерью» Католической церкви, Франция сегодня относится к числу стран, где процессы дехристианизации зашли особенно далеко. Получивший печальную известность пожар Собора Парижской Богоматери в апреле 2019 г, — только один из подобных примеров. Количество инцидентов, связанных с христианскими храмами, зарегистрированными полицией, составляет в последнее десятилетие около тысячи в год. Это разграбления, осквернения мест христианского культа, нападения и убийства священников и т.п. Но, кроме того, ежегодно, ряд церквей, признанные не имеющими историко-культурной ценности, сносятся с ведома властей, а некоторые пустующие храмы передаются представителям других религий. Несмотря на протесты (ставших немногочисленными) католических общин и отдельных деятелей политики и культуры, деградация и разрушение храмов не вызывает сколько-нибудь сильной реакции в обществе. Существует целый ряд причин такого положения вещей, коренящихся, вероятно, в идеологических установках неолиберализма, включая особенности преподавания истории, политики лаицизма, нарушения трансмиссии передачи прежних культурных ценностей и т.д.

Ключевые слова: христианское наследие, католическая церковь, Франция, культурное наследие, вандализм, секуляризация, дехристианизация.

Маргарита Кемальевна ЛЮБАРТ — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Института этнологии и антропологии РАН. Российская Федерация, Москва. — Margarita_Lubart@mail.ru

Цивилизация и варварство
2020. Вып. IX. С. 42-62
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2020. Issue IX. P. 42-62
DOI: 10.21267/AQUILO.2020.9.9.021

Христианское наследие Франции, некогда «старшей дочери» католической церкви, ее богатая архитектура десятков тысяч храмов и других культовых сооружений, сегодня переживает непростые времена. В стране насчитывается около 100 000 религиозных зданий,[1] из них — 90% относятся к католической церкви. В это число входят храмы (из них действующими являются около 45 000), аббатства, частные часовни, и другие памятники, многие из которых сегодня заброшены. Только около 15 000 объектов христианского культа охраняются как исторические памятники.

15 апреля 2019 г. страна и мировое сообщество были потрясены пожаром Собора Парижской Богоматери, одного из главных символов христианской Европы. Пожар был объявлен властями случайностью, возникшей в результате строительных работ, всякая другая версия причин (как например поджог) нестерпима для французов, поскольку для большинства населения Собор остается одним из символов страны и французской культуры. Прокурор Республики уже 24 июня 2019 г. заявил, что в этом инциденте нет криминальной подоплеки[2]. Однако, в обществе, тем не менее, задались вопросом: как подобное вообще могло случиться со знаменитым собором[3]?

Пожар собора произвел сильное впечатление в обществе, и был многими воспринят как символическое событие и «последнее предупреждение» нации, потерявшей веру[4]. Однако видимо, в зависимости от взглядов и отношения к ценности христианского исторического наследия, реакция людей разнилась от священного ужаса и оцепенения до реакции противоположного свойства. Многочисленные видеозаписи, сделанные очевидцами событий и выложенные затем в Интернет, показывают, что в толпе наблюдавших пожар были и улыбавшиеся. Это событие породило волну общественной рефлексии, отразившуюся в основном на страницах

---

[1] Liste des édifices religieux de France. — https://fr.wikipedia.org/wiki/Liste_des_édifices_religieux_de_France#cite_ref-1 (сентябрь, 2020).

[2] Incendie de Notre-Dame : «aucun élément» n'accrédite une piste criminelle. — https://fr.aleteia.org/2019/06/26/incendie-de-notre-dame-aucun-element-naccredite-une-piste-criminelle/?utm_campaign=NL_fr&utm_=daily_newsletter&utm_medium=mail&utm_content=NL_fr (сентябрь, 2020).

[3] https://fr.wikipedia.org/wiki/Emblèmes_de_la_France (сентябрь, 2020).

[4] *Rioufol I.* 2019.

правых газет и интернет-блогах, и в гораздо меньшей степени — на телевидении. На общем фоне волны скорби был фиксирован и всплеск христианофобии[5].

Однако пожар Нотр Дама — лишь один из самых известных случаев печальных инцидентов, происходящих с объектами католического культа. За месяц до того (17 марта 2019 г.) случился пожар в церкви Сан-Сюльпис, одного из самых известных храмов Парижа, жемчужины барокко XVIII в.. Согласно статистике активистов, борющихся за сохранение религиозного наследия, только в 2019 г. в Центральном регионе страны поруганию подверглись базилика Сен-Дени в Париже, церковь Шатодан и Св. Ло (деп. Эр-е-Луар), церковь Нотр-Дам (деп. Понтуаз); совершены кражи грабежи в церкви Сен-Жермен-де Пре, в церкви Сен-Мартен де Шам, в церкви Нотр-Дам-де ла Салет в Париже; обезглавлена статуя Св. Михаила в церкви Св. Венсана, в Валь-де-Марн, подверглась поруганию статуя Св. Жанны д Арк в Париже; произошли дебоширства в церкви Св. Бернадетты в Рамбуйе (деп. Ивелин) и церкви Нотр-Дам де Травай в Париже; не говоря уже о более мелких происшествиях, как, например, вандализме в отношении святынь в католическом колеже Сан-Мишель де Пикпю в Париже. В 2019 г. в Центральном регионе страны подверглись поруганию христианское кладбище Трилбарду (деп. Сена и Марна), кладбище Берн-сюр-Уаз (Валь-д'Уаз) и кладбище Булонь-Биланкур.

Празднование победы футбольной сборной Алжира на кубок Африки в июле 2019 г. было отмечено ее многочисленными поклонниками в Париже дебоширством, в частности в парижской церкви Св. Иоанна Крестителя де Бельвиль[6].

Количество инцидентов, связанных с христианскими храмами, зарегистрированными полицией по всей стране, составляет в последнее десятилетие около тысячи (!) в год. Это разграбления, осквернения мест христианского культа, ночные бесчинства, поджоги деревянной утвари, надругательства над алтарями, ограбле-

---

[5] См., например, публикации на сайте «Обсерватория христианофобии». — https://www.christianophobie.fr/carte/incendie-de-notre-dame-lunef-en-mode-odieux (сентябрь, 2020).

[6] https://www.christianophobie.fr/category/carte/en-france/centre (сентябрь, 2020).

ние скиний и ризниц, разбивание статуй святых, кощунства над распятиями, оскорбительные надписи на стенах, нападения и убийства священников и т.п.

В докладе Министерства внутренних дел от 12 февраля 2019 г. приводится статистика преступлений против христианского культа, согласно которой в 2018 г. их было совершено 1063, а в 2017 г. — 1038 (для сравнения: преступления против мусульманского культа — 100, против иудеев — около 550 за 2018 г.)[7].

Кроме того, католическим храмам грозит и другая, еще более серьезная опасность — многие пустующие храмы, в особенности в провинции, деградируют и разрушаются. И ежегодно несколько из них сносятся с ведома властей.

По данным Б. де Сагазана, активиста, ведущего интернет-ресурс, посвященный религиозному наследию Франции, с начала 2000 г. по 31 января 2019 года было снесено 45 церквей. Из них на месте шести были построены новые культовые сооружения (как правило более скромного масштаба). Семь были снесены в 2016 г., две — в 2017 г., четыре — в 2018. Среди этих разрушенных церквей и часовен одна датируется XII в., 17 — XIX, 23 церкви относятся к XX веку[8]. Напомню, что Франция имеет определенную традицию в сносе храмов. Всего со времен Великой Французской Революции до настоящего времени только в Париже (в основном в центре) снесены 77 церквей, а всего в стране с 1905 г. ликвидировано 277 католических храмов[9].

Помимо сноса зданий, к которым никто «не проявил интереса», десятки церквей выставляются на продажу, сдаются в аренду под рестораны и дискотеки, используются иным образом. На месте снесенных храмов строят муниципальное жилье, автостоянки, скверы и т. д. Показателен в данной связи пример судьбы церкви Св. Риты (XV округ Парижа). Она поступила « на продажу» в 2000 г. и долго ждала своего покупателя, владелец здания (L'Association des chapelles catholiques et apostoliques) требовал от паствы, которая хотела его выкупить 6,3 млн. евро, которых не смогли найти.

---

[7] Lutte contre la haine, la discrimination, le racisme et l'antisémitisme. 2019.

[8] *Sagazan B.de.* 2019a.

[9] *Senèze N.,Vaillant G.* 2016.

В 2010 г. было объявлено о будущем сносе церкви, что привело к серии протестов. В конце 2015 — августе 2016 года, когда вопрос о ликвидации здания был окончательно решен, оно было занято активистами ассоциации традиционных католиков. «Приговоренный» храм защищала и паства. Однако забарикадировавшихся вместе со священником прихожан эвакуировали из церкви, и намеченный план был осуществлен.

В последнее время намечается тенденция, связанная с увеличением доли мусульман в населении страны. Число последователей ислама растет, мест для отправления культа не хватает. Поэтому Совет муфтиев Франции настойчиво обращается передавать мусульманам пустующие христианские храмы. К настоящему времени четыре церкви преобразованы в мечети[10].

Профанация церквей и их снос имеют широкую географию. Составляя инвентарий событий, полиция отмечает их распространенность по всей стране, а также фиксирует «пики» происшествий, которые «соответствуют, частично символическим датам или периодам, отмечаемым сатанинскими или неонацистскими группами», например, 30 апреля, в годовщину основания «Церкви сатаны» в Соединенных Штатах и смерти А. Гитлера. Заметной датой в этом смысле является также 31 октября, Хэллоуин и Новый год сатанистов, а также время солнцестояний и равноденствий[11].

Ущерб, нанесенный зданиям церкви в течение последних десяти лет, является заметным. Более того, в настоящий момент, как мне представляется, процесс утраты христианского архитектурного наследия является тенденцией.

Главной причиной такого положения вещей является, видимо, далеко зашедший процесс дехристианизации и секуляризации**.** Сегодня в стране, некогда бывшей одной из главных опор католицизма, только около 9,5% населения являются практикующими католиками, а регулярно посещает церковь не более 2%. Значительно число тех, кто объявляет себя атеистами[12]. Только небольшая часть населения не представляет себе Франции без католицизма, для очень многих религия не имеет того значения, которое

[10] Des églises transformées en mosquées?

[11] *Cornevin Ch.* 2010.

[12] Analyse 2010, 8.

она имела для их родителей. Большинство населения приходит в церковь по поводу больших праздников, а также присутствует (часто именно по традиции) на крестинах, отпеваниях, венчаниях. Чисто детей, крещеных до семи лет составляет около 30%, что существенно меньше, чем в предыдущих поколениях[13].

Одним из следствий отхода населения от веры является запустение христианских храмов. Число служб сокращается, а пустующие храмы закрываются. Ситуация немного лучше в больших городах, где число верующих все же больше, чем в провинциальных. Именно в глубинке, по моим наблюдениям, да и по многим другим данным, закрытых или только частично работающих храмов (т.е. таких, где служба происходит не каждое воскресенье) больше. Конечно, и там люди приходят в церкви для проведения крестин, свадеб и отпеваний. Но таких поводов становится все меньше.

Значительно сильнее запустение коснулось деревень. Между тем большинство храмов, построенных еще во времена, когда вера являлась значимым фактором жизни общества, находятся в сельской местности. Еще и сегодня там около двух третей всех французских храмов — сельские. Однако в следствии процесса урбанизации большинство французов живет сегодня в городах, деревни обезлюдели, а в храмы ходить просто некому. Не удивительно, что здесь находится большинство деградирующих церковных построек, и к тому же катастрофически не хватает священослужителей. Нехватка священников на периферии такова, что подчас один священник приходится на 10 храмов, в сельских же поселениях, по данным, приводимым рабочей группой «Церкви, новый пастырский вопрос» Союза епископов Франции (головной организации, представляющей католическую церковь в стране), сегодня один деревенский священник порою окормляет около 30 или даже 40 окрестных храмов[14]. Правило открытости церкви и постоянной доступности священника не соблюдаются. Теперь у входа в храм обычно висит объявление, где обозначены часы, когда можно с ним встретиться. Решения в ближайшее время этой проблемы пока не видится: французские семинарии практически пусты.

---

[13] *Favre P.-M.* 2018.

[14] *Habert J. Mgr*. 2017.

О сокращении количества священников в стране говорят такие цифры. В 2001 году, по информации Конференции католических епископов Франции, в стране было всего 24 251 епархиальных священников и священников, принадлежащих к монашеским орденам. В 2008 году их насчитывалось только 19 640 человек, в том числе 15 008 епархиальных священников. На 31 декабря 2011 года (новые статистические данные пока недоступны) численность епархиальных священников упала до 13 822 человек. В 2011 году, кстати сказать, во Франции насчитывалось также всего 13 630 приходов[15].

По мнению людей, с которыми мне доводилось говорить на этот счет, нехватка священничества связана в том числе с проблемой целибата, исполнение которого очень сложно для современного человека. Мне рассказывали также о случаях, когда по этой причине священником становится человек в пожилом возрасте, когда земные страсти уже перестали сильно одолевать, в возрасте, когда уже пройдена большая часть жизненного пути, закончена профессиональная карьера[16].

Заметным также является тот факт, что во французских приходах появляется все больше чернокожих священников, выходцев из Африки, а также Азии и других регионов мира. По мнению некоторых комментаторов блогов:

> «Церковь осквернена, СМИ линчуют нашего Святого Отца и так далее. Франция стала страной миссии, африканские священники приезжают со всего мира, чтобы вновь евангелизировать нас и перенаселить наши провинциальные церкви, и я их сердечно благодарю», «Франция нуждается в повторной евангелизации», и прихожане благодарны священникам, прибывающим сюда из других земель»[17].

Одна из читательниц газеты «Фигаро», комментируя статью на религиозную тему, пишет:

> «Последние религиозные церемонии, на которых я присутствовала в моей семье (крещение, брак, похороны), были проведены

[15] https://mysea.livejournal.com/3328820.html (сентябрь, 2020).
[16] ПМА 2019.
[17] *Cornevin Ch.* 2010 (комментатор NINOU).

этими африканскими священниками /.../ И это было очень хорошо. Они отлично выполнили свою роль. Спасибо им!»[18].

Весьма существенным и в проблеме пополнения корпуса священников и в вопросе содержания и реставрации храмов является финансовый аспект проблемы. Напомним, что большинство храмов страны в результате секуляризации перешло в начале XX в. в собственность государства, муниципальных властей, и только небольшая часть была выкуплена у него религиозными общинами. Режим собственности объектов религиозного культа в стране довольно сложный, однако в большинстве случаев их собственником является государство, которое предоставляет религиозным общинам храмы для совершения религиозного культа. Город Париж, например, «в настоящее время является владельцем 96 религиозных зданий, то есть 85 церквей, 9 протестантских храмов и 2 синагог[19].

Однако, по закону 1905 г. (об отделении церкви от государства) государство не должно финансировать объекты религиозного культа, в том числе поддерживать их материально. Реставрация и поддержание строений — дело религиозных общин, которые сегодня отнюдь немногочисленны и в большинстве случаев не имеют достаточных средств для весьма дорогостоящих реставрационных работ. Расходы на содержание храмов становятся подчас непосильным бременем для общин и местных бюджетов. Участие государства в реставрации зданий, возможное только как объекта культурного наследия, очень скромно[20].

В случае если община не может содержать храма, а также если он является заброшенным, и службы там не происходят, государство (муниципальные власти) могут решать его судьбу по своему усмотрению. Храм может быть продан, передан для другого использования, а также снесен. Список таких храмов обычно публикуется властями заранее. Однако покупка такого объекта настолько дорога, что продать его весьма сложно, а содержать не на что. Формально получается, что причиной разрушения и сноса церквей является их запустение и недостаток средств.

---

[18] *Rioufol I.* 2019 (комментатор Anne).
[19] *Bergé F.* 2016.
[20] *Bergé F.* 2016.

Положением дел обеспокоены некоторые деятели культуры, в частности почетный директор музея Лувра Доминик Понно заявляет публично о своей тревоге за христианское культурное наследие страны, говоря о том, что страна страдает от *сбоя в его трансмиссии*, который необходимо срочно устранить.

> «Хотя Жак Ширак отказался включить “христианские корни” Европы в Конституцию, они все еще вписаны в сердце, душу Франции, ее пейзажи, ее архитектуру, ее искусство и ее литературу. Если оставить в стороне христианство, я не знаю, что означает слово “Франция”»[21].

Сбой трансмиссии, прерывание поколенческой преемственности в передаче христианских ценностей, — это тема, о которой немало говорят и пишут. Так, участники обсуждения на соответствующем блоге, обращают внимание на то, что система образования и воспитания детей (и родителями и другими акторами) построена так, что им не транслируется значение христианства в европейском обществе. В учебниках, по их мнению, часто указывается на темные страницы в истории церкви, инквизицию, обскурантизм и т. д., но мало говорится о роли церкви в формировании европейской культуры. Родители часто действуют в духе времени, не обращая внимания на нападки на церковь и даже присоединяясь к насмешливому, неуважительному тону по отношению к церкви. И не ругают особенно детей за такую «малость» как проявление их неуважения к церкви[22].

Религия как «цепь памяти» (по выражению французского социолога Д. Эрвье-Леже[23]),

> «...судя по всему, утрачена без возможности восстановления, и целые поколения молодых европейцев растут, не имея никакого личного отношения к христианской религиозной традиции или даже не зная о ней. Не только христианские церкви, но и — что более важно — семьи утратили свою роль в процессе религиозной социализации»[24].

---

[21] *Bastié E.* 2014.
[22] *Cornevan Ch.* 2010 (комментатор: anonyme).
[23] *Hervieu-Léger D.* 2000.
[24] *Казанова Х.* 2018, 167-168.

Однако, как известно, именно в семье в первую очередь шла передача религиозных традиций.

Немаловажная причина продолжающейся дехристианизации и отхода молодежи от веры, на которую ссылаются люди, говоря на эту тему — *девальвация имиджа католической церкви и католиков.* Довольно распространено мнение (в масс медиа, разговорах людей), что католическая церковь имела немало темных страниц в своей истории и сегодня расплачивается за прошлые обскурантизм, мракобесие, и т.п. Или же высказываются сочувствующие, но вовсе не одобрительные суждения:

> «Церковь была уважаемой, хотя и не достойной уважения, и время сделало свое дело. Самым прискорбным, на мой взгляд, является заброшенность этих маленьких церквей, а также священников и мирян-католиков, верующих, практикующих и искренних, которые подчиняются такой ветхой иерархии», — говорит один из блогеров[25].

Современные французы в большинстве своем не признают над собой такого авторитета, не хотят находиться под гнетом религиозных предписаний, в особенности строгих.

Определенную девальвацию испытывает также имидж христиан-католиков. Показательно, что общий социологический портрет французского католика, который вырисовывается в исследованиях Французского института по изучению общественного мнения (IFOP) не очень привлекателен: это не очень молодой человек, ретроград, консерватор, и т.д. Как отмечали респонденты, слово «Католик» является оскорбительным»; «Если мы говорим, что мы верующие, нас считают занудами»[26]. Высказываются также мнения, что католики не являются сегодня какой-то авторитетной силой в обществе, не защищают себя и свои храмы в должной мере, и не получают необходимую защиту от государства, а католические ассоциации, которые ставят перед собой такие задачи, не многочисленны и не очень влиятельны. Как выразился один из блогеров:

---

[25] *Cornevan Ch.* 2010 (комментатор kc002).

[26] Perceptions et attitudes des catholiques de France vis-à-vis des migrants. 2018: 68.

> «Надоело видеть, что католики больше не защищают свою веру и свои идеи, потому что они боятся противоположной реакции! Надоело видеть, как некатолики молчат, потому что их это не касается, но они забывают, что это и их история, и их наследие, часть их страны /.../»[27].

В то же время «быть секулярным — значит быть современным, модерным, и поэтому, как следствие, быть религиозным — значит быть в некотором смысле все еще не вполне современным», — это наблюдение Х. Казанова о современных европейцах вполне можно отнести и к французскому обществу[28]. В среде французских интеллектуалов, исповедующих как правило левые (леволиберальные) взгляды, религиозность, по моим наблюдениям, принадлежит к давно преодоленной, прошедшей эпохе, связывается с представлением о нерациональном, метафизическом, несовместимым с прогрессом.

Одна из причин, которую многие католики (практикующие и так называемые «католики по культуре») считают важной для объяснения ситуации с нападениями на церкви, — неравное, как они считают, отношение к разным религиям со стороны властей. Современному *л*иберализму свойственно выступать в защиту разных меньшинств, в том числе и религиозных. События, имеющие отношение к мечетям и синагогам, освещаются в СМИ с большим вниманием, чем то, что связано с христианством. В одном из блогов газеты «Фигаро»[29] читатели высказывают такие мысли: каждому случаю осквернения мечети и синагоги посвящается ряд публикаций, в то время как про десятки оскверненных христианских храмов говорится в одной статье, другими словами преступления против христианского наследия и культа просто замалчиваются, ни власти, ни сми не хотят искать подлинных причин ситуации с христианскими храмами; им легче ссылаться, что это делает молодежь под влиянием алкоголя или идей сатанизма. Власти должны относиться равно ко всем религиям, наказывать за посягательства

---

[27] *Cornevan Ch.* 2010 (комментаторы: hermani, подобная реакция: nanou18, juin24, maleur26 и др.).

[28] *Казанова Х.* 2018, 150.

[29] *Cornevan Ch.* 2010 (комментаторы lemazet13, jeanma86001, Аноним, Paco92, juin24, Chad15 , amideSpirou, Gilles 57, Charles Fortin, и др.).

на христианские храмы также как и в случае инцидентов с местами культов другой веры.

В силу самого смысла своей пастырской миссии, католическая церковь Франции не может быть безразличной к процессу запустения и деградации храмов. Оставляя за скобками меры, имеющие целью углубление веры, что представляет собой отдельную тему, скажем о том, каковы действия французского епископата в отношении сохранения религиозного архитектурного наследия.

Согласно исследованию, посвященному состоянию религиозного наследия Франции (2017 г.)[30], около 90% построек христианского культа нуждается сегодня в реставрации. Частично помогают власти, находя для этого законодательную возможность. Храмы, признанные историческим наследием, имеют право на 50% субсидии при проведении реставрационных работ. Большие известные соборы могут рассчитывать на государственную поддержку, в особенности в местах, имеющих туристическое значение. Так, для Парижа был разработан в тесной связи с епархией план по сохранению культурного наследия (2015–2020 годы).

Ситуация в провинции сложнее, и она является особой тревогой епископата. На местах осуществляется мониторинг и составляются ежегодные доклады[31]. Вопросы будущего церквей обсуждались, например, на Пленарном собрании епископов страны, состоявшемся в начале апреля 2019 г. в Лурде. Рабочая группа во главе с Ж. Хабером, исследовавшая этот вопрос, предложила епископам размышления о будущем церквей: о расширении их использования (не только в богослужебных целях) и о выводе из эксплуатации. Бремя содержания храмов становится все более тяжелым для муниципалитетов, а их пастырское попечение и содержание — все более проблематичными для Церкви[32].

В настоящее время в среднем ежегодно в стране по данным Обсерватории религиозного наследия (ОПР), 20 церквей продают-

---

[30] *Levray N., Menguy B.* 2017, 32.

[31] Église en périphérie. Le rapport 2019.

[32] Communiqué final Assemblée plénière des évêques de France (2-5 avril 2019). — https://eglise.catholique.fr/espace-presse/communiques-de-presse/479397-communique-final-assemblee-pleniere-eveques-de-france-2-5-avril-2019/ (сентябрь, 2020).

ся, а затем разными способами трансформируются. 71% католиков выражают согласие на преобразование опустевших храмов. В 2014 г. Конференцией епископов Франции создана комиссия для решения будущей судьбы неиспользуемых церквей[33].

В борьбе за существование храмов деятели церкви и активисты предлагают и предпринимают разные способы. Так, считается, что одной из действенных мер является открытость храмов для людей. Даже если в церкви не проходят службы из-за отсутствия прихожан, ее здание все равно должно быть открытым, доступным и «живыми». В случае если у местной общины совсем нет средств для содержания церкви, допустимо отдать ее в «совместное пользование» со светскими организациями, в особенности, если храм представляет ценность как исторический или туристический объект. В крайнем случае, помещение церкви может использоваться с культурными целями — как музей, библиотека, книжный магазин. Это предпочтительнее, чем ее эксплуатация с коммерческими целями. В любом случае, лучше отдать церковь под какое-то использование (с надеждой возвращение к культу?), чем разрушить.

Вопросы «перепрофилирования» храмов обсуждается не только в клерикальной, но и в светской среде — учеными, архитекторами, активистами ассоциаций по сохранению культурного наследия[34]. Реальным примером использования десакрализованной церкви может являться случай в г. Туркуэн, где некий С. Оару в 2011 году купил заброшенную церковь Св. Луи за 20 000 евро. Из этого полуразрушенного здания, восстановив его, молодой человек сделал себе мастерскую, жилье, а также помещение для общественных мероприятий — концертов, шоу, выставок, мастер-классов для детей. Там же нашлось место для «культурного кафе» и даже мини-пивоварни, которая производит пиво с маркой «Сен-Луи». Благодаря реставрации и активному использованию здания сегодня оживает целый заброшенный район[35].

Мэры большинства городов и поселений (хотя и не все) обычно, с уважением относятся к расположенным на их террито-

---

[33] *Kovacs S.* 2017.
[34] *Sagazan B.* 2019; *Sagazan B.* 2014.
[35] *Kovacs S.* 2017.

рии храмам, даже если они пустуют. Не имея возможности (по закону 1905 г.) поддерживать религиозный культ, они порою оказывают некоторую помощь по содержанию церковных зданий, хотя в сложившейся ситуации такой помощи явно не достаточно.

Кроме церковных и государственных организаций вопросами христианского (архитектурного) наследия озабочены также и общественные ассоциации (как например «Observatoire du patrimoine religieux», «Observatoire du Christiqnophobie», «L'Association des chapelles catholiques et apostoliques», «Association catholique traditionaliste», и др.), активисты, проводящие мониторинг состояния объектов культа, активно публикующие материалы на своих веб-сайтах, организующих сбор средств для реставрации. Эти организации особенно активны в последней декаде сентября, в национальные дни Культурного наследия.

С 1980-х среди населения распространилось также движение за сохранение «ближнего» культурного наследия, тех объектов, которые находится рядом, в особенности, если они имеют историческое и туристическое значение для данной местности. Как выразился один из блогеров на эту тему: «Если Франция является одним из ведущих туристических направлений в мире, то это потому, что ей удалось сохранить свое архитектурное наследие»[36].

Однако далеко не для всех граждан страны сохранение христианского наследия представляется значимым. Приведу несколько цитат из обсуждения статьи на подобную тему в газете «Фигаро», отражающих разные точки зрения. Так, например, существует мнение, что вовсе не все христианские храмы заслуживают сохранения:

> «Как будто Франция сохранила *все* свои памятники на протяжении всей своей истории. То, что мы освобождаемся от зданий, которые больше не имеют никакой полезности и имеют ограниченный архитектурный интерес, — это в порядке вещей, так всегда было и всегда будет. Мы не должны быть реакционными, хотеть остановить время... есть только одно решение: их (*т.е. храмы. — М. Л.*) конвертировать!».

В ответ на утверждение, что «Церкви являются историческим наследием Франции! Даже если это не нравится некоторым», выска-

[36] *Kovacs S.* 2017 (комментатор Bronito).

зываются сомнения в художественной ценности ряда церковных построек: «Некоторые, тем не менее, были построены архитекторами, которые нашли свои дипломы на дороге»[37]. Мне доводилось также слышать и такие утверждения: «во Франции мало культа и слишком много церквей»; «невозможно спасти все церкви»[38].

Подобные рассуждения не кажутся новыми, если мы вспомним, что и в прошлые времена (особенно активно после Великой французской революции) церкви по разным причинам тоже сносились и строились новые. В течение XX в. наряду со снесенными появились и ряд новых храмов, в стиле модерна и постмодерна. С учетом этого исчезновение старых церквей не является трагедией.

В любом случае, передача церковных зданий под другой (некультовый) вид использования кажется многим лучше, чем его снос:

> «Сколько разрушенных церквей. Не считая маленьких деревень, подобных моей. В светской стране важно сохранять свою историю независимо от религии. Превращение церквей в места общественных собраний и собраний солидарности — это конкретный способ сохранить наше наследие, действуя таким образом, чтобы помочь общине. Иначе в течение одного века у нас будут руины!!!»[39] (Мнение одного из жителей провинциальных деревень.)

Добавим, что за последние три десятилетия религиозное наследие стало также предметом научного внимания, о чем свидетельствуют многочисленные публикации, симпозиумы и конференции, подготовленные учеными, профессионалами, занимающимися проблемами культурного наследия[40].

---

[37] *Kovacs S.* 2017 (комментаторы: GGGFD, Charles136, I watch your window I shake so scared).

[38] ПМА 2019.

[39] *Kovacs S.* 2017 (комментатор Realisticdreamer).

[40] В 2008 году Культурное наследие Министерства культуры и связи организовало симпозиум на тему охраны городских и сельских церквей. В июне 2008 года Институт национального наследия предложил профессионалам наследия стажировки на тему знаний и защиты религиозного наследия XIX и XX веков.

Специалисты констатируют, что перед лицом секуляризации религиозное наследие сталкивается с проблемами функциональных и архитектурных изменений в беспрецедентных масштабах, что эти проблемы должны быть осмыслены в международном масштабе с целью мониторинга ситуации и должного снятия с эксплуатации религиозных сооружений. Необходима оценка многочисленных религиозных, социальных и экономических последствий этого процесса, изучение методов вмешательства и преобразования церквей. Именно такова была цель проходившей в Лионе конференции «Будущее церквей» В том же самом направлении — повторное использование зданий церкви: la réutilisation du patrimoine religieux — (Лион, коллоквиум 20-22 октяюря 2016 г. l'Ecole Nationale Supérieure d'Architecture de Lyon , «L'avenir des églises») и некоторых других.

Христианское архитектурно-культовое наследие находится под охраной закона, а также немногочисленных общин верующих, в определенной степени — общественного мнения, тех, кто по-прежнему рассматривает его как культурное достояние Франции. Однако эта охрана оказывается недостаточной для того, чтобы уберечь христианские храмы от нападений, профанации и актов вандализма, скрывающегося под разными личинами.

Почему деградация и уход в небытие части христианских храмов не вызывает серьезных протестов в обществе? Вероятно потому, что меняется сама ментальная парадигма французского общества, в котором все большую роль начинает играть философия постмодерна, с другими ценностями, идеалами, моралью и культурой.

Католическая церковь Франции существует ныне в посхристианском мире, индифферентном к прежней вере, которая утратила свои позиции и уже вряд ли может быть восстановлена на прежних основах. Окружающая культура, «культурный контекст» глубоко дехристианизирован.

Конечно, несмотря на выраженную тенденцию, процесс дехрианизации проявляется далеко неоднозначно. Ведь более пятнадцати веков христианской культуры, когда храмы были построены по всей территории страны, не могли пройти даром, христианство было глубоко укоренено в культуре.

Тенденция разрушения церквей говорит прежде всего об *эволюции места Церкви в обществе*. Французский социолог, специалист по вопросам религии, Д. Эрвье-Леже, анализируя в своей книге «Католицизм, конец мира» процесс секуляризации и потерю места католической церкви в социальной и ментальной сфере, говорит, что католицизм оставил очень важный след в коллективной памяти французов, и это является основой для сохранения какого-то места для католицизма в будущем, для уважения католической церкви в обществе. Сегодня же церковь, пережив длительный период «инкультурации», когда она имела важнейшее влияние на европейскую культуру, оказалась в состоянии «экскультурации», когда культура все более и более обходится без нее. По мнению автора, католицизм больше не соответствует «глобальной ментальной матрице»[41].

Ситуация относительно христианских святынь во Франции, впрочем, не является исключительной для Европы, хотя, возможно, и проявляется здесь более ярким образом. Общеевропейская тенденция на (нео)либерализацию и (нео)гуманизацию общества весьма способствует ускоренному отходу от христианства. Она отражена и в основополагающих документах ЕС, где не содержится даже упоминания о христианских (или иудео-христианских) корнях европейской цивилизации.

Несмотря на то, что Франция является одной из стран - авторов идеи концепции охраны культурного наследия человечества, продвигаемых ЮНЕСКО, и сама обладает немалым, прежде всего религиозным культурным наследием, отношение к нему отнюдь не однозначное. В самой основе конвенций о культурном наследии, речь идет о сохранении именно *живого* наследия. Однако, на настоящий момент многие христианские храмы в стране являются заброшенными. Церкви приходят в запустение как оставленные места религиозного культа. Но перестав быть местом поклонения, они, в последние десятилетия, перестают вызывать интерес и как объекты культурного наследия.

Происходит десакрализация прежних святынь. Произошла потеря интереса к христианскому наследию со стороны довольно

[41] *Hervieu- Léger D*. 2003, 288-289.

значительной части населения, в числе которой находятся и политический класс, определяющий развитие страны. Можем ли мы считать это разрушение святынь, на которых в течение полутора тысячи лет основывалась европейская цивилизация, варварством, или это переосмысление ценностей, которое означает прогресс? Интерпретация этих фактов и тенденций зависит от точки зрения, и ответ на эти вопросы не может быть простым: ведь для кого-то пожар Нотр Дама — наказание и последнее предупреждение, а для кого-то — просто ликвидация одного из старых памятников, олицетворящих старые ценности. Кто-то сетует, что «профанация во Франции является культурным наследием с 1789 года», а «осквернение любого места поклонения, любой могиле означает возвращение к наиболее доисторическому варварству»[42]. Но доминирование светского образа жизни и светских духовных ценностей в жизни французского общества стало реальностью.

Несмотря на то, что отход от веры, лаицизация и секуляризация шли давно, сегодня, по всей видимости, наступает другой этап этого процесса. Современная культура меняет прежние основы на матрицу постмодернистской культуры, с ее разочарованием в прежних идеалах, отходом от веры как опоры в жизни, признанием многогранности истины, поисками самореализации и конструированием своей реальности, свободой выбора во что верить и верить ли вообще, почитать или не почитать прежние святыни.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Казанова Х. 2018: Размышляя о постсекулярном: три значения «секулярного» и три возможности выхода за его пределы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 4. 143-174. — Kazanova Kh. 2018: Razmyshlyaya o postsekulyarnom: tri znacheniya «sekulyarnogo» i tri vozmozhnosti vykhoda za ego predely // Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom. 4. 143-174.

ПМА 2019 — Полевые материалы автора (Париж, 2019). — Polevye materialy avtora (Parizh, 2019).

Analyse 2010: Analyse. Le catholicisme en France en 2010. — Paris, IFOP.

[42] *Kovacs S.* 2017 (комментаторы Krampus, ANTARES alpha).

Bastié E. 2014: France, qu'as-tu fait de ton patrimoine? — http://www.lefigaro.fr/vox/culture/2014/08/08/31006-20140808ARTFIG00340-france-qu-as-tu-fait-de-ton-patrimoine.php (сентябрь, 2020 — September, 2020).

Bergé F. 2016: «L'État et le financement religieux: une séparation loin d'être absolue» // BFM Business 03/08/2016. — https://bfmbusiness.bfmtv.com/france/l-etat-et-le-financement-religieux-une-separation-loin-d-etre-absolue-1022325.html/ (сентябрь, 2020 — September, 2020).

Cornevin Ch. 2010: Les églises catholiques de plus en plus vandalisées. — http://www.lefigaro.fr/actualite-france/2010/03/13/01016-20100313ARTFIG00126-les-eglises-catholiques-de-plus-en-plus-vandalisees-.php (комментаторы:NINOU, lemazet13, jeanma86001, Аноним, Paco92, juin24, Chad15 , amide Spirou, Gilles 57, Charles Fortin, hermani, nanou18, juin24, maleur26, kc002) (сентябрь, 2020 — September, 2020).

Des églises transformées en mosquées? — https://www.patrimoine-religieux.fr/rubriques/gauche/liens/reportages-analyses/des-eglises-devenues-mosquees-lavis-de-lopr/ (сентябрь, 2020 — September, 2020).

Église en périphérie. Le rapport 2019. P., 2019. — https://eglise.catholique.fr/wp-content/uploads/sites/2/2019/09/peripherie_2019.pdf (сентябрь, 2020 — September, 2020).

Favre P.-M. 2018: Comment les églises se sont-elles vidées? — https://www.letemps.ch/opinions/eglises-se-sontelles-videes) (сентябрь, 2020 — September, 2020).

Habert J. Mgr. 2017: Nos églises sont une chance pour l'évangélisation // Eglise catholique en France. Edite par Conference des eveques de France. — https://eglise.catholique.fr/actualites/448192-nos-eglises-sont-une-chance-pour-levangelisation-mgr-jacques-habert/ (сентябрь, 2020 — September, 2020).

Hervieu-Léger D. 2000: Religion as a Chain of Memory. NewBrunswick, NJ: Tran-saction Books. — https://www.christianophobie.fr/carte/incendie-de-notre-dame-lunef-en-mode-odieux/ ; https://www.christianophobie.fr/category/carte/en-france/centre (сентябрь, 2020 — September, 2020).

Incendie de Notre-Dame : «aucun élément» n'accrédite une piste criminelle. — https://fr.aleteia.org/2019/06/26/incendie-de-notre-dame-aucun-element-naccredite-une-piste-criminelle/?utm_campaign=NL_fr&utm_source=daily_newsletter&utm_medium=mail&utm_content=NL_fr (сентябрь, 2020 — September, 2020).

Kovacs S. 2017: Quel avenir pour ces églises délaissées par les fidèles ? // Figaro, le 9 mars 2017. — https://www.lefigaro.fr/actualite-france/2017/03/09/01016-20170309ARTFIG00369-quel-avenir-pour-ces-eglises-delaissees-par-les-fideles.php (комментаторы Bronito, GGGFD, Charles136, I watch your window I shake so scared, Realisticdreamer, Krampus, ANTARES alpha) (сентябрь, 2020 — September, 2020).

Levray N., Menguy B. 2017: Le casse-tête du financement des édifices cultuels. Dossie. // La Gazette - 16 janvier 2017. — https://www.patrimoine-religieux.fr/rubriques/gauche/presse/gcom-financement-lieuxculte.pdf (сентябрь, 2020 — September, 2020).

Liste des édifices religieux de France. — https://fr.wikipedia.org/wiki/Liste_des_édifices_religieux_de_France#cite_ref-1 (сентябрь, 2020 — September, 2020).

Lutte contre la haine, la discrimination, le racisme et l'antisémitisme. 2019. — https://www.interieur.gouv.fr/Actualites/Communiques/Lutte-contre-la-haine-la-discrimination-le-racisme-et-l-antisemitisme/ (сентябрь, 2020 — September, 2020).

Perceptions et attitudes des catholiques de France vis-à-vis des migrants. 2018: Sondage 07/06/2018. — Paris. IFOP.

Rioufol I. 2019: Non, le pape François n'aime pas l'Europe // Le Figaro 212 Commentaires. — http://blog.lefigaro.fr/rioufol/2019/07/la-pape-francois-naime-pas-leu.html (блогер — Anne) (сентябрь, 2020 — September, 2020).

Rioufol I. 2019: «Avec Notre-Dame, reconstruire la France» // Figaro 18/04/2019. — https://www.lefigaro.fr/vox/societe/ivan-rioufol-avec-notre-dame-reconstruire-la-france-20190418 (сентябрь, 2020 — September, 2020).

Sagazan B. de. 2014: «Vandalisme et désaffectation des églises, la polémique en 1971» (Ст. написана в 2014 г.) — http://patrimoine.blog.pelerin.info/2019/07/22/desaffectation-des-eglises-en-1971 (сентябрь, 2020 — September, 2020).

Sagazan B.de. 2019a: Liste des églises et chapelles détruites en France depuis 2000. — http://patrimoine.blog.pelerin.info/2019/01/31/eglises-et-chapelles-detruites-en-france-depuis-2000/ (сентябрь, 2020 — September, 2020).

Sagazan B. de 2019b: Ecole de Chaillot. Édifices cultuels : Convertir pour préserver? — http://patrimoine.blog.pelerin.info/2019/03/21/42781/ (сентябрь, 2020 — September, 2020).

Senèze N., Vaillant G. 2016: Patrimoine: les églises, une passion française. — https://www.la-croix.com/Religion/France/Patrimoine-eglises-passion-francaise-2016-05-13-1200760071 (сентябрь, 2020 — September, 2020).

Margarita K. LYUBART

CHRISTIAN CULT HERITAGE IN MODERN FRANCE

Once considered the "eldest daughter" of the Catholic Church, France today is one of the countries where the de-Christianization processes have gone especially far. The infamous fire of Notre Dame Cathedral in April 2019 is just one example. The number of incidents related to Christian churches registered by the police in the last decade is about a thousand (!) per year. This is the looting, desecration of places of the Christian cult, the attack and murder of priests, etc. But, in addition, annually, a number of churches, recognized as having no historical and cultural value, are demolished with the knowledge of the authorities, and some empty churches are transferred to representatives of other religions. Despite the protests of the Catholic communities and individual figures of politics and culture, the degradation and destruction of temples does not cause any strong reaction in society. There are a number of reasons for this state of affairs, probably rooted in the ideological principles of neoliberalism, including the peculiarities of teaching history at schools, the politics of laicism, transmission disruptions, the evolution of former cultural values, etc.

Keywords: Christian heritage, Catholic Church, France, cultural heritage, vandalism, secularization, de-Christianization

Margarita K. LYUBART — PhD (History), Senior Researcher of the Institute of Ethnology and Anthropology of The Russian Academy of Sciences. Moscow, Russian Federation. — Margarita_Lubart@mail.ru

А.В. Буданов

О СОХРАНЕНИИ ЧЕЛОВЕКА И ЧЕЛОВЕЧНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ НАСТУПАЮЩЕГО ВАРВАРСТВА

ЛОВУШКИ НА ЭТОМ ПУТИ*

Главная тема статьи — личность в современных условиях нарастающего варварства. Главная идея — сохранение человека и человечности в этих условиях. Освещаются проблемы, стоящие перед человеком, не желающим поддаваться деструктивным варваризующим влияниям. Показаны некоторые практическеие пути сохранения человека и человечности в условиях наступающего варварства и охарактеризованы ловушки на этом пути.

Ключевые слова: личность, варварство, постмодерн, постмодернизм, варвары от постмодерна, ловушки, сохранение человека и человечности.

Анатолий Валентинович БУДАНОВ — доктор педагогических наук, профессор, независимый исследователь. Российская Федерация, Москва. — a-budanov@yandex.ru

---

* Статья является заключительной в серии статей автора, помещенных в ежегоднике «Цивилизация и варварство» и посвященных общей проблеме сохранения человека и человечности в условиях современного цивилизационного кризиса: «Варваризация в пространстве взаимодействия «свои» — «чужие» (*Буданов А.В.* 2014); «Человек vs варварство» (*Буданов А.В.* 2015); «Личная информационная безопасность в эпоху «нового варварства» (*Буданов А.В.* 2018).

Цивилизация и варварство
2020. Вып. IX. С. 63-95
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2020. Issue IX. P. 63-95
DOI: 10.21267/AQUILO.2020.9.9.022

Praemonitus, praemunitus[1]

ВРЕМЕНА СОВЕРШЕННОЙ РАЗОРВАННОСТИ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА

В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова слово «наступать» имеет три значения: как синоним слова «наступить», т.е. придавить ногой что-либо; как синоним слова «наступать» о времени и состоянии, т.е. начаться, настать; и «наступать» в смысле вести активные военные действия, двигаться вперед[2]. По странному совпадению все эти три значения подходят для характеристики современного варварства. Оно наступает на человека, стремится придавить его; оно наступает, т.е. начинает энергично развиваться и во времени и как состояние социума; и, наконец, оно агрессивно, ведет активные наступательные действия против цивилизации и цивилизованной личности.

Для системных и, главное, эффективных процессов контрнаступления на варварство, время, видимо, еще не настало. Более того, многие исследователи цивилизационных проблем современного мира, в частности — варварства и цивилизации, разделяют мнение, что

> «...чем больше человек стремится ввысь и в свет, тем сильнее его корни стремятся в землю и вниз, в глубину, во тьму»[3]; «цивилизация не только не смогла еще изжить некоторые формы древнейшего варварства, но и порождала на каждой ступени своего развития — наряду с новыми средствами цивилизации — и «новое варварство»[4]; «конец XX – начало XXI века с феноменальной ясностью обозначили кризис современной мировой цивилизации <...> Достигнув вершины своего материально-технического развития, цивилизация встретилась с вызовом варварства»[5].

---

[1] «Предупрежден, значит, вооружен» (лат.).
[2] *Ожегов С.И.* 1983, 346.
[3] *Гуревич П.С.* 2018, 307.
[4] *Мотрошилова Н.В.* 2010, 118.
[5] *Буданова В.П.* 2018а, 509.

И очень современно в начале XXI века звучат слова Павла Диакона, сказанные им о своем времени (VIII в.): «было великое плодородие, но времена были варварские»[6].

Даже более сдержанные в оценках аналитики говорят о высокой степени неопределенности будущего. Так, основатель и президент Всемирного экономического форума в Женеве Клаус Шваб в книге «Четвертая промышленная революция» признанает, что

> «...мы пока не имеем представления, как в дальнейшем будут развиваться преобразования, обусловленные этой промышленной революцией[7]». «Охват развивающейся технологической революции способствует экономическим, социальным и культурным изменениям таких феноменальных масштабов, которые совершенно невозможно прогнозировать»[8], а «характер происходящих изменений настолько фундаментален, что мировая история еще не знала подобной эпохи — веремени как великих возможностей, так и потенциальных опасностей»[9].

Он считает также, что, возможно, «четвертая промышленная революция и несет с собой разрушительные последствия, но мы создали своими руками те сложные задачи, которые она нам ставит. И поэтому в наших силах решить эти проблемы»[10].

Да, человечество доказало, что ему по силам решать сложнейшие проблемы. Но за свою историю человек сотворил также немало глупостей и мерзостей, которые исправить было невозможно, например, уничтожение целых народов и цивилизаций. Коме того, хотя специально в книге проблема варварства не поднимается, но ее материалы позволяют высказать предположение, что по мере развития четвертой промышленной революции причины и условия существования одних видов варварства будут уходить в прошлое и соответствующие проявления варварства будут изживаться, но не исключено появление новых причин и условий существования варварства в новых его проявлениях.

---

[6] “...terrae ubertas nimia, sed tempora fuere barbarica” (Павел Диакон. VI. 35).

[7] *Шваб К.* 2019, 10.

[8] *Шваб К.* 2019, 42.

[9] *Шваб К.* 2019, 21.

[10] *Шваб К.* 2019, 127.

Этот далекий от оптимизма перечень оценок можно продолжить. Но, вне зависимости от того, преодолеет человеческая цивилизация рано или поздно варварство или нет, сегодня варварство – реальность, завоевывающая все новые позиции. И все чаще кажется, что вполне справедливы слова Э. Тоффлера: «Нет таких ключей времени, которые усиливали бы наше чувство будущего <...> которые своими корнями уходими бы в будущее»[11].

Какое-то время в XIX–XX вв. таким «ключом времени», открывающим позитивные перспективы будущего и усиливающим чувство будущего, была марксистская теория. Но события последних десятилетий XX в. - первых десятилетий XXI в. показали, что это или не тот ключ, или он попал не в те руки. И, даже не сбрасывая марксизм со счетов в принципе, трудно предположить, что современно переосмысленная марксистская теория в ближайшее время станет обоснованной и практически осуществимой доктриной преодоления варварства[12].

Но, если светлое будущее в ближайшее время не предвидится, то встает фундаментальный вопрос — как жить все еще цивилизованному человеку во все более варваризующемся мире? Конечно, в современной философии есть не лишенное оптимизма утверждение, что «человек — единственное существо на земле, которое может существовать в ситуации абсурда»[13]. Определение абсурда как «смыслового антипода» цивилизационных завоеваний, достигнутых «еще при условии данной исторической эпохи»[14], антипода, разрушающего эти завоевания, к нашему времени вполне подходит. Но даже при таком «утешении философией», человеку тем более нужна позитивная доктрина, отвечающая на вопрос: «Как жить?»

---

[11] *Тоффлер Э.* 2004, 461.

[12] Хотя все чаще вспоминаются слова Э. Фромма: «Роза Люксембург, одна из величайших интерпретаторов Маркса, сформулировала его позицию следующим образом: в нашем веке у человека есть альтернатива выбирать «между социализмом и варварством» (*Фромм Э.* 2014, 161). И, если вопрос о социализме остается открытым, то по поводу варварства как альтернативы первый классик марксизма оказался провидцем, в том числе, для конца XX – начала XXI вв.

[13] *Гуревич П.С.* 2018, 240.

[14] Новейший философский словарь. 2005, 6.

Один из возможных ответов на этот вопрос можно найти у Э. Тоффлера:

> «Для того, чтобы выжить <...> индивид должен стать бесконечно более адаптируемым и знающим, чем когда-либо раньше. Он должен искать абсолютно новые способы бросить якорь, ибо все старые корни — религия, нация, общность, семья или профессия — уже шатаются под ураганным натиском силы ускорения»[15].

Однако, этот ответ порождает сложную коллизию применительно к современной ситуации, когда ускоряются прежде всего процессы варваризации, особенно, если принять за истину другую мысль футуролога, высказанную в той же книге «Шок будущего»:

> «Способность заглядывать вперед играет в адаптации решающую роль... одна из секретных пружин успешного преодоления кроется в чувстве будущего, свойственном конкретному индивиду <...> чувство будущего играет такую важную роль в его способности преодолевать трудности»[16].

Но, что значит сегодня адаптироваться? Что значит заглядывать вперед? Перспктива, действительно, играет огромную стимулирующую роль при позитивном, пусть даже весьма противоречивом, развитии цивилизационных процессов. Однако сегодня способность заглядывать вперед — это осознать, что деструктивные и варваризующие тенденции развиваются как доминантные. «Чувство будущего» пока не сулит оптимизма. И чем дальше идет процесс варваризации, тем больше людей самого разного возраста отрицают наступающее будущее и все более чувствуют себя чужаками в существующей реальности[17].

---

[15] *Тоффлер Э.* 2004, 48.

[16] *Тоффлер Э.* 2004, 456–457.

[17] Данное утверждение имеет под собой реальные основания. Современный отечественный философ Гречко П.К., опираясь на расчеты Э. Тоффлера (*Тоффлер Э.* 2004, 51-52), пишет: «70% населения Земли живет в прошлом (разном прошлом), 25% — в настоящем (в современности), 3% — в будущем, ну а остальные просто маргиналы — они выпадают из всякого времени. Так что ситуация наша — не классическое «распалась связь времен», а скопление, нагромождение разных времен, и

Среди них немало пожилых, которые очень дискомфортно чувствуют себя в новых временах. Но немалая часть их отнюдь не старики по возрасту, в том числе — двадцатилетние, тридцатилетние и сорокалетние, которые в силу разных причин усвоили те самые прошлые цивилизационные завоевания и гуманистические начала как органическую часть всоего «Я». Или, даже имея весьма поверхностное представление о завоеваниях и ценностях прошлого, а порой и относясь к ним скептически, еще более они отрицают то, что предлагают или навязывают новые времена. Некоторые из них, не имея сил и возможностей утвердить в реальности свое «Я», уходят во «внутреннюю эмиграцию», отгораживая себя от окружающего мира. Иные, не видя возможности открыто сопротивляться надвигающемуся варварству, адаптируются к нему, принимая, по крайней мере внешне, его правила. Кто-то вынужден просто выживать. Кто-то деградирует и превращается в «социальный овощ». Но не все.

Может быть, они и не читали Э. Фромма, но в условиях варваризующегося мира они почувствовали справедливость высказанной им истины, что «человеку нужна система координат, некая карта его природного и социального мира, без которой он может заблудиться и утратить способность действовать целенаправленно и последовательно»[18]. И они ищут — что можно положить в основу этой системы координт сегодня, если будущее мировоззрение еще только зарождается, а вчерашние и сегодняшние мировоззрения линяют одно за другим?

сложная, нередко конфликтная диалектика их взаимосвязи» (*Гречко П.К.* 2015, 11). Конечно, Элвин Тоффлер при всей своей футурологичской проницательности, даже подчеркивая, что «сегодня весь мир — это быстро исчезающая ситуация» (*Тоффлер Э.* 2004, 18) пятьдесят лет назад не мог предположить столь стремительной варваризации, кторую мы видим сегодня. Но приведенные им цифры вряд ли изменились за это время в сторону большего числа живущих в настоящем, тем более, что времена сейчас куда более варварские, чем в момент выхода книги «Шок будущего».

[18] *Фромм Э.* 2016, 300.

ЧЕЛОВЕК В ПОИСКЕ СИСТЕМЫ КООРДИНАТ

В современных условиях наступающего варварства, когда «воспроизводить себя, обеспечивать свою выживаемость <...> возможно лишь постоянно совершенствуя собственные способности своей выживаемости»[19], система координат человека, его позитивная доктрина, должна отвечать, как минимум, на три вопроса:

— Какую систему идей об отношения к миру и событиям, в нем происходящим, к людям, к самому себе и своей жизни можно взять за основу для позитивной самореализации, позитивного самоутверждения, самоуважения и сопротивления варварству?

— Какую соответствующую личную технологию поведения надо выбрать?

— Что собой представляет та часть технологии поведения, которую можно обозначить как технологию самосохранения от варваризующих воздействий?

И в этой технологии самосохранения в условиях нарастающего варварства особо актуальны вопросы распознавания и избежания ловушек и засад, которые стоят на пути человека, не желающего поддаваться деструктивному воздействию варварства.

Но, во времена «совершенной разорванности окружающего мира»[20], когда «нарастающие, углубляющиеся, включающие все

---

[19] *Ахиезер А.С.* 2003, 132.

[20] *Писарев Д.И.* 1956в, 235. Это мнение Д.И. Писарева о своем времени (60-е гг. XIX в.) вполне подходит для характеристики наших дней. Наше время по разорванности его времени явно не уступает: «Социальность как форма межлюдских связей не отлажена <...> становится все более кризисной и неуправляемой. Многие философы отмечают надвигающийся крах социальности, не способной обеспечить совместную жизнь человечества» (*Гуревич П.С.* 2018, 6). Автор и далее будет обращаться к творчеству одного из умнейших людей своего времени — Дмитрия Ивановича Писарева. Как это ни парадоксально, но в его статьях, написанных сто пятьдесят лет назад, содержатся идеи, крайне актуальные и сегодня. Причем, он мог не только кратко и ясно, даже образно, выражать суть самых сложных идей, но и прокладывать «мостик» от идеи к конкретному действию, представляя, говоря его словами, «практиче-

новые сферы на протяжении последней четверти XX в. кризисные состояния вылились в 1990-е годы в общий глобальный кризис, охвативший все основные области жизнедеятельности человека»[21], кардинальным вопросом прежде всего является — а возможна ли сегодня вообще какая-то личная позитивная доктрина, позволяющая сохранить самоуважпение и не поддаться разлагающему влиянию варварства, избежать его ловушек? Тем более, что в такие времена на уровне массового сознания нарастает «особая открытость к эсхатологическому образному строю, жажда эсхатологических моделей и переживаний <...> Растет общая тревожность, местами возникает эсхатологическая истерия»[22].

Звучит все больше предсказаний о конце света, конце цивилизации, конце народа, в общем — о неизбежном «конце всех концов». Особенно опасны те, кто искренне верит в свои предсказания. Их можно понять, более того — для таких прогнозов есть основания. Но, сами того не желая, предсказатели конца света играют на руку тем, кто вполне сознательно и в своих интересах внушает базысходность и бессилие перед наступающим варварством. Человек, почувствовавший свое бессилие — легко управляемый человек. А желающие управлять другими, которых сейчас все больше, с чувством глубокого удовлетворения будут взирать на чистые и светлые слезы подобных предсказателей и сделают все возможное, чтобы эти слезы подольше не высохли.

Предсказателей подстерегает и более хитрая ловушка. Предсказания могут стать своеобразной формой приятно засасывающего самоутверждения: «Это вы ничего не видите и не понимаете.

ские выводы и частные приложения». Качество, почти утраченное в наши дни. И, видимо, пора вспомнить его слова: «мы бедны, потому что глупы, и мы глупы потому что бедны» (*Писарев Д.И.* 1956а, 9). Сегодня это можно понять так: мы бедны умом, потому что имеем глупость игнорировать умные мысли, высказанные до нас; и мы глупы, потому что слишком бедны наши знания о высказанных до нас умных мыслях. Поэтому в статье будут использоваться, по возможности, и писаревский подход — от идеи к частному приложению, и писаревские формулировки, адекватные сегодняшней ситуации, в том числе — предупреждения о ловушках.

[21] *Сайко Э.В.* 2002, 83.

[22] *Яковенко И.Г.* 2002, 139.

Вам как инфузориям-туфелькам нужно только есть и размножаться. Но я то чую, чую — грядет великий кирдык! Потому что я — умный, а вы — одноклеточные!»

Предостерегая от подобных ловушек, Д.И. Писарев утверждал:

> «Самому признать себя заеденным, изломанным и погубленным — значит заживо лечь в могилу <...> те люди, которые на что-нибудь годятся, борются с неблагоприятными обстоятельствами и, по меньшей мере, умеют отстоять против них свое собственное нравственное достоинство»[23].

Вопрос о возможности позитивной доктрины, включающей технологию самосохранения, неразрывно связан с пониманием того мира в котором живет человек. И здесь снова следует вспомнить слова-предостережение Д.И. Писарева, звучащие сегодня более чем актуально: «Нет той дряни, которую нельзя было бы украсить каким-нибудь ласкательным эпитетом»[24]. В присущей ему образной форме он предупреждает о весьма распространенной и в наше время ловушке — подмене понятий для маскировки смысла. Сегодня в качестве подобного украшения, прикрывающего современное варварство, используется слово «постмодернизм».

Объективно постмодернизм — это некоторая рефлексия и сущностное свойство эпохи постмодерна[25]. Многие его проявления являются явными признаками кризиса цивилизационного развития. Так, согласно одному из отечественных изданий, к сущностным проявлениям постмодернизма относятся:

> «Критика классического рационализма, философии Просвещения, теории общественного прогресса, социализма, марксизма, эволюционизма <...> Отрицание деления мировой истории на прошлое, настоящее и будущее <...> Отрицание науки как средства познания объективной действительности <...> Пол-

---

[23] *Писарев Д.И.* 1956в, 188-189.

[24] *Писарев Д.И.* 1956б, 179.

[25] Термины «постмодерн» и «эпоха постмодерна» в статье используется в хронологическом смысле чтобы обозначить «исторический период, следующий за модерном <...> Считается, что постмодерн начал развиваться в 1970-е годы» (*Гидденс Э., Саттон Ф.* 2018, 33-34).

ный разрыв с прошлым <...> Эпоха постмодерна — эпоха товарного фетишизма. Даже духовное творчество превращено в товар <...> Человек эпохи постмодерна — это массовый человек, характерной чертой которого является полная потеря своей индивидуальности»[26].

Пока еще сложно понять — это кризис роста или кризис распада, ибо «восхождение человечества к принципиально новой цивилизации предпологает не только прогресс, но и известный регресс, являющийся не деструктивным, а конструктивным»[27]. Но этот кризис явно выступает питательной почвой для произрастания варварства, признаком нарастания варварства, а проявления его, при сответствующей интерпретации, могут служить для современного варварства «теоретической основой».

Используя объективные кризисные явления, сознательно усиливая их для замутнения умов, современные варвары[28] в лучших традициях латентного варварства ловко подменяют понятия и смыслы. В итоге — замаскированная ловушка для сознания, скрывающая подлинную суть времени в интересах носителей современного варварства[29]. А также недвусмысленно намекающая на неизбежность и непобедимость творимого варварства Не нравится? Ничего не поделаешь — такие времена настали. Постмодернизм-с!

Это ловушка, как минимум, двойная. Мало того, что внушается бессилие перед окружающим варваризующимся миром. Здесь может сработать и другой чисто психологический момент. Чаще всего опровергать подобные интерпретации, используя какие-то рациональные аргументы, практически бесполезно. Современные

---

[26] *Гобозов И.А.* 2008, 227-229.

[27] *Хренов Н.А.* 2003, 343.

[28] Подробнее о личности современного варвара и его менталитете см.: *Буданова В.П.* 2019; *Буданов А.В.* 2019, 2016, 2015; *Следзевский И.В.* 2019; *Мотрошилова Н.В.* 2010; *Иванов Д.В.* 2002.

[29] «Постмодернизм или постмодерн – прекрасное понятие, которое вмещает в себя все, что душе угодно» (*Кривицкая-Барабаш Н.А.* 2007, 133). Естественно, «отцы постмодернизма» — Р. Ранвиц, А. Тойнби, Ф. Джеймисон и ряд других исследователей такого «варварского» поворота не предполагали (см.: Новейший философский словарь. Постмодернизм. 2007).

варвары демонстрируют такую железобетонную тоталитарность мышления, что поколебать их, а тем более переубедить, невозможно никакими аргументами. Они чувствуют, что в этом случае начинает рассеиваться тот словесный туман, за которым они скрывают свои подлинные цели и желания, и сыплется их высокое представление о собственной персоне. А свою персону они берегут и защищают, не жалея сил. И их невосприимчивость к аргументам порой можно принять за слабость и недостатчность самих аргументов, следовательно — за слабость антиварварской позиции. Здесь часто единственный действенный инструмент — это смех, ирония, сарказм. Еще Д.И. Писарев говорил: «*смех прорезывает такие туманы, которые не поддаются серьезной аргументации*»[30].

Смех нужен и для того, чтобы «вирус постмодернус», активно распространяемый современными варварами, не заразил еще здоровые умы и души. Да и для личной нравственно-психологической гигиены человека смех весьма полезен. Смех, ирония, сарказм — лучшие средства противодействия эмоциональному прессингу и манипулированию сознанием, блокирующему способность к здравому мышлению.

Но в неприятии и активном противодействии современному варварству также может скрываться не одна интеллектуально-нравственная и даже эмоциональная ловушка. Эти ловушки тем более опасны, что их труднее разглядеть и почувствовать, ибо их истоки именно в поле противостояния варварству. Уже говорилось о ловушке, подстерегающей «предсказателей». В отрицании также есть своя скрытая опасность. Его необходимый эмоциональный компонент может затягивать и разрастаться до полного вытеснения рацио. Это уже «точки риска» — ситуации, являющиеся разрушительными для стабильности личности и ограничивающие эффективность поведения»[31]. А современные варвары знают, что подобные точки риска — оптимальные ситуации для того, чтобы «превращать детерминированные факторы для соперника в случайные и неопределенные <...> чтобы соперник не понимал своих целей». И, «пользуясь непониманием соперником своих целей, на-

[30] *Писарев Д.И.* 1956а, 73.
[31] *Бухарин С.Н., Цыганов В.В.* 2007, 206.

правлять его в нужном направлении»[32]. К этому можно лишь добавить, что такие точки риска — важное условие эффективности столь любимого варварами от постмодерна приема как опрежающее эмоциональное воздействие, блокирующее способность к рациональному мышлению. Здесь объект манипулирования уже сам достиг нужной кондиции.

Еще опаснее то, что даже сознательное и справедливое отрицание может затянуть и ослепить человека, когда в единстве с отрицанием нет доктрины позитивной мысли и позитивного действия. Это банально, но многие отрицатели, даже самые искренние и справедливо отрицающие, испытывали некоторую растерянность, когда их спрашивали самое главное — «А что делать?» Тем более, что отрицательная доктрина может быть весьма притягательной.

Здесь ловушка в том, что отрицание — мощное средство самоутверждения. Отрицая, легко чувствовать себя самым мудрым и проницательным. Но, отрицая разные изыски современных варваров, легко в экстазе искренного отрицания отказаться от реально необходимых сегодня как точки опоры мыслей, отношений, ценностей, норм, в том числе — сугубо современных. И запутаться в определении того, что же действительно стоит отрицать. Или вообще скатиться к тотальному отрицанию, а «всеотрицающий идеальный фанатизм — опасная, подкапывающаяся под жизнь сила»[33]. И этим же подыграть варварам, которым только и надо, чтоб человек оказался с такими сомнительными точками опоры как «идеальный фанатизм» или вообще без точек опоры. Тогда возможности управления им почти безграничны.

Для «новых людей», как называл Д.И. Писарев лучшую часть его сорвременников, одной из важнейших была идея социально ценного труда. Эта идея является важнейшей и для современной позитивной доктрины. Несмотря на все старания современных варваров, «Мастерство» и «Дело» еще остаются неизменными «социально-целевыми ценностями»[34]. Для «мыслящего пролетариата» XXI в. (термин Д.И. Писарева, вполне актуальный в наши

[32] *Бухарин С.Н., Цыганов В.В.* 2007, 300.
[33] *Ильин В.В.* 2005, 71.
[34] *Ильин В.В.* 2005, 16.

дни) труд придает жизни смысл. Он также «есть необходимое условие самосохранения, необходимое лекарство против заразительной пошлости»[35]. Тем более сегодня, когда многие смыслы, особенно морально-нравственные, стараниями современных варваров девальвированы, искажены или опошлены[36]. Именно такой труд является антитезой отрицаемым мыслящим пролетариатом ценностям «общества потребления», которые столь энергично внедряются современными варварами (вспомним — «Ешь, пей, жуй!»). И одной из самых трагических коллизий для незатронутых варварскими влияниями людей XXI в. является ситуация, когда такой труд недоступен, невозможен, теряет свой смысл, или когда уже нет сил и здоровья для такого труда.

Но с трудом тоже связана серьезная ловушка. В наше время не всякий человек может найти себе возможность заниматься любимым социально ценным делом. Или само дело недоступно, или оно недостаточно оплачиваемо. Так что социально ценный труд требует нередко еще и дополнительной работы, которая, увы, может быть далека от высокой социальной ценности, но является единственно возможным способом заработать, чтобы удовлетворить неизбежные потребности в еде, одежде, крыше над головой и т.п. для себя и своей семьи или даже, по необходимости, заниматься только такой работой. Это нередко может породить острую коллизию выбора: труд социально ценный, но малооплачиваемый — или труд сомнительной социальной ценности, но приносящий весомый доход. Тут уже не ловушка, это — западня, выбраться из которой по силам не каждому и не всегда.

Но и это — не единственная опасность. Одна из особенностей современной эпохи — это подмена деятельности псевдодеятельно-

---

[35] *Писарев Д.И.* 1956а, 69.

[36] К. Шваб, высоко оценивающий четвертую промышленную революцию как феномен, который «предусматривает, как минимум, преобразование человечества» (*Шваб К.* 2019, 9) констатирует: «опасность заключается в том, что четвертая промышленная революция делает принцип «победитель получает все» доминирующим в отношении между странами и внутри их. Это усугубит социальное напряжение и конфликты, обусловит создание менее взамиосвязанного и более нестабильного мира» (*Шваб К.* 2019, 61).

стью. Эпоха постмодерна, вполне справедливо названная «информационной» представляет для вовлечения в псевдодеятельность немыслимые ранее возможности в логике виртуальной реальности.

> «Сущностный принцип этой логики — замещение реальных вещей и поступков образами-симуляциями. Такого рода замещения можно наблюдать практически во всех сферах жизни современного человека, и это дает основание для целостного описания социокультурных изменений рубежа XX–XXI вв. как процесса / процессов виртуализации общества»[37].

По мнению отечественного исследователя Д.В. Иванова, весьма ярко это проявляется в сфере современного искусства: «*Мы живем в эпоху искусства симуляций и симуляций искусства*»[38], в эпоху постмодерна «создается не произведение искусства, а скорее *образ* его»[39], вплоть до создания «принципиально нехудожественного объекта»[40]:

> «В ситуации, когда произведение виртуализируется, виртуализируется и художественное «производство». Создание произведений превращается в «проект» — комплекс PR-акций, в котором утрачиваются различия между рекламой и художественными практиками в традиционном их понимании <...> Образ проекта и эстетически и экономически первалирует над собственно его реализацией»[41].

Сходное «псевдо» затронуло. по мнению автора, и сферу науки, где

> «...процесс верификации гипотез все чаще замещается процессом фальсификации... Объект науки и ее процедуры виртуализируются... критерий истины полагает не в воспроизволимости результатов или в консенсусе коллег-экспертов, а в поддержке спонсоров <...> В деятельности ученых и студентов все больше сил и времени отводится созданию и презентации образа, необходимого для успеха в конкурсах на получение грантов,

---

[37] *Иванов Д.В.* 2002, 6.
[38] *Иванов Д.В.* 2002, 122.
[39] *Иванов Д.В.* 2002, 119.
[40] *Иванов Д.В.* 2002, 117.
[41] *Иванов Д.В.* 2002, 121-122.

> стипендий на обучение за границей <...> именно по числу публикаций и ссылок на них определяется ныне академический статус и, соответственно, право ученого на получение различных грантов. Дополнительным фактором служит число конференций, в которых ученый принял участие и число ранее полученных грантов»[42].

Все сказанное вполне можно отнести к разновидностям ловушек вовлечения в псевдодеятельность, причем, не только в сфере искусства и науки. Стоит лишь добавить, что подмена деятельности псевдодеятельностью может приносить сегодня отнюдь не виртуальный результат. Порой псевдодеятельность вознаграждается более существенно, чем реальный социально значимый труд. И это делает западню еще более коварной.

Но всё же труд — надежный «якорь» и важнейшая составляющая убеждений, ценностей и норм для незатронутого варварством человека XXI в. Он также верит, что «не богадельня, а мастерская может и должна обновить человечество»[43].

Но это якорь не единственный. «*Надо думать!*» — к этому призывал Д.И. Писарев еще сто пятьдесят лет назад, но для человека, не желающего поддаваться варварству, это и сегодня является «самой насущной, самой неотразимой потребностью нашего времни»[44]. И, словно продолжая мысль критика, современный философ П.К. Гречко утверждает: «Человек — существо с ярко выраженной волей к смыслу»[45].

Но в наши дни думать, а тем более — искать смыслы, пожалуй, посложнее, чем в XIX–XX вв. Мало того, что нарастает совершенная разорванность окружающего мира, и осмыслить существующую реальность все сложнее. Становится все больше и больше желающих в своих интересах управлять сознанием и поведением как можно большего числа людей. И все больше возможностей управлять — ибо настал постмодерн, которого «характеризует конец упований на всемогущество разума и науки, <...> крах разума, как понятия»[46]. Современные варвары — в первых рядах

---

[42] *Иванов Д.В.* 2002, 110-113.
[43] *Писарев Д.И.* 1956е, 14.
[44] *Писарев Д.И.* 1956а, 79.
[45] *Гречко П.К.* 2015, 16.
[46] Словарь историка. 2011, 135-136.

желающих. Крах разума — это именно то, что нужно варварству для его победного шествия, для превращения абсурда в аномальную норму и новый социальный быт. Поэтому столь актуальна в наше время способность к самостоятельному, «неотцифрованному» мышлению, наличие системы собственных взглядов и позиций, иммунитет к внушаемому современными варварами.

Но и здесь есть опасность попасть в ловушку псевдоидей и псевдоавторитетов. Заразительность псевдоидей, особенно специально внушаемых, в значительной мере определяется особенностями настоящего времени. «Постмодернизм означает уравнение в правах «объективного» и «субъективного», «рационального» и «иррационального», «научного» и «ненаучного», «архаичного» и «современного»[47]. И эта тенденция создает реальную возможность целенаправленного создания смысловых «вирусов» для внедрения их в сознание людей.

Для примера. Подобный интеллектуальный «коктейль», стократно усиливаемый СМИ и Интернетом, позволил за несколько десятилетий разрастись до мировых пределов псевдоидее «общества потребления». О такой ловушке предупреждал еще С. Хантингтон в 90-е годы прошлого века:

> «Выдвигаемый аргумент о том, что распространение по всему миру поп-культуры и потребительских товаров олицетворяет триумф западной цивилизации — это опошление западной культуры. Суть западной цивилизации — это Magna Carta, а не Magna Mac-Donald's»[48].

К. Шваб не рассматривает проблему общества потребления специально, хотя вопросов потребления касается неоднократно. Но один короткий фрагмент его книги стоит целой критической статьи. Говоря об «ошеломляющих достижениях в области биологии», он предупреждает:

> «Мы <...> рискуем превратить родительство в еще одно проявление общества потребления, и в этом случае наши дети могут превратиться в товар, сделанный по нашему пожеланию»[49].

---

[47] *Иванов В.Д.* 2002, 67.

[48] *Хантингтон С.* 1996, 75-76 (Magna Carta — Великая хартия вольностей).

[49] *Шваб К.* 2019, 122.

Что же касается псевдоавторитетов, то стоит опять вспомнить Д.И. Писарева. Можно сказать, что он дает нам четкую формулировку алгоритма подхода к авторитетам, который свехактуален и сегодня. Как будто предчувствуя, что «европейские ценности» станут одним из любимых аргументов современных варваров, в статье «Прогулка по садам российской словесности» Д.И. Писарев говорит:

> «*Вся Европа* — это, разумеется, авторитет очень почтенный, но не мешает помнить, что *вся Европа* сжигала еретиков и колдунов, что *вся Европа* считала пытку и мучительные казни необходимою принадлежностью уголовного процесса. *Вся Европа* делала очень много глупостей, и если она могла делать капитальные глупости в XVII и XVIII веках, то почему же мы должны быть несокрушимо уверены в том, что она не делает в XIX столетии решительно никаких глупостей?»[50].

А впереди еще будет история Европы XX в. с ее чудовищными формами насилия и агрессии, холокостом и терроризмом.

«*Надо думать*» — это в наши дни и средство умственного и нравственного самосохранения. В поисках позитивных идей как основы для позитивных действий современный человек вполне может попасть под скрывающее ловушку коварное обаяние современных варваров. Они сегодня отнюдь не только неистово превозносят свои идеи (и, конечно, самих себя), и не менее неистово обличают своих духовных и интеллектуальных противников и их идеи. Они наловчились в своих интересах предавать анафеме действительные безобразия, причем столь страстно и под знаменами таких «гуманитарных ценностей» и «прав человека», что напоминают центрального персонажа пьесы А.В. Сухово-Кобылина «Смерть Тарелкина». Тот, «когда объявили прогресс <...> стал и пошел перед прогрессом — так что уже Тарелкин был впереди, а прогресс сзади![51]».

Это может произвести впечатление даже на умного человека, которому эти безобразия тоже не по душе. Здесь стоит снова вспомнить слова Д.И. Писарева:

---

[50] *Писарев Д.И.* 1956д, 281.

[51] *Сухово-Кобылин А.В.* 1984, 196.

> «Надо <...> знать общие и коренные причины того нравственного безобразия, отдельные проявления которого <...> бросаются в глаза и возбуждают против себя <...> негодование <...> Надо действовать <...> против этих причин <...> и этим образом действий <...> приносить людям гораздо больше пользы, чем сколько могло бы им принести самое настойчивое и неустрашимое называние всех воров — ворами, а всех дураков — дураками»[52].

Но, коренные причины безобразия неотрывны от самих носителей варварства. Именно их стараниями возрастает число и воров, и дураков. За обличением отдельных воров они прячут разрастающееся воровство. За обличением конкретного дурака они прячут все возрастающий их усилиями идиотизм жизни. Вспоминаются слова Р. Барта, что порой, признавая мелкое зло, нас отвлекают от зла настоящего, избегают его называть, заговаривают его[53].

К Д.И. Писареву стоит прислушаться и по особо важному сегодня вопросу о соотношении убеждений и практических поступков, тем более, что он вновь предупреждает о скрытой ловушке:

> «Конечно, если бы реалисты к каждому своему шагу приплетали высокие рассуждения о человеколюбии и глубокие вздохи о человеческих страданиях, то это было бы и глупо, и скучно и, наконец, сделалось бы невыносимым как для самого реалиста, так и для всех его знакомых <...> К высшей идее реалист обращается чрезвычайно редко. Обыкновенно он имеет дело только с ее практическими выводами и частными приложениями»[54].

Более того, он с сарказмом пишет о «донкихотстве, которое могло развиться от необузданной любви к идее»[55].

Но сегодняшнее донкихотство бывает и более противоречиво, порой — трагично. Система взглядов нормальных людей составляет основу устойчивости их личности. В условиях навязываемой переоценки ценностей, где «все относительно», эта система взгля-

---

[52] *Писарев Д.И.* 1956к, 284-285.
[53] *Барт Р.* 2008, 131.
[54] *Писарев Д.И.* 1956а, 65.
[55] *Писарев Д.И.* 1956ж, 156.

дов испытывает мощный прессинг. И, сохраняя свое «Я» в противовес этому прессингу, порой бывает очень трудно удержаться от возведения даже самой лучшей идеи в абсолютный принцип. А еще хуже, — сделать такой принцип тотальным руководством к каждому конкретному действию, не смотря ни на что. Как говорят на Украине: «Уморюся, но не покорюся!» Это опасная ловушка: абсолютизация даже самых высоких принципов — верный путь к их девальвации и, соответственно, кризису личности. «Краеугольный камень безумцев — спотыкаться от усердия воплощать идеалы»[56].

«Я», «МЫ» И «ОНИ»

«Мыслящий работник» — ключ к пониманию отношения «нового человека» к самому себе. Только «ценою труда и лишений, — говорит Д.И. Писарев, — он купил себе право глубоко и сознательно уважать самого себя <...> Новые люди всеми преимуществами своего типа обязаны живительному влиянию любимого труда»[57].

> И «...новый человек верит своему уму, и верит только ему одному; он вводит свой ум во все обстоятельства своей жизни <...> потому что нет той вещи и того чувства, которые его ум мог бы замарать или опошлить своим прикосновением»[58]. «Ум новых людей находится в полной грмонии с их чувством, потому что ни ум, ни чувство их не искажены хроническою враждою против остальных людей»[59].

Однако, тут же он предостерегает от опасной ловушки:

> «...но так как они даже в отношении к самим себе не могут быть слепыми и снисходительными, то им приходится держать ухо востро, чтобы удерживать за собою во всякую данную минуту свою любовь и свое уважение»[60].

Да, «держать ухо востро» крайне важно, чтобы, возгордясь своими прекрасными помыслами, великими трудами и лишения-

---

[56] *Ильин В.В.* 2005, 212.
[57] *Писарев Д.И.* 1956е, 19-20.
[58] *Писарев Д.И.* 1956е, 24.
[59] *Писарев Д.И.* 1956е, 24-25.
[60] *Писарев Д.И.* 1956е, 20.

ми, голубиной чистотой души и мудростью ума, не почувствовать себя неким избранным, вознесшимся над другими, которому позволено то, что не позволено простым смертным. И хотя от цитируемой статьи «Мыслящий пролетариат», вышедшей в свет в 1865 г., до нечаевского «Катехизиса революционера» было еще четыре года, Д.И. Писарев, наверное, уже чувствовал возможную угрозу вырождения Рахметова в Нечаева. Более того, пусть тогда еще не было понятия «двойные стандарты», в его словах по сути звучит предостережение от подобной ловушки.

Таким образом, отношение «нового человека» к самому себе, его самоуважение и самооценка строится на ряде идей:

— все, что я есть, я достиг собственным трудом;

— если я умен, то благодаря собственной умственной работе;

— мой ум и мои чувства не искажены хроническою враждою против остальных людей;

— я должен крайне требовательно относиться к самому себе чтобы удерживать за собою свою любовь и свое уважение.

Эти идеи, при всей их кажущейся простоте, могут серьезно помочь и современному человеку в сохранении и развитии его уважения к самому себе и родственным ему по духу и мысли людям, в его противостоянии варварству. Чувствуя это, современные варвары всячески стараются разрушить подобное личностное кредо человека.

Как продолжение идеи о донкихотстве, но весьма современно звучит и следующее убеждение Д.И. Писарева:

> «В жизни новых людей не существует разногласия между влечением и нравственным долгом, между эгоизмом и человеколюбием; это <...> позволяет им быть человеколюбивыми и честными по тому непосредственному сильному влечению природы, которое заставляет каждого человека заботится о своем самосохранении»[61].

Может быть, здесь и проглядывает некоторый писаревский идеализм, но указана черта характера, важная именно для современного человека и именно в условиях нравственного разрушения,

[61] *Писарев Д.И.* 1956е, 18.

вызываемого наступлением варварства. Человек тем более устойчив к наступающему варварству, чем более он способен поступать в соответствии со своей личной, глубоко укоренившейся позицией как естественной для него реакция. Ибо тогда отсутствует коллизия выбора, далеко не всегда способствующая самсосохранению, особенно духовному и психологическому.

Но наше время — время коллизий, в том числе специально создаваемых современными варварами. Коллизия — тоже вид ловушки. Это эффективное средство привести ум человека в замешательство, а потом направить его в нужное русло, чем современные варвары научились неплохо пользоваться. Для неискаженного варварством человека суть не в том, что он не может попасть в ситуацию, объективно требующую выбора, порой — трудного. Суть в том, что он изначально готов поступать соответственно своим взглядам. А выбор касается только линии поведения, определяемой целями, возможностями, ситуацией и здравым смыслом. Вспомним у Н.Г. Чернышевского: «Жертва — сапоги всмятку».

К нашим современникам, не желающим поддаваться варварству, вполне можно отнести и эти слова Д.И. Писарева:

> «Худы ли, хороши ли их убеждения, но они у них есть, и они ими дорожат; когда можно, они проводят их в общество; когда нельзя — они молчат; но лавировать и менять флаги они не хотят, да и не умеют»[62].

Хотя противостоящий варварству человек наших дней и понимает — развернуть и поднять свои флаги он, наверное, сможет еще не завтра. Он осознает горькую справедливость слов Д.И. Писарева, что «внешние обстоятельства, как слепые, стихийные силы, не поддаются ни на какие убеждения, как бы ни была высока и чиста личность убеждающего мыслителя»[63].

Как ни странно, но у Д.И. Писарева можно найти ответ и на один из самых трагических и сложных вопросов нашего времени: как относиться к окружающим в условиях нарастающего варварства и «расчеловечивания человеков». Он пишет:

---

[62] *Писарев Д.И.* 1956е, 7.
[63] *Писарев Д.И.* 1956е, 46.

> «...новые люди только в отношениях между собой развертывают все силы своего характера и все способности своего ума; с людьми старого типа они держатся постоянно в оборонительном положении, потому что знают, как самый честный поступок в испорченном обществе перетолковывается, искажается и превращается в пошлость, ведущую за собой вредные последствия»[64].

Вот только сегодня для человека, незараженного варварством, встретить другого, родного ему по духу и мыслям, не просто. Подобныех ему немало, но они разобщены, и порой их трудно рассмотреть. И потому, что по русской пословице: «Хорошее лежит, а плохое бежит». И потому, что им приходится держаться постоянно в оборонительном положении уже не с «людьми старого типа», а с «варварами нового типа», которые к тому же прекрасно умеют маскироваться. И потому, что современные варвары делают все возможное, чтобы разъединить людей.

Серьезной ловушкой может стать ложный выбор тех, к кому обращается человек в поисках единомышленников. Д.И. Писарев предупреждает:

> «...тот чудак, который вздумает возвещать толпе истины, противоречащие ее привычным понятиям <...> налагающие на нее обязанность встревожиться и задуматься, — может смело рассчитывать на все те мелкие, но чувствительные неприятности, преследования, подозрения и оскробления, которые в наше филантропическое время заменяют собою мученический венец»[65].

Помимо чувствительных неприятностей, которые не исключены и сегодня, не стоит забывать и о весьма соблазнительной и не менее опасной ловушке — «»эффект жертвы». Она оправдывает неудачи и создает благоприятную психологическую оболочку для

---

[64] *Писарев Д.И.* 1956е, 39.

[65] *Писарев Д.И.* 1956и, 249. Общий алгоритм понимания подобного типа ловушек характеризует современный философ В.В. Ильин: «исходная гипотеза состоит в утверждении существенного смешения у нас двух модусов полагания: opus operatum и modus operandi. Первый — модель, замысел; второй — реализация, способ действия. Гарнир из слез, которым вечно приправляют у нас социальные блюда, готовится в необоснованном отождествлении одного с другим» (*Ильин В.В.* 2005, 108).

самоутверждения: если я гоним *этими*, значит «я как жертва – существо на порядок выше, чем «злодей» (по крайней мере – нравственно выше), и я сам определяю степень свободы своих действий по отношению к «злодею» и оцениваю справедливость своих действий»[66]. Кстати, формировать «чувство жертвы» и использовать его в своих интересах, в том числе — направить это чувство против нужного *им* «злодея», варвары от постмодерна научились неплохо.

Некоторые мысли Д.И.Писарева звучат как написанное буквально вчера предупреждение о целой серии ловушек:

> «Справляясь с идеями, мы думаем, что нам также легко справляться с живыми явлениями, но вдруг оказывается, что живое явление затрагивает нас с такой стороны, которую мы и не подозревали в своей особе, когда производили наши теоретических комбинации»[67].

Так, многие из прекрасных качеств, которые столь высоко и справедливо ценит порядочный человек: гордость, честность, сочувствие, понимание, милосердие, вообще — творение добра, в нынешних условиях в конкретной жизненной ситуации могут создавать такому человеку реальные проблемы и весьма усложнить его жизнь. Мало того, что по отношению к нему под внешней демонстрацией этих качеств может маскироваться самое разнообразное варварство и безобразие. Эти же качества порядочных людей могут активно использоваться против самих же порядочных людей разными современными варварами, да и просто жуликами. Например, такое прекрасное качество как доверие к людям («Castis omnia casta»[68]) и те, и другие используют в своих интересах массово и нередко успешно. И необходимым дополнением к прекрасным словам Федора Гааза «Спешите творить добро!» сегодня стоит добавить: «Умейте творить добро!» По крайней мере так, чтобы оно не обернулось злом для вас и ваших близких.

Здесь надежной опорой выступает здравый смысл. Именно здравый смысл является в полемике Д.И. Писарева мощным ору-

---

[66] *Буданов А.В.* 2015, 461.
[67] *Писарев Д.И.* 1956а, 47.
[68] «Чистым все кажется чистым» (лат.).

жием, а в его понимании жизни и людей необходимым инструментом. Он с блеском обращается к нему, более того — призывает к нему, во многих статьях. Яркий пример — «Сердитое бессилие», «Прогулка по садам российской словесности» и «Посмотрим!». Привлекая здравый смысл (+ логика и сарказм), Д.И. Писарев показывает несостоятельность идей, которые активно внушаются теми, кого он характеризует весьма образно: «филейные части человечества»[69]. И призывает к здравому смыслу в противостоянии навязываемым ими разрушительным стандартам мышления и действия, даже если они облачены в самую привлекательную форму.

Это образное выражение демонстрирует важнейший принцип, характеризующий отношение Д.И. Писарева к подобного рода индивидуумам — полная невозможность уважения к ним. Тот же принцип отнюдь не устарел и в эпоху постмодерна. Нам остается только благодарить Дмитрия Ивановича за то, что он предложил столь точный по смыслу, но корректный по форме образный аналог нашему современному далеко не корректному «понятию», которое мы в разных вариациях все чаще употребляем сегодня по отношению к современным варварам и современному варварству.

Вполне достойные столь образной характернистики, современные варвары также изначально уважения не заслуживают. И, конечно же, мнение их, с точки зрения здравого смысла, не может ни оскорбить, ни расстроить нормального человека. Это мнение, из какого бы источника оно не исходило, стоит просто игнорировать, учитывая, однако, что в ряде случаев оно может быть сигналом опасности. Но порой приходится противостоять ему, когда варвары агрессивно наступают на те идеи, которые дороги порядочному человеку. Конечно же, не ради самих варваров — их переубеждать бесполезно, а ради тех, кого еще не затронули разрушительные идеи и веяния.

Это тем более важно, что в наше время варвары научились компенсировать невозможность завоевать реальное уважение подменой его неким внушаемым «позитивным имиджем». В отличие от их предтеч, возможность такой ловушки представляет им именно эпоха постмодерна, для которой «приоритетным в последние

[69] *Писарев Д.И.* 1956в, 188.

годы XX века стало развитие не информационных, а симуляционных технологий — технологий виртуальной реальности[70]», что позволяет «компенсировать с помощью компьютерных симуляций отсутствие социальной реальности»[71]. О практике внедрения подобных «виртуальных вирусов» в сознание человека говорит К. Шваб:

> «...новые технологии и социальные группировки и взаимодействия, которые ими обеспечиваются, позволяют практически кому угодно оказывать влияние на ситуацию и при этом такими способами, о которых невозможно было бы подумать уже несколько лет назад»[72].

Современные варвары занимают сегодня не последнее место среди управленцев виртуальной реальностью, а сама виртуальная реальность в наши дни уже все чаще претендует стать заменителем традиционного «что люди скажут». При этом уважение к мнению окружающих, сформированное еще в прошлые времена и им, в общем-то, соответствующее, еще живуче в качестве «пережитка лучшего прошлого». Все это позволяет современным варварам формировать нужные им мнения и отношения, в особенности, с помощью СМИ и Интернета. А дальше — по «теореме Томаса»: «принимаемое за реальное, реально по своим последствиям»[73].

В статьях Д.И. Писарева можно найти еще немало актуального для современного человека, хотя многие его идеи и утверждения носят, конечно, чисто исторический характер. И даже субъективный. Однако, в его статьях содержится еще не один не потерявший и в наше время смысла алгоритм — как принимать правильные практические решения в реальных ситуациях, в том числе — избегать ловушек и засад. Естественно, там не стоит искать рецепты на все случаи жизни. Некоторые современные ловушки и засады ему просто не могли бы прийти в голову. Но, неизменно актуальным условием избежать их остается писаревская идея — *«надо думать»*.

---

[70] *Иванов Д.В.* 2002, 19.
[71] *Иванов Д.В.* 2002, 31.
[72] *Шваб К.* 2019, 85.
[73] *Иванов Д.В.* 2002, 46.

P.S. Работа над статьей была закончена буквально перед тем, как было объявлено о пандемии коронавируса. Последующие события подтвердили актуальность поставленных в статье проблем. Особенно насчет «*надо думать*». Коронавирус стал очередным триггером, обозначившим новый виток современного варварства, суть которого не до конца осознана, опасность — велика, а последствия — труднопредсказуемы. Но события эти показали и другое. Несмотря на все старания современных варваров, в человеке еще сохранился значительный запас человечности. И, забыв о призывах «соблюдать социальную дистанцию» (понимай — «держись от всех подальше»), человек в трудный момент протягивает руку другому человеку, порой — в прямом смысле и даже без перчаток. Не потому, что над ним довлеет какое-то «чувство долга», а потому, что по-другому он просто не может поступить.

ЛИТЕРАТУРА

Ахиезер А.С. 2003: Переходность в культурно-историческом процессе и роль субъекта в динамике цивилизации // Цивилизация. Восхождение и слом. Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса / Э.В. Сайко (отв. ред.). М.: Наука, 128-146.

Барт Р. 2008: Мифологии. М.: Академический проект.

Бодрийяр Ж. 2018: Симулякры и симуляции. М.: Издательский дом «ПОСТУМ».

Буданов А.В. 2014: Варваризация в пространстве взаимодействия «свои» — «чужие» // Цивилизация и варварство: механизмы, инструменты и субъекты взаимодействия / В.П. Буданова, О.В. Воробьева (отв. ред.). М.: Аквилон, III. 353-373.

Буданов А.В. 2015: Человек vs варварство // Цивилизация и варварство: пограничье как феномен, состояние и культурно-историческое пространство / В.П. Буданова, О.В. Воробьева (отв. ред.). М.: Аквилон, IV. 449-474.

Буданов А.В. 2016: Деструкция как разрушение личности и предпосылка ее варваризации // Цивилизация и варварство: вызовы деструкции в лабиринте миграции варварства / В.П. Буданова, О.В. Воробьева (отв. ред.). М.: Аквилон, V. 370-395.

Буданов А.В. 2018: Личная информационная безопасность в эпоху «нового варварства // Цивилизация и варварство: человек варварского ми-

ра и варварский мир человека (Часть 2) / В.П. Буданова (ред.). М.: Аквилон, VII. 326-354.

Буданов А.В. 2019. Современное латентное варварство: происхождение, сущность и неопределенность // Цивилизация и варварство: антропология латентного варварства / В.П. Буданова (ред.). М.: Аквилон, VIII. 183-214.

Буданова В.П. 2019: Латентное варварство. Фантом или реальность? // Цивилизация и варварство: антропология латентного варварства / В.П. Буданова (ред.). М.: Аквилон, VIII. 9-28.

Буданова В.П. 2018а: Варварство как вызов и парадокс мировой истории // Цивилизационные вызовы во всемирно-исторической перспективе / О.В. Воробьева (ред.). М.: Аквилон, 509-544.

Буданова В.П. 2018б: Метаморфозы сознания человека варварского мира на пути к цивилизации // Цивилизация и варварство: человек варварского мира и варварский мир человека (Часть 2) / В.П. Буданова (ред.). М.: Аквилон, VII. 7-33.

Буданова В.П. 2012: Варвары и варварство в антропологии цивилизаций // Цивилизация и варварство: трансформация понятий и региональный опыт / В.П. Буданова, О.В. Воробьева (отв. ред.). М.: ИВИ РАН, I. 10-46.

Бухарин С.Н., Цыганов В.В. 2007: Методы и технологии информационных войн. М.: Академический проект.

Гидденс Э., Саттон Ф. 2018: Основные понятия в социологии / Е. Рождественская, С. Гавриленко (пер. с англ.); С. Гавриленко (науч. ред.). М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Гобозов И.А. 2008: Социальная философия: Учебный словарь. М.: Академический проект.

Гречко П.К. 2015: Онтометодологический дискурс современности: Историческая продвинутость и ее вызовы. М.: ЛЕНАНД.

Гуревич П.С. 2018: Классическая и неклассическая антропология: сравнительный анализ. М., СПб: Центр гуманитарных инициатив, Петроглиф.

Ерасов Б.С. 2002: Цивилизации: Универсальность и самобытность. М.: Наука.

Иванов Д.В. 2002: Виртуализация общества, Версия 2.0. СПб.: «Петербургское Востоковединие».

Ильин В.В. 2005: Аксиология. М.: Изд-во МГУ.

Ильин В.В. 2009: Мир Globo: вариант России. М. : КДУ.

Кривицкая-Барабаш Н.А. 2007: Постмодернизм: история любви и разочарований (Литература. Театр. Телевидение. Знаки и символы). М.: Серебряные нити.

Мотрошилова Н.В. 2010: Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М.: ИФРАН «Канон+» РООИ «Реабилитация».

Новейший философский словарь. Постмодернизм. 2007: Новейший философский словарь. Постмодернизм. / А.А. Грицанов (ред., сост.). Минск: Современный литератор.

Новейший философский словарь. 2005: Новейшийц философский словарь / В.А. Кондрашов, Д.А. Чекалов, В.Н. Копоруллина, А.П. Ерощенко (общ. ред.). Ростов-на Дону: Феникс.

Ожегов С.И. 1963: Словарь русского языка. М.: «Русский язык».

Писарев Д.И. 1956а: Реалисты // Сочинения в четырех томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 3. 7-138.

Писарев Д.И. 1956б: Промахи незрелой мысли // Сочинения в четырех томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 3. 139-184.

Писарев Д.И. 1956в: Роман кисейной девушки // Сочинения в четырех томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 3. 185-217.

Писарев Д.И. 1956г: Сердитое бессилие // Сочинения в четырех томах. Том 3. Статьи 1864-865. М.: Государственное издательство художественной литературы, 3. 218-250.

Писарев Д.И. 1956д: Прогулка по садам российской словесности // Сочинения в четырех томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 3. 251-305.

Писарев Д.И. 1956е: Мыслящий пролетариат // Сочинения в четырех томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 4. 7-49.

Писарев Д.И. 1956ж: Популяризаторы отрицательных доктрин // Сочинения в четырех томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 4. 140-194.

Писарев Д.И. 1956з: Генрих Гейне // Сочинения в четырех томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 4. 195-243.

Писарев Д.И. 1956и: Наши усыпители // Сочинения в четырех томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 4. 244-260.

Писарев Д.И. 1956к: Образованная толпа // Сочинения в четырех томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 4. 261-315.

Писарев Д.И. 1956л: Борьба за жизнь // Сочинения в четырех томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 4. 316-369.

Сайко Э.В. 2002: Будущее как фактор развития: новый уровень или новый цикл на исторической вертикали развития социума // Искусство в ситуации смены циклов. Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах / Н.А. Хренов (отв. ред.). М.: Наука, 82–115.

Следзевский И.В. 2019: Феномен нового варварства в картине глобализирующегося мира: идентификационный и познавательный авпекты // Цивилизация и варварство: антропология латентного варварства / В.П. Буданова (ред.). М.: Аквилон, VIII. 29-59.

Словарь историка. 2011: Словарь историка / Н. Оффенштадт (отв. ред.) при участии Г. Дюфо и Э. Мазюреля. Л.Д. Пименова (пер. с фр.). М.: РОССПЕН.

Сухово-Кобылин А.В. 1984: *Сухово-Кобылин А.В., Салтыков-Щедрин М.Е.* Пьесы. М.: Издательство «Правда».

Тоффлер Э. 2004: Шок будущего. М.: ООО «Издательство АСТ».

Фромм Э. 2014: Душа человека. Революция надежды. М.: АСТ.

Фромм Э. 2016: Анатомия человеческой деструктивности. М.: Издательство АСТ.

Хантингтон С. 1996: Столкновение цивилизаций. М.: АСТ.

Хренов Н.А. 2003: Человек как субъект в инверсионных волнах Российской цивилизации // Цивилизация. Восхождение и слом. Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса / Э.В. Сайко (отв. ред.). М.: Наука, 311-349.

Шваб К. 2019: Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо.

Яковенко И.Г. 2002: Переходные эпохи и эсхатологические аспекты традиционной ментальности // Искусство в ситуации смены циклов. Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах / Н.А. Хренов (отв. ред.). М.: Наука, 136-147.

Anatoliy V. BUDANOV

ON THE PRESERVATION OF MAN AND HUMANITY IN MODERN CONDITIONS OF THE ATTACKING BARBARITY

TRAPS ON THIS WAY

The main topic of the article is the personality in modern conditions of increasing barbarity. The main idea is the preservation of man and humanity under these conditions. The problems facing a person who does not want to succumb to destructive barbarizing influences are highlighted. Shows some of practical ways to keep man and humanity in terms of the attacking barbarity, and the traps on this way are described.

Keywords: personality, barbarity, postmodern, postmodernism, barbarians from the postmodern, traps, preservation of man and humanity.

Anatoliy V. BUDANOV — Dr. Sc. (Pedagogy), Professor, Independent Researcher. Moscow, Russian Federation. — a-budanov@yandex.ru.

REFERENCES

Akhiezer A.S. 2003: Perekhodnost' v kul'turno-istoricheskom protsesse i rol' sub"ekta v dinamike tsivilizatsii // Tsivilizatsiya. Voskhozhdenie i slom. Strukturoobrazuyushchie faktory i sub"ekty tsivilizatsionnogo protsessa / E.V. Saiko (otv. red.). M.: Nauka, 128-146.

Bart R. 2008: Mifologii. M.: Akademicheskii proekt.

Bodriiyar Zh. 2018: Simulyakry i simulyatsii. M.: Izdatel'skii dom «POSTUM».

Budanov A.V. 2014: Varvarizatsiya v prostranstve vzaimodeistviya «svoi» — «chuzhie» // Tsivilizatsiya i varvarstvo: mekhanizmy, in-strumenty i sub"ekty vzaimodeistviya / V.P. Budanova, O.V. Vorob'eva (otv. red.). M.: Akvilon, III. 353-373.

Budanov A.V. 2015: Chelovek vs varvarstvo // Tsivilizatsiya i varvarstvo: pogranich'e kak fenomen, sostoyanie i kul'turno-istoricheskoe prostranstvo / V.P. Budanova, O.V. Vorob'eva (otv. red.). M.: Akvilon, IV. 449-474.

Budanov A.V. 2016: Destruktsiya kak razrushenie lichnosti i predposylka ee varvarizatsii // Tsivilizatsiya i varvarstvo: vyzovy destruktsii v labirinte migratsii varvarstva / V.P. Budanova, O.V. Vorob'eva (otv. red.). M.: Akvilon, V. 370-395.

Budanov A.V. 2018: Lichnaya informatsionnaya bezopasnost' v epokhu «novogo varvarstva // Tsivilizatsiya i varvarstvo: chelovek varvarskogo mira i varvarskii mir cheloveka (Chast' 2) / V.P. Budanova (red.). M.: Akvilon, VII. 326-354.

Budanov A.V. 2019. Sovremennoe latentnoe varvarstvo: pro-iskhozhdenie, sushchnost' i neopredelennost' // Tsivilizatsiya i varvarstvo: antropologiya latentnogo varvarstva / V.P. Budanova (red.). M.: Akvilon, VIII. 183-214.

Budanova V.P. 2019: Latentnoe varvarstvo. Fantom ili real'nost'? // Tsivilizatsiya i varvarstvo: antropologiya latentnogo varvarstva / V.P. Budanova (red.). M.: Akvilon, VIII. 9-28.

Budanova V.P. 2018a: Varvarstvo kak vyzov i paradoks mirovoi istorii // Tsivilizatsionnye vyzovy vo vsemirno-istoricheskoi perspektive / O.V. Vorob'eva (red.). M.: Akvilon, 509-544.

Budanova V.P. 2018b: Metamorfozy soznaniya cheloveka varvarskogo mira na puti k tsivilizatsii // Tsivilizatsiya i varvarstvo: chelovek varvarskogo mira i varvarskii mir cheloveka (Chast' 2) / V.P. Budanova (red.). M.: Akvilon, VII. 7-33.

Budanova V.P. 2012: Varvary i varvarstvo v antropologii tsivilizatsii // Tsivilizatsiya i varvarstvo: transformatsiya ponyatii i regional'nyi opyt / V.P. Budanova, O.V. Vorob'eva (otv. red.). M.: IVI RAN, I. 10-46.

Bukharin S.N., Tsyganov V.V. 2007: Metody i tekhnologii informatsionnykh voin. M.: Akademicheskii proekt.

Erasov B.S. 2002: Tsivilizatsii: Universal'nost' i samobytnost'. M.: Nauka.

Fromm E. 2014: Dusha cheloveka. Revolyutsiya nadezhdy. M.: AST.

Fromm E. 2016: Anatomiya chelovecheskoi destruktivnosti. M.: Izdatel'stvo AST.

Giddens E., Satton F. 2018: Osnovnye ponyatiya v sotsiologii / E. Rozhdestvenskaya, S. Gavrilenko (per. s angl.); S. Gavrilenko (nauch. red.). M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki.

Gobozov I.A. 2008: Sotsial'naya filosofiya: Uchebnyi slovar'. M.: Akademicheskii proekt.

Grechko P.K. 2015: Ontometodologicheskii diskurs sovremennosti: Istoricheskaya prodvinutost' i ee vyzovy. M.: LENAND.

Gurevich P.S. 2018: Klassicheskaya i neklassicheskaya antropologiya: sravnitel'nyi analiz. M., SPb: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Petroglif.

Ivanov D.V. 2002: Virtualizatsiya obshchestva, Versiya 2.0. SPb.: «Peterburgskoe Vostokovedinie».

Il'in V.V. 2005: Aksiologiya. M.: Izd-vo MGU.

Il'in V.V. 2009: Mir Globo: variant Rossii. M. : KDU.

Khantington S. 1996: Stolknovenie tsivilizatsii. M.: AST.

Khrenov N.A. 2003: Chelovek kak sub"ekt v inversionnykh volnakh Rossiiskoi tsivilizatsii // Tsivilizatsiya. Voskhozhdenie i slom. Strukturoobrazuyushchie faktory i sub"ekty tsivilizatsionnogo protsessa / E.V. Saiko (otv. red.). M.: Nauka, 311-349.

Krivitskaya-Barabash N.A. 2007: Postmodernizm: istoriya lyubvi i razocharovanii (Literatura. Teatr. Televidenie. Znaki i simvoly). M.: Serebryanye niti.

Motroshilova N.V. 2010: Tsivilizatsiya i varvarstvo v epokhu global'nykh krizisov. M.: IFRAN «Kanon+» ROOI «Reabili-tatsiya».

Noveishii filosofskii slovar'. Postmodernizm. 2007: Noveishii filosofskii slovar'. Postmodernizm. / A.A. Gritsanov (red., sost.). Minsk: Sovremennyi literator.

Noveishii filosofskii slovar'. 2005: Noveishiits filosofskii slovar' / V.A. Kondrashov, D.A. Chekalov, V.N. Koporullina, A.P. Eroshchenko (obshch. red.). Rostov-na Donu: Feniks.

Ozhegov S.I. 1963: Slovar' russkogo yazyka. M.: «Russkii yazyk».

Pisarev D.I. 1956a: Realisty // Sochineniya v chetyrekh tomakh. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 3. 7-138.

Pisarev D.I. 1956b: Promakhi nezreloi mysli // Sochineniya v chetyrekh tomakh. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 3. 139-184.

Pisarev D.I. 1956v: Roman kiseinoi devushki // Sochineniya v chetyrekh tomakh. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 3. 185-217.

Pisarev D.I. 1956g: Serditoe bessilie // Sochineniya v chetyrekh tomakh. Tom 3. Stat'i 1864-865. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 3. 218-250.

Pisarev D.I. 1956d: Progulka po sadam rossiiskoi slovesnosti // Sochineniya v chetyrekh tomakh. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 3. 251-305.

Pisarev D.I. 1956e: Myslyashchii proletariat // Sochineniya v chetyrekh tomakh. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 4. 7-49.

Pisarev D.I. 1956zh: Populyarizatory otritsatel'nykh doktrin // Sochineniya v chetyrekh tomakh. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 4. 140-194.

Pisarev D.I. 1956z: Genrikh Geine // Sochineniya v chetyrekh tomakh. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 4. 195-243.

Pisarev D.I. 1956i: Nashi usypiteli // Sochineniya v chetyrekh tomakh. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 4. 244-260.

Pisarev D.I. 1956k: Obrazovannaya tolpa // Sochineniya v chetyrekh tomakh. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 4. 261-315.

Pisarev D.I. 1956l: Bor'ba za zhizn' // Sochineniya v chetyrekh tomakh. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 4. 316-369.

Saiko E.V. 2002: Budushchee kak faktor razvitiya: novyi uroven' ili novyi tsikl na istoricheskoi vertikali razvitiya sotsiuma // Iskusstvo v situatsii smeny tsiklov. Mezhdistsiplinarnye aspekty issledovaniya khudozhestvennoi kul'tury v perekhodnykh protsessakh / N.A. Khrenov (otv. red.). M.: Nauka, 82–115.

Shvab K. 2019: Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya. M.: Eksmo.

Sledzevskii I.V. 2019: Fenomen novogo varvarstva v kartine globaliziruyushchegosya mira: identifikatsionnyi i poznavatel'nyi avpekty // Tsivilizatsiya i varvarstvo: antropologiya latentnogo varvarstva / V.P. Budanova (red.). M.: Akvilon, VIII. 29-59.

Slovar' istorika. 2011: Slovar' istorika / N. Offenshtadt (otv. red.) pri uchastii G. Dyufo i E. Mazyurelya. L.D. Pimenova (per. s fr.). M.: ROSSPEN.

Sukhovo-Kobylin A.V. 1984: Sukhovo-Kobylin A.V., Saltykov-Shchedrin M.E. P'esy. M.: Izdatel'stvo «Pravda».

Toffler E. 2004: Shok budushchego. M.: OOO «Izdatel'stvo AST».

Yakovenko I.G. 2002: Perekhodnye epokhi i eskhatologicheskie aspekty traditsionnoi mental'nosti // Iskusstvo v situatsii smeny tsiklov. Mezhdistsiplinarnye aspekty issledovaniya khudozhestvennoi kul'tury v perekhodnykh protsessakh / N.A. Khrenov (otv. red.). M.: Nauka, 136-147.

В.В. Петров

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ КАРЛА КЕРЕНЬИ*

В фокусе статьи — научный путь и идеи Карла Кереньи, филолога-классика, специалиста по греческой мифологии и религии. Обсуждается характер мировоззрения Кереньи, которое может быть охарактеризовано как филологический экзистенциализм. Это определение охватывает призыв Кереньи «проживать» религиозный опыт греков, его понимание гуманизма как экзистенциальной ответственности интеллектуала перед лицом тоталитарных идеологий и массовой культуры, его мнение, что современная культура обретет свою сущность через обращение к культуре и самосознанию греческой Античности, ее форме и стилю. Рассматриваются взгляды Кереньи на генезис эллинистического гуманизма, соотношение гуманизма и варварства, его суждения о том, что классическое образование и высокая культура достигаются только посредством «великих книг». Идеи Кереньи анализируются в контексте мнений поэтов, филологов и философов, рассуждавших об эллинизме, нераздельности гуманитарных наук и гуманизма, противоположности классической и массовой культуры. Среди этих авторов — Цицерон, Ф. Гёльдерлин, В.С. Соловьев, Ф.Ф. Зелинский, Вяч. Иванов, В. Отто, Т.С. Элиот, Э. Паунд, Т. Манн., Л. Штраус, М. Хайдеггер, Г.-Г. Гадамер и др.

Валерий Валентинович ПЕТРОВ — доктор философских наук, главный научный сотрудник, Институт философии РАН, Российская Федерация, Москва. — campas.iph@gmail.com

---

* Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного РФФИ (№ 20-59-23001) «Россия и Венгрия в прошлом и настоящем»: кросскультурный диалог.

Цивилизация и варварство
2020. Вып. IX. С. 96-129
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2020. Issue IX. P. 96-129
DOI: 10.21267/AQUILO.2020.9.9.023

Ключевые слова: Карл Кереньи, гуманизм, классическая филология и образование, экзистенциализм, гуманизм и варварство, массовая культура и тоталитаризм, книги, форма, стиль.

> Нам приходит почему-то на мысль его [Т. Моммзена] меланхолическое предчувствие наступающего варварства: этому гуманисту казалось порой, что начатая его поколением культурная работа не найдет продолжателей, что поднятые памятники древности снова будут подавлены долгою ночью.
>
> Вяч. Иванов. О Моммзене (1904)

> [В.С. Соловьев] сравнивал… конец старого порядка в Европе с тем, что являлось ему концом великой магистрали европейской «всеобщей истории».
>
> — «Как же при этом заниматься Платоном, если конец Европе настаёт», сказал я ему полушутя: «стоит ли это делать, если китайцы все возьмут?»
>
> — «Этим стоит заниматься», отвечал он: «надо, чтобы было ещё, что брать! То, что сделано европейскими народами… это погибнет... а делание греков было в области вечных форм истины и красоты… — это останется».
>
> С.Н. Трубецкой (1903)

Карл Кереньи[1] (1897–1973) является выдающимся филологом-классиком, специалистом по древнегреческой мифологии и религии. Его научные интересы, мировоззрение и методы сформировались в традиции немецкой гуманитарной науки, литературы и философии, представленной именами Шопенгауэра, Бахофена, Ницше, Виламовица-Мёллендорфа, Вальтера Отто, а также Гёльдерлина, Томаса Манна и Гессе.

[1] Kerényi — венгерская форма от латинского имени Quirinus. Предки Кереньи по отцу переселились в Венгрию из долины Кинциг в Шварцвальде.

Кереньи родился в Австро-Венгрии, в Темешваре. По отцу он (как и почитаемый им Гёльдерлин) имел швабские корни, по матери — венгерские. Кереньи изучал классическую филологию в Будапеште, где в 1919 г. защитил диссертацию по Платону и Лонгину. В 1921-1926 гг. он совершил несколько поездок в Италию и Грецию, слушал в Берлине курсы по классической филологии у Ульриха фон Виламовица-Мёллендорфа (1848–1931) и Эдуарда Нордена (1868–1941). В 1927 г. вышла его первая монография «Греко-восточный роман в свете истории религий» (большинство своих работ Кереньи публиковал на немецком языке)[2]. В 1934-1941 гг. он преподавал классическую филологию и древнюю историю в Университете Печа, а с 1941 г. — в Сегедском университете. Его вторая монография — «Аполлон» — вышла в 1937 г. в Амстердаме. Кереньи становится известным. В романе своего друга Антала Серба (1901–1945) «Путник и лунный свет» (1937) он выведен в образе филолога-классика Руди Вальдхейма, читающего в Риме лекции по античной религии[3]. Вскоре Кереньи знакомится со швейцарским психологом Карлом Густавом Юнгом, и с 1941 г. его начинают приглашать в Аскону на междисциплинарные конференции «Эранос»[4]. Когда в 1943 г. венгерское правительство предприняло попытку дистанцироваться от союза с Германией и сблизиться с Великобританией и США, нескольким видным ученым было предложено провести год в одной из европейских столиц, чтобы представлять там «либеральную» Венгрию. Так в апреле 1943 г. Кереньи получил дипломатический статус и стал культурным атташе Венгрии в Швейцарии. Он переехал туда вместе со второй женой и двумя дочерьми, но для проживания выбрал не Берн, как подразумевал его статус, а италоязычный кантон Тичино[5]. Как объясняет его дочь Лючия, подобный выбор обуславливался «его экзистенциальной потребностью в интеллекту-

[2] Очерк научной биографии Кереньи см.: *Герасимова Л.Ю.* 2007, 5-14.

[3] *Серб А*. 2018.

[4] Текст его доклада в 1944 г. (Eranos-Jahrbücher XI, Zurich, 1944) см.: *Кереньи К.* 2020, 21-60.

[5] О родившихся в Тичино архитекторах, декораторах и скульпторах, которые работали в России, см. *Бенуа А.Н.* 1909, 175-203. См. также *В-в В.* 1901, 98-101.

альной автономии и политической независимости», а также тем, что кантон Тичино представлялся ему «единственным свободным и средиземноморским государственным образованием, основанным на античной земле»[6].

В марте 1944 г. территория Венгрии, союзника нацистской Германии, была оккупирована Германией. Тогда же за вывешивание антигерманских призывов в окнах университета была арестована Грация — дочь от первого брака: ее депортировали в Германию, где она прошла через несколько концентрационных лагерей, включая Освенцим. Только через год с лишним, благодаря вмешательству Франца Альтхайма и Якоба Буркхардта, ее удалось освободить. Пронацистские власти Венгрии также подвергли преследованиям родственников второй жены Кереньи — Магды, которая была еврейкой. Сам Кереньи утратил дипломатический статус, став политическим беженцем в Швейцарии, где в 1945-1947 гг. преподавал венгерский язык и культуру в Базельском университете.

В сентябре 1944 г. на территорию Венгрии вошли советские войска, и с 27 декабря начались ожесточенные бои за Будапешт. В результате боевых действий в январе 1945 г. была разрушена квартира Кереньи, его библиотека и архив погибли. В 1947 г., в краткий период надежд на демократическую Венгрию, Кереньи был избран членом Венгерской академии наук и в ноябре возвратился в страну, рассчитывая стать профессором древней истории в Будапештском университете. Однако вошедшая в правительство Коммунистическая партия уже расставляла на ключевые посты своих людей. Философ-марксист Дьёрдь Лукач (Дьёрдь Бернат Лёвингер, 1885-1971), который вернулся в 1945 г. из СССР и через год стал профессором Будапештского университета, печатал порочащие Кереньи статьи. В частности, были опубликованы письма из утраченного архива Кереньи, на основании которых его именовали агентом нацистов. Критика продолжалась и в идеологической плоскости. Тогдашние марксисты отрицали, что религия может быть важной частью культуры. Поскольку Кереньи занимался греческой религией, Лукач и левые критиковали его за «иррациона-

[6] *Barella-Kerényi, Lucia*: “per la sua esigenza esistenziale di autonomia intellettuale e indipendenza politica…”, “l’unica repubblica libera e mediterranea, fondata su terra antica”, см. *Zanoli A*. 2019.

лизм и религиозность». В результате развернутой против него кампании Кереньи (как и другой видный античник — Андраш Алфёлди) покинул Венгрию навсегда (с этого дня в Венгрии запрещалось не только печатать его книги, но и упоминать его имя).

Однако работы в университетах Рима и Швейцарии для него не нашлось. В Италии иностранцам преподавать запрещалось, а в Швейцарии он столкнулся с неприятием коллег-классиков. Публичные лекции Кереньи, который еще до войны прослыл харизматиком, имели большой успех, однако его связи с Юнгом вызывали у академиков отторжение. Несогласие вызывали и его сугубо научные установки. Филология, сформировавшаяся в XVIII в. в лоне протестантского богословия, сложилась для исследований греческого текста Библии. «Реальностью» для нее были реалии христианского богословия. Так оставалось и для Виламовица, который более полувека влиял на несколько поколений античников Германии и Швейцарии. Но если Виламовиц не мог признать, что для греков их боги были реальностью, то Кереньи придерживался противоположного мнения. Более того, он полагал, что религиозный опыт греков доступен современной аудитории. Для проникновения в религиозное мироощущение греков Кереньи считал важным опираться не только на тексты, как это было принято до него, но задействовал все доступные ресурсы: иконографию, этнологические и психологические данные, и т.д. Он был пионером в области культурной антропологии.

В 1959 г. Кереньи получил гражданство Швейцарии, сдав положенный экзамен: предварительно подготовившись, он с блеском ответил на вопросы, касающиеся генералов швейцарской армии. До самой своей смерти он жил в кантоне Тичино, где и похоронен на кладбище в Асконе вместе с женой. На их надгробии начертана эпитафия на древнегреческом языке: «Посвященные в мистерии Гермеса».

В личном плане Кереньи рассматривал свои исследования античной культуры как гуманистическую альтернативу политическим и религиозным догмам эпохи, принесшим бедствия его стране и семье. Как заметила его дочь Корнелия Ислер-Кереньи, он был не иррационалистом, а идеалистом[7]. В ряде эссе Кереньи раз-

[7] См. *Isler-Kerényi C.* 2013, 45-54.

мышляет о соотношении гуманизма и классического образования. Размышления о сущности гуманизма и его укорененности в античной образованности составляют важную черту миросозерцания Карла Кереньи.

Экзистенциальная филология

Для Кереньи занятия классической филологией были не ремеслом, но экзистенциальным выбором. По его мнению, филолог-классик *проживает себя* в своих исследованиях. В эпоху, когда гуманитарные науки пытались утвердить «объективный научный метод», он полагал, что единственным способом достижения научной объективности является раскрытие исследователем своей индивидуальной субъективности. Он пишет о Виламовице: «Влияние, которое он оказывает каждой своей строчкой и помещенным под текстом *apparatus cruticus* [критическим аппаратом], это влияние сильной и сознательно избирающей свой особый путь индивидуальности»[8]. Исследователь религиозной жизни греков хорош только тогда, когда находит в своем собственном бытии те глубинные импульсы, которые формировали греческую религию. Подобный опыт является сразу и архетипическим, и сугубо личным. Часто он дается в переживании природы и звездного неба.

Подтверждение своим мыслям Кереньи находит в мемуарах Виламовица, слова которого цитирует: «хотя звезды на небосклоне и не сияют так ярко, как на юге, но они пробудили в ребенке благочестивую веру в вечный и нерушимый порядок, которой он никогда не утратил, первый чувственный опыт платонической эллинистической веры в богов»[9]. Схожее мнение относительно влияния переживаемого ощущения от единства с природой на мироощущение ученого и философа высказывал и давний научный противник Виламовица Фридрих Ницше, который отмечал, например, при каких обстоятельствах его озарила идея «вечного возвращения»[10].

---

[8] *Кереньи К.* 2012: Филология Виламовица (1932) // *Кереньи К.* 2012, 130.

[9] Ibid. 132.

[10] *Петров В.В.* 2015, 792-793. Ср. *Ницше Ф.* 2013, 401: «Если вы хотите вести молодого человека по правильному образовательному пути, то остерегайтесь нарушать его… личное и непосредственное отношение к природе, пусть и лес, и скалы, и буря, и коршун… разговаривают с ним

Хотя Кереньи высоко чтил Виламовица, со временем внутреннее сродство подвигало его в сторону мироощущения Ницше, которому классическая филология послужила лишь отправной точкой к созданию собственной доктрины, не ограниченной рамками академической науки. Хотя Кереньи остался в рамках гуманитарной науки, он существенно модифицировал ее понимание, полагая, что она должна исследовать «реальную» жизнь, корни которой уходят в экзистенциальный и религиозный опыт.

Во время путешествия в Грецию Кереньи знакомится с Вальтером Отто, который подвигнул его заняться религиозными аспектами античного миросозерцания. Кереньи не раз подчеркивает, что исследователь должен побывать в тех местах, где происходит действие тех или иных драм, в местах, которые сформировали мироощущение исследуемого греческого автора. Кереньи критикует В. Отто, который в своем исследовании о Дионисе не учитывает «природный контекст» суровой зимней природы на склонах горы Парнас[11]. Кереньи подчеркивает, что мороз и ужас представляют собой не только внешнюю, видимую сторону горных склонов Парнаса и Киферона, но внутреннюю сущность их горной природы, распространяющей на все свою «смертоносную власть».

Кереньи замечает, что лишенные экзистенциального аспекта исследовательские монографии остаются мертвы. Научная деятельность должна восприниматься как дело экзистенциальной важности. Только тогда ученые выкажут себя приверженцами гуманизма. Кереньи хочет видеть ученых, которые в своем исследовательском поиске *находят самих себя*. «Наука о Древнем мире для нас — наука прежде всего экзистенциальная… Это бытие… как однажды уже реализованная человеком возможность, больше всего интересует нас».

Вслед за Виламовицем Кереньи считал, что филология должна практиковать интердисциплинарный подход, не ограничиваясь

на своем языке: в них, как в бесчисленных разбросанных отблесках и отражениях, в пестром потоке сменяющихся явлений, пусть узнает он себя. Таким образом он бессознательно ощутит метафизическое единство всех вещей на великом примере природы и в то же время обретет успокоение перед лицом ее вечного постоянства и необходимости».

[11] *Кереньи К.* 2012: Размышления о Дионисе (1933) // *Кереньи К.* 2012, 362.

изучением текстов, но активно привлекая для анализа весь возможный материал из смежных дисциплин, особенно археологии. Кереньи ставит в заслугу Виламовицу то, что на его семинарах в берлинском Институте антиковедения достигался синтез «классической филологии, археологии и античной истории». Тем самым Виламовиц «подал пример организации взаимодействия всех наук о Древнем мире». Схожим образом Кереньи ратовал за междисциплинарность подхода, сочетающего исследование литературы, искусства, истории, философии и религии[12]. Себя самого он определял как ученого, сочетающего филологию, историю и психологию.

Кереньи враждебно относился к германской идее мифа и со временем дистанцировался от Виламовица, чей академический и личный авторитаризм корреспондировал с поднимающимся в Германии национал-социализом[13]. Для Кереньи религиоведение было гуманитарным исследованием. Он стал разрабатывать антрополого-психологическую концепцию мифа. Мифология немыслима без человека, а потому теология должна быть и антропологией. Греческая религия для Кереньи была выражением реального человеческого опыта. «Мифология — это форма жизни и действия тех, кто думает в ней и выражает себя через нее». «Мифология — это самовоспроизведение человека… и в то же время откровение мира. Собственное существование человека и реальность окружающего

[12] *Кереньи К.* 2012: Наука о древнем мире (1934) // *Кереньи К.* 2012.

[13] Схожую озабоченность в свое время высказывал Вячеслав Иванов в отношении Теодора Моммзена, которого считал своим учителем: «Волевой избыток мыслительной энергии, привычка доводить мысль до ее последней остроты, привычка глядеть на все с высоты исторического трибунала (он был в своем мире поистине государственный человек, как он был и римский стратег-техник) — увлекали его в его политических суждениях до тех крайностей, каких не могут простить ему, например, славяне. Но он знал, что немцы и славянство — враги не на жизнь, а на смерть; он был одним из энтузиастов того национализма, который был в его время освободительной силой; он разделял догмат времени о государстве, как высшей цели народных культур. И его темперамент был тот бес, что нашептывал ему злые выходки и едкие остроты вроде знаменитой и озорной о Наполеоне III, его гостеприимце и почитателе, в “la Perseveranza”, — будто вторая империя хотела подчинить полсвета господству полусвета» (*Иванов Вяч.* 1904, 46-48).

его мира одновременно выражаются в нем своеобразным голосом мифологии», пишет Кереньи.

Особое внимание Кереньи уделяет генезису гуманизма в эллинистическую эпоху. В специальном эссе «Гуманизм и эллинизм» он обсуждает отношение римской культуры к греческой. Приобщение к греческой культуре со стороны Рима Кереньи рассматривает как его гуманизацию. Кереньи полагает, что для Цицерона (а также для нас сейчас) гуманитарная культура означает сразу и «достигаемую через греческие формы языковую и литературную утонченность», и гуманное отношение человека к человеку.

Кереньи рассматривает, в каких отношениях находятся между собой гуманное и гуманитарное («гуманизм» и «эллинизм»). Он обращает внимание на то, что хотя культ гуманитарного связывают с Грецией, понятия, определяемые прилагательным *humanus* — не в значении «человеческий», но в значении «человечный», «человеколюбивый» — «являются латинскими и извлечены прежде всего из произведений Цицерона». В греческом языке слово ἀνθρωπότης значит просто «человеческая природа», оно лишено этических коннотаций. Филологи не смогли найти истоков римской *humanitas* («человечности») в греческой этике и эллинистической культуре: *humanitas* появляется только в кружке Сципиона Африканского (185/184–129 годы до н.э.), который сам был ἑλληνιστής, т.е. использовал греческий язык, подражал греческим нравам и был открыт греческой культуре. Кереньи сомневается в том, что экзистенциальное формирование идеи гуманности в кругу Сципиона-младшего произошло под влиянием философии стоика Панетия. Как филолог, он не переоценивает возможности философии и полагает, что философ движется к цели познания человека путем «научного исследования». В качестве примера подобных штудий Кереньи указывает на сочинение «Характеры», принадлежащие ученику Аристотеля Феофрасту, в котором тот описал типы человеческих нравов. Подлинно этические коннотации у *humanitas* появляются по мнению Кереньи не в философии, а в новой аттической комедии — у Менандра (342–291 до н.э.). Наиболее ярким примером этого Кереньи считает строку, в которой Менандр формулирует «главный тезис гуманизма»: ὡς χαρίεν ἔστ’ ἄνθρωπος, ἂν ἄνθρωπος ᾖ, «как радует человек, когда он человек!» Если вдуматься в этимологию сло-

ва χάρις, заключает Кереньи, то человек — это создание, появившееся на свет при содействии Харит (Χάριτες) — божеств красоты и радости (лат. *Gratiae*). Слова «когда он вправду человек!» звучат, по мнению филолога, «как глоток воздуха, когда всплываешь наверх, оставляя внизу массу существ, лишь внешне похожих на людей» (Илл. 1). Здесь, как формулирует Кереньи, «через поэта говорило божество и говорило так, как именно бог видит людей» (см. *ниже* схожие высказывания Стефана Георге и его исследователей).

Илл. 1.
Менандр и маски «новоаттической комедии»,
I в. до н.э. – I в. н.э.

По мнению Кереньи, для негреческих народов эллинство было *humanitas* — тем, что присуще каждому человеку от природы, но чего греки достигли первыми. Так понятой *humanitas* противостояли не только порицаемые качества, вроде хвастовства, спеси,

грубости, но и превозносимые римлянами *severitas* (суровость), *gravitas* (солидность) и даже *magnitudo animi* (величие души)[14]. Если для *homo Romanus* идеалом был человек, подчиненный интересам государства, то для *homo humanus* характерны безмятежность, остроумие, гибкость. Оба эти типа — *romanitas* и *humanitas* — сталкиваются в личности Цицерона, который мечтал дать гуманизму Менандра римское гражданство. По мнению Кереньи, в итоге Цицерону удалось создать нечто подобное «католицизму», позднее скрестившему наследие римского духа с христианством.

Взгляды Кереньи на генезис эллинистического гуманизма отражают понимание его немецких учителей и коллег. Примечательно, что в этом вопросе Хайдеггер, отвергнувший понятие гуманизма, принятое в традиции, на которую ориентировался Кереньи, почти буквально с Кереньи совпадает:

> «Отчетливо и под своим именем *humanitas* впервые была продумана и поставлена как цель в эпоху римской республики. “Человечный человек”, *homo humanus*, противопоставляет себя “варварскому человеку”, *homo barbarus*. *Homo humanus* тут — римлянин, совершенствующий и облагораживающий римскую “добродетель”, *virtus*, путем “усвоения” перенятой от греков “пайдейи”. Греки тут — греки позднего эллинизма, чья культура преподавалась в философских школах. Она охватывала “круг знания”, *eruditio*, и “наставление в добрых искусствах”, *institutio in bonas artes*. Так понятая “пайдейя” переводится через *humanitas*. Собственно “римскость”, *romanitas* “человека-римлянина”, *homo romanus*, состоит в такой *humanitas*. В Риме мы встречаем первый “гуманизм”. Он остается тем самым по сути специфически римским явлением, возникшим от встречи римского латинства с образованностью позднего эллинизма»[15].

Однако в остальном позиция Хайдеггера в отношении культа гуманизма существенно отличается от той, которую занимает Кереньи. Хайдеггер не отказывается от сути концепта «человечности», но требует проанализировать его основания и философски переопределить (как он сам это делает). Он отвергает, как наивную, веру в эллинистический гуманизм, ставя под вопрос его уни-

[14] О понятии «великодушия» см. *Зубец О.П.* 2017, 61-75.

[15] *Хайдеггер М.* 1997, 196.

версальность, отмечая неотрефлектированную укорененность понятия «гуманизм» в той или иной «метафизике»:

> «Смотря по трактовке “свободы” и “природы” человека, гуманизм окажется разным. Различаются и пути к его реализации. Гуманизм Маркса не нуждается ни в каком возвращении к античности, равно как и тот гуманизм, каковым Сартр считает экзистенциализм. В названном широком смысле христианство тоже гуманизм, поскольку, согласно его учению, все сводится к спасению души (*salus aeterna*) человека и история человечества развертывается в рамках истории спасения. Как бы ни были различны эти виды гуманизма … всякий гуманизм или основан на определенной метафизике, или сам себя делает основой для таковой»[16].
>
> «Вы спрашиваете: Comment redonner un sens au mot *Humanisme*? “Каким способом можно вернуть смысл слову *гуманизм*?” Ваш вопрос не только предполагает, что Вы хотите сохранить слово *гуманизм*, но содержит также и признание, что это слово потеряло свой смысл. Оно его потеряло из-за осознания того, что существо гуманизма метафизично»[17].

Сущностной чертой эллинистического «гуманизма» является его аристократизм и иерархизм. Кереньи полагает, что для греков подлинным филантропом и знатоком людей может быть лишь тот, кто возвысился над уровнем обычных людей и созерцает их с божественной высоты. Только такой наблюдатель может позволить себе в отношении человека улыбку. Однако вместе с осознанием своего превосходства по отношению к нижестоящим, человек должен четко представлять границы своих возможностей и свою подчиненность по отношению к богам. Дистанция между человеком и богом является базовой для греческого сознания: «Не рвись быть Зевсом… смертному подобает смертное», сформулировал Пиндар[18]. Пресловутое изречение «гуманиста» Менандра таким образом содержит в себе и коннотации призыва Пиндара. Завершает триаду обсуждаемых Кереньи сентенций речение Дельфийского оракула: γνῶθι σαυτόν, «познай самого себя». Таким образом,

---

[16] Ibid.

[17] Ibid., 209.

[18] *Pindarus*. Isthmia 5, 14-16: μὴ μάτευε Ζεὺς γενέσθαι… θνατὰ θνατοῖσι πρέπει.

«человечный» человек определяет себя на всех трех возможных уровнях: по отношению к низшим, к высшим, и в отношении себя самого. Только будучи таковым, он может позволить себе моменты, в которые остаётся самим собой и своими слабостями, — в комедии «Самоистязатель» римлянин Теренций следует Менандру, говоря: «я человек, и ничто человеческое мне не чуждо»[19]. При этом античный идеал «гуманизма» и мысли не допускал о каком-либо «равенстве» или «взаимообогащении» эллинской и варварской культур. Речь шла только о трансляции[20]. В сравнении с цивилизованным человеком варвар-наемник был вовсе не человеком, но всего лишь орудием.

Хайдеггер подчеркивает, что «гуманизм» во все эпохи противостоит «варварству», и средством подобного противостояния является обращение к античности:

> «*Homo romanus* Ренессанса — тоже противоположность к *homo barbarus*. Но бесчеловечное теперь — это мнимое варварство готической схоластики Средневековья. К гуманизму в его историографическом понимании, стало быть, всегда относится “культивирование человечности”, *studium humanitatis*, неким определенным образом обращающееся к античности и потому превращающееся так или иначе в реанимацию греческого мира. Это видно по нашему немецкому гуманизму XVIII века, носители которого Винкельман, Гёте и Шиллер. Гёльдерлин, наоборот, не принадлежит к “гуманизму”, а именно потому, что мыслит судьбу человеческого существа самобытнее, чем это доступно “гуманизму”»[21].

Противопоставляя массовую культуру и гуманитарные исследования, ориентированные на интеллектуальное меньшинство, Кереньи предполагает, что оппозиция между «гуманизмом» и «варварством» сохраняется во все эпохи, просто идея *humanitas* у Гёльдерлина, например, противопостоит уже не *romanitas*, как у Цицерона, но буржуазному образу жизни. Подлинную *magnitudo animi* Кереньи находит у «великих одиночек» — Гёте, Гёльдерлина и Ницше. Схожего мнения придерживался Лео Штраус, считавший

---

[19] *Terentius Afer*. Heautontimorumenos 1, 1, 25: “Homo sum, humani nihil a me alienum puto”.

[20] *Петров В.В.* 2018b, 569-581.

[21] *Хайдеггер М.* 1993, 169.

«классическое образование противоядием от массовой культуры, от ее разлагающих эффектов, от присущей ей тенденции не производить ничего, кроме “бездушных специалистов и бессердечных сластолюбцев”. Классическое образование, по его мнению, — это лестница, по которой мы пытаемся подняться от массовой демократии к демократии в ее исходном значении»[22].

Один из корреспондентов К. Кереньи, Томас Манн, пишет в духе тезиса «от Канта к Круппу» о недемократичности высокой культуры Германии, полагая индивидуализм ее духовных лидеров фундаментом агрессивной военной идеологии:

> «Поддерживать демократическую форму государственного устройства и верить в ее возможность, в ее будущее для Германии может лишь тот, кто полагает возможным и желательным преобразование немецкой идеи культуры в направлении всеобщего примирения и демократии… [При этом] не замечают, что почти все изначальные психологические предпосылки для успеха отсутствуют. Творцы и воспитатели немецкой человечности — Лютер, Гёте, Шопенгауэр, Ницше, Георге — демократами не были, о нет… [А] ведь именно они создали идею Культуры с большой буквы, идею, ставшую стержневым понятием немецкой военной идеологии…
>
> Слово “культура” одного происхождения со словом “культ”… Оба они означают “возделывание”, второе — понимаемое как почитание и ритуальное поклонение священным идеалам, первое — как чисто гуманистическое созидание, облагораживание, совершенствование внутреннего и индивидуального, избавленное от религиозности… “Религиозный человек, — говорит Ницше, — думает только о себе”. Это значит, что он думает о… спасении своей собственной души… украдкой же… надеется на то, что это… мистическим образом поспособствует всеобщему “целому”. Это касается и всех без исключения верующих в культуру»[23].

---

[22] *Штраус Л.* 2000, 312-313. Под демократией в исходном значении Штраус понимает идеал «аристократии, которая расширилась до всеобъемлющей».

[23] *Манн Т.* 2009, 185. В качестве любопытного дополнения к сказанному процитируем еще один отрывок из этого эссе: «Тот, кто в Германии произносит “демократия”, вообще-то не имеет в виду обычно понимаемые под этим чернь, коррупцию или партийные деньги, — нет, он тем

Классическое образование не предполагает массовости и возможно только для небольшой прослойки людей, способных к усвоению древних языков[24]. Только несколько процентов современных учащихся способны к изучению латинского и древнегреческого, однако классическое образование с лихвой окупается тем, что получившие его люди, затем проявляют себя надежными специалистами в самых разных отраслях знания, включая естественные науки[25].

Кереньи считал, что «европейская поэзия складывается из двух сил: силы формирующей и силы, возвращающей нас к истокам». Мнение о конституирующем воздействии античности разделяли не только филологи, но и философы. Так, Г.-Г. Гадамер говорил, что «античность в ее воздействии на немецкую культуру отличает то, что она неким загадочным образом сумела идти в ногу со сдвигами в нашем духовном бытии. Как бы по-новому ни менялся со сменой духа времени наш образ истории и предполагаемый им порядок ценностей, античность продолжает занимать в нашей духовной действительности с ее постоянным преображением все тот же ранг опережающей нас возможности нас же самих»[26].

самым предлагает идее культуры, идя в ногу со временем, прозорливо уступить идее социалистической, общественной… [Напротив,] что могло бы быть совершенно немецким, так это союз, соглашение между консервативной идеей культуры и революционной общественной мыслью, точнее говоря, между Грецией и Москвой… Дела Германии наладятся, а сама она обретет себя лишь тогда, когда Карл Маркс прочтет Фридриха Гёльдерлина, — встреча, которая, вообще-то, должна осуществиться в понятии. Я забыл добавить, что лишь взаимное ознакомление будет плодотворным» (Ibid., 189).

[24] *Штраус Л.* 2000, 314: «Будучи обучением совершенной благовоспитанности, человеческому совершенству, классическое образование подразумевает также напоминание самому себе о человеческом превосходстве, человеческом величии».

[25] На эту тему см. серию статей А.И. Зайцева: «Античное искусство и классическое образование» (1988), «Филолог-классик» (1988), «В поисках возрождения» (1992), «Классические языки возвращаются в русскую школу» (1992), «Возможно ли Новое Возрождение?» (1998), в: *Зайцев А.И.* 2003, 483-515.

[26] *Гадамер Г.-Г.* 1991, 207.

Кереньи принадлежал к тому течению гуманитарной мысли, которую можно определить как «немецкий романтический эллинизм»[27]. Он считал, что для формирования европейской культуры исключительное значение имеют гуманитарные науки и классическое образование. Гуманитарное и гуманное при таком подходе становятся практически неразделимы.

Характерной особенностью подхода Кереньи, унаследованного им от немецкой традиции, становится различение южного и северного гуманизма. Он замечает, что «человек юга гуманен без того, чтобы это переходило на экзистенциальный уровень». Это его естественное, неотрефлектированное состояние. Напротив, «к северу гуманизм становится более экзистенциальным». Он требует немалых усилий, является объектом рефлексии, становится жизненной позицией, противопоставленной окружающей среде. Сходным образом русский филолог Фаддей Францевич Зелинский уподоблял «Гольфстриму античности» влияние средиземноморской античной культуры на культуры северных Англии, Германии и, как он мечтал, России:

> «Течение… заметное лишь исследователям… тихо и надежно исполняет свою великую, мировую задачу, перенося живительную теплоту античного юга к дальним широтам современного северного человечества… Оно живет и действует, это могучее подводное течение, согревая против их воли и тех кто по незнанию его отрицает, и тех кто по недомыслию желал бы его остановить»… «Античность не была побеждена христианством, как это превратно думают многие среди нас; оба эти принципа, подчиняясь взаимно влиянию друг друга, возродились и, приобщенные к народам новой Европы, совместно произвели современную культуру»[28].

Воплощением северного «экзистенциального» гуманизма Кереньи считает Гёльдерлина. Он цитирует отрывок из его «Гипериона», который оказывается созвучен строке Менандра, воспевающей человечность человека:

> «Так я оказался у немцев… [Это] варвары испокон веков, ставшие благодаря своему трудолюбию и науке, благодаря са-

[27] См. *Балашова А.* 2017, 229.
[28] *Зелинский Ф.Ф.* 1899, 138-157.

> мой своей религии еще большими варварами, глубоко не способные ни на какое божественное чувство… глухие к гармонии и чуждые ей, как черепки разбитого горшка… Ты видишь ремесленников, но не людей; мыслителей, но не людей; священнослужителей, но не людей; господ и слуг, юнцов и степенных мужей, но не людей...»[29].

Отдавая дань гению гуманистов Севера, Кереньи вместе с тем ратует за непрерывность культурной подпитки с Юга, приветствуя благотворное «вторжение Юга».

В отличие от тех немецких филологов, которые соединяли романтику эллинского гуманизма с мистикой почвы и нации, Кереньи сопротивлялся фашизации Европы и Венгрии, призывая гуманитария оставаться незатронутым общественным настроением, сохранять «незамутненность взгляда» одиночки. Когда он пишет, что массы одурманиваются посредством «псевдоантичных Олимпиад», — это критика на злобу дня, небезопасная для самого автора: Кереньи подразумевает XI летние Олимпийские игры, прошедшие в Берлине летом 1936 г.: команда королевства Венгрия заняла на них почетное третье место. Кереньи призывает противостоять сохранять духовность и человечность там, где «хтонические силы строят и поглощают государства». Такова задача гуманизма, правда, Кереньи опасается, что в его время она под силу уже не *homo humanus* (человечному человеку), но *homo divinus* (человеку божественному).

Позиция неприятия фашизма Кереньи совпадала с таковой у Томаса Манна. Сущностной чертой эллинского гуманизма для Манна были универсализм и свобода. В одном из радиообращений к немцам из Великобритании в 1941 г. Манн комментирует немецкую оккупацию Греции, проводя параллель с греко-персидскими

---

[29] *Гёльдерлин Ф.* 1988, 247-248. В качестве параллели к этому месту указывают: *Руссо Ж.-Ж.* 1969, 26: «Вот к чему должно в конце концов привести повсеместное предпочтение дарований приятных дарованиям полезным, и это слишком хорошо подтверждается и нашим опытом со времен обновления наук и искусств. У нас есть физики, геометры, химики, астрономы, поэты, музыканты, художники — у нас нет больше граждан; и если они еще и остались, рассеянные по нашим глухим деревням, то погибают там в бедности и пренебрежении». Однако мысль Руссо, предпочитающего полезное приятному, представляет собой антитезу антибуржуазному пафосу Гёльдерлина.

войнами. На этот раз роль варваров-персов отведена немцам, которые столь много говорили о преемственности своего гуманизма по отношению к эллинскому:

> «Нравится ли вам роль, к которой принуждает вас игра истории, — сейчас, когда общечеловеческий символ Фермопил повторяется на том же самом месте? Это снова греки — а кто же вы? Ваши властители уговорили вас, будто свобода — устаревший хлам. Поверьте мне, что свобода, вопреки всей болтовне лжефилософов и всем прихотям истории духа, всегда будет тем, чем она была две тысячи лет с лишним тому назад, — светом и душой Европы»[30].

Тем не менее, если Кереньи полагал эллинский гуманизм непреходящим идеалом, то Манн не считал (подобно Шиллеру и Гёте) эллинство вечным законом и нормой, видя в нем (подобно Ницше) один из исторических периодов[31].

Книжный характер гуманитарного знания

Первостепенной заботой занимающихся классической филологией является попечение о книгах, которые определили формирование интеллектуального ландшафта Европы. В связи с этим Кереньи цитирует отрывок из «Веселой науки» Ницше, где тот говорит о филологах:

> «Есть книги, столь значительные и царственные, что требуются целые поколения ученых для того, чтобы их радениями эти книги сохранялись в неискаженном и понятном виде… Филология… предполагает, что нет недостатка в тех редкостных людях (даже если они и остаются в тени), которые действительно умеют обращаться со столь значительными книгами… Она имеет предпосылкой благородную веру в то, что *ради некоторых немногих*, которые всегда “должны прийти” и которые, как кажется, всегда отсутствуют, надо заранее справиться с громадным количеством мучительной, даже неопрятной работы: всё это работа *in usum Delphinorum* [для потребностей дофинов]»[32].

---

[30] *Mann Th.* Gesammelte Werke. Bd. XI. S. 623, цит. по: *Аверинцев*, 169.

[31] *Mann Th.* Humaniora und Humanismus (1936) // Gesammelte Werke. Berlin, 1955. Bd. XI. S. 441, цит. по: *Аверинцев* 2000, 169.

[32] *Ницше Ф.* Веселая наука II, 102: Слово к филологам // *Ницше Ф.* 2014, 420.

Ницше затрагивает болезненный для исследователей-гуманитариев вопрос о востребованности результатов их труда. Помимо того, что от поколения к поколению — во всех странах и при всех правительствах — гуманитариям снова и снова приходится доказывать власть предержащим право на свое существование, их целеустремленность подвергается испытанию также из-за малой вероятности встретить тех, кто готов подхватить и продолжить их изыскания. (В русской культуре «благородная вера филологии в немногих, которые должны прийти» находит опору в поэтической строке «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется».) Таким образом, проблему малой вероятности встретить во плоти образцового учителя или ученика гуманитарий должен преодолевать прыжками во времени и пространстве — обращаясь к великим книгам, как это сформулировал Лео Штраус:

> «Классическое образование представляет собой обучение культуре или для культуры… Сегодняшнее значение слова “культура” заключается в возделывании разума, сохранении и улучшении прирожденных способностей, соответствующих его природе… [Но] разум нуждается в учителях… которые больше не ученики… а величайшие умы. Такие люди встречаются крайне редко. Вероятно, что мы не встретим кого-либо из них в каком-либо лекционном зале. Вероятно, что мы не встретим кого-нибудь из них где бы то ни было. Это большое счастье, если в какое-то время живет хотя бы один… Ученики… имеют доступ… к величайшим умам *только через великие книги*. Классическое образование состоит тогда в изучении с надлежащим тщанием великих книг, оставленных после себя величайшими умами… Классическое образование является определенной разновидностью *книжного образования*: разновидностью *научения книгам* и *посредством книг*»[33].

И поскольку доступ к великим умам возможен только через великие книги, Кереньи настаивает, что суть изучения классической древности состоит в заботе о книгах, сформировавших европейский гуманизм, в работе над сохранением античной традиции «в неискаженном и понятном виде». Эту традицию нужно непре-

[33] *Штраус Л.* 2000, 310. Ср. Ibid., 313: «Мы вынуждены жить с книгами. Однако жизнь слишком коротка, чтобы провести ее с любыми, а не с величайшими книгами».

рывно воспроизводить — поддерживать в состоянии постоянной актуальности.

Кереньи подчеркивал роль филолога как переводчика, который «чем лучше переводит, тем более отождествляется со своим предметом, сразу как получатель и как посланник. Вся его сущность и бытие, его структура и его опыт, становятся неотъемлемым фактором перевода»[34]. Если обыватель полагает, что книга есть нечто противоположное жизни, то филолог понимает, что «проблема книги» не сводится только к вопросу «филологического бытия», это вопрос «бытия вообще». Кереньи цитирует отрывок из стихотворения Андре Жида:

Есть много разных книг. Одни читают,
Присев на край скамьи, за школьной партой.
Другие есть — для чтения в дороге
(При выборе играет роль формат);
Есть книги для лесов и для полей,
Et, — Цицерон сказал, — *nobiscum rusticantur*[35].

Последняя строка представляет собой отсылку к речи Цицерона «В защиту поэта Архия», в которой подчеркивается жизненная необходимость занятий науками и искусствами:

> «Даже если бы плоды занятий [науками] не были столь явны и, если бы даже в этих занятиях (studiis) люди искали только удовольствия (delectatio), все же вы, я думаю, назвали бы такое времяпровождение ума самым человечным и благородным (humanissimam ac liberalissimam). Ведь другие занятия годятся не для всех времен, не для всех возрастов, не повсюду, а эти занятия (studia) заостряют ум юных, развлекают старых, добавляют очарования в преуспеянии, в несчастье предоставляют прибежище и утешение, развлекают на родине, не препятствуют на чужбине, вместе с нами (nobiscum) они бодрствуют по ночам, странствуют и живут в деревне (pernoctant, peregrinantur, rusticantur)»[36].

Согласно Цицерону, подобное времяпровождение (remissio) ума является самым человечным и благородным (humanissimam ac

[34] *Mann T., Kerényi K.* 1960, 31.

[35] *Кереньи К.* Наука о древнем мире (1934) // *Кереньи К.* 2012, 327; *Жид А.* Яства земные I, 3 (1897), 166-263.

[36] *Cicero.* Pro Archia poeta oratio VII, 16.

liberalissimam). Слово *remissio*, которое он употребляет, — это эквивалент греческого σχολή — досуга как свободы от суеты; досуга, который открывает человеку возможность для упражнений ума — ученых бесед и занятий. Напротив, цивилизация, отнимающая у людей досуг, лишает их возможности мыслить, уничтожает возможность творчества. В этом одна из главных причин прогрессирующей варваризации современного мира[37]. И конечно, для нашего рассуждения важны две других характеристики ученого досуга, выраженные превосходными степенями от прилагательных *humanus* (человечный, образованный) и *liberalis* (подобающий свободному человеку). В данном контексте liberalis подразумевает *liberalia studia*.

Только обращение к книгам и занятия с ними обеспечивают трансляцию и сохранение гуманитарной традиции. В связи с этим Кереньи цитирует два отрывка из эссе Т.С. Элиота с характерным названием «Традиция и индивидуальный талант». Элиот переводит рассуждение в метафизическую плоскость:

> «Традиция прежде всего предполагает чувство истории... ощущение прошлого не только как прошедшего, но и как настоящего… побуждает человека творить, ощущая в себе не только собственное поколение, но и всю европейскую литературу, начиная с Гомера (а внутри нее — и всю литературу своей собственной страны), как нечто существующее *единовременно* (simultaneous), образующее единовременный ряд. Это чувство истории — ощущение вневременного и преходящего, и того, что сразу и вневременное и преходящее, — как раз и определяет принадлежность писателя к традиции...»[38].

В самом деле, только письменная культура позволяет аккумулировать знание и транслировать его от поколения к поколению, от культуры к культуре. Только письменная культура поднимается над изменчивым потоком времени: зафиксированное в текстах содержание может быть актуализировано и считано спустя сотни лет. Таким образом, гуманитарий, обращающийся к текстам разных эпох, сам поднимается над временем, подключается то к одной, то к другой эпохе.

---

[37] Ср. *Михайловский* 2007, 138-153.

[38] *Кереньи К.* Наука о древнем мире (1934) // *Кереньи К.* 2012, 331-332; *Eliot T.S.* 2014, 106.

Элиот, которого цитирует Кереньи, настаивает на том, что разнесенные во времени и пространстве элементы духовной традиции находятся в непрестанном взаимовлиянии. Более того, смысл художественного и интеллектуального «послания» каждого автора, как члена традиции, полностью раскрывается лишь на смысловом фоне всего ряда:

> «Ни одного поэта, ни одного художника, в любом из искусств, нельзя полностью понять в отрыве от других (has his complete meaning alone). Значение (significance) и признание (appreciation), которыми мы его наделяем, это признание его соотнесенности с «мертвыми» поэтами и художниками. Вы не можете оценить его изолированно, следует поместить его — чтобы противопоставить и сравнить — среди мертвых. Я вижу в этом принцип эстетической, а не просто исторической критики. Требование согласования и сообразования не является односторонним. Когда возникает новое произведение искусства происходит нечто, что затрагивает одновременно все произведения искусства, которые ему предшествуют. Существующие памятники образуют внутри себя некий идеальный ряд, который видоизменяется после введения в их череду нового (подлинно нового) произведения искусства. Существующий ряд завершен до появления нового произведения, и, чтобы ряд выстоял после вторжения нового, он весь, хоть немного, должен измениться. Как следствие, заново определяются отношение, масштаб и ценность каждого произведения искусства по отношению ко всему целому, в этом суть сообразности старого и нового. Каждый, кто разделяет такой взгляд на форму европейской, английской литературы, не посчитает инверсией то, что *прошлое в такой же мере изменяется настоящим, в какой настоящее направляется прошлым...*»[39].

Поскольку, как говорит Элиот, каждый новый член последовательности заставляет переоценить в свете своего существования предшествующие ему произведения, — ведь вновь появляющийся элемент традиции можно рассматривать как иное самораскрытие той же самой традиции, — то получается, что «будущее отбрасывает тени в прошлое»[40]. Мы получаем интересную концепцию ду-

[39] *Кереньи К.* Наука о древнем мире // *Кереньи К.* 2012, 332; *Eliot T.S.* 2014, 106-107.

[40] О судьбе этого изречения П.Б. Шелли в русской культуре см. *Петров В.В.* 2017, 31-33.

ховного времени, которое допускает процессы обратной причинности, о которой много писали гуманитарии начала XX века[41], или даже концепцию духовной вечности, впрочем, не абсолютной и лишенной какого бы то ни было движения, а такой, которая допускает вторжения извне, и в которой наличествуют процессы изменения. Никогда не прекращающийся процесс реактуализации традиции неизбежно приводит к перестановке акцентов, изменению в интерпретации, переведению на новый язык авторитетных и классических (в широком понимании этого слова) текстов.

Как поясняет сам Кереньи, подобное представление об интеллектуальной традиции «объясняет преемственность не только в направлении “прогресса”, но и в направлении обратного действия прогресса».

Стать собой через форму и стиль

Согласно Кереньи, именно сознание принадлежности к подобной “бестелесной традиции” конституирует европейское самосознание. Подчеркивая экзистенциальное измерение гуманизма, он цитирует Карла Ясперса, полагавшего, что «мы можем стать и станем самими собой, только соприкасаясь с кем-то, кто уже является самим собой»[42]. Противоположную идею некогда выразил другой приверженец культурных традиций — Эзра Паунд, уподобивший того, кто «подключается» к великим книгам, *гистриону* — актеру, меняющему личины. Подчас через нас проходят души великих, говорит Паунд, и тогда мы переплавляемся в них, становясь лишь отраженьями их душ. На краткий миг наше Я становится пустым местом, в которое проецирует себя та или иная высшая форма (Христос, Иоанн Креститель, Данте). При этом наше воспринимающее Я утрачивает всякое бытие: вместо него живут Владыки душ:

Никто не смел сказать об этом вслух,
Но знаю, что порой великий дух
На время входит в нас — по капле
Переплавляемся в великих мы,

[41] *Петров В.В.* 2018b, 13-65.

[42] См. *Ясперс К.* 2012, 61: «Я не могу стать самим собой, если другой не хочет быть самим собой» («Ich kann nicht ich selbst werden, wenn nicht der Andere er selbst sein will»).

Не став простыми слепками их душ[43].
Так, я на срок в ином пространстве — Дант
Или король баллад и вор Вийон,
Или таким я назван из имён,
Что страшно осквернить его своим,
Но миг один — и вновь огонь потух.

Так наше “Я” — пылающая сфера
Расплавленного золота. И там
Внезапно в новой форме возникают
То Данте, то Креститель, то Христос.
Так нет пустого места, если форма
Применена.
Мы лишь на время обретаем жизнь,
Навек дана Владыкам Душ она[44].

Разумеется, филолог, которым является и которого подразумевает в своих текстах Кереньи, — это не «пустое место». Он — не пассивный реципиент, но *активно* участвует в «переписывании истории», будучи задействован в процессе консервации, трансляции и актуализации знания, представленного в том или ином памятнике культурной традиции. В отличие от Паунда, Кереньи считает, что ориентация на архетипическую культуру не только не подавляет собственные индивидуальные потенции культуры развивающейся, но напротив, провоцирует и стимулирует ее. В подтверждение этой мысли Кереньи приводит высказывание античника Франца Альтхайма: «греческая культура высвободила национальные силы Рима и Италии, пробудила желание подражать образцам, более того, соперничать с ними, пробудила охоту к индивидуальному творчеству и умение находить в нем радость».

При таком подходе работа гуманитария приравнивается к творчеству поэта. В подобном вúдении Кереньи не был одинок.

---

[43] В этом месте смысл русского перевода прямо противоположен смыслу оригинала. Строки “And we are melted into them, and are not / Save reflections of their souls” значат: «И мы переплавляемся в них, будучи / Всего лишь отражениями их душ».

[44] *Паунд Э.* Гистрион (1908), пер. Е. Витковского // *Паунд Э.* 2003, 222-223; *Pound E.* 1991, 19. Для Паунда эллинистический гуманизм был лишь одним из возможных типов гуманизма, но здесь его точка зрения совпадает с таковой у Штрауса и Кереньи.

Схожим образом в некрологе филологу-классику и историку Теодору Моммзену Вячеслав Иванов находит место для того, чтобы заметить, что облик, речь и проза Моммзена — всё выражало его неповторимую индивидуальность и стиль:

> «Крупный мастер стиля, Моммзен писал периодами; ибо только в периоде, с его внутреннею координацией и субординацией, могли сочетаться в необходимом взаимодействии синтез и анализ. Период Моммзена — не период внешней соразмерности и согласия: это живой механизм мышц и жил, пластика борьбы, охвата и преодоления… Какие искры поминутно тревожили острые глаза подвижного старика, какие молнии мыслительного одушевления бороздили его вообще спокойную речь, поверит и не видевший его, — *le style, c'est l'homme*»[45].

Для значительной части ориентированных на античное знание филологов и философов поэзия всегда была в центре внимания. Ф.Ф. Зелинский, например, не раз писал, что в деле прививки античной традиции русской культуре первое место следует отводить поэзии. В отличие от философских сочинений, которые обращены к разуму, поэтические образы воздействуют на глубины человеческого духа и в этом смысле воздействуют гораздо сильнее:

> «Античность сильна идеями; поэзия — природная посредница между миром идей и человеческими умами, гораздо более богатая, и по объему, и по силе своей власти, чем философия или история, потому что она может передать не только то что ясно сознается, но и то что смутно чуется душой, все эти загадочные, неуловимые и неопределимые, но могучие "темные лучи" идей; по силе же потому, что, выливаясь в образы, а не в понятия, она легче проникает в душу и глубже запечатлевается в ней»[46].

Кереньи говорит о том же, замечая, что в центре работы филолога должны находиться «избранные "царственные книги", в первую очередь книги великих поэтов». Да и сам филолог, как стилист, должен ощущать поэзию языка[47]. Поэтический язык, ци-

---

[45] *Иванов Вяч.* 1904, с. 46-48. Слова «стиль — это и есть человек» принадлежат Бюффону, см. *Бюффон* 1995, 171.

[46] *Зелинский Ф.Ф.* 1899, 139.

[47] Ср. *Иванов Вяч.* 1904, 46-48: «[Моммзен] был поэт, т.е. существо, которому с тою же легкостью прощают излишнюю возбудимость, с ка-

тирует он Фридриха Вольтерса, предназначен для того, «чтобы выражать божественное бытие вещей, um das göttliche Sein der Dinge auszudrücken»[48]. Но самое высокое мнение принадлежит Шарлю Дю Бо — еще одному исследователю поэзии Стефана Георге: «Языка вообще нет, если не Бог выражает себя в нем»[49].

Здесь можно указать на схожее высказывание самого Стефана Георге, проповедовавшего «философию, укорененную в языке», к которой склоняется Кереньи, и которая противостоит «философии, укорененной в мысли»[50]. В стихотворении «Слово» (1919) Георге провозглашает: «Не быть вещам, где слова нет»[51].

Что касается стиля, — этого ускользающего от четких определений «качества» творческой манифестации, — то, по мнению Кереньи, сущность вечно-живой античной традиции заключена именно в нем. Путь к пониманию античного бытия не во внешних признаках, а в его сущности, возможно лишь через вчуствование в *стиль* античного мироощущения. Поэтому, говорит Кереньи, в Германии наиболее проникнутыми духом античности оказались два ее великих поэта — Гёте и Гёльдерлин, а не их современники-филологи. Кереньи дает стилю следующее определение:

> «Стиль — это как раз то, что слово не способно выразить своим содержанием: разве что ритмом, теми элементами, которые выходят на пределы чисто разумного… С одной стороны, это манифестация *внутренней, органической формы*, с другой, —

кою приписывают известную невменяемость. Он не только любил выступать переводчиком стихотворцев, но в молодые годы, в годы странствий по Италии, был и самостоятельным лириком: большая часть стихотворений в незабвенной книжке “*Liederbuch dreier Freunde*” — написана им».

[48] *Wolters Fr*. 1930, 26.

[49] *Du Bos, Charles*. Revue d’Allemagne 1928. Кереньи цитирует его по: *Wolters Fr*. 1930, 538: “sind hier das Problem Gottes und das Problem der Sprache solidarisch, so daß sie völlig eines vom anderen abhängen: kein Gott ohne die heilige Sprache, welche ihn kündet, und keine Sprache — in der ganzen so fordernden Annahme die George dem Begriff gibt — wenn der Gott sich nicht durch sie ausdrückt”.

[50] Cf. *Cloeren H.J.* 1988.

[51] Разбору этого стихотворения Георге посвящено эссе М. Хайдеггера, в котором эта фраза неоднократно цитируется. См. *Хайдеггер М.* Слово (1957) // *Хайдеггер М.* 1993, 302-312.

> выражение определенного видения мира. Того видения, которое характерно для данной жизненной формы и которое важнее, непосредственнее, полнее содержания слов»[52].

Таким образом, Кереньи воспринимает стиль как манифестацию «внутренней формы», которую также, в духе Гёте, понимает как «форму органическую»[53]. Кереньи в очередной раз подчеркивает экзистенциальный характер рассматриваемых реалий: «стиль надо не объяснять, а применять… [Следует] открыться миру в том мировидении, которое было присуще античным поэтам и скульпторам».

В этом позиция Кереньи совпадает с таковой у Вяч. Иванова, который, рассуждая о стиле индивидуального автора, тоже призывал к выражению собственной индивидуальности в классических формах. Собственно стилем Иванов считал лишь ту индивидуальную манеру, которая возвысилась до типологического, ту оригинальность, которая отлилась в канонических образах:

> «Большой стиль… требует окончательной жертвы личности, целостной самоотдачи началу объективному и вселенскому или в чистой его идее (Данте), или в одной из служебных и подчиненных форм утверждения божественного всеединства (какова, напр., истинная народность)… Большой стиль и стиль, приближающийся к большому, не знает… разделения на “твое” и “мое”. Будучи всеобщим, он объемлет каждый частный круг»[54].

Подчинение себя высшему принципу только и делает творческого человека свободным:

> «Искусство есть форма, и всякое содержание для него, как такового, хорошо под условием, чтобы художник мог органично перевести его в форму… Тот, кто окончательно обрел свою веру или миросозерцание, свой закон, или подчинился всецело, может не бояться за свободу своего искусства. Он будет постольку свободен, поскольку талантлив. Фидий не ищет своего божества, подобно Ксенофану или Анаксагору. Он находит

---

[52] *Кереньи К.* Наука о древнем мире (1934) // *Кереньи К.* 2012, с. 339.

[53] См. также *Петров В.В.* 2019, с. 228-251.

[54] *Иванов Вяч.* Манера, лицо и стиль (1912) // *Иванов Вяч.* 1974, с. 618, 623.

описание Зевса у Гомера, вдохновляется им, как это было бы невозможно неверующему»[55].

Наряду с Ивановым, Кереньи полагает, что, как в случае Рима и Греции, раскрытие навстречу античной самости не уничтожает современную идентичность, но, напротив, высвободит лучшие потенции, которые в ней пока что остаются под спудом. «Способно ли наше неантичное бытие достигнуть того уровня сущностности, который присущ бытию античного человека?», — вопрошает Кереньи и сам же отвечает: «Наше экзистенциальное положение сегодня таково: мы готовы открыться чужой сущности, ибо желаем сущностности. Достичь таким путем своей сущности, своей формы — в этом заключается наш экзистенциальный интерес»[56].

ЛИТЕРАТУРА

Аверинцев С.С. 2004: Образ античности в западноевропейской культуре XX в. // *Аверинцев С.С.* Образ античности. СПб.: Азбука-классика, с. 165-201 [480 с.].

Балашова А. 2017: Эллинские корни европейской традиции в оценках Гёльдерлина и Паунда // Фридрих Гёльдерлин и идея Европы / Под ред. С.Л. Фокина. СПб.: Платоновское философское общество, с. 229-234 [427 с.].

Бенуа А.Н. 1909: Рассадник искусства // Старые годы. Апрель. С. 175-203.

Бюффон 1995: *Жорж Луи Леклерк де Бюффон*. Рассуждение о стиле. Речь при вступлении во Французскую Академию (1753) / Пер. и прим. В. Мильчиной // Новое литературное обозрение. № 13, с. 165-181.

В-в В. 1901: Тессин // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 33. СПб., с. 98-101.

Гадамер Г.-Г. 1991: Гёльдерлин и античность (1943) / Пер. В.В. Бибихина // *Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного. М.: Искусство, с. 207-227 [367 с.].

Гёльдерлин Ф. 1988: Гиперион. Стихи. Письма. Сюзетта Гонтар. Письма Диотимы / Изд. подг. Н.Т. Беляева. М.: Наука. 720 с.

---

[55] *Иванов Вяч*. Ответ на статью <Н. Брызгалова> “Символизм и фальсификация” // *Иванов Вяч*. 1994, 167. Также см. *Доброхотов А.Л.* 2014, с. 43-52.

[56] *Кереньи К.* Наука о древнем мире (1934) // *Кереньи К.* 2012, с. 340-341.

Герасимова Л.Ю. 2007: Карл Кереньи и его “обхождение с божественным” // Кереньи К. Дионис: Прообраз неиссякаемой жизни / Пер. с нем. А.В. Фролова, Л.Ф. Поповой. М.: Ладомир, с. 5-14 [319 с.].

Доброхотов А.Л. 2014: Вяч. Иванов в журнале “Труды и Дни” // Книгоиздательство “Мусагет”: История. Мифы. Результаты: Исследования и материалы. М.: Изд-во РГГУ, с. 43-52 [532 с.].

Жид А. 2000: Явства земные. М.: Вагриус, с. 166-263 [640 с.].

Зайцев А.И. 2003: Избранные статьи / Под ред. Н.А. Алмазовой и Л.Я. Жмудя. Т. 2. СПб. 608 с.

Зелинский Ф.Ф. 1899: Античный мир в поэзии А.Н. Майкова // Русский вестник. Т. 262. № 7 (июль, год 44), с. 138-157.

Зубец О.П. 2017: Μεγαλόψυχος Аристотеля и понятие морального субъекта // Аристотелевское наследие как конституирующий элемент европейской рациональности / Под общ. ред. В.В. Петрова. Москва: Аквилон, с. 61-75.

Иванов Вяч. 1904: О Моммзене. Весы. № 11, с. 46-48.

Иванов Вяч. 1974: Манера, лицо и стиль // *Иванов Вяч.* Собрание сочинений / Под ред. Д.В. Иванова, О. Дешарт. Т. 2. Брюссель, с. 615-626.

Иванов Вяч. 1994: Ответ на статью <Н. Брызгалова> “Символизм и фальсификация” / Публ. и комм. Г.В. Обатнина // Новое литературное обозрение. № 10, с. 167-171.

Кереньи К. 2012: Мифология / Пер. с венг. Ю. Гусев и др. М.: Три квадрата. 504 с.

Что такое мифология (1939) / Пер. О. Володарской, с. 27-56.

Филология Виламовица и античные памятники венгерской земли (1932) / Пер. О. Володарской, с. 105-134.

Книга и греческий мир (1935) / Пер. И. Самошкина, с. 237-252.

Гуманизм и эллинизм (1936) / Пер. Н. Якубовой, с. 253-272.

Наука о древнем мире (1934) / Пер. Ю. Гусева, с. 325-344.

Размышления о Дионисе (1933) / Пер. Н. Якубовой, с. 345-386.

Кереньи К. 2020: Мистерии Кабиров // Мистерии. Избранные статьи из конференций “Эранос”. М.: Академический проект, с. 21-60 [345 с.].

Манн Т. 2009: Культура и социализм (1929) // Манн Т. Аристократия духа / Пер. И. Болдырева. М.: Культурная революция. 368 с.

Михайловский А. В. 2007: Заметки к философии досуга и праздника // Точки. № 1-2 (7), с. 138-153.

Ницше Ф. 2013: Лекции о будущности наших образовательных учреждений (1872–1873) // Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 1 (2). М.: Культурная революция, с. 335-432 [480 с.].

Ницше Ф. 2014: Веселая наука II, 102: Слово к филологам / Пер.

К. Свясьяна // Собрание сочинений в 13 т. Т. 3. М.: Культурная революция, с. 313-596 [640 с.].

Отто В. 2017: Дионис. Миф и культ. М. 228 с.

Паунд Э. 2003: Стихотворения и избранные Cantos. СПб.: Владимир Даль. 887 с.

Петров В.В. 2015: Фридрих Ницше и вечное возвращение // Мера вещей: Человек в истории европейской мысли / Под общ. ред. Г.В. Вдовиной. М.: Аквилон, с. 773-879.

Петров В.В. 2017: "Разнотекущие потоки" в "Сне Мелампа" Вячеслава Иванова: интертекстуальный анализ // Europa Orientalis. № 29, с. 23-54.

Петров В.В. 2018a: Телеология, четвертое измерение и обратный ход времени в работах А. Белого, Вячеслава Иванова и М. Волошина // Вячеслав Иванов: исследования и материалы. Вып. 3 / Сост. С.В. Федотова, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ, с. 13-65.

Петров В.В. 2018b: Присвоение чужеземной учености в античной и средневековой латинской традиции // ΣΧΟΛΗ. № 12 (2), с 569-581.

Петров В.В. 2019: Философско-эстетические взгляды Вяч. Иванова в эссе "*Forma formans* и *forma formata*" // Studia litterarum. Т. 4. № 2, с. 228-251.

Руссо Ж.-Ж. 1969: Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов? / Пер. А.Д. Хаютина // *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М.: Наука. 704 с.

Серб, Антал 2018: Путник и лунный свет / Пер. с венг. М. Цесарской. М.: Водолей. 248 с.

Трубецкой С.Н. 1903: Предисловие // Творения Платона / Пер. с греч. Вл. Соловьева, М.С. Соловьева и С.Н. Трубецкого. Т. 2. М., с. i-vi.

Хайдеггер М. 1993: Письмо о гуманизме (1947) // *Хайдеггер М.* Время и бытие. Статьи и выступления / Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Республика, с. 192-220 [447 с.].

Хайдеггер М. 1993: Слово (1957) // *Он же*. Время и бытие. Статьи и выступления / Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Республика. 447 с.

Штраус Л. 2000: Что такое классическое образование? (1959) // *Штраус Л.* Введение в политическую философию / Пер. с англ. М. Фетисова. М.: Логос, Праксис, с. 310-316 [364 с.].

Ясперс К. 2012: Философия (1932). Кн. 2: Просветление экзистенции. Гл. 3 / Пер. с нем. А.К. Судакова. М. 448 с.

Cloeren H.J. 1988: Language and Thought: German Approaches to Analytic Philosophy in the 18th and 19th Centuries. Berlin: de Gruyter. 267 s.

Eliot T.S. 2014: "Tradition and the Individual Talent," *The Complete Prose of T.S. Eliot*. The critical edition. Vol. 2: The Perfect Critic, 1919–1926. Ed.

by A. Cuda and R. Schuchard. London: Faber and Faber; Baltimore: The Johns Hopkins University Press, p. 105-114 [896 p.].

Emerson R.W. 1940: The Complete Essays and Other Writings. Ed. by Brooks Atkinson. New York: The Random House. 930 p.

Isler-Kerényi C. 2013: "Károly Kerényi: An Unwilling Emigrant into European Classical Scholarship," Classics and Communism. Greek and Latin behind the Iron Curtain. Edited by G. Karsai, G. Klaniczay et al. Budapest, p. 45-54.

Mann T., Kerényi K. 1960: Gespräch in Briefen / Hrsg. von K. Kerényi. Frankfurt am Main.

Pound E. 1991: Ezra Pound's Poetry and Prose. Contributions to Periodicals in 10 vols. Vol. 1: 1902–1914. New York & London: Garland Publishing. 320 p.

Wolters Fr. 1930: Stefan George und die Blätter für die Kunst: deutsche Geistesgeschichte seit 1890. Berlin.

Zanoli A. 2019: Un ricordo di Carlo Kerényi, Azione. Settimanale d'informazione e cultura della cooperative Migros Ticino, 15.04.2019, https://www.azione.ch/cultura/dettaglio/articolo/un-ricordo-di-carlo-kerenyi.html (сентябрь, 2020).

Valery V. PETROFF

PHILOLOGICAL EXISTENTIALISM OF KARL KERÉNYI

The article treats the scholarly career and ideas of Karl Kerényi, a classical philologist, a specialist in Greek mythology and religion. The nature of his worldview, which can be characterized as philological existentialism, is discussed. This definition comprehends Kerényi's call to "live through" the religious experience of the Greeks, his understanding of humanism as the existential responsibility of an intellectual in the face of totalitarian ideologies and mass culture, his opinion that modern culture will acquire its essence through the reference to Greek antiquity, its form and style. Kerényi's views on the genesis of Hellenistic humanism, the relationship between humanism and barbarism are considered, as also his thought that classical education and high culture can be acquired only through "great books". Kerényi's ideas are analyzed in the context of the opinions of poets, philologists and philosophers who talked about Hellenism, the inseparability of the humanities and humanism, the opposition of classical and mass culture. Among these authors are Cicero, F. Hölderlin, Vladimir Solovyov, Tadeusz Zieliński, Vyacheslav Ivanov, Walter Otto, T.S. Eliot, E. Pound, Thomas Mann., Leo Strauss, M. Heidegger, G.-G. Gadamer and others.

Keywords: Karl Kerényi, humanism, classical philology and education, existentialism, humanism and barbarism, mass culture and totalitarianism, books, form, style.

Valery V. PETROFF — DSc in Philosophy, Chief Research Fellow, RAS Institute of Philosophy, Russian Federation, Moscow. — campas.iph@gmail.com

REFERENCES

Averintsev S.S. 2004: Obraz antichnosti v zapadnoevropeiskoi kul'ture XX v. // Averintsev S.S. Obraz antichnosti. SPb.: Azbuka-klassika, s. 165-201 [480 s.].

Balashova A. 2017: Ellinskie korni evropeiskoi traditsii v otsenkakh Gel'derlina i Paunda // Fridrikh Gel'derlin i ideya Evropy / Pod red. S.L. Fokina. SPb.: Platonovskoe filosofskoe obshchestvo, s. 229-234 [427 s.].

Benua A.N. 1909: Rassadnik iskusstva // Starye gody. Aprel'. S. 175-203.

Byuffon 1995: Zhorzh Lui Leklerk de Byuffon. Rassuzhdenie o stile. Rech' pri vstuplenii vo Frantsuzskuyu Akademiyu (1753) / Per. i prim. V. Mil'chinoi // Novoe literaturnoe obozrenie. № 13, s. 165-181.

Cloeren H.J. 1988: Language and Thought: German Approaches to Analytic Philosophy in the 18th and 19th Centuries. Berlin: de Gruyter. 267 s.

Dobrokhotov A.L. 2014: Vyach. Ivanov v zhurnale “Trudy i Dni” // Knigoizdatel'stvo “Musaget”: Istoriya. Mify. Rezul'taty: Is-sledovaniya i materialy. M.: Izd-vo RGGU, s. 43-52 [532 s.].

Eliot T.S. 2014: “Tradition and the Individual Talent,” The Complete Prose of T.S. Eliot. The critical edition. Vol. 2: The Perfect Critic, 1919–1926. Ed. by A. Cuda and R. Schuchard. London: Faber and Faber; Baltimore: The Johns Hopkins University Press, p. 105-114 [896 p.].

Emerson R.W. 1940: The Complete Essays and Other Writings. Ed. by Brooks Atkinson. New York: The Random House. 930 p.

Gadamer G.-G. 1991: Gel'derlin i antichnost' (1943) / Per. V.V. Bibikhina // Gadamer G.-G. Aktual'nost' prekrasnogo. M.: Iskusstvo, s. 207-227 [367 s.].

Gel'derlin F. 1988: Giperion. Stikhi. Pis'ma. Syuzetta Gontar. Pis'ma Diotimy / Izd. podg. N.T. Belyaeva. M.: Nauka. 720 s.

Gerasimova L.Yu. 2007: Karl Keren'i i ego “obkhozhdenie s bozhestvennym” // Keren'i K. Dionis: Proobraz neissyakaemoi zhizni / Per. s nem. A.V. Frolova, L.F. Popovoi. M.: Ladomir, s. 5-14 [319 s.].

Isler-Kerényi C. 2013: “Károly Kerényi: An Unwilling Emigrant into European Classical Scholarship,” Classics and Communism. Greek and Latin behind the Iron Curtain. Edited by G. Karsai, G. Klaniczay et al. Budapest, p. 45-54.

Ivanov Vyach. 1904: O Mommzene. Vesy. № 11, s. 46-48.

Ivanov Vyach. 1974: Manera, litso i stil' // Ivanov Vyach. Sobranie sochinenii / Pod red. D.V. Ivanova, O. Deshart. T. 2. Bryussel', s. 615-626 [852 s.].

Ivanov Vyach. 1994: Otvet na stat'yu <N. Bryzgalova> “Simvolizm i fal'sifikatsiya” / Publ. i komm. G.V. Obatnina // Novoe literaturnoe obozrenie. № 10, s. 167-171.

Keren'i K. 2012: Mifologiya / Per. s veng. Yu. Gusev i dr. M.: Tri kvadrata. 504 s.

Chto takoe mifologiya (1939) / Per. O. Volodarskoi, s. 27-56.
Filologiya Vilamovitsa i antichnye pamyatniki vengerskoi zemli (1932) / Per. O. Volodarskoi, s. 105-134.
Kniga i grecheskii mir (1935) / Per. I. Samoshkina, s. 237-252.
Gumanizm i ellinizm (1936) / Per. N. Yakubovoi, s. 253-272.
Nauka o drevnem mire (1934) / Per. Yu. Guseva, s. 325-344.
Razmyshleniya o Dionise (1933) / Per. N. Yakubovoi, s. 345-386.

Keren'i K. 2020: Misterii Kabirov // Misterii. Izbrannye stat'i iz konferentsii “Eranos”. M.: Akademicheskii proekt, s. 21-60 [345 s.].

Khaidegger M. 1993: Pis'mo o gumanizme (1947) // Khaidegger M. Vremya i bytie. Stat'i i vystupleniya / Per. s nem. V.V. Bibikhina. M.: Respublika, c. 192-220 [447 s.].

Khaidegger M. 1993: Slovo (1957) // On zhe. Vremya i bytie. Stat'i i vystupleniya / Per. s nem. V.V. Bibikhina. M.: Respublika. 447 s.

Mann T. 2009: Kul'tura i sotsializm (1929) // Mann T. Aristokratiya dukha / Per. I. Boldyreva. M.: Kul'turnaya revolyutsiya. 368 s.

Mann T., Kerényi K. 1960: Gespräch in Briefen / Hrsg. von K. Kerényi. Frankfurt am Main.

Mikhailovskii A. V. 2007: Zametki k filosofii dosuga i prazdnika // Tochki. № 1-2 (7), s. 138-153.

Nitsshe F. 2013: Lektsii o budushchnosti nashikh obrazovatel'nykh uchrezhdenii (1872–1873) // Polnoe sobranie sochinenii v 13 t. T. 1 (2). M.: Kul'turnaya revolyutsiya, s. 335-432 [480 s.].

Nitsshe F. 2014: Veselaya nauka II, 102: Slovo k filologam / Per. K. Svyas'yana // Sobranie sochinenii v 13 t. T. 3. M.: Kul'turnaya revolyutsiya, s. 313-596 [640 s.].

Otto V. 2017: Dionis. Mif i kul't. M. 228 s.

Paund E. 2003: Stikhotvoreniya i izbrannye Cantos. SPb.: Vladimir Dal'. 887 s.

Petrov V.V. 2015: Fridrikh Nitsshe i vechnoe vozvrashchenie // Mera veshchei: Chelovek v istorii evropeiskoi mysli / Pod obshch. red. G.V. Vdovinoi. M.: Akvilon, s. 773-879.

Petrov V.V. 2017: “Raznotekushchie potoki” v “Sne Melampa” Vyacheslava Ivanova: intertekstual'nyi analiz // Europa Orientalis. № 29, s. 23-54.

Petrov V.V. 2018a: Teleologiya, chetvertoe izmerenie i obratnyi khod vremeni v rabotakh A. Belogo, Vyacheslava Ivanova i M. Voloshina // Vyacheslav Ivanov: issledovaniya i materialy. Vyp. 3 / Sost. S.V. Fedotova, A.B. Shishkin. M.: IMLI, s. 13-65.

Petrov V.V. 2018b: Prisvoenie chuzhezemnoi uchenosti v antichnoi i srednevekovoi latinskoi traditsii // ΣΧΟΛΗ. № 12 (2), s 569-581.

Petrov V.V. 2019: Filosofsko-esteticheskie vzglyady Vyach. Ivanova v esse “Forma formans i forma formata” // Studia litterarum. T. 4. № 2, s. 228-251.

Pound E. 1991: Ezra Pound’s Poetry and Prose. Contributions to Periodicals in 10 vols. Vol. 1: 1902–1914. New York & London: Garland Publishing. 320 p.

Russo Zh.-Zh. 1969: Sposobstvovalo li vozrozhdenie nauk i iskusstv ochishcheniyu nravov? / Per. A.D. Khayutina // Russo Zh.-Zh. Traktaty. M.: Nauka. 704 s.

Serb, Antal 2018: Putnik i lunnyi svet / Per. s veng. M. Tsesarskoi. M.: Vodolei. 248 s.

Shtraus L. 2000: Chto takoe klassicheskoe obrazovanie? (1959) // Shtraus L. Vvedenie v politicheskuyu filosofiyu / Per. s angl. M. Fetisova. M.: Logos, Praksis, s. 310-316 [364 s.].

Trubetskoi S.N. 1903: Predislovie // Tvoreniya Platona / Per. s grech. Vl. Solov'eva, M.S. Solov'eva i S.N. Trubetskogo. T. 2. M., s. i-vi.

V-v V. 1901: Tessin // Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona. T. 33. SPb., s. 98-101.

Wolters Fr. 1930: Stefan George und die Blätter für die Kunst: deutsche Geistesgeschichte seit 1890. Berlin.

Yaspers K. 2012: Filosofiya (1932). Kn. 2: Prosvetlenie ekzistentsii. Gl. 3 / Per. s nem. A.K. Sudakova. M. 448 c.

Zanoli A. 2019: Un ricordo di Carlo Kerényi, Azione. Settimanale d’informazione e cultura della cooperative Migros Ticino, 15.04.2019, https://www.azione.ch/cultura/dettaglio/articolo/un-ricordo-di-carlo-kerenyi.html (сентябрь, 2020).

Zaitsev A.I. 2003: Izbrannye stat'i / Pod red. N.A. Almazovoi i L.Ya. Zhmudya. T. 2. SPb. 608 s.

Zelinskii F.F. 1899: Antichnyi mir v poezii A.N. Maikova // Russkii vestnik. T. 262. № 7 (iyul', god 44), s. 138-157.

Zhid A. 2000: Yavstva zemnye. M.: Vagrius, s. 166-263 [640 s.].

Zubets O.P. 2017: Μεγαλόψυχος Aristotelya i ponyatie moral'nogo sub"ekta // Aristotelevskoe nasledie kak konstituiruyushchii element evropeiskoi ratsional'nosti / Pod obshch. red. V.V. Petrova. Moskva: Akvilon, s. 61-75.

И.Г. Яковенко

ПРОБЛЕМА ОСМЫСЛЕНИЯ ВАРВАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ*

В статье на российском материале исследуется природа латентного варварства и перспективы развития этого феномена. Автор рассматривает латентного варвара как паллиативный социокультурный тип, возникающий в ходе сложных и болезненных процессов вписания архаика в культуру зрелой цивилизации. Процесс этот разворачивается в ходе межгенерационной преемственности. При этом каждое последующее поколение в большей мере вписано в город и культуру большого общества.

Ключевые слова: социокультурная динамика, латентное варварство, традиционно-архаическое сознание, европейский миграционный кризис, адекватное осмысление кризиса современного гуманистического сознания.

ПОНЯТИЕ «ВАРВАРЫ» В ТРАДИЦИОННЫХ И МОДЕРНИЗИРУЮЩИХСЯ ОБЩЕСТВАХ

Эта часть статьи касается проблематики истории понятий. Мне как культурологу интересно исследовать контексты словоупотреб-

---

Игорь Григорьевич ЯКОВЕНКО — доктор философских наук, профессор кафедры социокультурных практик и коммуникаций Факультета культурологии Российского государственного гуманитарного университета. Российская Федерация. Москва. — igjack@yandex.ru

---

* Редколлегия ежегодника публикует данную статью в порядке дискуссии. Мнение редколлегии по ряду вопросов может не совпадать с мнением автора.

Цивилизация и варварство
2020. Вып. IX. С. 130-144
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2020. Issue IX. P. 130-144
DOI: 10.21267/AQUILO.2020.9.9.001

ления. Что позволяет выделить культурные смыслы и прояснить телеологию, то есть, ответить на вопрос: почему и с какой целью люди используют образы варварства.

Исходно и до сегодняшнего дня понятие варвар нагружено ценностно. Это — враг государства и цивилизации. Соответственно маркирование кого-либо или чего-либо лейблом «варвар» мобилизует общество и задает противостояние. Иными словами, это идеологически удобный и эффективный прием. Вспомним с начала послевоенной эпохи слово «фашист» — означает наш враг. Заметим, 95% тех, кто костят именем фашиста своих противников не способный дать вразумительного определения фашизма, но это никого не останавливает.

Понятие «варвар» тысячелетиями демонстрирует исключительную живучесть и устойчиво актуализуется в разные эпохи. Оно постоянно востребовано. Оппозиция цивилизация/варварство возникает в зрелой цивилизации. Как только возникает устойчивый локус носителей высокой культуры, люди, идентифицирующие себя с этой культурой, склонны осмысливать качественную или стадиальную альтернативу себе и своему миру в категориях варварства. Интеллектуалы из Академии созданной Карлом Великим говорили: Мы — Европа. А за границами империи начинается Азия. Бавария — это Азия. На сегодняшний, достаточно снобистский взгляд, вся Европа IX века может представляться погрязшей в варварстве. Но окружение Карла Великого думало и чувствовало иначе. Они видели реальную дистанцию между своим кругом и окружающим морем варварства. Подобное миропереживание доносит до нас заметки аристократов эпохи Екатерины II.

Оппозиция цивилизация / варварство имеет устойчивые корреляты Европа / Азия, Запад / Восток. Идею разграничения и противопоставленности «нашего» — то есть мира цивилизации миру варварства можно выражать в бесконечно разнообразных конструкциях. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин в сказке для взрослых «Мальчик в штанах и мальчик без штанов» высказывает суждение: «Обычай не рвать яблоков с деревьев, растущих при дороге, похвальнее обычая опохмеляться чужим, плохо лежащим керосином». О варварстве, здесь не сказано ни слова. Однако, качественные характеристики, пространственные границы явления, отношение автора — все ясно без лишних слов.

В 2004 году во время Оранжевой революции Киев был заклеен наклеечками со слоганом «*Не с... в подъезде — ты же не донецкий!*». Ход жестко пропагандистский, но эффектный. В идеологизированном украинском сознании слово «донецкий» объединяет смыслы принадлежности к бандитско-люмпенской стихии и русскоязычному пространству, противопоставленному украинской идентичности. Слоган рисует плакатно четкую картину: Мы — европейцы, носители цивилизации — защищаем свой мир от русских варваров. Позднее в одном из ехидных комментариев 2007 года читаем: «они, оказывается, вовсе и не с... они метили территорию». Как видим, идея разграничения и наступления варварства работает в чисто идеологических контекстах.

Понятие «варвар» может замещаться эмоционально нагруженными синонимами — «вандал», «людоед», «гунны». Во время войн обращение к образам варварства резко актуализуется. Во время Первой и Второй мировых войн прежде всего во франкоязычных, а затем и других европейских странах немцев называли гуннами. В самом начале войны во Франции кайзер был назван «Аттилой без угрызений совести». Журналисты писали об «ордах людоедов». Во время Великой Отечественной советская публицистика писал «о фашистских ордах». В свою очередь, немецкая пропаганда и печать коллаборантов (Вишистская Франция, оккупированные территории СССР), писали о Восточном фронте как о судьбоносной битве Европы с Азией, которая грозит поглотить цивилизацию. Бомбардировка Дрездена авиацией союзников в феврале 1945 года активно использовалась нацистской пропагандой. Доктор Геббельс многократно завышал число жертв и говорил о варварстве и вандализме союзников.

С другой стороны, можно встретить примеры декларативного самопозиционирования в образе варвара. В июле 1900 года напутствуя немецких солдат отправлявшихся в Китай во время Боксерского восстания, кайзер Вильгельм призывал их — «будьте как гунны». Известный граф М.Н. Муравьев-Виленский вошедший в русскую историю под именем «Муравьева-вешателя», тот самый, которого губернатор Москвы прилюдно назвал людоедом, однажды выступая перед польской аудиторией заявил — «Я людоед. По утрам я ем детей». Суть этого приема понятна. Оппозиция цивилиза-

ция / варварство строится на ценностном фундаменте, предполагающем безусловную самоидентификацию субъекта высказывания как человека цивилизации. Если я варвар, то противная сторона лишается аргументов, а диалог в этом пространстве рассыпается.

Посмертная история графа примечательна двумя эпизодами: В 1920 году, после обретения независимости, поставленный в 1898 году царским правительством памятник графу в Вильно был снесен, а материал использован на постройку трех общественных туалетов. Памятники делают из гранита. Туалеты получились капитальные; один из них дожил до нового обретения независимости 1991 г. А в 2003 г., в ответ на наименование одной из улиц Варшавы именем Джохара Дудаева, депутаты Московской городской думы предложили переименовать улицу Климашкина, на которой находится польское посольство, и назвать ее именем Муравьева-Виленского. Иными словами, персонажи, связанные со смыслами оппозиции цивилизация / варварство, перманентно актуализуются, становятся знаковыми. Отношение к ним фиксирует культурное, политическое, идеологическое позиционирование.

В 2003 году Пол Хлебников издал книгу «Разговор с варваром» посвященную общению с Хож-Ахметом Нухаевым. Хлебников использует интересующее нас понятие не в метафорическом смысле. Он пишет: «Нухаев действительно варвар, он враг государства и даже самой идеи цивилизации. Его экстремистская версия ислама явно подпитана бандитским мировоззрением». Зрелое суждение, свидетельствующее о том, что Пол Хлебников понимал природу варварства.

Различение цивилизация / варварство и, соответственно, зона цивилизации / зона варварства высоко актуально и используется постоянно. Особенно часто в контекстах цивилизационного пограничья, лимитрофа, в зонах проживания стадиально гетерогенного населения. Примечательно, что каждый крупный центр на пути из Европы в Азию утверждает, что именно здесь пролегает рубеж, и мы — последняя остановка. За нами начинается Азия. В столице Австро-Венгрии ходила поговорка, что Европа кончается на выезде из Вены. Это же мы можем услышать в Польше, в Западной Украине, в Киеве. Примечательно, что близкие идеи можно услышать в Екатеринбурге, Новосибирске и даже во Владивостоке. Мы еще европейцы. Дальше уже — чистая Азия. Во всех этих контекстах

Азия понимается не как конкретная локальная цивилизация, а как зона хаоса, отсталости, варварства. Одним словом, тут еще мы, а дальше уже «донецкие».

Знаменитое эссе Милана Кундеры «Трагедия Центральной Европы» начинается словами:

> «В ноябре 1956, директор Венгерского Агенства Новостей, незадолго до того, как артиллерийский огонь сравнял с землей его офис, отправил всему миру отчаянное послание — возвестившее начало русского вторжения в Будапешт. Текст оканчивался словами: “Мы умрем за Венгрию и за Европу”».

Перед лицом смерти произносятся самые важные, последние истины. Различение цивилизация / варварство неизбежно мифологизируется и используется в идеологических контекстах. В ходе национально-освободительных движений и революций может работать разграничение цивилизация / варварство — страны Балтии, Восточная Европа, Оранжевая революция в Украине.

В эпохи социальных революций идеи разделения по признаку цивилизация / варварство, чаще всего, снимаются. Формируется общее тело, волна эсхатологических ожиданий охватывает все общество, а разделение происходит по другим признакам. Революции демократичны.

В устойчивом модернизирующемся обществе актуализуются разделения по признаку принадлежности к модернизирующемуся, урбанизированному и вестернизованному слою и сектору общества, ориентированному на традиционные ценности. Эти идеи могут оформляться в концепции внутреннего варварства.

В нашей стране эта дистинкция имеет долгую и большую традицию. Двигаясь вглубь времен от Пушкина, говорившего, что в России единственный европеец — правительство, мы обнаруживаем князя Щербатова противника перевода Библии на живой русский язык. В двух словах, внутренний варвар онтологически агрессивен, непредсказуем и опасен. Лучше всего, плотно опекать его и держать подальше от политической или культурной субъектности. Дай ему волю, он породит пугачевщину, и разнесет хрупкое здание цивилизации.

Сегодня те же мысли выражают в других конструкциях. В этом отношении примечательна реакция некоторых политиков и

комментаторов на революции в арабском мире. Пафос в следующем — надо сохранять все, так как есть. Если в России случатся полноценные демократические выборы, к власти придут фашисты и коммунисты. Так Леонид Радзиховский и Маргарита Симонян протягивают руку Победоносцеву с князем Щербатовым.

Подведем итоги: различение цивилизация / варварство относится к важнейшим познавательным конструктам, имеющим мощное идеологическое наполнение. Это различение позволяет ориентироваться в реальности модернизирующегося общества, различать зоны, в которых доминируют ценности модерна и зоны, в которых доминируют традиционные ценности. Оно позволяет формировать идентичности, перманентно актуализируется в ситуациях исторической динамики и оказывается фактором идеологической борьбы и инструментом консолидации.

ПРИРОДА И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛАТЕНТНОГО ВАРВАРА

Повторим нашу трактовку латентного варвара. Классический варвар отличается от варвара латентного структурой идентичности. Если для классического варвара мир города и цивилизации — чуждая и враждебная стихия, то варвар латентный относит себя к тому же самому миру. Однако, его социальная позиция, актуальная культура и круг общения могут быть описаны как глубокая периферия пространства государства и цивилизации, на которой происходит медленный, но неизбежный и неостановимый процесс вписания варвара в пространство зрелой цивилизации. Вписание это идет в чреде поколений в рамках особой межгенерационной преемственности, когда моменты традиционно-архаической культуры угасают, а элементы культуры зрелого городского общества нарастают. Процесс сложный и мучительный.

Далее, будем отвечать на вопросы, поставленные перед докладчиками[1].

[1] Имеются в виду участники Круглого стола «Цивилизация и варварство: ловушки, засады и пропасти латентного варварства» (Москва, ИВИ РАН, 7 октября 2019 г.).

Всегда ли латентное варварство — это попытка причинить ущерб, избегая внешнего деструктивного воздействия?

Только в ситуации активного конфликта. Сплошь и рядом латентный варвар причиняет ущерб, поскольку действовать по-другому не умеет, для него это не органично, не привык, «все наши так делают» и т.д. «Наши» всегда поджигали весной траву-сухостой. Я не знал, что от этого может случится пожар. Это — модельная ситуация. «Наши» слегка выпив спиртного садятся за руль автомобиля, а если их останавливает полицейский — «дают на лапу» и т.д.

Сознание латентного варвара сформировано в другой системе координат, не соотносимой с нормативной моделью жизни зрелого городского общества. Чеховский «злоумышленник», отворачивавший гайки, крепившие рельсы на железной дороге, не ставил цель нанести урон государству. Он экономил деньги, необходимые для покупки свинца на грузило для рыбной ловли. Так делают все наши. Перед нами нормальный носитель варварского сознания.

Когда и почему варварство становится скрытым и скрываемым?

Рядом с латентным варваром разворачивается мир, в котором доминирует зрелая цивилизация. Помимо сообщества «своих», на которое ориентируется варвар, радом с ним живут городские, «больно грамотные» и они очевидным образом преуспевают, обладают высокими статусами. У них престижные и высокооплачиваемые профессии. Это заставляет его, хотя бы внешне, подлаживаться к миру зрелой цивилизации. Если дед латентного варвара жил в глубинке и, как мог, изолировал себя от города и государства, то отец — переехал в город и с этого момента начинается неспешный процесс вписания мигранта в городскую цивилизацию. Однако, дистанция между «нашими» и «городскими» остается и осознается. Она может рождать сложные чувства. В том числе и потребность утвердиться за счет этих «больно грамотных». Мы их ничем не хуже. Мы — нормальные, природные, а они неестественные, смешные. У них все не как у людей.

Может возникнуть потребность хаотизировать «черезчур» упорядоченное городское пространство, приблизить его к тому, что привычно и памятно. Сломать что-то городское, написать

бранное слово на стене и т.д. Наконец, латентный варвар стремится общаться со своими, но, если приходится контактировать с «городскими», возможна потребность задавать «нашенский» стиль общения. Пусть привыкают.

Каким образом формировалась латентность злонамеренных умыслов и действий XX вв.? Есть ли шанс у латентного Homo barbaricus завоевать информационное пространство XXI века?

Злонамеренные умыслы латентного варвара XIX-XX вв. формировались и формируются в контексте эсхатологических представлений. Динамичный мир городской цивилизации противоестественен и, с каждым шагом, все более отдаляется от исходного естества. Он непременно должен рухнуть. Исследователи народной эсхатологии создают развернутую картину признаков близкого конца света и наступивших последних времен: железные кони и птицы, провода, опутывающие всю землю, женщины ходят в мужской одежде, а мужчины бреют бороды и т.д.[2]. Все эти построения формируют глубоко асоциальную позицию. Чего барахтаться? Все равно — конец света.

Кроме того, варвар не понимает и ложно трактует любую информацию, которая попадает ему на глаза. Среда латентных варваров на ура принимает самые разные конспирологические построения. Они понятны и соответствуют характеристикам сознания и картине мира интересующего нас персонажа.

Латентный варвар мог кончить школу, и получить необходимый минимум знаний о мире. Однако, при этом пребывать в убеждении, что земля плоская, а Гитлера на подводной лодке отвезли в Антарктиду, где он прожил до 1971 года. Дело в том, что такие объяснительные модели органично вписываются в ментальность, которая наследуется в варварской среде.

Политическая активизация широких народных масс появляется на пороге Нового времени — фронды, революции, гражданские войны. Терроризм — одна из форм такой активизации. В Европе и США эпоха террористической активности падает на XIX - первую половину XX века. В эпоху Средневековья сходные процессы принимали другие формы — крестьянские войны и восстания, средневековые религиозные движения.

---

[2] Например, см.: *Бессонов И.А.* 2014.

Разница между средневековыми массовыми выступлениями и революциями Нового времени в том, что в эпоху Средневековья наиболее традиционные и архаизованные участники народных возмущений сметали государство во имя идеального царя или хилиастических иллюзий. В революциях Нового времени участвуют все слои общества. Причем горожане — первые в этом ряду. Они ставят цели изменения политического и культурного характера общества. Идея наступления Царства Божия на земле не ставится. Уоты Тайлеры в Англии, Степаны Разины и Иваны Болотниковы в России, бабиды в Иране просто разрушали государство.

Надо отдавать себе отчет в том, что идея упразднения государства атрибутивна классическому варвару и исчезает только с исчезновением последнего. Внимательное чтение мемуаров позволяет увидеть, что в нашей стране, в эпоху Гражданской войны, среди крестьян ходили слухи: городов больше не будет. «Города сказывают отменяются, городов больше не будет. Землю всю разделят мужики, и будут жить одни мужики на всей земле, а заместо царя и царицы выберут какую-то Брешку»[3]. Понятно, что реальность советского общества, наступившая после Гражданской войны, разительно отличалась от таких упований. Здесь мы имеем дело с последним поколением «чистых» варваров и архаиков.

Политическая активизация масс совпадает с разворачиванием процессов секуляризации. Во второй половине XX века мир Евроатлантической цивилизации в целом вышел из описанной эпохи, а исламский мир — вступил и активно погружается в эпоху гражданских войн, революций и терроризма. Однажды и он изживет эту эпоху, но, по-видимому, не скоро.

Если же говорить об установке на сознательное разрушение современного мира, то сегодня эту позицию покрывает исламский терроризм. Его распространение говорит о глубоком кризисе исламской цивилизации, которая не в состоянии адаптироваться к меняющемуся миру и, в лице своих ортодоксов, стремится остановить движение истории и вернуть мир к вожделенному стабильному состоянию.

Исламские террористы варварами в строгом смысле не являются. Они — представители иной локальной цивилизации, болез-

[3] См.: *Пришвин М.М.* 2018, 85.

ненно включающейся в современный мир. Однако, ментальность этих людей в стадиальном отношении соответствует европейскому средневековому сознанию.

Когда мы пытаемся осмыслить данное явление, полезно помнить о том, что в России терроризм появляется в 70-е годы XIX века и представляет собой достаточно массовое явление. Далее, это явление присутствует до конца 20-х годов XX века. Закончив Гражданскую войну, Советская власть разгромила организованные формы террористической деятельности. Остался индивидуальный террор на территории метрополии и отдельные теракты в советских республиках, где власть громила партизанские движения. Так басмачество на территории среднеазиатских республик существовало до рубежа 30-40-х годов. На Западной Украине УПА действовала с 1943 года до середины 50-х годов. Далее, в российских городах, теракты происходят крайне редко. Так в 1969 году молодой лейтенант стрелял в Л.И. Брежнева. В Москве в 1977 году, усилиями небольшой группы армянских националистов, была организована серия терактов в метро.

Следующая волна активизации террористической деятельности падает уже на постсоветский период и связана с Первой и Второй чеченскими войнами. (1994–96 гг.) и (1999–2009 гг.). За вычетом этих эксцессов активного противостояния, Россия в последние 30 лет существует сравнительно спокойно. Давление исламского терроризма на США и Западную Европу несопоставимо выше[4].

Причем, терроризм — лишь самая яркая и драматичная форма давления на Запад со стороны мигрантов из Азии и Африки. Помимо терроризма существует постоянное нелегальное проникновение на территорию стран Запада. В 2015 году специалисты заговорили о Европейском миграционном кризисе, крупнейшим со времен Второй мировой войны. Миграционное давление продолжается по сей день. Наша страна счастливо избегает всего этого. Эта волна раскалывает общества западного мира. «Изоляционисты» противостоят правозащитникам, призывающим принимать всех бегущих на Запад. Сплошь и рядом мигранты не готовы адаптироваться к образу жизни и культуре стран пребывания. Они замыкаются в

[4] Подробнее см.: *Яковенко И.Г.* 2013а, 103-138.

районах плотного расселения, получают пособие, и воспроизводят традиционный для них социокультурный универсум.

Места компактного проживания диаспор выходцев из азиатских и африканских стран превращаются в своеобразные гетто, а если мигрантов становится слишком много, лик городов меняется до неузнаваемости. Кварталы, заселенные легальными и нелегальными мигрантами, превращаются в эпицентры уличной преступности, наркоторговли и, что еще более страшно, в базы для экстремистских группировок. Именно среди мигрантов международные террористические организации вербуют исполнителей кровавых терактов, которые участились в европейских городах.

Все это рождает антиимигрантские настроения в европейских обществах. Между тем, и сами мигранты далеко не лояльны к принявшим их европейцам. Чаще всего они относятся к ним презрительно или пренебрежительно, считая слишком слабыми, развращенными, трусливыми. Людям, выросшим в традиционных обществах Африки или Среднего Востока, сложно привыкнуть к европейским моделям поведения. Для европейцев, в свою очередь, кажутся недопустимыми такие обычаи мигрантов, как женское затворничество или обрезание девочек, домашнее рабство, многоженство, практика выдачи замуж без согласия девушки. Полиция большинства европейских стран фактически закрывает глаза на то, что творится внутри диаспор, позволяя мигрантам жить так, как те считают нужным. Но в мигрантской среде такой подход лишь способствует еще большей убежденности в слабости европейцев.

По существу масштабная миграция породила долгую позиционную войну, в которой обе стороны навязывают свои нормы и правила противной стороне. Мигранты не постигают простой истины: все то, над чем они смеются и отвергают, является неотъемлемым элементом целого, которое породило Запад. Отмени то, над чем они смеются, и исчезнет процветание и изобилие, исчезнут пособия, на которые они живут, придут в упадок города и так далее.

Стоит сказать несколько слов о комплексе вины лидеров мировой динамики и за наступление ядерного века, и за экологический кризис, и за колониальное угнетение народов Азии, Африки, Латинской Америки. «Во всем виноват Запад».

Началось все с вины за колониальное угнетение. Здесь мы касаемся большой и сложной темы[5]. Однако, все то, что осознается как специфическая «вина» западного человечества относится к универсалиям социальности и культуры. Эксплуатация завоеванных территорий и народов, их населявших, существовала во все времена. Идея «вины» Запада вырастает из фундаментальной обиды на рухнувшую веру в прогресс, всемогущество разума и другие комплексы западного сознания. Угроза ядерного самоуничтожения человечества и экологической катастрофы укладывается в ту же логику и формируются во второй половине прошлого века.

Одним из итогов Второй мировой войны стало создание ООН и Всеобщая декларация прав человека. В контексте всего этого, страны евроатлантической цивилизации оказались неспособны регулировать миграцию из стран Азии и Африки. Этот кризис разворачивается на наших глазах. Причем, восточно-европейские страны демонстрируют совершенно иное поведение, отказываясь принимать нелегальных беженцев. Надо учесть, что страны Восточной Европы не имели колоний, а сами часто становились объектом колониальной зависимости. Так что никакой вины за собой они не признают и нести это бремя ни видят смысла. Изоляционистская позиция побеждает в США. Англии, Италии, Австрии.

Естественно, что такое положение дел влечет за собой неоднозначные последствия для политической жизни Европы. В европейских странах происходит возрождение националистических и даже расистских настроений на бытовом уровне, а политики все чаще говорят о необходимости ограничения миграции и утверждают, что большое количество мигрантов может привести европейскую цивилизацию к краху. При этом акцент часто делается на несовместимость культурных ценностей европейцев и приезжих.

Ответ на вопрос — Есть ли шанс у латентного Homo barbaricus завоевать информационное пространство XXI века? — требует рефлексии постулатов и исходных установок нашего мышления. Культурологам известно, что культура задает массу априорных истин, предубеждений, табу которые отличают носителя данной культуры от людей, рожденных в иной культурной сре-

[5] См.: *Яковенко И.Г.* 2013б, 236–250.

де. Эти впитанные с молоком матери установки определяют характер мышления и результаты, к которым приходит нормальный носитель культуры.

Здесь нам не обойтись без монографии яркого российского культуролога А.А. Пелипенко «Глобальный кризис и судьбы Запада»[6]. Проблематика этой монографии обширна. Автор рассматривает историю человечества через призму эволюции мышления и смены ментальных структур. А.А. Пелипенко убежден в неадекватности современных моделей понимания стремительно изменяющейся реальности. Он пишет о *психологической инерции:* «Интеллектуалы, сформированные преимущественно западной системой мышления, психологически не готовы выйти за рамки ее базовых принципов и моделировать реальность за их пределами». Также, проблема заключается в «своего рода гуманистическом фундаментализме». В итоге ставится «задача выработке нового аналитического дискурса, способного адекватно и корректно формулировать глобальные проблемы и намечать пути к адекватному их решению»[7].

Завершая свою работу, А.А. Пелипенко ставит на повестку дня следующие вопросы:

— уход от выработанной европейской метафизикой концепции абстрактного «философского человека»;

— исследование генезиса корпуса западных гуманистических ценностей не как магистрального пути развития человечества, а как локально-исторического феномена;

— анализ параметров кризиса современного гуманистического сознания;

— построение возможных моделей разрешения означенного кризиса[8].

И, наконец, суждение, которое имеет прямое отношение к теме нашего исследования:

> «Маясь надуманным комплексом вины за свое колониалистское прошлое, Запад воспитал сознание “новых вар-

[6] См.: *Пелипенко А.А*. 2014.
[7] *Пелипенко А.А.* 2014, 4.
[8] Там же, 206.

варов” — представителей не только до-личностных, но и анти-личностных культур, убежденных, что Запад им что-то должен»[9].

В этой работе нам видится лишенный эмоциональных перехлестов, теоретически обоснованный поворот от тупиковых теоретических моделей и психологических комплексов к зрелому пониманию окружающей нас реальности. Для того, чтобы «латентный Homo barbaricus завоевал информационное пространство XXI века» необходимо полное банкротство и сдача всех позиций евроатлантической цивилизацией. Однако, на наших глазах разворачивается процесс переосмысления этой проблематики обществами европейских стран. В европейских странах к власти приходят политики, декларирующие верность принципам самосохранения общества и культуры своих стран. Реакция на происходящие изменения всегда несколько запаздывает относительно породивших ее процессов. Мигрантский кризис осознается как витальная опасность, возникшая перед цивилизацией Запада. В свете этих соображений захват информационного пространства латентным варваром в некотором будущем представляется маловероятным.

Проблематика латентного варвара в его соотношении с миром зрелой цивилизации неисчерпаема. При всех проблемах и опасениях будем помнить о том, что последние три тысячи лет мир цивилизации наступает на мир варварства и архаики и претворяет его, приобщая позавчерашних варваров к универсуму цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

Бессонов И.А. 2014: Русская народная эсхатология: история и современность. М.

Пелипенко А.А. 2014: Глобальный кризис и судьбы Запада. М.: Знание.

Пришвин М. М. 2018: Революция — это месть за мечту. Из дневника 1917–1918 годов. СПб.

Яковенко И.Г. 2013а: Терроризм // Игорь Яковенко Мир через призму культуры Культурология и россиеведение. М., 103-138.

[9] Там же, 210.

Яковенко И.Г. 2013б: Вина больших социальных общностей как историко-культурный феномен. К проблеме Другого и «исторической вине» западного человечества // Игорь Яковенко. Мир через призму культуры. Культурология и россиеведение. М., 236-250.

Igor G. YAKOVENKO

THE PROBLEM OF UNDERSTANDING BARBARISM IN MODERN REALITY

The article on the Russian material explores the nature of latent barbarism and the prospects for the development of this phenomenon. The author views the latent barbarian as a palliative sociocultural type arising from the complex and painful processes of fitting the archaic into the culture of mature civilization. This process unfolds during intergenerational continuity. At the same time, each subsequent generation is more integrated into the city and culture of a large society.

Keywords: sociocultural dynamics, latent barbarism, traditionally archaic consciousness, European migration crisis, adequate understanding of the crisis of modern humanistic consciousness.

Igor G. YAKOVENKO — Dr. Sc. (Philosophy), Professor of the Department of Sociocultural Practices and Communications of the Faculty of Cultural Studies of the Russian State Humanitarian University. Moscow, Russian Federation. — igjack@yandex.ru

REFERENCES

Bessonov I.A. 2014: Russkaya narodnaya eskhatologiya: istoriya i sovremennost'. M.

Pelipenko A.A. 2014: Global'nyi krizis i sud'by Zapada. M.: Znanie.

Prishvin M. M. 2018: Revolyutsiya — eto mest' za mechtu. Iz dnevnika 1917–1918 godov. SPb.

Yakovenko I.G. 2013a: Terrorizm // Igor' Yakovenko Mir cherez prizmu kul'tury Kul'turologiya i rossievedenie. M., 103-138.

Yakovenko I.G. 2013b: Vina bol'shikh sotsial'nykh obshchnostei kak istoriko–kul'turnyi fenomen. K probleme Drugogo i «istoricheskoi vine» zapadnogo chelovechestva // Igor' Yakovenko. Mir cherez prizmu kul'tury. Kul'turologiya i rossievedenie. M., 236-250.

М.Ц. Арзаканян, А.А. Герцен, Е.Г. Паскарь

«ЛОВУШКА» НА ПУТИ ИЗУЧЕНИЯ РАННЕГО ЭТНОГЕНЕЗА МОЛДАВАН

ПО СЛЕДАМ ИССЛЕДОВАНИЙ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ*

Статья посвящена проблеме изучения раннего этногенеза молдаван. Авторы показывают, какую лепту в историографию вопроса в свое время внесли труды советских исследователей — историков, этнографов, археологов, лингвистов, работавших в Кишинёве и в Москве.

Ключевые слова: молдаване, румыны, этногенез, римская Дакия, варвары, гипотезы происхождения влахов, советские исследователи.

Складывание на юго-востоке Европы сначала романских народностей, а затем и государственных образований, в стороне от их крупного компактного ареала всегда «интриговало» исследователей. Процесс этногенеза восточных романцев (румын и молдаван)

Марина Цолаковна АРЗАКАНЯН — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела истории международных отношений Института всеобщей истории РАН. Российская Федерация, Москва. — arzakanian@mail.ru

Андрей Артемович ГЕРЦЕН — кандидат географических наук, научный сотрудник Института географии РАН. Российская Федеоация, Москва. — gerzen@igras.ru

Евгений Георгиевич ПАСКАРЬ — исполнительный директор Молдавского историко-географического общества. Республика Молдова, Кишинев. — istgeo@mail.ru

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-05-533А.

Цивилизация и варварство
2020. Вып. IX. С. 145-157
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2020. Issue IX. P. 145-157
DOI: 10.21267/AQUILO.2020.9.9.002

сложен и противоречив. Он всегда вызывал и продолжает вызывать много споров. В свое время над данной тематикой серьезно работали советские ученые. Их труды сегодня почти забыты и мало цитируются. А между тем, немногочисленные современные историки, пытающиеся продолжать распутывать сложную научную проблему происхождения молдаван, далеко не продвинулись и новых серьезных аргументов в пользу той или иной точки зрения или представленной собственной, выдвинуть пока не смогли. Поэтому, как говориться, «воз и ныне там». Цель настоящей статьи — напомнить современным ученым о работах предшественников, советских историков, археологов, этнографов, лингвистов, которые наверняка им помогут в дальнейшей разработке обозначенного вопроса.

На территории нынешнего Северо-Западного Причерноморья (в том числе современной Молдавии) люди поселились с незапамятных времен, с каменного века. Мы же начнем свое повествование с момента писаной истории. О племенах, населяющих Прутo-Днестровское междуречье, впервые написали древние греки. На их трудах, так же как и археологических материалах, основана книга историка Т.Д. Златковской «Возникновение государства у фракийцев»[1]. Образованное фракийцами Одрисское царство располагалось южнее молдавских земель. Тем не менее, автор подчеркивает, что «его границы… были довольно подвижны» и «процессы, которые происходили во Фракии, нельзя считать узколокальными»[2]. И далее:

> Фракийские племена в I тысячелетии до н.э. представляли собой широко распространенную этническую общность. Фракийцы (в широком смысле включая их северную дако-гетскую часть и южную — собственно фракийскую) занимали земли от Вардар-Моравского бассейна на западе до Западного побережья Черного моря и Прутско-Днестровского междуречья на востоке; от Трансильвании и Карпатских гор на севере до Эгейского побережья, проливов и Мало-Азийского полуострова на юге[3].

Известный лингвист М.В. Сергиевский пишет, что древнюю Молдавию населяли «северные фракийцы или гето-даки»[4]. Археео-

[1] *Златковская Т.Д.* 1971.
[2] Там же, 7, 6.
[3] Там же, 6.
[4] *Сергиевский М.В.* 1959, 7.

лог Г.Б. Федоров отмечает, что «территория Прутско-Днестровского междуречья… была как бы пограничной землей между скифами и фракийцами»[5], историк Н.А. Мохов — что «геты и даки проживали в Подунавье», а территория Молдавии «была восточной окраиной фракийского мира»[6]. Наконец, археолог Э.А. Рикман считает, что:

> «...северо-фракийские племена на протяжении нескольких веков развивались в соседстве со скифскими, сарматскими, бастарнскими, кельтскими, а впоследствии — с другими племенами, оказывая на них влияние и испытывая воздействие со стороны соседей»[7].

Важнейшей вехой в истории региона стал приход в него древних римлян.

> «Начиная со II и особенно I в. до н.э., — читаем у Г.Б. Федорова, — Северное Причерноморье (особенно Северное Подунавье) становится одним из главных направлений продвижения римлян, а затем и прямой римской экспансии»[8], —

а на рубеже I и II вв. н.э. территория Дакии после разгрома Траяном гето-дакских войск была захвачена римлянами и до 271 г. находилась под властью Рима[9]. Более подробно о знаменательных событиях в регионе повествует Н.А. Мохов:

> «Вначале были завоеваны южнодунайские племена и причерноморские колонии. В 57 г. до н.э. римляне заняли колонию Тира (на месте, где ныне расположен город Белгород Днестровский). В 101–102 и 105–106 гг. римские легионы во главе с императором Траяном вторгались неоднократно в северодунайские земли и в конце концов завоевали их. На захваченных землях была образована римская провинция Дакия, которая включала в свой состав земли к западу от Карпатских гор и от реки Олт»[10]. Затем автор продолжает: «Земли, расположенные к востоку от Карпат, т.е. территория современной восточной части Румынии и Молдавской ССР (кроме некоторых пунктов

---

[5] *Федоров Г.Б.* 1960, 8.
[6] *Мохов Н.А.* 1978, 26.
[7] *Рикман Э.А.* 1977, 12.
[8] *Федоров Г.Б.* 1960, 9.
[9] Там же, 11.
[10] *Мохов Н.А.* 1978, 28.

на Дунае и римских колоний по берегам Черного моря) не были завоеваны римлянами и не входили в состав их владений. Здесь в первые века н.э., сохраняя независимость, проживали племена фракийцев (гетов, даков, карпов), сарматов (аланов, роксолонов), готов, славян и др.»[11].

Помимо указанных Н.А. Моховым живущих в регионе племен, историк Н.А. Чаплыгина в своей книге «Население Днестровско-Карпатских земель и Рим в I - начале III в. н.э.» называет также упоминаемых античными авторами костобоков[12]. Автор приходит к выводу о том, что:

«...в первые века нашей эры Днестровско-Карпатские земли представляли собой сложную картину этнического развития. Регион являлся зоной активных взаимоотношений и взаимовлияний различных групп варварского населения, стекавшегося к границам Римской империи и оказывавшего постоянное давление на него… На территории между Карпатами и Днестром племена перемещались с калейдоскопической быстротой, что нередко нарушало культурную преемственность в этих землях и создавало сложную этническую чересполосицу»[13].

Настоящим историческим явлением на всех окраинах Римской империи стал процесс романизации. Н.А. Мохов касательно интересующего нас региона пишет:

«На завоеванных землях гето-даков римляне организовывали свои административные единицы (провинции). Для нас наибольший интерес представляет римская провинция Дакия. Для того, чтобы ослабить сопротивление гето-даков, римляне выселяли их большими группами в другие провинции Империи, а сюда вселяли массы переселенцев из других мест… С этого времени в Подунавье появилось население, говорящее на романском (латинском) языке. Оно сложилось как из романизованного местного населения, так и из многочисленных переселенцев из других частей Империи»[14].

Почти все советские ученые считали, что территория современной Молдавии (Республики Молдовы) не была составной ча-

[11] Там же, 29.
[12] *Чаплыгина Н.А*. 1990, 19.
[13] Там же, 18.
[14] *Мохов Н.А.* 1978, 30–31.

стью римской провинции Дакия. Так, например, известный этнограф В.С. Зеленчук говорит:

> «Территория будущей Молдавии не входила в состав Дакии, и ее население не романизовывалось. Этот район испытал лишь незначительное влияние римской культуры»[15].

Лингвист В.Ф. Шишмарев пишет о том, что регион подвергся «иррадиации романизма», ощутил на себе его «растекание»[16]. В связи с этим хотелось бы напомнить, что все-таки границы провинции Дакия были нечеткими, размытыми. Известно, что император Траян заботился о возведении фортификационных сооружений и строительстве дорог. Так вот во время разведывательной экспедиции по северной части Республики Молдова 1-3 июня 2019 г. авторы статьи в нескольких местах обнаружили фрагменты так называемых траяновых заградительных валов, а близ города Вадул-Рашков — остатки римской дороги. Отметим также, что у ученых ряда стран (Франции, Румынии) сложилось мнение, что римская Дакия охватывала и территорию современной Молдавии, на что прямо указывается в энциклопедиях[17].

Не менее существенным, чем приход римлян в регион, стал и их уход оттуда в конце III в. На земли будущей Молдавии в III–VIII вв. нескончаемыми волнами обрушивались многочисленные племена варваров. Иными словами регион стал одной из арен Великого переселения народов.

На специально подготовленной для настоящей статьи географической карте Карпатско-Балканского региона во II–IV вв. н.э. (Илл. 1. С. 150), в преддверии начала Великого переселения народов, цветом специально выделены территории римских провинций Дакии (где по мнению приверженцев теории континуитета происходила романизация и сохранилась основная часть романизированного населения) и Мёзии, куда были переведены в 270-е гг. население и администрация провинции Дакия и откуда, по мнению сторонников миграционной теории, романизированное население вновь переселилось на северные берега Дуная в Средние века.

---

[15] *Зеленчук В.С.* 1977, 20.

[16] *Шишмарев В.Ф.* 1953, 91–92.

[17] См. например: Le Robert des noms propres.1995, 247.

Илл. 1.

Карпатско-Балканский регион во II–IV вв. н.э. (географическая карта). А.А. Герцен, 2019 г.

Советские ученые, сопоставляя немногочисленные письменные источники того времени, говорят по крайней мере о сарматах, кельтах, готах, гуннах, аварах, бастарнах, гепидах, болгарах, мадьярах (венграх), тюрках (половцах и печенегах), славянах (антах, склавинах, венедах)[18]. Российский историк В.П. Буданова, известный специалист по эпохе Великого переселения народов, считает, что надолго перечисленные племена в Пруто-Днестровском междуречье не задерживались[19]. Именно поэтому, как указывает Н.А. Мохов, «владычество… готов, гуннов, аваров, половцев и других завоевателей не оставило почти никаких следов»[20]. Особая тема, связанная с ранним этногенезом молдаван — это приход на территорию будущей Молдавии славянских племен. Она, безусловно, достойна отдельной статьи. Мы же сейчас только скажем о том, что этой тематики касались все цитируемые ученые. Археологи, историки, лингвисты, этнографы убеждены, что о присутствии славян в Карпато-Дунайском регионе можно говорить, по крайней мере, с VI в.

Итак, римляне ушли, потому что не могли более сдерживать натиска варваров на Дакию. Но для этнической истории будущих молдаван крайне важно, как уходили римляне и что они оставили после себя. Нам сообщают об этом лингвисты, следуя за немногочисленными сохранившимися источниками.

> «У нас нет никаких серьезных оснований, — заявляет В.Ф. Шишмарев, — заподозрить сообщения историков Флавия Вописка, Евтропия, Секста Руфа относительно оставления императором Аврелианом (271 или 275 г.) провинции Траяновой Дакии и перевода военных частей, находившихся в ней и «провинциалов» на юг от Дуная, во вновь основанную провинцию Дакию, названную Аврелиановой… вполне вероятно, что остатки романизованного населения удержались больше всего в придунайской полосе… так как они всегда могли рассчитывать в случае нужды на помощь и убежище у своих задунайских земляков… но оставшееся на севере от Дуная романское население не могло быть многочисленным, или сколько-нибудь значительным[21].

---

[18] См., например: Молдаване. 1977; *Мохов Н.А.* !978; *Сергиевский М.В.* 1959; *Шишмарев В.Ф.* 1953.

[19] Беседа *М.Ц. Арзаканян* с *В.П. Будановой* 21 мая 2019 г.

[20] *Мохов Н.А.* 1978, 32.

[21] *Шишмарев В.Ф.* 1953, 86.

А вот на что обращает внимание М.В. Сергиевский:

> «В 275 г. настал конец римского владычества в самой Дакии. В этом году император Аврелиан предоставил Дакию вестготам, отчаявшись в возможности сохранить эту провинцию в составе Римской империи… При этом Аврелиан… увел войска и жителей в Мезию, где выделил для них специальную область, названную им Аврелиановой Дакией в память о прежних местах их жительства. Но едва ли можно думать, чтобы Дакия при этом осталась совершенно пустой и все латинское население ушло за Дунай. Конечно, вместе с римскими легионами в Мезию эвакуировались более состоятельные элементы и жители городов по преимуществу, сельское же население и какая-то часть рабочего люда, которому нечего было терять, должны были остаться в Дакии. Этот важный момент нельзя упускать из виду, хотя нельзя думать, что оставшегося населения было столь много, чтобы оно могло представлять собой достаточно компактную массу, способную поглотить новых пришельцев, как это было в Западных провинциях Римской империи»[22].

Более лаконично, но определенно высказывается лингвист М.С. Гурычева: «В 275 г. император Аврелиан вывел значительную часть романизованного населения в соседнюю Мезию»[23]. Как видим, все три приведенные выше цитаты известных советских языковедов, изучавших романские языки, свидетельствуют о том, что романизованное население отчасти осталось в регионе. Однако, какова была его дальнейшая судьба, неизвестно. О том, какие этнические процессы проходили на территории современной Молдавии на протяжении второй половины I тысячелетия в письменных источниках информация отсутствует. Так, В.Ф. Шишмарев прямо утверждает: «В течение VII–X вв. византийские источники о влахах на том и другом берегу реки (Дуная. — *М. А.*) молчат»[24]. В этом факте и коренится главная научная проблема, если не сказать интрига, «ловушка», происхождения непосредственных предков молдаван — романизованного населения Восточной Европы влахов.

Кто же такие влахи (они же валахи, волохи, влехи, блахи)? Этот этноним встречается в византийских, древнерусских, герман-

---

[22] *Сергиевский М.В.* 1959, 33–34.
[23] *Гурычева М.С.* 1959, 17.
[24] *Шишмарев В.Ф.* 1953, 97.

ских, венгерских и других источниках начиная с XI в. Сначала источники не определяли всех упоминаемых влахов как латиноязычное (романское) население, но постепенно, в XII–XIII вв. его стали отождествлять именно с таковым. Известный российский этнолог С.А. Арутюнов полагает, что в эти века началось формирование восточнороманской (влашской) латиноязычной народности[25]. Оно завершилось в середине XIV в. с образованием в Прутo-Днестровско-Дунайском регионе основанного Водэ Драгошом, Молдавского княжества (в составе собственно Молдавии, Бессарабии и Буковины со столицей в городе Сучава, а затем Яссы) и Валашского княжества. В начале XVI в. было образовано княжество Трансильвания. Именно эти государственные образования стали окончательным местом компактного поселения влахов (будущих молдаван и румын).

На какой же территории сформировалась этническая общность влахов? Из-за отсутствия ответов на этот вопрос в источниках, исследователи проблемы выступили с двумя гипотезами — автохтонной и миграционной. Представители первой развивали концепцию формирования влахов в Карпато-Дунайских землях. Сторонники второй гипотезы утверждали, что влахи мигрировали на север от Дуная с Балкан. Историография проблемы ведет свое начало с XVII в. Ее подробным образом рассмотрел советский историк Л.Л. Полевой в пространной статье «Формирование основных гипотез происхождения восточнороманских народностей Карпато-Дунайских земель (Феодальная и буржуазная историография XVII - перв. пол. XX в.)»[26]. Сторонниками первой гипотезы были главным образом ученые Российской империи (в состав которой в 1812 г. вошла Бессарабия) и Румынии. Развивая автохтонную гипотезу, они как бы подтверждали исконные права молдаван и румын на их земли. Один из первых представителей теории автохтонности молдавский историк и летописец второй половины XVII в. Мирон Костин в предисловии к своей «Летописи земли молдавской» кратко изложил эту теорию в стихотворной форме:

---

[25] Беседа *М.Ц. Арзаканян* с *С.А. Арутюновым* 5 сентября 2019 г.
[26] *Полевой Л.Л.* 1972.

Племя земли молдавской, откуда происходит?
Из римских стран каждый пусть знает.
Траян, первый император, покорил даков,
Драгош потом, в молдаван превратил влахов[27].

Миграционной теории придерживались многие немецкие, австрийские и венгерские историки. Венгры, развивая эту гипотезу, стремились тем самым отстоять свой приоритет на землях Паннонии и Трансильвании.

В конце XIX в. ясский историк Дмитрий Ончул представил третью версию происхождения влахов, включившую в себя элементы первых двух. Он

> «...выдвинул новую гипотезу — так называемой адмиграции, т.е. дополнительной миграции романизованного населения с Балкан в земли к северу от Дуная, где также существовало такое же население, но лишь в некоторых областях, в свое время подвергшихся романизации»[28].

Советские историки не принимали непосредственного участия в научной дискуссии по поводу разных версий этногенеза влахов, но внимательно следили за ней и сделали собственные, хотя и осторожные, неразвернутые выводы. Так, выдающийся советский российский византинист Г.Г. Литаврин в статье «Влахи византийских источников X–XIII вв.» сразу замечает, что «вопрос о происхождении влахов сложен и заслуживает особого исследования»[29]. Тем не менее, он все-таки приходит к выводу о том, что:

> «...византийские источники не дают возможности говорить о каких-либо значительных перемещениях или изменениях в плотности влашского населения на Балканах XI–XII вв., как не оправдывают эти данные и теорию о передвижении в этот период влахов с Балкан за Дунай»[30].

Свое видение проблемы на основании анализа текста «Повести временных лет» и венгерского «Анонима» конца XII – начала XIII в. высказал и известный балкановед В.Д. Королюк в книге

[27] *Costin M.* 1965, 5.
[28] *Полевой Л.Л.* 1972, 72.
[29] *Литаврин Г.Г.* 1972, 125.
[30] Там же, 138.

«Славяне и восточные романцы в эпоху раннего Средневековья». Историк подчеркнул:

> «Представляется наиболее вероятным считать волохов русской летописи и влахов венгерского «Анонима» каким-то местным романизованным населением Паннонии IX в. Иное дело — вопрос о происхождении этого населения. При настоящем состоянии источников и исследований проблемы нет возможности… говорить о непрерывности развития одного и того же романского населения на рассматриваемой территории со II-III вв.»[31].

Загадка происхождения восточных романцев (молдаван и румын) не решена и сегодня. Эта научная проблема так и остается «открытой». Закончим статью прозорливыми словами Г.Г. Литаврина о том, что задача выхода из «ловушки», в которую попали, изучая этногенез молдаван исследователи,

> «...может быть решена лишь совместными усилиями ученых самой различной специализации, способных дать профессиональную оценку не только письменным свидетельствам, но и данным археологии, этнографии, лингвистики, ономастики, топонимики, гидронимики, антропологии и т.д. Сколь бы, однако, ни были важны данные упомянутых выше смежных наук для изучения вопросов этногенеза, мы убеждены, что именно письменные источники, интерпретированные историками и текстологами, останутся в этой связи и впредь одной из основных опор исследователя»[32].

ЛИТЕРАТУРА

Вопросы молдавского языкознания. 1953. М.

Гурычева М.С. 1959: Народная латынь. М.

Зеленчук В.С. 1977: Судьбы романизованного населения. Роль славян в этногенезе восточнороманских народностей. Волохи — Молдаване. Кишинев.

Златковская Т.Д. 1971: Возникновение государства у фракийцев. М.

Королюк В.Д. 1985: Славяне и восточные романцы в эпоху раннего Средневековья. М.

---

[31] *Королюк В.Д.* 1985, 184.

[32] *Литаврин Г.Г.* 1972, 92– 93.

Литаврин Г.Г. 1972: Влахи византийских источников X–XIII вв. Юго-Восточная Европа в Средние века. Кишинев.

Мохов Н.А. 1978: Очерки истории формирования молдавского народа. Кишинев.

Полевой Л.Л. 1972: Формирование основных гипотез происхождения восточнороманских народностей Карпато-Дунайских земель (Феодальная и буржуазная историография XVII - перв. пол. XX в.) Юго-Восточная Европа в Средние века. Кишинев.

*Рикман Э.А.*1977: Родоплеменной строй на территории Молдавии. Молдаване Кишинев.

Сергиевский М.В. 1959: Молдаво-славянские этюды. М.

Федоров Г.Б. 1960: Население Прутско-Днестровского междуречья. М.

*Чаплыгина Н.А.*1990: Население Днестровско-Карпатских земель и Рим в I - начале III в.н.э. Кишинев.

Шишмарев В.Ф. 1953: Романские языки Юго-Восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР // Вопросы молдавского языкознания. М.

Costin M. 1965: Letopisetul Tarii Moldovei. Bucuresti.

Le Robert des noms propres: 1994. Paris.

Marina Ts. ARZAKANIAN, Andrey A. HERZEN
Evgeniy G. PASKARY

«THE TRAP» ON THE WAY TO EARLY MOLDAVIAN ETHNOGENESIS STUDY IN THE WAKE OF RESEARCH BY SOVIET SCIENTISTS

The article is devoted to the problem of studying the early ethnogenesis of Moldavians. The authors show what contribution to the historiography of the issue at the time was made by the works of Soviet researchers — historians, ethnographers, archaeologists, linguists who worked in Kishinev and Moscow.

Keywords: Moldavians, Romanians, ethnogenesis, Roman Dacia, barbarians, hypotheses of the origin of the Vlachs, Soviet researchers.

Marina Ts. ARZAKANIAN **—** Dr. Sc. (History), Professor, Chief Researcher of the Department of Internationals Relations of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russian Federation. — arzakanian@mail.ru

Andrey A. HERZEN — PhD (Geography), Research Fellow of the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russian Federation. — gerzen@igras.ru

Evgeniy G. PASKARY — the Executive Director of the Moldavian Historic-Geographical Society. Kishinev, the Republic of Moldova — istgeo@mail.ru

REFERENCES

Chaplygina N.A.1990: Naselenie Dnestrovsko-Karpatskikh zemel' i Rim v I nachale III v. n.e. Kishinev.

Costin M. 1965: Letopisetul Tarii Moldovei. Bucuresti.

Fedorov G.B. 1960: Naselenie Prutsko-Dnestrovskogo mezhdurech'ya. M.

Gurycheva M.S. 1959: Narodnaya latyn'. M.

Korolyuk V.D. 1985: Slavyane i vostochnye romantsy v epokhu rannego Srednevekov'ya. M.

Le Robert des noms propres: 1994. Paris.

Litavrin G.G. 1972: Vlakhi vizantiiskikh istochnikov X-XIII vv. Yugo-Vostochnaya Evropa v Srednie veka. Kishinev.

Mokhov N.A. 1978: Ocherki istorii formirovaniya moldavskogo naroda. Kishinev.

Polevoi L.L. 1972: Formirovanie osnovnykh gipotez proiskhozhdeniya vostochnoromanskikh narodnostei Karpato-Dunaiskikh zemel' (Feodal'naya i burzhuaznaya istoriografiya XVII perv. pol. XX v.) Yugo-Vostochnaya Evropa v Srednie veka. Kishinev.

Rikman E.A.1977: Rodoplemennoi stroi na territorii Moldavii. Moldavane Kishinev.

Sergievskii M.V. 1959: Moldavo-slavyanskie etyudy. M.

Shishmarev V.F. 1953: Romanskie yazyki Yugo-Vostochnoi Evropy i natsional'nyi yazyk Moldavskoi SSR // Voprosy moldavskogo yazykoznaniya. M.

Voprosy moldavskogo yazykoznaniya. 1953. M.

Zelenchuk V.S. 1977: Sud'by romanizovannogo naseleniya. Rol' slavyan v etnogeneze vostochnoromanskikh narodnostei. Volokhi — Moldavane. Kishinev.

Zlatkovskaya T.D. 1971: Vozniknovenie gosudarstva u frakiitsev. M.

РАЗДЕЛ 2

ИСТОКИ СКРЫТОГО И СКРЫВАЕМОГО

И.Е. Суриков

АККУМУЛЯЦИЯ ЛАТЕНТНОГО ВАРВАРСТВА В АФИНАХ V В. ДО Н.Э., ИЛИ ПУТЬ В БЕЗДНУ

В V в. до н.э. Афины в результате успехов в Греко-персидских войнах небывало усилились и стали претендовать на лидерство в Греции, вступив в борьбу со Спартой за гегемонию. Геродот в своем труде имплицитно предостерегал, что Афины, победившие восточную варварскую империю, рискуют превратиться в некое ее подобие, а это чревато опасностями и даже крахом. Предостережение оказалось пророческим: на протяжении V в. до н.э. в Афинском морском союзе наблюдалась постепенная аккумуляция латентного варварства. В статье рассматриваются некоторые релевантные эпизоды из политических биографий ведущих афинских государственных деятелей этого столетия: Фемистокла, Кимона, Перикла, Клеона, Алкивиада. Результат подобного развития событий был действительно плачевен: в период Пелопоннесской войны латентная варваризация социума являлась уже очевидной, и это ста-

Игорь Евгеньевич СУРИКОВ — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор факультета культурологии РГГУ. Российская Федерация, Москва. — isurikov@mail.ru

Цивилизация и варварство
2020. Вып. IX. С. 158-191
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2020. Issue IX. P. 158-191
DOI: 10.21267/AQUILO.2020.9.9.003

ло одной из причин, обусловивших поражение Афин и крушение реализовывавшегося в них «великого проекта».

Ключевые слова: классическая Греция, Афины, латентное варварство, жестокость, Геродот, Персия, Пелопоннесская война.

Предостережение Геродота.

В V в. до н.э. Афины в результате успехов в Греко-персидских войнах небывало усилились. Правда, ключевую кампанию этого многолетнего вооруженного конфликта, пришедшуюся на 480–479 годы (поход Ксеркса), они провели в качестве лишь одного (правда, влиятельного) члена Эллинского союза, возглавлявшегося Спартой[1]. Однако почти сразу после этого, когда оборонительная фаза войн для греков сменилась наступательной, лакедемоняне самоустранились от военных действий и фактически вышли из состава этого союза, что привело если и не к прекращению его существования (был ли он официально ликвидирован или же номинально просуществовал до 462 г. до н.э.[2] — вопрос, пока не получивший в науке однозначного разрешения), то к утрате им стратегического значения.

Дальнейшее хорошо известно: Афины, создав новую военно-политическую коалицию — Делосский (Первый Афинский) морской союз, — в полной мере пожали все плоды — и славу, и выгоду, — воспоследовавшие от изгнания персов из Эгеиды. Если в 479 г. до н.э. эллины под водительством Спарты только защитили от врагов собственную страну, то затем они, уже под водительством Афин, действовали на вражеской территории, освободили от ахеменидского владычества островные и малоазийские полисы[3].

---

[1] Об этом объединении полисов см. *Kienast D.* 2003.

[2] Когда спартанцы нанесли оскорбление афинскому отряду, прибывшему помогать им в подавлении восстания илотов (*Badian E.* 1993, 89 ff.; *Bloedow E.F.* 2000), и это вызвало взрыв негодования в Афинах.

[3] Почти все, но не все, Так, Магнесия-на-Меандре, находившаяся не на побережье, а в нескольких десятках километров от него, то есть в какой-то степени в глубине материка, не была утрачена Ахеменидами в ходе Греко-персидских войн и даже по Каллиеву миру 449 г. до н.э. осталась в составе их державы (*Rubinstein L.* 2004, 1081). Там правил Фемистокл — некогда греческий герой, а теперь персидский вельможа (о Фемистокле в связи с проблематикой данной статьи см. *ниже*).

Многими современниками это воспринималось как победа над восточной варварской империей.

Но на смену ей в регионе вырастала новая: в нее постепенно преображался Делосский союз. «Империалистические» замашки руководивших им афинян со временем стали настолько очевидны, что, например, в западной историографии Афинскую архэ по большей части именуют не иначе, как «Афинская империя»[4]. С одной стороны, Афины, опираясь на колоссальные прибыли от фороса (податей) союзников, смогли позволить себе приступить к реализации «великого проекта», предполагавшего беспрецедентное развитие демократических институтов, превращение «города Паллады» в красивейший в Элладе посредством дорогостоящих строительных программ[5], а также достижение им лидерства во всем греческом мире, перехват у Спарты статуса гегемона. С другой стороны, создание державы «имперского» типа, нарастающее «закручивание гаек» — всё это таило в себе скрытые угрозы.

Последнее хорошо понимал Геродот, который, хотя и прославился главным образом как главный «певец» Греко-персидских войн, но в то же время был свидетелем всего периода Пентеконтаэтии, пикового для Афин. Создается впечатление, что «отец истории» в своем труде имплицитно предостерегал: Афины, сокрушившие империю персов, рискуют превратиться в некое ее подобие, а это чревато опасностями и даже крахом[6].

---

[4] Это имеет место в работах как традиционного (*Meiggs R.* 1972), так и «ревизионистского» (*Mattingly H.B.* 1996) направлений — см. хотя бы их заголовки.

[5] Конечно, в литературе постоянно отмечается, что непосредственно на строительство или на развитие демократии форос пускали редко. Но нужно понимать, что он, полностью покрывая собой военные нужды (а это самая затратная статья в расходной части бюджета большинства государств), тем самым высвобождал обильные средства на иные цели. Отметим еще, что реальную, а не имитационную демократию (а классическая афинская демократия была именно реальной) могут позволить себе только очень богатые государства, это «дорогое удовольствие». Афины в период Пентеконтаэтии были чрезвычайно богаты по греческим меркам, и демократия в них развилась до конечных возможных в античности пределов.

[6] Здесь опираемся на наши предыдущие выкладки в: *Суриков И.Е.* 2011, 271–279.

Обращают на себя внимание, в частности, завершающие главы «Истории» Геродота[7] (*Herod.* IX. 114–122). Последний связно пересказанный историком эпизод Греко-персидских войн — освобождение от ахеменидского владычества греческого города Сеста (на берегу пролива Геллеспонт) афинским флотом под командованием Ксантиппа в 479/478 г. до н.э. Геродот, как всегда, уснащает рассказ живо описанными подробностями. Артаикт, персидский комендант Сеста, бежал из города, но был схвачен. Он пытался купить свою жизнь, однако Ксантипп подверг его казни, причем весьма мучительной: перса распяли, и, пока он был еще жив, на его глазах побили камнями его сына[8].

У. Десмонд совершенно справедливо замечает[9], что столь жестокая форма расправы была, в общем-то, отнюдь не характерна для греков, а вот на Востоке это был распространенный обычай (*Herod.* III. 125; III. 132; III. 159; VI. 30). Так поступали не только с живыми людьми, но и с телами погибших врагов. Так, после победы при Фермопилах Ксеркс приказал отрубить уже убитому Леониду голову, а тело распять (*Herod.* VII. 238; IX. 78).

После битвы при Платеях греческому командующему — спартанцу Павсанию — предлагали в отместку поступить так же с телом Мардония, вождя противников, но тот решительно отказался. А Ксантиппу, как видим, никакие моральные принципы не помешали до крайности сурово обойтись с пленным персом. Тот же Десмонд, сопоставляя описание Геродотом поведения Павсания и Ксантиппа, предполагает, что тем самым историк выразил свои преимущественные симпатии к Спарте по сравнению с Афинами[10]. Нам, впрочем, представляется, что, скорее, следует говорить о неприязни Геродота не столько к Афинам в целом, сколько лично к Ксантиппу. Ведь этот последний принадлежал к кругу Алкмеонидов и являлся отцом Перикла. А «отец истории», вопреки распространенному в антиковедении мнению, вовсе не был приверженцем Алкмеонидов и Перикла; напротив, он принадлежал к

[7] О них см., например: *Desmond W.* 2004.
[8] См. в связи с эпизодом: *Rollinger R.* 2004, 137 ff.
[9] *Desmond W.* 2004, 34 f.
[10] *Desmond W.* 2004, 36, note 34.

окружению конкурирующего с Алкмеонидами рода — Филаидов и его лидера Кимона[11].

После эпизода с Сестом в «Истории» есть еще коротенький экскурс о «делах давно минувших дней», главные герои которого — Кир Великий[12] и еще один перс, Артембар. Этот экскурс представляет собой самую последнюю главу труда (*Herod.* IX. 122). Артембар будто бы посоветовал своим соотечественникам, одержавшим уже ряд громких побед:

> «Давайте же покинем нашу маленькую и притом суровую страну и переселимся в лучшую землю… Так подобает поступать народу — властителю других народов».

Далее галикарнасец продолжает:

> «Услышав эти слова, Кир не удивился предложению и велел его выполнять. Тем не менее, он советовал персам готовиться к тому, что они не будут больше владыками, а станут рабами. Ведь, говорил он, в благодатных странах люди обычно бывают изнеженными и одна и та же страна не может производить удивительные плоды и порождать на свет доблестных воинов. Тогда персы согласились с мнением Кира и отказались от своего намерения. Они предпочли, сами владея скудной землей, властвовать над другими народами, чем быть рабами на тучной равнине».

Этими словами заканчивается «История», как она до нас дошла. Нетрудно заметить, прежде всего, что процитированный рассказ как-то очень слабо связан с тем, что ему непосредственно предшествует, — с осадой и взятием Сеста. Связь, собственно, заключается только в том, что Артембар был дедом вышеупомянутого Артаикта.

Но ведь для чего-то Геродоту потребовалось вводить этот экскурс? В целом в рамках труда он вовсе не смотрится неорганично, в нем присутствуют ключевые мотивы, характерные для геродотовского повествования в целом. Прежде всего бросается в

---

[11] *Суриков И.Е.* 2011, 362–395.

[12] Об образе Кира у Геродота, в т.ч. и в связи с данным пассажем, мы писали на страницах «Цивилизации и варварства»: *Суриков И.Е.* 2017.

глаза столь частый у «отца истории» мотив советчика[13], с помощью которого интересующий нас автор постоянно маркирует особенно дорогие для него идеи.

Да, последняя глава «Истории» насыщена интересными и важными мыслями (как почти всегда у великого галикарнасца), но эти мысли — такого рода, что они больше подходят не для финала сочинения о Греко-персидских войнах, а для начала повествования о их новом периоде, — когда афиняне перешли против Ахеменидов в наступление, перехватили у них стратегическую инициативу, сами стали атакующей стороной и начали отвоевывать у противника остров за островом, город за городом в бассейне Эгейского моря. Усиление Афин на этом этапе войн шло не по дням, а по часам; они создали мощный морской союз[14], владычествовали во всей Эгеиде (и не только), накопили неимоверные по греческим меркам богатства и вступили в борьбу со Спартой за гегемонию в Элладе. Борьба привела к Пелопоннесской войне (начало которой Геродот, как известно, совершенно точно застал[15]), а в этой последней афинский полис потерпел сокрушительное поражение и никогда уже не обрел прежнего могущества.

Афины, в сущности, прошли тем же путем, что Персия до них: от побед, торжества, усиления — к бедам, поражениям и упадку. В их судьбе как будто проявились «основные законы истории», как их видел Геродот, и в первую очередь закон божественного наказания за «чрезмерную» мощь и порожденную ею надменную гордыню (ὕβρις). Между прочим, здесь автор истории опирался на концепцию своего великого предшественника в описании конфликта Востока и Запада — драматурга Эсхила. Последний в трагедии «Персы» увидел главную причину разгрома Ксеркса в том, что персидский царь дерзнул на сверхчеловеческие дела: постройку моста через Геллеспонт и канала близ Афона. Данный мотив (Ксеркс, как бы извращающий природу стихий, заставляю-

---

[13] О важности этого мотива для Геродота см.: *Solmsen F.* 1974, 5; *Суриков И.Е.* 2011, 232-246.

[14] В литературе отмечалось, что, например, сведения Геродота об Ионии нужно рассматривать сквозь призму истории Афинской архэ: *Thomas R.* 2004.

[15] *Fornara C.W.* 1971.

щий людей идти «по воде», а суда — двигаться по бывшей суше) впоследствии стал расхожим общим местом. Процитируем хотя бы эллинистического поэта Ликофрона (*Lycophr.* Alex. 1412–1416):

Но не уступит мать Эпиметеева[16],
На место всех гиганта одного пошлет,
Персея поросль[17]: он пройдет и по морю,
Как по пути сухому, и по тверди он
На веслах поплывет[18]…

Не случайно афинский полководец Ксантипп у Геродота, как мы видели, ненужной жестокостью уподобляется варварам-персам. Впоследствии у Фукидида имплицитно встречается аналогичная мысль: Афины в конце концов уподобились Персии, и с этого момента их крах стал неизбежным[19]. Но о Фукидиде, заставшем совершенно иную ситуацию, нам говорить пока не время. Что же касается Геродота, он, повторим, хотел завершением своего труда, судя по всему, предостеречь близких и симпатичных ему афинян от повторения персидских ошибок[20]. Если это действительно так — то его предостережение, увы, пропало втуне. И в то же время оказалось пророческим: на протяжении V в. до н.э. в афинском полисе и Афинском морском союзе наблюдалась постепенная аккумуляция латентного варварства. Рассмотрим некоторые релевантные эпизоды из политических биографий ведущих государственных деятелей этого столетия.

---

[16] Азия (Эпиметей — брат Прометея).

[17] Речь идет именно о Ксерксе и его грандиозном походе на Элладу. Греки возводили происхождение персов к своему мифологическому герою Персею.

[18] Соорудив мост на Геллеспонте, Ксеркс перевел через этот пролив свое сухопутное войско; прорыв канал на Афоне, он провел флот там, где еще недавно была суша.

[19] *Connor W.R.* 1984, 157; *Will W.* 2006, passim.

[20] Например, от чрезмерного расширения своих владений. Одна из черт персов, как их воспринимали греки, — надменное презрение к границам и пределам (ср. *Franks H.M.* 2009), нарушение их, которое до добра не доводит.

Чудовищное жертвоприношение Фемистокла

> «Когда Фемистокл совершал жертвоприношение у триеры главного начальника, к нему привели трех пленников, очень красивых собою, роскошно одетых и украшенных золотом. Как говорили, это были дети царской сестры Сандаки и Артаикта… Эвфрантид (прорицатель. — *И. С.*) подал руку Фемистоклу и велел ему обречь на жертву юношей и, помолившись, всех их заклать Дионису Оместу (эпиклезу можно перевести как «сыроядец», «кровожадный». — *И. С.*). Фемистокл пришел в ужас от этого страшного, чудовищного пророчества. Но, как обыкновенно бывает при большой опасности, в трудных обстоятельствах, толпа ожидает спасения больше от чего-то противоречащего рассудку, чем от согласного с ним: все в один голос стали взывать к богу и, подведя пленников к алтарю, заставили, как приказал прорицатель, совершить жертвоприношение. Так рассказывает философ, хорошо знакомый и с историей, — Фаний Лесбосский» (*Plut.* Them. 13).

Плутарх относит это описанное им событие к утру перед Саламинской битвой, переломной для хода Греко-персидских войн. Ф. Фрост, написавший комментарий к плутарховой биографии Фемистокла, высказывает сомнения в достоверности эпизода[21], но они не кажутся нам обоснованными, тем более что ссылка дается на достаточно авторитетный источник — Фания Лесбосского[22], серьезного ученого, представителя перипатетической школы, ученика Аристотеля.

Характерно, что тот же Плутарх вспоминает о данном мероприятии и в другой связи (*Plut.* Pelop. 21), рассказывая, как Пелопид, фиванский полководец IV в. до н.э. планировал было (перед сражением при Левктрах, тоже очень важным) принести в жертву девушку, но в конце концов казуистически заменил ее кобылой, не решившись на ритуальное убийство человека:

> «...ни одной из вышних сил не может быть угодна столь дикая и беззаконная жертва, — ведь нами правит отец всех богов и людей, а не гиганты и не пресловутые тифоны. Нелепо, пожалуй, верить в демонов, которых радует убийство и человече-

[21] *Frost F.J.* 1980, 150.
[22] О нем см. *Mühl M.* 1955.

ская кровь, а если они и существуют, не следует обращать на них ни малейшего внимания, считая совершенно бессильными, ибо нелепые и злобные их желания могут возникать и сохранять силу только по слабости и порочности нашей души».

Данное суждение в полной мере отражает отношение древних греков к человеческим жертвоприношениям: налицо их отторжение. Тут же Плутарх перечисляет некоторые известные ему случаи таковых, но почти все он без исключения взяты из мифов (самый известный случай — принесение в жертву Агамемноном Ифигении в Авлиде[23]), исторический же пример у него фигурирует только один, да и тот не вызывает ни малейшего доверия (якобы спартанцы убили писателя-теолога VI в. до н.э. Ферекида и сняли с него кожу)[24].

Вполне закономерно то, что и эпизод с Фемистоклом, и эпизод с Пелопидом имели место перед битвами. Совершение перед сражением жертвоприношения с гаданием по внутренностям жертвы было распространеннейшим обычаем у эллинов, фактически — инвариантной нормой[25]. Но как для этих, так и для любых других жертвоприношений использовались (если, подчеркнем, вести речь не о мифологии, а о реальной истории), естественно, животные[26], в том числе и когда жертва приносилась Дионису[27]. Говорить о том, что с людьми не поступали подобным образом в принципе никогда, все–таки нельзя, но случалось такое чрезвычайно редко, только в исключительных случаях. Случай с Фемистоклом, насколько можно судить, был вообще самым последним (во всяком случае, из зафиксированных в источниках)[28]. Для более раннего времени (начало VI в. до н.э.) известно принесение в Афи-

[23] Об этом мифе см., в частности: *Blume H.-D.* 2012.

[24] Упоминается Плутархом в данной связи еще героическая гибель при Фермопилах Леонида, который «до какой-то степени принес себя в жертву за Грецию»; но ясно, что тут можно говорить только о «жертвоприношении» в фигуральном смысле.

[25] *Jameson M.H.* 1993.

[26] *Bremmer J.N.* 2007; *Rives J.B.* 2011.

[27] *Georgoudi S.* 2011.

[28] Некоторые восходящие к глубокой древности ритуалы аттического культового календаря предполагали человеческие жертвоприношения, но в историческое время их, разумеется, проводили имитационно.

нах в жертву двух юношей по предписанию известного пророка и чудотворца Эпименида, во искупление «Килоновой скверны»); правда, о нем сообщает поздний автор (*Diog. Laert.* I. 111–112), к тому же из числа не самых надежных.

Так было у греков. А вот в обществах древнего Ближнего Востока (во всяком случае, в некоторых из них) человеческие жертвоприношения были вполне в норме вещей[29], равно как, например, и у скифов[30]. И греки, конечно, это знали, что прекрасно вписывалось для них в картину варваров как людей жестоких, негуманных. В связи с этим, собственно, и сама лексема βάρβαρος часто приобретала оценочный оттенок, в высшей степени негативный. Закалывая на алтаре родственников персидского царя, Фемистокл как бы и сам уподоблялся варвару. По крайней мере, это однозначно стало восприниматься именно так, когда Фемистокл позже перешел на сторону персов и переселился на территорию державы Ахеменидов[31]. А, между прочим, на складывание образа саламинского героя в последующей античной историографии сильно повлияла эта его последующая измена. Геродот, например[32], хотя и не упоминает о ней напрямую (она выходит за хронологические рамки его труда), но очевиднейшим образом относится к Фемистоклу отрицательно[33].

Между прочим, последний вполне ассимилировался на новой родине и, в частности, находясь при ахеменидском дворе, овладел персидским языком, что, с точки зрения греков-современников, тоже было ему в минус: эллины, преисполненные чувства собственного достоинства, обычно не снисходили до изучения чуждых наречий, считая, что это остальные народы должны учить греческий. Впрочем, вполне персом, «варваром» Фемистокл так и не стал. Так, монеты, которые выпускал в качестве правителя Магнесии-на-Меандре вначале он сам, потом его сын–наследник Архе-

---

[29] Ср.: *Grant M.*1962, 340.

[30] См.: запоминающееся описание Геродотом достаточно массовых человеческих жертвоприношений в ходе погребальных ритуалов в случае кончины скифского царя (*Herod*. IV. 71–72).

[31] *Mayer K.* 1997; *McKechnie P.* 2015.

[32] См.: монографическое исследование об образе Фемистокла у Геродота: *Blösel W.* 2004.

[33] *Суриков И.Е.* 2011, 387-390.

полид (а потом, возможно, и внук, Фемистокл-младший)[34], абсолютно не имеют в себе каких-либо варварских элементов, будучи отчеканены в полном соответствии с нормами, принятыми в независимых греческих полисах.

«Полуварвар» Кимон и раздетые враги. Кимон, один из самых прославленных полководцев и политических деятелей эпохи Греко-персидских войн, по этническому происхождению являлся полукровкой. Отцом его был не менее знаменитый Мильтиад, марафонский победитель, а вот матерью — знатная фракиянка Гегесипила, вторая жена Мильтиада (*Herod.* VI. 39; *Plut.* Cim. 4). Впрочем, возможно, что она была уже эллинизованной фракиянкой (во всяком случае, ее имя, как его передают источники, звучит вполне по-гречески[35]). И в любом случае Кимон, конечно, получил чисто греческое воспитание, в нем не было ничего специфически варварского. А наличие матери-чужеземки ему нисколько не вредило, пока в 451/450 г. до н.э. не был по инициативе Перикла принят ограничительный закон об афинском гражданстве[36].

При этом главным делом жизни Кимона стала как раз борьба с варварами. Именно под его водительством флот Афинского морского союза совершенно вытеснил персидские силы из бассейна Эгейского моря и нанес им ряд чрезвычайно ощутимых поражений. В частности, его победа при Евримедонте[37] по степени своей

---

[34] О монетах династии Фемистокла см.: *Nollé J.* 1996; *Nollé J., Wenninger A.* 1998/1999; *Sheedy K.A.* 2017.

[35] Хотя можно, конечно, допустить, что греки изменили на свой манер варварское фракийское имя. Параллели имеются. Например, сохранился датируемый 370-ми гг. до н.э. почетный декрет афинян (*Rhodes P.J., Osborne R.* 2007, 86-91) в честь финикийского (сидонского) царя, имя которого в надписи фигурирует как Стратон. Из этого, разумеется, нельзя делать вывод, что упоминаемый правитель был греком. Ученые не сомневаются, что в действительности он носил финикийское теофорное имя, производимое от «Астарта».

[36] Из многочисленных существующих в науке интерпретаций этой достаточно скандальной меры нам представляется наиболее убедительной та, которая содержится в: *Blok J.H.* 2009.

[37] Датировки этого сражения колеблются от 469 до 466 г. до н.э. (см. к проблеме: *Badian E.* 1993, 77 ff.), но они для нас здесь не принципиальны.

«триумфальности» едва ли не затмила славные победы при Марафоне, Саламине, Платеях и др.

Именно к битве при Евримедонте мы относим[38] событие, о котором рассказал в своих мемуарах Ион Хиосский — весьма ранний (V в. до н.э.) автор, современник Кимона, лично знакомый с ним[39]. Процитируем это сообщение Иона (*Ion*.FGrHist. 392. F 13), сохраненное для нас, как часто бывает, Плутархом (*Plut*. Cim. 9). Рассказывается об обеде в обществе Кимона, на котором присутствовал сам Ион.

> «…Разговор перешел на подвиги Кимона, стали вспоминать о самых выдающихся из них, и он сам рассказал об одной из своих хитростей, по его мнению, самой удачной. Союзники, захватив в Сесте и Византии множество варваров, поручили Кимону произвести дележ добычи, и тот распорядился так, что по одну сторону поставили самих пленных, а по другую сложили украшения, которые они носили; союзники стали порочить такой дележ, называя его несправедливым, и тогда он предложил им взять любую из частей: какую бы они не оставили, афиняне-де будут довольны. По совету самосца Герофита, считавшего, что лучше приобрести вещи персов, чем самих персов, союзники взяли себе наряды и украшения, оставив на долю афинян пленных. Все сочли тогда, что этим дележом Кимон просто выставил себя на посмеяние: союзники уносили золотые запястья, ожерелья, шейные цепочки, персидские кафтаны, пурпурную одежду, афинянам же пришлось взять себе нагие тела мало привычных к труду людей. Вскоре, однако, съехавшиеся из Фригии и Ликии друзья и родственники пленных стали выкупать их, платя за каждого большие деньги, так что у Кимона собрались средства, которых хватило на содержание флота в течение четырех месяцев, а кроме того, немало золота и выкупных сумм осталось и для казны».

Сам по себе этот колоритный, запоминающийся эпизод, скорее всего, действительно имел место: он вряд ли мог быть выдуман (выдумать такое просто невозможно), тем более что источником

---

[38] Аргументацию см. в: *Суриков И.Е.* 2013.

[39] О ценности мемуаров Иона как источника, в том числе и в связи с данным эпизодом, см.: *Суриков И.Е.* 2015, 618–634.

сведений о нем является воспоминание автора–современника, а в конечном счете — сообщение самого главного участника событий, Кимона[40]. Более аутентичный источник просто невозможно себе представить[41]. С другой стороны, не оставляет впечатление, что в сообщение вкралась какая-то путаница, что оно приурочено традицией не вполне верно в географическом и временном отношении. Прежде всего, сразу бросаются в глаза некоторые детали, которые следует признать просто невозможными.

Обратим внимание на то, что в рассказе речь идет о Сесте *и* Византии, где были захвачены персы, которых делил Кимон. Не говорим уже о том, что эти два пункта находятся довольно далеко друг от друга, так что они не могли стать объектом единой, общей операции, после которой, как было принято, происходил раздел добычи. Еще важнее другое: Сест и Византий действительно были отвоеваны у персов в разное время и разными контингентами: первый, как отмечалось выше, весной 478 г. до н.э. афинянами под командованием Ксантиппа, второй — осенью 478 г. до н.э. флотом Эллинского союза под командованием спартанского регента Павсания. Кимон же ни в одной из этих кампаний главнокомандующим не был и вопросы о судьбе добычи и пленных не решал.

Есть и другие «нестыковки»[42], и в совокупности их слишком много, чтобы не порождать проблем. Остается допустить некий lapsus memoriae у Иона Хиосского: сам факт он со слов Кимона передал верно, а вот в отношении того, где и когда этот факт имел место, допустил путаницу. В конце концов, Ион не являлся военным историком и не писал труд о перипетиях Греко-персидских

---

[40] Мы полностью солидарны с резонным замечанием Э. Бадиана: «Вполне очевидно, что это свидетельство не менее надежно, чем многие другие свидетельства об этом периоде: ведь сам Кимон указан в качестве источника по вопросу, который должен был быть хорошо известен в обществе, причем ссылается на Кимона автор, заявлявший, что сам слышал его и, во всяком случае, принадлежавший к его кругу» (*Badian E.* 1993, 211).

[41] Эта стратагема Кимона, описанная Ионом, судя по всему, получила широкий резонанс в греческом мире. Так, под ее впечатлением спартанский царь Агесилай, воюя в начале IV в. до н.э. в Малой Азии, продавал пленных персов обнаженными (*Xen.* Ages. I. 28; *Plut.* Ages. 9).

[42] Их перечень см. в вышеупомянутой статье: *Суриков И.Е.* 2013.

войн. В связанных с ними вопросах он вряд ли гнался за точностью; ему простительно было и ошибиться. А мы должны задуматься о другом, более подходящем и непротиворечивом контексте рассматриваемого инцидента. Собственно, вариантов почти нет. Практически неизбежно приходится предположить, что речь должна идти о битве при Евримедонте. Достоверно известно из источников, что добыча, взятая в этом сражении, была чрезвычайно обильной. Сказанное в особенной степени относится именно к числу пленных персов. Флотом Делосского союза при Евримедонте командовал лично Кимон; соответственно, он же и распоряжался добычей, и урегулировал эти вопросы с союзными контингентами. Кстати, обратим внимание и на то, что впоследствии за пленными прибыли с выкупом их друзья и родственники «из Фригии и Ликии» как указывает Ион, а это (особенно упоминание Ликии) в географическом аспекте тоже гораздо лучше укладывается в контекст дела при Евримедонте, нежели в контекст военных действий в Черноморских проливах[43].

Обратим внимание на то, что Кимон приказал обнажить пленных, а это, вне сомнения, по отношению к ним являлось подчеркнуто унижающим жестом. Если греки с их «божественным отсутствием стыда»[44] в целом ряде ситуаций появлялись в общественных местах обнаженными[45], то для людей Востока находиться в таком виде было, безусловно, крайне дискомфортно. Кроме того, похоже, греки по этому поводу учинили сексуальное насилие над пленными. На это намекает обсценное изображение на «вазе Евримедонта» — весьма интересной краснофигурной ойнохое 460-х гг. до н.э., опубликованной сравнительно недавно[46].

Перикл расправляется с самосцами. Перикл стал в значительной мере главным символом эпохи высшего расцвета классической Греции, максимального развития афинской демократии. Обо-

---

[43] В некоторых рукописях иное чтение: не «Ликия», а «Лидия». Но и Лидия тоже от Геллеспонта и Боспора далековата, а к региону Евримедонта гораздо ближе.

[44] Как удачно выразился Максимилиан Волошин (*Волошин М.А.* 1988, 401).

[45] Например, на спортивных состязаниях (*Christesen P.* 2014).

[46] *Schauenburg K.* 1975.

значение самой этой эпохи как «Периклова века» давно уже стало хрестоматийным, расхожим. Еще Валерий Брюсов писал:

Тебя ли не признаю я, святой Периклов век!
Ты ясностью, прекрасностью победно мрак рассек!

В результате личность и деятельность Перикла в историографии постоянно идеализировались[47] (надо сказать, что тенденция этой идеализации восходит к античности, а именно — к Фукидиду, младшему современнику Перикла, лично его знавшему[48]), о любом связанном с ним негативе предпочитали умалчивать. Лишь в последнее время наметились иные подходы, которые, впрочем, приводят уже к крайностям противоположного рода: например, в книгах В. Вилля, направленных на «развенчание» Перикла, на преуменьшение его исторической роли, настойчиво проводится идея, что он был всего лишь морально неразборчивым политиканом и интриганом, шедшим к власти по головам других.

Это, конечно, тоже «перебор». Однако «рыцарем без страха и упрека» Перикл ни в коей мере не был, что мы попытаемся продемонстрировать на одном историческом примере, относящемся ко времени, когда он являлся уже безоговорочным лидером афинского государства. Жесткость и даже жестокость политической линии Перикла была с предельной ясностью продемонстрирована в ходе подавления восстания на Самосе в 440–439 гг. до н.э. Это событие, судя по всему, глубоко врезалось в память современников; соответственно, оно очень неплохо освещено в нарративных источниках (важнейшие свидетельства: *Thuc.* I. 115–117; *Diod.* XII. 27–28; *Plut.* Pericl. 24–28), отражено и в эпиграфике (IG. I³. 48), да и в современной исследовательской литературе неоднократно исследовалось[49].

Самос был, пожалуй, вторым по значению и силе членом Афинской архэ после самих Афин. Остров гордился своим слав-

---

[47] Этот факт отмечался неоднократно. См., например: *Will W.* 1995, 8-9; *Lehmann G.A.* 2008, 254–255; *Туманс Х.* 2010; *Tumans H.* 2012.

[48] *Will W.* 2003.

[49] Отошлем читателя прежде всего к фундаментальной монографии по истории Самоса, в которой эта тема (как и ряд других) рассмотрена наиболее детально и на современном уровне: *Shipley G.* 1987. В связи с ролью Перикла в рассматриваемых событиях см. также: *Węcowski M.* 2013.

ным прошлым (в VI в. до н.э., при тиране Поликрате, он принадлежал к числу ведущих держав греческого мира), был богатым и процветающим (построенный при Поликрате колоссальный храм Геры и во времена Перикла оставался самой большой культовой постройкой Эллады), обладал сильным флотом. Тем тягостнее было для него сносить ужесточающуюся афинскую гегемонию, несмотря на то, что Самос являлся одним из немногих привилегированных союзников: фороса не платил, а свою долю в деятельность симмахии вносил непосредственно кораблями. При этом полис сохранял олигархическое правление.

Поводом для восстания самосцев послужил следующий факт. Они находились в состоянии войны с соседями–милетянами из–за спорных территорий. В этом споре Перикл встал на сторону Милета (как поговаривали злые языки в Афинах, он поступил так потому, что милетянкой была его сожительница Аспасия[50]). Он прибыл на Самос с эскадрой кораблей, низложил правящих олигархов и установил демократию. Олигархи бежали, но, не успел Перикл отправиться на родину, прибыли обратно, вернулись к власти и подняли антиафинский мятеж.

Этого полис–гегемон, конечно, никак не мог потерпеть. К Самосу срочно отправился мощный афинский флот. Им командовали все десять стратегов, что показывало важность мероприятия. Даже драматург Софокл, входивший в этом году в коллегию военачальников, тоже участвовал в самосской кампании. Но руководил ею, безусловно, Перикл. Осада острова затянулась. Учитывая его силу и богатство, этого, в принципе, следовало ожидать. Лишь через девять месяцев остров сдался[51]. Естественно, на самосцев было наложено суровое наказание. Афиняне обязали их срыть оборонительные укрепления, выдать свой военный флот, заплатить победителю контрибуцию. Кроме того, Самос отныне лишался статуса привилегированного союзника и начинал вносить форос наряду с подавляющим большинством других членов Архэ.

Плутарх (*Plut.* Pericl. 26–28) повествует о таких странных, вроде бы не свойственных греческому духу жестокостях, которые

[50] Об этой знаменитой женщине см. прежде всего: *Henry M.M.* 1995.
[51] К хронологии событий см.: *Fornara C.W.* 1979.

Перикл, по некоторым сведениям, творил над самосцами в ходе войны и после победы. Так, он приказывал ставить пленным врагам на лбу клеймо. А когда остров был взят,

> «Перикл привез самосских начальников кораблей и воинов в Милет и там на площади продержал их привязанными к доскам в течение десяти дней и, наконец, когда они были уже в изнеможении, велел их убить ударами палки по голове, а тела бросить без погребения».

Правда, сам Плутарх этому последнему рассказу не слишком-то доверяет, поскольку почерпнул его из сочинения Дурида Самосского — известного эллинистического историка, про которого тут же пишет:

> «Но Дурид не имеет обычая держаться истины в своем повествовании даже там, где у него нет никакого личного интереса; тем более в данном случае он, по-видимому, представил в более страшном виде несчастья своей родины, чтобы навлечь нарекания на афинян».

Однако последние исследования о Дуриде[52] в целом демонстрируют, что этот автор отнюдь не заслуживает к себе такого пренебрежительного отношения, какого его удостоил Плутарх. Он был вовсе не каким-то лжецом и любителем дешевых эффектов, а характерным представителем геродотовской традиции в историописании[53]. Ну как тут не вспомнить, что и самого «отца истории» Плутарх тоже терпеть не мог и посвятил его «изобличению» специальный трактат «О злокозненности Геродота». Однако при чтении этого трактата сразу становится ясным, что перед нами — субъективная, тенденциозная, даже озлобленная критика. Для Плутарха наиболее неприемлемы именно те черты творчества великого историка, которые нам представляются самыми ценными: объективность и непредвзятость по отношению как к грекам, так и к «варварам», нежелание замалчивать нелицеприятные факты, отсутствие морализаторского пафоса и нарочитой патриотической риторики.

---

[52] *Pédech P.* 1989, 255–357; *Consolo Langher S.N.* 2005 и особенно *Baron C.A.* 2016.

[53] Различия между геродотовской и фукидидовской традициями очень четко прослеживаются в: *Momigliano A.* 1990, 29-53.

И если ранее негативное отношение Плутарха к данному сообщению Дурида нам казалось более или менее обоснованным[54], то теперь мы в этом сильно сомневаемся. Да, Дурид был самосцем, но почему из этого обязательно должно следовать, что он придумывал факты из истории Самоса, в действительности не имевшие места? Получается, что, если мы читаем, например, историка-афинянина (скажем, того же Фукидида), мы не должны доверять его информации об Афинах, ибо по отношению к своей родине он-де пристрастен? Но это абсурд. А вот о Плутархе совершенно точно можно сказать, что он принадлежал к плеяде апологетов и идеализаторов Перикла. Это как раз его не устраивали нелицеприятные штрихи к биографии его героя.

Итак, нет ничего невероятного в том, что Перикл на самом деле проявил подобную варварскую жестокость, подвергнув самосских повстанцев мучительной смерти. Ведь он, без сомнения, был на них чрезвычайно раздражен: восстание Самоса, которое пришлось подавлять, спутало его планы, вынудило на несколько лет отложить решительную конфронтацию со Спартой, к которой, как считал Перикл, Афины были уже готовы.

«Варвар Клеон» у Аристофана. Во времена величайшего из древнегреческих комедиографов, во-первых, шла уже Пелопоннесская война, а, во-вторых, афинская демократия стала еще более радикальной, нежели при Перикле, начала перерастать в охлократию, породила целую когорту циничных демагогов. Отнюдь не симпатизируя этим последним (и, более того, жестко критикуя их), Аристофан при этом мыслит главным героем всех своих творений афинский народ (демос)[55].

Этот самый демос драматургом подчас даже персонифицируется. Особенно рельефно — в комедии «Всадники» (поставлена в 424 г. до н.э.), в которой одно из главных действующих лиц — благодушный старик Демос («Народ»), которого постоянно обманывают недобросовестные слуги — в их образах аллегорически

---

[54] *Суриков И.Е.* 2008, 328-329.

[55] По данной проблематике и поныне классической, отнюдь не устаревшей остается монография *Ehrenberg V.* 1962. См. также более новое исследование: *Sidwell K.* 2009.

выведены те самые демагоги[56]. И как же они представлены? В ярко выраженных демонических, порой откровенно инфернальных чертах. Они отчетливо противостоят «нормальным» эллинам[57], у них всё наоборот — зло вместо добра, обман вместо правды, предательство вместо патриотизма, извращения — вместо нормальной половой жизни… Изрядная доля незабываемого аристофановского «мата»[58] приходится на долю этих самых демагогов. Одним словом, дискредитация Аристофаном всех таких лиц, как Клеон, Гипербол, Клеофонт, Писандр и т.п., несомненна. А, между прочим, одним из эффективных средств дискредитации являлось в тогдашней Греции уподобление противника варвару.

В особенной степени это относится именно к «кожевнику» Клеону — первому демагогу, каким он предстает из нарративной традиции. Отношение к нему Аристофана продиктовано и политической, и персональной неприязнью. Клеон — один из самых частых «гостей» в аристофановских комедиях («Всадники», «Осы» и другие), причем повсюду он выведен в абсолютно негативном свете. При этом достоверно известно, что между политиком и комедиографом были личные конфликты[59].

Остановимся подробнее на «Всадниках». Начинается пьеса с диалога двух рабов старика Демоса. Под личинами этих рабов, по согласному мнению и античных, и современных филологов, драматургами выведены Никий и Демосфен, два политика и полководца «традиционного стиля». Они сетуют на то, что у хозяина появился новый, необычайно наглый раб. По происхождению он — выходец из Пафлагонии, области в Малой Азии, которая, в греческом понимании, была населена, естественно, варварами. Именно как «пафлагонец» он неоднократно упоминается в комедии:

---

[56] О демосе и демагогах у Аристофана см. *Henderson J.* 2003. Здесь необходимо оговорить, что аристофановская комедия (как и в целом комедия его времени, так называемая древняя аттическая комедия) была, с одной стороны, неизбежно политической (*Vickers M.* 1997; *Henderson J.* 2013), а с другой — имела обязательную религиозную составляющую (*Суриков И.Е.* 2002, 197 слл.).

[57] *Storey I.* 1998; *Stark I.* 2002.

[58] Об обсценной лексике у этого комедиографа см. известную работу: *Henderson J.* 1991.

[59] См.: *Halliwell S.* 1991; *Mann C.* 2002; *Wallace R.W.* 2005, 359 f.

Пусть пафлагонца, эту язву новую,
С его лукавством сгубят всемогущие!
(*Aristoph*. Equ. 2–3)

…Народ афинский, старикашка глухонький.
На рынке прошлом он себе раба купил,
Кожевника, рожденьем пафлагонца.
(*Aristoph*. Equ. 42–44)

Ничто от пафлагонца не укроется!
(*Aristoph*. Equ. 74)

Ах, горе! Пафлагонец приближается.
(*Aristoph*. Equ. 234)

А пафлагонец пусть себе провалится.
(*Aristoph*. Equ. 1260)

Мы привели только некоторые из таких случаев, в тексте же их гораздо больше. И «пафлагонец» этот — не кто иной, как Клеон. Однажды он даже упоминается под собственным именем:

Солнца ясного сладкий луч
Воссияет для граждан всех,
Воссияет для всех гостей
В день паденья Клеона.
(*Aristoph*. Equ. 973–976)

Почему же данный демагог изображен в виде сугубого варвара? Клеон был политиком «новой формации» В его личности и деятельности, как в зеркале, отразились все те черты, которые и в дальнейшем были характерны для этого типа лидеров, — необразованность, дурные манеры, наглость, распущенность, корыстолюбие, заискивание перед демосом. О взглядах Клеона дает хорошее понятие цитата из его речи, приводимой Фукидидом:

> «Необразованность при наличии благонамеренности полезнее умственности, связанной с вольномыслием. Действительно, более простые и немудрящие люди, как правило, гораздо лучшие граждане, чем люди более образованные… Простые люди не приписывают себе исключительных способностей и поэтому не считают себя умнее законов. Они не берутся критиковать то, что правильно сказал другой» (*Thuc*. III. 37. 3–4).

Клеон и в целом представлен Фукидидом в однозначно черных тонах, без каких-либо оттенков и нюансов. Вот некоторые из суждений историка о Клеоне: «Этот человек вообще был самым неистовым (βιαιότατος) из граждан и в то время обладал наибольшим влиянием в народном собрании» (*Thuc.* III. 36. 6). Клеон «опасался, что с установлением мира его злокозненность легче обнаружится, и его клеветническим наветам уже не будут доверять» (*Thuc.* V. 16. 1). Клеону Фукидид вообще отказывает в каких бы то ни было заслугах и достоинствах, которые у этого политика, бесспорно были. Даже в тех случаях, когда Клеон проявляет несомненную решительность и энергию, историк характеризует такое поведение как безумный (μανιώδης) авантюризм. Оценка Клеона Фукидидом постоянна и неизменна, она не претерпевает каких-либо модификаций с течением времени.

И она полностью совпадает с его же оценкой Аристофаном.

> «“Проклеоновских” взглядов в нарративной традиции мы, кажется, вообще не находим. Это тот редкий случай, когда в суждении об историческом деятеле все античные авторы абсолютно солидарны. Их шокировал прежде всего стиль политического поведения Клеона, его пресловутая “неистовость”».

Вот как характеризует этого политика Аристотель (*Arist.* Ath. pol. 28. 3):

> «Клеон, сын Клеенета,.. как кажется, более всех развратил народ своей горячностью. Он первый стал кричать на трибуне и ругаться и говорить перед народом, подвязав гиматий, тогда как остальные говорили благопристойно».

Аристотелю вторит Плутарх (*Plut*. Nic. 8), еще более сгущая краски:

> «…Клеон раздулся от гордости, наглость его стала беспредельной, и он принес городу множество бедствий… Клеон перестал соблюдать всякие приличия на возвышении для оратора: он был первым, кто, говоря перед народом, стал вопить, скидывать с плеч плащ, бить себя по ляжкам, бегать во время речи; так он заразил государственных деятелей распущенностью и презрением к долгу, которые вскоре погубили всё».

Таким образом, Клеон — и, вероятно, вполне сознательно — держал себя во всех ситуациях политической жизни совершенно

не так, как государственные деятели предыдущих поколений, да и большинство его современников. Выступая с трибуны, внося предложения, ведя полемику с оппонентами, он допускал и даже утрировал элементы буффонады, шутовства. Это особенно бросалось в глаза по контрасту с Периклом, чье политическое поведение, — во всяком случае, в зрелые годы «афинского олимпийца» — отличалось демонстративной сдержанностью. Сравним указание Плутарха (*Plut.* Pericl. 5):

> «…Серьезное выражение лица, недоступное смеху, спокойная походка, скромность в манере носить одежду, не нарушаемая ни при каком аффекте во время речи, ровный голос и тому подобные свойства Перикла производили на всех удивительно сильное впечатление».

Здесь перед нами явно противопоставление Перикла Клеону и подражателям последнего.

Развязностью своих манер «первый демагог» должен был в глазах афинян ассоциироваться с варварами — не случайно Аристофан «делает» его пафлагонцем (тут наличествует еще и игра слов: глагол παφλάζω означает «бурлить, кипеть»). Варварам, как они изображаются в драматических произведениях V в. до н.э. (будь то трагедии или комедии)[60], приписываются такие черты, как некая несобранность, разболтанность, отсутствие самоконтроля, столь ценимой эллинами σωφροσύνη. Они ведут несообразные речи, прибегают к смешной жестикуляции и т.п. Варвары поэтому часто уподоблялись женщинам[61], которым давались подобные же характеристики. Еще одной особенностью, атрибутировавшейся варварам (правда, не всем, а лишь восточным), являлась изнеженность. В этой последней Клеон вроде бы не был замечен; но в связи с ней мы переходим к нашему следующему герою.

Алкивиад, варвары и варварство. Алкивиад, — безусловно, крупнейшая фигура в Афинах эпохи Пелопоннесской войны — слыл как раз изнеженным щеголем, который, например, командуя флотом, приказывал делать для себя «особые вырезы в палубе на триерах, чтобы спать помягче — в постели, уложенной на ремни, а

---

[60] Основополагающим по этому вопросу остается труд: *Hall E.* 1991.
[61] *Castriota D.* 2005.

не брошенной на голые доски» (*Plut*. Alc. 16). С другой стороны, роскошь он отнюдь не возводил в абсолют. Где бы ни оказывался Алкивиад, он тут же, подобно хамелеону, приспосабливался к новым условиям. По словам того же Плутарха (*Plut.* Alc. 23),

> «...в Спарте он не выходил из гимнасия, был непритязателен и угрюм, в Ионии — изнежен, сластолюбив, беспечен, во Фракии беспробудно пьянствовал, в Фессалии не слезал с коня, при дворе сатрапа Тиссаферна в роскоши, спеси и пышности не уступал даже персам».

Корнелий Непот (*Nep.* Alc. 11) добавляет, что, находясь в Беотии, он превзошел всех «в трудолюбии и телесных упражнениях».

Алкивиада его сложная политическая судьба не раз сталкивала с варварами. Его ксенические связи, например, достигали Фракии. При этом Алкивиад имел в числе своих друзей (φίλοι) таких высокопоставленных фракийцев, как одрисские цари Севт и Медок. По сведениям, сообщаемым Диодором (*Diod*. XIII. 105. 3), перед роковой для Афин битвой при Эгоспотамах (405 г. до н.э.) Алкивиад, находившийся в опале и проживавший в качестве частного лица в каком-то укреплении на Херсонесе Фракийском, «пришел к афинянам и сказал им, что фракийские цари Медок и Севт, состоя с ним в дружественных отношениях, обещали предоставить в его распоряжение большое войско, если он захочет воевать с лакедемонянами». Афинские стратеги, однако, предпочли не допустить опального Алкивиада к новому участию в боевых действиях, опасаясь, что это поможет ему восстановить свою популярность.

В период Пелопоннесской войны наместниками двух ближайших к Элладе сатрапий Ахеменидской державы были две довольно яркие в истории греко-персидских отношений фигуры — Тиссаферн (сатрап Лидии) и Фарнабаз (управлявший Даскилейской сатрапией). В то время их карьера только начиналась; насколько можно судить, оба они были амбициозными молодыми вельможами, отнюдь не чуждыми придворной интриге. И с тем и с другим у Алкивиада были довольно оживленные отношения, заслуживающие того, чтобы остановиться на них чуть подробнее.

Историю своеобразной «дружбы» Алкивиада и Тиссаферна передает целый ряд античных авторов, наиболее подробно — Фу-

кидид (*Thuc*. VIII. 45 sqq.) и Плутарх (*Plut*. Alc. 24 sqq.). Находясь в 412 г. до н.э. в спартанском флоте у берегов Ионии и опасаясь происков лакедемонских властей, Алкивиад бежал ко двору Тиссаферна в Сарды. Тиссаферн, насколько о нем известно из античных источников, отличался неприязнью к грекам и греческому образу жизни. Тем не менее афинскому изгнаннику за очень короткий срок удалось буквально очаровать сурового перса. Тиссаферн следовал большинству советов Алкивиада, называл его своим другом и даже переименовал в его честь лучший из своих садов. Алкивиад же давал сатрапу разного рода стратегические рекомендации. В частности, по его предложению Тиссаферн значительно урезал финансовую помощь спартанцам. Естественно, эти узы дружбы с Тиссаферном Алкивиад активнейшим образом использовал при своих тайных переговорах с афинянами, имевших целью его возвращение на родину.

Уже позже, когда Алкивиад был призван афинским флотом и избран стратегом (411 г. до н.э.), после первых же блестящих побед над спартанцами в Геллеспонте он не отказал себе в удовольствии похвастаться успехами перед своим высокопоставленным персидским другом (*Xen*. Hell. I. 1. 9; *Plut*. Alc. 27) и отправился к нему на единственной триере, везя с собой дары гостеприимства (ξένια καὶ δῶρα — указание на то, что с формальной стороны отношения Алкивиада и Тиссаферна представляли собой ксению). Но на этот раз Тиссаферн встретил Алкивиада более чем холодно и даже заточил его в темницу в Сардах, из которой, впрочем, месяц спустя Алкивиаду удалось бежать, вернувшись на театр военных действий. После описанных событий их контакты, насколько можно судить, оборвались.

По прошествии некоторого времени, после новых успешных сражений против лакедемонского флота в Геллеспонте, в ходе которых спартанцев поддерживал даскилейский сатрап Фарнабаз, Алкивиад, заключив перемирие, установил дружественные отношения и с этим последним. Фарнабаз, управлявший Даскилейской сатрапией около 40 лет, точно так же, как и Тиссаферн, занимал весьма значимое место в греко-персидских отношениях. Но он, очевидно, был настроен более эллинофильски, нежели Тиссаферн, и подобное отношение к грекам передал своим потомкам. Так, сын

Фарнабаза Артабаз породнился со знаменитой семьей родосских полководцев Ментора и Мемнона[62].

«Дружба» с Фарнабазом (по всей видимости, опять же союз гостеприимства) оказалась полезной для Алкивиада после поражения афинян при Эгоспотамах. Афины подверглись полной блокаде и в 404 г. до н.э. капитулировали. Узнав о сдаче родного города и понимая, что оставаться в пределах мира греческих полисов для него становится опасным, Алкивиад не нашел ничего лучшего, как отдаться под покровительство благоволившего к нему Фарнабаза. Сатрап принял его гостеприимно и поселил в своих владениях, в селении Гриний (в Вифинии). По некоторым сведениям, Алкивиад намеревался даже отправиться ко двору персидского царя (к тому времени Ахеменидской державой правил уже Артаксеркс II)[63]. Хотел ли он просто спастись от возможных преследований или же, как утверждают Непот и Плутарх, планировал с персидской помощью освободить Афины от лакедемонского владычества — однозначно судить трудно. Впрочем, в конечном счете и эта ксения не принесла Алкивиаду блага: в 404 г. до н.э. Фарнабаз, не желая портить отношений со всесильным спартанским наархом Лисандром, выполнил его просьбу и подослал к Алкивиаду убийц.

Строго говоря, неизвестно, как Тиссаферн и Фарнабаз рассматривали статус Алкивиада по отношению к ним. Может быть (и даже весьма вероятно), что они не считали его равным себе гос-

---

[62] В связи с Фарнабазом см. экзотическую гипотезу, выдвинутую в работе: *Lebedev A.* 1996. По мнению А.В. Лебедева, Фарнабаз, отстраненный от управления сатрапией, на старости лет оказался в Ольвии, где подвизался в качестве нищенствующего мага-прорицателя. Представить высокородного персидского вельможу в подобной роли крайне трудно, чтобы не сказать — невозможно (особенно если учитывать, что сын Фарнабаза оставался сатрапом и, надо думать, не допустил бы, чтобы отец жил подаяниями в периферийном греческом полисе). Жесткую, но справедливую критику этой гипотезы см.: *Vinogradov J.G., Rusjaeva A.S.* 1998.

[63] *Nep*. Alc. 9; *Plut*. Alc. 37. Персидские владыки, как известно, охотно принимали греческих политиков и полководцев, изгнанных или бежавших с родины, и оказывали им различные знаки внимания. Так, в период Греко-персидских войн при их дворе оказался спартанский царь Демарат, а затем — даже Фемистокл, знаменитый победитель персов при Саламине. Оба они получили от персов в управление территории в Малой Азии.

тем-ксеном, другом, а скорее вассалом. Но сам Алкивиад, о чем говорит отмеченный выше эпизод с «дарами гостеприимства», понимал эти связи именно как ксенические.

Как видим, Алкивиаду в Персии не предлагали городов (в отличие, скажем, от Фемистокла). Но, возможно, это связано с тем, что его карьера в Ахеменидской державе оборвалась очень рано — фактически даже не успела начаться. Если бы он действительно добрался до Артаксеркса II, как, возможно, планировал, — его, весьма вероятно, тоже ожидали бы почести и соблазнительные в политическом плане предложения. Но Алкивиаду-то больше всего хотелось домой, в Афины!

А была ли ему свойственна такая «варварская» черта, как жестокость? В 416 г. до н.э. афиняне попытались принудить к подчинению им нейтральный дорийский остров Мелос (Южные Киклады), а когда это не удалось, начали военную операцию против него. Мелосцы не могли, конечно, долго сопротивляться значительно превосходящим силам противника; не выдержав длительной осады, они сдались. Афинское народное собрание решило судьбу побежденных островитян с ужасающей жестокостью: было поставлено перебить всех взрослых мужчин и обратить в рабство женщин и детей, а на острове поселить афинских колонистов (*Thuc*. V. 116. 4). Инициатором этой бесчеловечной (хотя, впрочем, не столь уж и уникальной в годы Пелопоннесской войны) меры был, по сведениям некоторых источников, не кто иной, как Алкивиад (*Andoc*. IV. 22; *Plut*. Alc. 16).

Оценка покорения Мелоса как совершенно чудовищной по жестокости акции в современной историографии почти единодушна[64]. Особняком стоит мнение Э. Босуорта. Этот исследователь фактически возлагает вину за происшедшее на самих мелосцев: если бы те сразу приняли условия, предлагаемые противником, то вошли бы в число афинских союзников и стали бы платить форос, как сотни других полисов, то есть с ними не случилось бы ничего экстраординарно ужасного. При имевшем место полном неравенстве в силах, не оставлявшем Мелосу никаких шансов, решение

[64] См. отражение этого общего мнения в монографии, специально посвященной событию: *Will W*. 2006.

граждан острова (точнее, находившегося у власти олигархического правительства) все-таки оказать сопротивление было, можно сказать, вполне осознанным коллективным самоубийством[65]. Воздержимся от комментирования подобной позиции, на наш взгляд, отдающей цинизмом. Заметим только, что, если уж искать оправдания для действий афинян, то оно будет заключаться в другом: истребление ими мелосцев отнюдь не было чем-то экстраординарным в контексте Пелопоннесской войны, когда взаимное ожесточение достигло предела. Еще в 427 г. до н.э. спартанцы и их союзники точно так же поступили с жителями Платей, когда этот город был после длительной осады взят.

Конец «великого проекта». Последние годы Пелопоннесской войны стали для Афин воистину временем крушения всех надежд и амбициозных планов[66]. Геродот предостерегал не зря… Поражение от Спарты стало не в последнюю очередь последствием продолжавшейся долгое время латентной варваризации социума. Этот процесс в его высшей фазе ярко и гневно Фукидид, чему мы недавно посвятили специальную статью[67].

Демагоги этого периода, «наследники Клеона», шли по его стопам, помимо прочего, и в плане поведения, не согласовавшегося с традиционными эллинскими нормами. Самым скандально известным из них был Клеофонт (кстати, отнюдь не простолюдин по происхождению[68]), и вот какой эпизод из его биографии описывает Аристотель:

> «Когда затем лакедемоняне хотели уйти из Декелеи и предлагали заключить мир на условии сохранения обеими сторонами своих тогдашних владений, некоторые энергично поддерживали это предложение, но народ не послушался, обманутый Клеофонтом, который явился в народное собрание пьяный и одетый в панцирь и помешал заключению мира, говоря, что не допустит этого иначе как при условии, чтобы лакедемоняне вернули все города» (*Arist*. Ath. pol. 34. 1).

---

[65] См.: *Bosworth A.B.* 1993.

[66] См. общую характеристику этого хронологического отрезка в: *Bleckmann B.* 1998.

[67] *Суриков И.Е.* 2019.

[68] О происхождении Клеофонта (с учетом просопографических данных, почерпнутых из надписей на остраконах) см.: *Vanderpool E.* 1952.

Вообще-то приходить в экклесию при доспехе и оружии строго запрещалось, но дело не только в этом. Народное собрание, естественно, предназначалось для обсуждения государственных дел, а обсуждать государственные дела в пьяном виде считалось отнюдь не эллинским, а именно варварским (конкретно — персидским) обычаем. Об этом эксплицитно пишет Геродот:

> «Персы — большие любители вина… За вином они обычно обсуждают самые важные дела. Решение, принятое на таком совещании, на следующий день хозяин дома, где они находятся, еще раз предлагает на утверждение гостям уже в трезвом виде. Если они и трезвыми одобряют это решение, то выполняют. И наоборот: решение, принятое трезвыми, они еще раз обсуждают во хмелю» (*Herod*. I. 133).

Полагают, что применительно к персам в данном случае следует вести речь не о вине в собственном смысле слова, а об излюбленном ими опьяняющем напитке «хаома», восходящем к индоиранской общности (ср. «сома» в арийской Индии). Но это не столь принципиально. Алкоголь в Греции, в принципе, изгонялся из публичной сферы (вспомним, например, закон Солона: «Архонту, если его застанут пьяным, наказание — смерть», *Diog. Laert*. I. 57) и был исключительно атрибутом сферы частной, играя всем известную большую роль на пирах-симпосиях.

Жест Клеофонта символичен. Некоторые решения афинской экклесии последних лет Пелопоннесской войны (чего стоит хотя бы поведение по отношению к Алкивиаду, которого то экстраординарно возвышали, то подвергали опале, или смертный приговор стратегам, выигравшим Аргинусское сражение!) производят впечатление принятых как бы нетрезвыми людьми. Хотя на самом деле, конечно, они таковыми не были.

Афины, «уподобляясь» разгромленной Персии, в чем-то превзошли жестокостью и ее самое. Завершим статью эпизодом, к которому недавно было привлечено внимание в литературе[69]. В период Греко-персидских войн спартанцы однажды послали двух своих сограждан, Сперфия и Булиса, ко двору Ксеркса на казнь: они должны были своей кровью искупить вину умерщвления в

[69] *Sheehan S.* 2018, 24.

Спарте персидских послов (*Herod*. VII. 134–137). Однако варварский царь не стал казнить этих спартиатов, — напротив, он помиловал их и отпустил домой. А вот сыновья этих героев в начале Пелопоннесской войны (в то время как они исполняли, подчеркнем, посольскую миссию) были захвачены в плен афинянами, которые «распорядились по прибытии в Афины казнить пленников в тот же день без суда, даже не выслушав их, и тела бросить в пропасть» (*Thuc*. II. 67).

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Волошин М.А. 1988: Лики творчества. Л.: Наука. — Voloshin M.A. 1988: Liki tvorchestva. L.: Nauka.

Суриков И.Е. 2002: Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н.э.: Софокл, Еврипид и Аристофан в их отношении к традиционной полисной религии. М.: ИВИ РАН. — Surikov I.E. 2002: Evolyutsiya religioznogo soznaniya afinyan vo vtoroi polovine V v. do n.e.: Sofokl, Evripid i Aristofan v ikh otnoshenii k traditsionnoi polisnoi religii. M.: IVI RAN.

Суриков И.Е. 2008: Античная Греция: Политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии. М.: Наука. — Surikov I.E. 2008: Antichnaya Gretsiya: Politiki v kontekste epokhi. Vremya rastsveta demokratii. M.: Nauka.

Суриков И.Е. 2011: Очерки об историописании в классической Греции. М.: Языки славянских культур. — Surikov I.E. 2011: Ocherki ob istoriopisanii v klassicheskoi Gretsii. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur.

Суриков И.Е. 2013: О возможном историко-географическом контексте сюжета обсценного изображения на «вазе Евримедонта» (малоизвестный эпизод греко-персидских войн) // Аристей. 7. 46-57. — Surikov I.E. 2013: O vozmozhnom istoriko-geograficheskom kontekste syuzheta obstsennogo izobrazheniya na «vaze Evrimedonta» (maloizvestnyi epizod greko-persidskikh voin) // Aristei. 7. 46-57.

Суриков И.Е. 2015: Античная Греция: Ментальность, религия, культура (Opuscula selecta I). М.: Языки славянской культуры. — Surikov I.E. 2015: Antichnaya Gretsiya: Mental'nost', religiya, kul'tura (Opuscula selecta I). M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury.

Суриков И.Е. 2017: «Великий Варвар» как субъект и объект истории: Кир Старший в классической греческой традиции // Цивилизация и варварство: человек варварского мира и варварский мир человека (Часть 1) / В.П. Буданова (ред.). М.: Аквилон, VI. 49-78. — Surikov

I.E. 2017: «Velikii Varvar» kak sub"ekt i ob"ekt istorii: Kir Starshii v klassicheskoi grecheskoi traditsii // Tsivilizatsiya i varvarstvo: chelovek varvarskogo mira i varvarskii mir cheloveka (Chast' 1) / V.P. Budanova (red.). M.: Akvilon, VI. 49-78.

Суриков И.Е. 2019: Латентное варварство у Фукидида // Цивилизация и варварство: антропология латентного варварства / В.П. Буданова (ред.). М.: Аквилон, VIII. 215-237. — Surikov I.E. 2019: Latentnoe varvarstvo u Fukidida // Tsivilizatsiya i varvarstvo: antropologiya latentnogo varvarstva / V.P. Budanova (red.). M.: Akvilon, VIII. 215-237.

Туманс Х. 2010: Перикл на все времена // Вестник РГГУ. 10 (53). 117-154. — Tumans Kh. 2010: Perikl na vse vremena // Vestnik RGGU. 10 (53). 117-154.

Badian E. 1993: From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Baron C.A. 2016: Duris of Samos and a Herodotean Model for Writing History // Brill's Companion to the Reception of Herodotus in Antiquity and Beyond / J. Priestley, V. Zali (eds.). Leiden; Boston: Brill, 59-82.

Bleckmann B. 1998: Athens Weg in die Niederlage: Die letzten Jahre des Peloponnesischen Kriegs. Leipzig: Teubner.

Bloedow E.F. 2000: Why did Sparta Rebuff the Athenians at Ithome in 462 BC? // Ancient History Bulletin. 14/3. 89-101.

Blok J.H. 2009: Perikles' Citizenship Law: A New Perspective // Historia. 58/2. 141-170.

Blösel W. 2004: Themistokles bei Herodot: Spiegel Athens im fünften Jahrhundert. Stuttgart: Steiner.

Blume H.-D. 2012: Euripides' *Iphigenia at Aulis*: War and Human Sacrifice // Crisis on Stage: Tragedy and Comedy in Late Fifth-Century Athens / A. Markantonatos, B. Zimmermann (eds.). Berlin; Boston: De Gruyter, 181-187.

Bosworth A.B. 1993: The Humanitarian Aspect of the Melian Dialogue // Journal of Hellenic Studies. 113. 30-44.

Bremmer J.N. 2007: Greek Normative Animal Sacrifice // A Companion to Greek Religion / D. Ogden (ed.). Oxford: Blackwell, 132-144.

Castriota D. 2005: Feminizing the Barbarian and Barbarizing the Feminine: Amazons, Trojans, and Persians in the Stoa Poikile // Periklean Athens and its Legacy: Problems and Perspectives / J.M. Barringer, J.M. Hurwit (eds.). Austin: University of Texas Press, 89-102.

Christesen P. 2014: Sport and Democratization in Ancient Greece (with an Excursus on Athletic Nudity) // A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity / P. Christesen, D.G. Kyle (eds.). Oxford: Wiley-Blackwell, 211-235.

Connor W.R. 1984: Thucydides. Princeton: Princeton University Press.

Consolo Langher S.N. 2005: Polibio e gli storici contemporanei di Agatocle (Duride tra Polibio e Diodoro) // The Shadow of Polybius: Intertextuality as a Research Tool in Greek Historiography / G. Schepens, J. Bollansée (eds.). Leuven; Paris; Dudley: Peeters, 165-181.

Desmond W. 2004: Punishments and the Conclusion of Herodotus' *Histories* // Greek, Roman and Byzantine Studies. 44. 19-40.

Ehrenberg V. 1962: The People of Aristophanes. New York: Schocken.

Fornara C.W. 1971: Evidence for the Date of Herodotus' Publication // Journal of Hellenic Studies. 91. 25-34.

Fornara C.W. 1979: On the Chronology of the Samian War // Journal of Hellenic Studies. 99. 7-19.

Franks H.M. 2009: Hunting the Eschata: An Imagined Persian Empire on the Lekythos of Xenophantos // Hesperia. 78/4. 455-480.

Frost F.J. 1980: Plutarch's Themistocles: A Historical Commentary. Princeton: Princeton University Press.

Georgoudi S. 2011: Sacrificing to Dionysos: Regular and Particular Rituals // A Different God? Dionysos and Ancient Polytheism / R. Schlesier (ed.). Berlin; Boston: De Gruyter, 47-60.

Grant M. 1962: Myths of the Greeks and Romans. New York: The New American Library.

Hall E. 1991: Inventing the Barbarian: Greek Self-Definition through Tragedy. Oxford: Clarendon Press.

Halliwell S. 1991: Comic Satire and Freedom of Speech in Classical Athens // Journal of Hellenic Studies. 111. 48-70.

Henderson J. 1991: The Maculate Muse: Obscene Language in Attic Comedy. 2 ed. Oxford: Oxford University Press.

Henderson J. 2003: Demos, Demagogue, Tyrant in Attic Old Comedy // Popular Tyranny: Sovereignty and its Discontents in Ancient Greece / K.A. Morgan (ed.). Austin: University of Texas Press, 155-179.

Henderson J. 2013: A Brief History of Athenian Political Comedy (c. 440 - c. 300) // Transactions of the American Philological Association. 143/2. 249-262.

Henry M.M. 1995: Prisoner of History: Aspasia of Miletus and her Biographical Tradition. Oxford: Oxford University Press.

Jameson M.H. 1993: Sacrifice before Battle // Hoplites: The Classical Greek Battle Experience / V.D. Hanson (ed.). London: Routledge, 197-227.

Kienast D. 2003: Der Hellenenbund von 481 v.Chr. // Chiron. 23. 43-77.

Lebedev A. 1996: Pharnabazos, the Diviner of Hermes. Two Ostraka with Curse Letters from Olbia // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 112. 268-278.

Lehmann G.A. 2008: Perikles: Staatsmann und Stratege im klassischen Athen. Eine Biographie. München: Beck.

McKechnie P. 2015: Themistocles' Two Afterlives // Greece & Rome. 62/2. 129-139.

Mann C. 2002: Aristophanes, Kleon und eine angebliche Zäsur in der Geschichte Athens // Spoudaiogeloion: Form und Funktion der Verspottung in der aristophanischen Komödie / A. Ercolani (ed.). Stuttgart; Weimar: Metzler, 105-124.

Mattingly H.B. 1996: The Athenian Empire Restored. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Mayer K. 1997: Themistocles, Plutarch, and the Voice of the Other // Plutarco y la historia: Actas del V simposio español sobre Plutarco / C. Schrader, V. Ramón, J. Vela (eds.). Zaragoza: Sociedad española de plutarquistas, 297-304.

Meiggs R. 1972: The Athenian Empire. Oxford: Oxford University Press.

Momigliano A. 1990: The Classical Foundations of Modern Historiography. Berkeley: University of California Press.

Mühl M. 1955: Solon und der Historiker Phainias von Lesbos // Rheinisches Museum für Philologie. 98/4. 349-354.

Nollé J. 1996: Themistokles in Magnesia: über die Anfänge der Mentalität, das eigenen Porträt auf Münzen zu setzen // Schweizerische numismatische Rundschau. 75. 5-31.

Nollé J., Wenninger A. 1998/1999: Themistokles und Archepolis: Eine griechische Dynastie im Perserreich und ihre Münzprägung // Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte. 48/49. 29-70.

Pédech P. 1989: Trois historiens méconnus: Théopompe — Duris — Phylarque. Paris: Les Belles Lettres.

Rhodes P.J., Osborne R. 2007: Greek Historical Inscriptions 404–323 BC. Oxford: Oxford University Press.

Rives J.B. 2011: The Theology of Animal Sacrifice in the Ancient Greek World: Origins and Developments // Ancient Mediterranean Sacrifice / J.W. Knust, Z. Várhelyi (eds.). Oxford: Oxford University Press, 187-202.

Rollinger R. 2004: Herodotus, Human Violence and the Ancient Near East // The World of Herodotus / V. Karageorghis, I. Taifacos (eds.). Nicosia: Foundation A.G. Leventis, 121-150.

Rubinstein L. 2004: Ionia // An Inventory of Archaic and Classical Poleis: An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation / M.H. Hansen, T.H. Nielsen (eds.). Oxford: Oxford University Press, 1053-1107.

Schauenburg K. 1975: ΕΥΡΥΜΕΔΩΝ ΕΙΜΙ // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. 90. 97-121.

Sheedy K.A. 2017: Themistocles, his Son Archepolis, and their Successors (Themistocles V?): Numismatic Evidence for the Rule of a Dynasty at Magnesia on the Maeander // Text and the Material World: Essays in Honour of G. Clarke / E. Minchin, H. Jackson (eds.). Uppsala: Astrom, 65-80.

Sheehan S. 2018: A Guide to Reading Herodotus' *Histories*. London: Bloomsbury Academic.

Shipley G. 1987: A History of Samos 800–188 B.C. Oxford: Clarendon Press.

Sidwell K. 2009: Aristophanes the Democrat: The Politics of Satirical Comedy during the Peloponnesian War. Cambridge: Cambridge University Press.

Solmsen F. 1974: Two Crucial Decisions in Herodotus. Amsterdam; London: North-Holland Pub. Co.

Stark I. 2002: Athenische Politiker und Strategen als Feiglinge, Beitrüger und Klaffärsche. Die Wannung vor politischer Devianz und das Spiel mit den Namen prominenter Zeitgenossen // Spoudaiogeloion: Form und Funktion der Verspottung in der aristophanischen Komödie / A. Ercolani (ed.). Stuttgart; Weimar: Metzler, 147-167.

Storey I. 1998: Poets, Politicians and Perverts: Personal Humour in Aristophanes // Classics Ireland. 5. 85-134.

Thomas R. 2004: Herodotus, Ionia and the Athenian Empire // The World of Herodotus / V. Karageorghis, I. Taifacos (eds.). Nicosia: Foundation A.G. Leventis, 27-42.

Tumans H. 2012: Pericles Forever (Short Version) // Hellenic Dimension: Materials of the Riga 3rd International Conference on Hellenic Studies / B. Aleksejeva, O. Lāms, I. Rūmniece (eds.). Riga: University of Latvia, 22-29.

Vanderpool E. 1952: Kleophon // Hesperia. 21/2. 114-115.

Vickers M. 1997: Pericles on Stage: Political Comedy in Aristophanes' Early Plays. Austin: University of Texas Press.

Vinogradov J.G., Rusjaeva A.S. 1998: Phantasmomagica Olbiopolitana // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 121. 153-164.

Wallace R.W. 2005: Law, Attic Comedy, and the Regulation of Comic Speech // The Cambridge Companion to Ancient Greek Law / M. Gagarin, D. Cohen (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 357-373.

Węcowski M. 2013: In the Shadow of Pericles: Athens' Samian Victory and Organisation of the *Pentekontaetia* in Thucydides // Thucydides between History and Literature / A. Tsakmakis, M. Tamiolaki (eds.). Berlin; Boston: De Gruyter, 153-166.

Will W. 1995: Perikles. Reinbek: Rowohlt.

Will W. 2003: Thukydides und Perikles: Der Historiker und sein Held. Bonn: Habelt.

Will W. 2006: Der Untergang von Melos: Machtpolitik im Urteil des Thukydides und einiger Zeitgenossen. Bonn: Habelt.

Igor E. Surikov

ACCUMULATION OF LATENT BARBARITY IN THE FIFTH-CENTURY B.C. ATHENS, OR THE WAY TO THE ABYSS

In the 5th century B.C. Athens, as a result of its successes in the Greco-Persian Wars, strengthened unprecedentedly and started pretending leadership in Greece, having begun struggle against Sparta for hegemony. Herodotus in his treatise warned implicitly that Athens, having defeated the Eastern barbarian empire, was risking to change into a kind of it, and that could lead to dangers and even collapse. The warning proved to be prophetic: during the 5th century B.C., in the Athenian League there was manifest gradual accumulation of latent barbarity. The article deals with some relevant episodes from political biographies of leading Athenian statesman of that century: Themistocles, Cimon, Pericles, Cleon, Alcibiades. The result of such developments was really pitiful: during the Peloponnesian War, latent barbarization of the society was already clear, and it was one of the causes, which conditioned Athens' defeat and crash of the "Great Project" that was in realization there.

Keywords: Classical Greece, Athens, latent barbarity, cruelty, Herodotus, Persia, Peloponnesian War.

Igor E. SURIKOV — Dr. Sc. (History), Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Faculty of Culturology of the Russian State University for Humanities. Moscow, Russian Federation. — isurikov@mail.ru

В.О. Никишин

РИМЛЯНЕ И ПРОВИНЦИАЛЫ

ПРОБЛЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ТЕХ, КОГО ПОКОРИЛИ

Статья посвящена теме взаимодействия Рима и провинций в период Поздней республики. В частности, автор рассматривает вопросы управления и коррупции. Материал источников убеждает нас в том, что управление провинциями в конце эпохи Республики было не столько государственным, сколько частным делом представителей римской правящей элиты, наделённых, в сущности, неограниченными властными полномочиями. Такая ситуация порождала, с одной стороны, практически полное бесправие провинциалов, а с другой — разнообразные злоупотребления, произвол и беззакония со стороны римских должностных лиц и публиканов. Главная проблема в отношениях Рима с провинциями заключалась в отсутствии чувства ответственности за судьбы покорённых народов. Это чувство появилось у римской правящей элиты лишь в самом конце эпохи Республики.

Ключевые слова: провинции, наместники, публиканы, Цицерон, Веррес, рекуператоры, «административная революция» Августа, институт государственного гостеприимства, «римский империализм», откуп налогов.

С понятием «цивилизация» неразрывно связана тема ответственности. Отторжение варварства и осознанный выбор цивилизованного пути развития предполагает ответственность, которая отличает цивилизованного человека от варвара. Создав величай-

---

Владимир Олегович НИКИШИН — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории древнего мира исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, Москва. — cicero74@mail.ru

Цивилизация и варварство
2020. Вып. IX. С. 192-237
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2020. Issue IX. P. 192-237
DOI: 10.21267/AQUILO.2020.9.9.004

шую в истории державу путём аннексии территорий, населённых находившимися на разных уровнях политического, социально-экономического и культурного развития народами и племенами, римляне были обязаны взять на себя ответственность за организацию должного управления провинциями, предоставление провинциалам — грекам и варварам — гарантий безопасности и правопорядка, наконец, обеспечение условий длительного устойчивого развития. Однако изучение исторических свидетельств убеждает нас в том, что в республиканскую эпоху римская правящая элита по большому счёту не ощущала практически никакой ответственности за судьбы покорённых ими народов. Стремясь к удовлетворению своекорыстных интересов, представители этой самой элиты, как правило, вели себя в провинциях вовсе не как ответственные и рачительные хозяева, неустанно радеющие о благополучии и процветании местного населения, а как хищные и алчные временщики, беззастенчиво и цинично обогащавшиеся за счёт провинциалов по принципу «после нас хоть потоп». Отсутствие чувства ответственности у представителей римской цивилизации за тех, кого они покорили, привязав к себе и своей державе на более или менее длительный исторический срок, характеризует то самое латентное (т.е. скрытое) варварство, которое имманентно присуще всякой цивилизации. Проявившись лишь к концу эпохи Республики, это чувство ответственности во времена Цезаря и Августа наконец-то приняло формы внятной и осмысленной политики по отношению к провинциям, — политики, с которой римская государственность вступила в очередную стадию своего развития, известную как эпоха Империи.

Мы говорим: «Рим» и подразумеваем — Империя. В самом деле, всего лишь за пару столетий римляне создали могущественную Средиземноморскую державу, которую в дальнейшем расширяли, как могли. Себя они с явным удовольствием позиционировали как «властителей мира» (*Cic.* Mur. 75; *Verg.* Aen. I. 282; *App.* Bell. Civil. I. 11; *Polyb.* I. 1. 5; *Plut.* Tib. Gracch. 9)[1]. Воинственные и амбициозные до мозга костей, римляне «были империалистами и гордились этим»[2]. Примерно к IV в. до н.э. «война для Рима была

[1] См.: *Ghio G.* 2017–2018, 18.

[2] *Cornell T.* 1993, 141. Само понятие «римский империализм» появилось в антиковедении сравнительно недавно, в начале XX в. (*Смыков Е.В.*

социальной, политической и экономической необходимостью»[3]. Даже во времена официально провозглашённого «Августова мира» римская идеологическая парадигма отличалась исключительным милитаризмом; примером тому могут служить известные пассажи у Тита Ливия («нет человеческих сил, способных противиться римскому оружию») (*Liv.* I. 16. 7. Пер. В.М. Смирина) и Вергилия («Рим до пределов вселенной расширит власти пределы своей» (*Verg.* Aen. VI. 781–782. Здесь и далее цит. в пер. С.А. Ошерова под ред. Ф.А. Петровского). Таким образом, римская идеология территориальной экспансии в Средиземноморье, словно не довольствуясь уже достигнутыми рубежами, была обращена в будущее (поистине imperium sine fine…). Порождённый стремлением воинственного «народа, одетого в тоги» (*Verg.* Aen. I. 282) постоянно расширять пределы своего господства[4] феномен «римского империализма» за последние полтора века получил в историогра-

2010, 9). О римском «империализме» эпохи Республики см.: *Eckstein A.M.* 2006a; *idem.* 2006b. Стоит отметить, что такой выдающийся антиковед, как Э. Грюн, вообще считает термин «империализм» неприменимым к римским реалиям (*Gruen E.S.* 1984, 3). Безусловно, этот термин не вполне удачен, поскольку связан с известной модернизацией истории; но поскольку более ёмкого и внятного термина в нашем распоряжении нет, мы считаем допустимым пользоваться этим, ставшим уже привычным и широко применимым.

[3] *Eckstein A.M.* 2006a, 572.

[4] У римлян не было термина, аналогичного позднейшему термину «империализм», поскольку латинские авторы не теоретизировали на эту тему; имея в виду расширение римского господства, наиболее близким по смыслу следует признать греческое слово «гегемония», т.е. господство, преобладание (*Polyb.* I. 63. 9; *Strab.* VI. 4. 2). См.: *Edwell P.* 2013, 39–40. В свою очередь термин «империализм» является производным от латинского imperium, т.е. военная власть, командование. В I в. до н.э. к традиционному значению термина imperium добавилось ещё одно — «держава» (у греков «архэ»: *Polyb.* I. 1. 5–6; *Dio Cass.* LXXIII. 14. 4; *Herodian.* I. 1. 5). Его мы находим у Цицерона (*Cic.* Balb. 64; Prov. cons. 33; Mur. 58; Mil. 83) и Саллюстия (*Sall.* Cat. 10. 1). Во времена принципата Августа словосочетание imperium populi Romani стало означать то, что сегодня мы называем Римской империей (*Edwell P.* 2013, 43).

фии самые разные оценки[5]. Здесь не время и не место углубляться в эту тематику; на наш взгляд, безусловно одно: нельзя сводить причины столь длительного существования Римской империи,

[5] В середине XIX в. появилась теория «оборонительного империализма» (Т. Моммзен, Т. Франк, М. Олло, Ж. Каркопино), в соответствии с которой римляне создали свою державу, защищая самих себя и своих союзников от нападений со стороны воинственных соседей. Эта теория, окончательно сформулированная Т. Франком в 1914 г., практически безраздельно господствовала в антиковедении вплоть до 1979 г., когда вышла в свет эпохальная монография У. Хэрриса (*Harris W.V.* 1979). По словам Е.В. Смыкова, «естественно, с концом колониальной эры должна была неизбежно завершиться и эпоха господства концепции “оборонительного империализма”» (*Смыков Е.В.* 2010, 15). Антиподом теории «оборонительного империализма» стала теория «агрессивного империализма» (У. Хэррис, П. Брант, Э. Бэдиан), согласно которой, римская внешняя политика была изначально агрессивной в силу якобы имманентно присущего римлянам милитаризма и «воинственного духа». Как это часто бывает, промежуточное положение между двумя крайностями занял третий подход (самые видные его представители — А. Экстайн и Г. Вульф), наиболее взвешенный и рациональный (см.: *Ghio G.* 2017–2018, 12–13). Адепты этого подхода исходили из того, что римскую внешнюю политику на протяжении веков определяло множество разных факторов как объективного, так и субъективного свойства, а вовсе не пресловутый милитаризм, зачастую понимаемый как некая «патологическая» римская агрессивность. Эти факторы необходимо изучать и анализировать. В контексте данного подхода Рим рассматривается как один из участников системы международных отношений, сложившейся в Средиземноморье в I тыс. до н.э. Для этой системы были характерны бесконечные межгосударственные военные конфликты и «анархия»; последняя понимается как многополярная система без признанного лидера и каких бы то ни было норм международного права. В конечном счёте таким признанным лидером стал Рим, а на смену «анархии» в международных отношениях пришёл однополярный мир со своей жёсткой политической иерархией. Так, по мнению А. Экстайна, «успехи римлян были обусловлены слабостью и уязвимостью реальных и потенциальных противников Рима в отношении мобилизации общества в условиях военной угрозы наряду с преимуществами Рима в этом плане» (*Eckstein A.M.* 2006b, 311). О дискуссии в историографии XX в. по поводу сущности, мотивов и идейной подоплёки римского «империализма» см.: *Edwell P.* 2013, 45 ff.

объединявшей в своих границах десятки разнородных территорий и сотни различных этносов, народностей и племён, находившихся на разных стадиях политического и социально-экономического развития, к одному лишь фактору грубой силы и принуждения. Как справедливо отметил Е.В. Смыков,

> «...если признавать, что все разнородные территории, в разное время вошедшие в состав Римской империи, сплачивала лишь сила — почему в таком случае это государственное образование оказалось столь прочным и не распалось даже в периоды опустошительных гражданских войн, когда мощь государства растрачивалась в братоубийственной бойне? Очевидно, признание римской политики исключительно агрессивной и завоевательной не вполне соответствует историческим реалиям и не даёт ответы на возникающие вопросы»[6].

В основе римской внешнеполитической парадигмы, сформировавшейся в эпоху Республики, лежало понятие «справедливой войны» (bellum iustum) (*Cic.* Off. I. 34–36)[7]. «Справедливой» признавалась только та война, которую римляне объявили и вели по всем правилам с достойным противником во имя «справедливой» цели, т.е. защищая либо самих себя, либо своих союзников (*Cic.* Rep. III. 35)[8]. Напротив, необъявленные войны вроде bellum servile («рабская война», примеры — две войны с рабами на Сицилии и движение Спартака) или партизанской («малой») войны, которые велись «не по правилам», считались войнами с «бандитами» (latrones, отсюда «разбой» — latrocinium)[9]. Опираясь на понятие

---

[6] *Смыков Е.В.* 2010, 3.

[7] См.: *Stone M.* 2013, 29-30.

[8] О понятии «справедливая война» (bellum iustum) у римлян см.: *Kroll W.* 1933, 9 ff.

[9] В «Дигестах» Помпоний пишет: «“Hostes” hi sunt, qui nobis aut quibus nos publice bellum decrevimus: ceteri “latrones” aut “praedones” sunt» («Враги — это те, кто нам или кому мы публично объявили войну; все остальные являются разбойниками или грабителями») (*Pompon.* Dig. 50. 16. 118. Пер. В.О. Никишина. Ср.: *Ulpian.* Dig. 49. 15. 24). Таким образом, hostes — это враги Рима в «правильной», т.е. объявленной по всем правилам, с соблюдением надлежащих обрядов и процедуры войне, тогда как latrones (разбойники, бандиты) суть враги Рима в «неправильной», т.е.

bellum iustum, Цицерон в диалоге «О государстве» дал философско-нравственное оправдание римской территориальной экспансии (*Cic.* Rep. III. 34–37)[10]. Однако на практике римское завоевание, каким бы благодетельным оно ни представлялось политикам на Капитолийском холме, одновременно несло с собой покорённым народам массу разнообразных издержек, и сами римляне должны были это признать[11]. Так, предводитель мятежных каледонцев

необъявленной войне (*Giuffre V.* 1981; *Burian J.* 1984, 17 ff.; *Grünewald Th.* 2004, 17). Когда у латинских авторов речь заходит о критике издержек римского «империализма», «разбойниками» (latrones) они называют самих римлян. Так, в «Письме Митридата» у Саллюстия римляне именуются «разбойниками, грабящими народы» (latrones gentium) (*Sall.* Hist. IV. 69. 22. Пер. В.О. Горенштейна). У Тацита в «Агриколе» Калгак называет римлян «расхитителями всего мира» (raptores orbis) (*Tacit.* Agr. 30. Здесь и далее цит. в пер. А.С. Бобовича под ред. М.Е. Сергеенко). Сравнения Рима с разбойником (latro) мы находим также у Помпея Трога (*Iustin.* XXXVIII. 4. 2) и Курция Руфа (*Curt.* VII. 8. 19).

[10] См.: *Vogt J.* 1963, 89-93. На закате Республики Цицерон оправдывал римский «империализм», видя в нём, при условии «справедливой власти» (iustum imperium), благо для покорённых народов. Оратор утверждал, что власть Рима над другими народами обусловлена римской доблестью (propter virtutem omnibus nationibus imperat) (*Cic.* Verr. II. 4. 81. Ср.: *Cic.* Mur. 22), а римляне богами и самой природой предназначены для господства (*Cic.* Phil. VI. 19; X. 20), которое представлялось Цицерону неким «протекторатом» (т.е. покровительством, или опекой) Рима над другими народами (patrocinium orbis terrarum) (*Cic.* Off. II. 26–27). «Благом» для побеждённых считал наложенное на них «справедливое» римское господство Тацит (Romanum ius, victis impositurum) (*Tacit.* Ann. XV. 6).

[11] Тот же Цицерон признавал не только то, что римляне наряду с войнами для защиты союзников вели также войны «за владычество» (de imperio) (*Cic.* Off. I. 38; II. 26), но и то, что они сами подчас поступали несправедливо по отношению к своим соседям-варварам (*Cic.* Rep. III. 16; Fam. XV. 1. 5), которые, случалось, начинали против них «справедливую войну» (*Cic.* Prov. cons. 4). Кроме того, Цицерон сурово порицал злоупотребления римской провинциальной администрации (*Cic.* Leg. agr. II. 45–47; Prov. cons. 5–7; Leg. Man. 40–41; Dom. 23; Sest. 93–94). Шесть его веррин стали классическим образцом убийственного обличения наглого произвола коррупционера во власти (как известно, деморализованный Веррес отказался от борьбы и добровольно удалился в изгнание). П. Роуз счита-

Калгак в интерпретации Тацита утверждает: «Создав пустыню, они (римляне. — *В. Н.*) говорят, что принесли мир» (ubi solitudinem faciunt, pacem appellant) (*Tacit.* Agr. 30). Время от времени возникавшие восстания против римского владычества дали основание Тациту вложить в уста того же Калгака[12] слова о том, что даже союзников Рима из числа галлов, германцев и британцев до поры удерживают на римской службе metus ac terror («боязнь и устрашение»), а вовсе не caritas («искренняя приверженность») (*Tacit.* Agr. 32). Поэтому римлянам приходилось постоянно опасаться «выступлений враждебных народов» (tumultus hostilis) (*Tacit.* Ann. IV. 29)[13]. Такова была «цена вопроса»: для римлян — плата за имперские амбиции, для покорённых народов — плата за «блага» романизации. Как писал Г.С. Кнабе,

> «...восстания неизменно подавлялись, но ощущение жестокости и бесчеловечности римской власти, напора и силы, с которой всё местное, корневое, своё стремилось выбиться из-под этого пресса, было всеобщим. К нему присоединялось, впрочем, и другое чувство. При всём гнёте и насилии римское господство означало рост богатства, распространение цивилизации, усложнение жизни и труда, торжество над хаотичными

ет, что Цицерон вовсе не был убеждённым «империалистом» и считал необходимым обеспечить в провинциях и правовое пространство, и гуманное управление; однако условия политической борьбы (коммерческие интересы публиканов, которые оратор не мог игнорировать, а также его стремление сблизиться с Помпеем и Цезарем) вынуждали его высказывать публично суждения и взгляды откровенно «шовинистического» характера. Яркий тому пример — речи «Pro lege Manilia» (66 г. до н.э.) и «De provinciis consularibus» (56 г. до н.э.). См.: *Rose P.* 1995, 386 ff.

[12] Вряд ли Калгак в действительности произносил эту речь перед битвой у Граупийских гор в Средней Шотландии в 83 г. Очевидно, здесь мы имеем дело исключительно с творческим воображением великого римского историка.

[13] Результатом такого положения вещей стало проведение Римом политики «разделяй и властвуй»: по словам Юлия Цивилиса, «provinciarum sanguine provincias vinci» (*Tacit.* Hist. IV. 17). Суть этой политики заключалась в том, чтобы всеми средствами разжигать среди варваров смуты и междоусобия с целью использовать это состояние нестабильности в своих политических интересах (*Tacit.* Ann. XII. 48).

силами природы. Насильственно насаждаемая римская государственность воспринималась как плата за приобщение к классической античной культуре»[14].

Одной из наиболее острых проблем взаимодействия римлян с покорёнными народами была проблема провинциального управления. Изначально слово «provincial» означало вовсе не аннексированную Римом вражескую территорию, а область ответственности римского должностного лица, магистрата или промагистрата, официальное поручение, возложенное на него сенатом[15]. Речь идёт о военном командовании, которое осуществляло должностное лицо, облечённое империем (imperium). То обстоятельство, что какая-то территория с некоторого времени стала называться «провинцией», ещё не означало ни её немедленную аннексию, ни создание чего-то похожего на «провинциальную администрацию»; какая-то система управления (даже самая примитивная) могла возникнуть на этой территории через много лет! Например, в испанских провинциях (Испания Ближняя и Испания Дальняя) регулярное взимание налогов (зерновым хлебом и деньгами) началось спустя примерно два десятилетия после завоевания Римом этих земель[16]. Систему договорных отношений с местными общинами выстраивали либо непосредственно обладавшие империем римские военачальники, либо присылаемые из Рима комиссии в составе десяти — иногда пяти — легатов в сенаторском ранге (*Liv.* XLV. 17. 1–4; *Polyb.* XXXIX. 15–16; *Cic.* Balb. 61; Fam. I. 7. 10)[17].

История каждой провинции начиналась с момента завоевания римлянами вражеской территории. Сенат наделял командующего (как правило, консула или проконсула) весьма широкими полномочиями, при этом особо не обременяя его какими-либо рекомендациями или инструкциями, касавшимися управления завоёванными землями. Так, в 66 г. до н.э. Помпей, назначенный

---

[14] *Кнабе Г.С.* 1981, 84-85.

[15] *Richardson J.S.* 1994, 564 ff. Провинция стала пониматься как административно-территориальная единица лишь в эпоху Августа. См.: *Edwell P.* 2013, 43-45.

[16] *Richardson J.S.* 1994, 569.

[17] *Richardson J.S.* 1994, 568–569. О десяти легатах см.: *Schleußner B.* 1978, 9-100.

командующим в войне с Митридатом VI Эвпатором, в соответствии с законом Манилия «мог воевать и заключать мир, где хочет, и кого хочет делать друзьями римского народа или считать врагами» (*App.* Mithr. 97. Пер. С.П. Кондратьева). После присоединения завоёванной территории к Римской державе на повестку дня вставал вопрос об организации на вновь присоединённых землях провинциального управления; по этому поводу сенат принимал особое постановление (senatus consultum), определявшее границы провинции, нормы налогообложения, размеры пашни и угодий, подлежавших конфискации в пользу Римской республики, и пр. Техническими вопросами непосредственно на месте занималась упомянутая выше сенатская комиссия. Об этом, в частности, пишет Ливий в связи с событиями 168 г. до н.э., когда после разгрома царя Персея римляне должны были реорганизовать территорию бывшего Македонского царства: комиссия в составе десяти легатов привезла из Рима разработанные в сенате инструкции по принципиальным вопросам управления, тогда как всё остальное было оставлено на усмотрение полководца и самих легатов (*Liv.* XLV. 17. 1–18. 8; 29. 4–14). В результате подобных мероприятий провинция получала либо обычный административный «устав» (formula) (*Liv.* XLV. 26. 15), либо особый «именной» закон (lex provinciae)[18], носивший имя издавшего его полководца (*Cic.* Verr. II. 2. 32; *Liv.* XLV. 32. 7; *Plin.* Ep. X. 79. 1).

Как правило, римляне особо не церемонились с теми, кого покорили и чьи земли присоединили к своей державе. Характерную зарисовку методов римского провинциального управления республиканской эпохи мы находим в «Истории» Тита Ливия. Обращаясь к этолийцам, македонский посол произносит такие слова:

> «Неужто вы думаете, что римляне созывают сицилийцев на совет в Сиракузах, Мессане или Лилибее так же, как вас созывают на совет в Навпакте вами же избранные должностные ли-

[18] Все распоряжения полководца и легатов в провинции поступали на утверждение в сенат или комиции. См.: *Hoyos B.D.* 1973, 47-53; *Freeman P.* 1998, 38-46. Не обо всех leges provinciae мы располагаем точной информацией. Так, существование lex provinciae Asiae предполагается с известной долей вероятности, однако достоверных сведений о содержании этого закона и времени его обнародования нет. См.: *Dmitriev S.* 2005, 302-303.

> ца — во исполнение ваших же законов, дабы свободно решать, кто вам друг, а кто враг, с кем заключить мир, кому объявить войну? Там совет ведёт римский претор и, подчинённые его власти, сходятся посланцы городов; с высокого помоста, вознесённый над ними, окружённый ликторами, вершит он суд и расправу; их собственным спинам грозят розги, шее — топор, и по жребию каждый год присылают к ним нового повелителя» (*Liv.* XXXI. 29. 8–9. Здесь и далее цит. в пер. Г.С. Кнабе).

Нет никаких сомнений, что эту речь сочинил сам Ливий; видимо, такое положение вещей он считал нормой, которую должно было подтвердить высокомерное заявление римского посла: «Участь каждого зависит от заслуг его перед Римом» (*Liv.* XXXI. 31. 9). Тем не менее, на практике римляне могли (когда хотели!) быть достаточно гибкими и реалистичными в своём отношении к провинциалам[19]. Этот нюанс нашёл своё отражение и в идеологии. Так, Проперций писал в одной из элегий о Римской державе: «Это страна, которая сильна оружием, но не способна / на коварство — о Рим, молве не стыдно за твою историю. / У нас острый меч, но мы столь же и благочестивы — / Наш гнев умеет сдерживать свою победную длань» (*Propert.* III. 22. 20–22. Пер. А.И. Любжина). Тот же Ливий, повествуя о разгроме македонского царя Персея, пишет о благодетельной миссии Рима по отношению к покорённым народам:

> «Прежде всего решено было Македонии и Иллирии быть свободными, чтобы все народы видели: римское оружие не рабство свободным несёт, а рабствующим — свободу, и чтобы все свободные племена под опекой народа римского (sub tutela populi Romani) чувствовали себя в вечной безопасности, а подвластные царям племена знали бы, что эти цари стали мягче и справедливее из почтенья к народу римскому, и если цари их затеют войну с римским народом, то кончится это для римлян победой, а для подданных царских свободой» (*Liv.* XLV. 18. 1–2. Здесь и далее цит. в пер. О.Л. Левинской).

Что же это за «свобода» такая, которую римляне несли народам, пребывавшим под игом тиранов? Как отмечает Святослав Дмитриев, в разных ситуациях римляне по-разному понимали «свободу», но в каждом конкретном случае это «понимание» име-

[19] *Haarhoff T.J.* 1948, 219.

ло свою практическую цель[20]. Здесь речь должна идти прежде всего о греках и их понимании «свободы». В представлении греков «свобода» предполагала возможность самим гражданам вершить судьбу своих полисов при условии невмешательства Рима в их внутренние дела, «чтобы дела между греками разбирались на основании их законов» (*Cic.* Att. VI. 1. 15. Здесь и далее цит. в пер. В.О. Горенштейна); римляне же были готовы гарантировать полисам их традиционные привилегии, права и свободы в обмен на лояльность по отношению к Римской республике (такой подход римская дипломатия практиковала, по крайней мере, начиная со 189 г. до н.э.). По сути дела, римляне выстраивали с греками отношения патроната — клиентелы (patrocinium — clientela). Получив от Рима «свободу» (eleutheria) вместе с гарантиями обеспечения мира, политической стабильности и правопорядка, греки, с точки зрения римлян, были обязаны неукоснительно блюсти «верность» (fides) Римской республике. Таким образом, Рим установил своего рода «протекторат» (patrocinium)[21] над греческим миром (*Liv.* XXXIV. 58. 11; XXXVII. 54. 17), опекая его, как патрон — клиента. Аналогичную схему римляне использовали и в отношении других народов: свобода в обмен на мир и стабильность (*Tacit.* Hist. IV. 67; *Lucan.* IV. 227). Начиная со 182 г. до н.э., римляне позиционировали себя как «всеобщих эвергетов», т.е. благодетелей всего человечества (koinoi euergetai). По-видимому, это был своего рода идеологический штамп: «римляне — всеобщие эвергеты». Его пародировал Митридат VI Эвпатор, когда называл римлян «всеобщими врагами» (communis omnium hostis) (*Sall.* Iug. 81. 1. Ср.: Syll.³ 741, 1. 33–34). Римская модель патроната — клиентелы[22] прекрасно соотносилась с

[20] См.: *Dmitriev S.* 2011, 361 ff.

[21] Термин «протекторат» в данном случае нельзя считать вполне удачным, поскольку с его употреблением неизбежно связана известная модернизация истории (см. выше). Тем не менее, нам представляется, что именно этот термин (от англ. to protect — «защищать», «оказывать покровительство») на сегодня наиболее адекватно отражает римскую формулу отношений между римлянами и покорёнными народами, т.е. традиционных отношений патроната — клиентелы.

[22] См.: *Gelner E. and Waterbyry W. (eds.).* 1977; *Gruen E.S.* 1984, 158-200; *Трухина Н.Н.* 1986, 29; *Квашнин В.А.* 2004, 20.

давней эллинистической традицией эвергетизма[23]. Некоторые греки были недовольны римским диктатом, считая дарованную им «свободу» фикцией, а заключённые договоры — неравноправными (*Liv.* XXXV. 31. 12; XXXIX. 37. 13). Другие греки, такие как Полибий, считали власть римлян благом для греческого мира (*Polyb.* XXVII. 10. 5). Поскольку всякое благодеяние предусматривает благодарность того, кому оно оказано (*Polyb.* XXI. 19. 10; 31. 7), «эвергетизм» римлян закономерно порождал обязательства греков, «обязанных» быть благодарными римлянам за их «благодеяния»[24].

Некоторые общины перегринов находились в привилегированном положении, например, проживавшие в самом центре «Косматой Галлии» (Gallia Comata) эдуи — давние союзники Рима, официально именовавшиеся «единокровными братьями римского народа» (consanguinei fratres populi Romani)[25]. Кроме того,

---

[23] *Bowersock G.W.* 1965, 12–13; *Ferrary J.-L.* 2014, 117-132.

[24] *Ferrary J.-L.* 2014, 130.

[25] В республиканскую эпоху, когда обычай нередко преобладал над законом, весьма эффективным инструментом римской внешней политики был институт государственного гостеприимства (hospitium publicum). В разное время отдельные общины и цари заключали с Римом договоры гостеприимства (*Liv.* V. 28. 4–5; XXXVII. 54. 5; XLII. 38. 8–9). Зависимые от Римской республики династы, скорее всего, видели в институте гостеприимства легальный способ сохранить за собой хотя бы номинальный суверенитет. Hospitium publicum, будучи теснейшим образом связано с отношениями клиентской зависимости, означало патронат и покровительство Рима над целыми областями, царствами и отдельными общинами, которые из этого обстоятельства подчас извлекали для себя немалую выгоду. Так, галльскому племени лингонов, состоявшему в отношениях гостеприимства с Римом, император Отон в 69 г. даровал права римского гражданства (*Tacit.* Hist. I. 78). Кроме того, отношения Рима с другими общинами могли строиться и без официального договора, посредством предоставления т.н. «дружбы» (amicitia). Ко II в. до н.э. «дружба» стала обыкновенным эвфемизмом клиентелы. В этой связи показателен случай с эдуями, которые ещё в 121 г. до н.э. получили звание «друзей», а позже даже стали называться «единокровными братьями римского народа» (*Caes.* Bell. Gall. I. 31; 33; 44; VII. 37; 39; *Cic.* Att. I. 19. 2; Fam. VII. 10. 4; *Liv.* Per. 61; *Strab.* IV. 3. 2; *Plut.* Caes. 26). О разнице между правовыми статусами socii и amici populi Romani см.: *Matthaei L.E.* 1907, 185-196.

как целые общины, так и отдельные лица в провинциях могли получить от римских властей гражданские права — civitas Romana или civitas Latina. К примеру, Цезарь в 49 г. до н.э. распространил права римского гражданства на всю территорию Цизальпинской Галлии севернее Пада[26], а спустя ещё три года даже ввёл в сенат представителей местных элит из Нарбонской Галлии[27]. В 44 г. до н.э. сицилийцы получили сперва civitas Latina, а затем и civitas Romana[28]. Институты римского и латинского гражданства на протяжении веков являлись эффективным инструментом в деле романизации провинций, обеспечивая также внутриполитическую стабильность на всей территории Римской средиземноморской державы[29]. Таким образом, «между Римом и варварством лежали для римлян не только пропасть, но и обширный спектр переходных состояний, и границы между этими состояниями были подвижны»[30].

В целом для римского провинциального управления эпохи Республики был характерен минимум администрации и администрирования. Более или менее унифицированная система управления провинциями стала выстраиваться только в период Ранней империи, в ходе «административной революции» Августа. В республиканскую эпоху принципы управления римской гражданской общиной механически переносились на провинциальную почву; таким образом, наместничество в провинции являлось, по сути, продолжением городской магистратуры, изначально носившей военный характер[31]. В правовом плане привилегированное положение в провинциях занимали колонии и муниципии: жители первых обладали римским гражданством, жители вторых — латинским. Перегрины,

---

[26] Так называемая Gallia Transpadana. Тогда же законом Рубрия de civitate Galliae Cisalpinae было упорядочено муниципальное устройство (в том числе судопроизводство) для всего региона.

[27] Не прошло и века, как эта история получила закономерное продолжение: в 48 г. император Клавдий, преодолев сопротивление сенаторов (*Tacit.* Ann. XI. 23), даровал знатным и богатым выходцам из Лугдунской Галлии право заседать в сенате и занимать почётные должности в Риме (ius honorarium). См.: *Griffin M.T.* 1982, 404-418.

[28] См.: *Wilson R.J.A.* 1996, 434.

[29] См.: *Hassal M.* 1987, 685 ff.

[30] *Кнабе Г.С.* 1994, 268.

[31] *Richardson J.S.* 1994, 575.

стоявшие вне ius civile и не имевшие права обращаться в суд с гражданским иском (legis actio), получили возможность решать имущественные споры с римскими гражданами посредством recuperatio. Эти процессы вели рекуператоры (досл. «возвращающие утраченное»)[32]. В 171 г. до н.э. судебная коллегия рекуператоров была впервые сформирована для рассмотрения жалоб провинциалов на злоупотребления римских наместников (*Liv.* XLIII. 2. 1–12)[33].

Наместник — магистрат[34] или промагистрат[35], т.е. носитель империя — в республиканскую эпоху назначался сенатом; в III-II вв. до н.э. провинции распределялись по жребию (sortitio) либо в результате соглашения (comparatio) между консулами (*Liv.* XLV. 17. 5), комиции и плебейские трибуны редко вмешивались в этот процесс[36]. Наместники были подотчётны исключительно сенату, от которого зависело продление их полномочий[37]. Юридически полномочия наместника вплоть до начала I в. до н.э. почти никак не были оговорены: на этот счёт, правда, существовали кое-какие правовые акты[38], но их было явно недостаточно. Если же

---

[32] О рекуператорах см.: *Lozano Corbi E.A.* 1988, 1487-1496.

[33] Подобная практика сохранялась и в эпоху Империи (*Tacit.* Ann. I. 74).

[34] Чаще всего это были преторы. Так, Цицерон, имея в виду наместника вообще, говорит о преторе (*Cic.* Verr. II. 3. 125; Qu. fr. I. 1. 22).

[35] С 81 г. до н.э. управление провинциями поручалось исключительно промагистратам — проконсулам и пропреторам. См.: *Хвостов В.М.* 1903, 139.

[36] Вплоть до 107 г. до н.э., когда избранный консулом Гай Марий благодаря решению комиций добился командования в войне с Югуртой, лишь единожды подобное вмешательство имело успех: в 147 г. до н.э. в результате активных усилий плебейских трибунов консул Сципион Эмилиан получил командование в Африке, несмотря на противодействие своего коллеги по консулату, Гая Ливия Друза (*App.* Pun. 112). В I в. до н.э. подобных эпизодов было немало. См.: *Richardson J.S.* 1994, 573-574.

[37] В мирные годы сенат лишь изредка вмешивался в процесс управления, осуществляемый наместником; иное дело — во время войны. Сенат, как правило, интересовали вопросы преимущественно военного характера (*Richardson J.S.* 1994, 576).

[38] Примером может служить lex Porcia (198 г. до н.э.). Будучи претором и управляя Сардинией, Катон Старший издал закон, в соответствии с

перед своим отъездом в провинцию наместник и получал от сената какие-либо должностные инструкции (mandata), то, скорее всего, это был инструктаж самого общего характера[39]. Лишь принятый Суллой в 81 г. до н.э. закон — lex Cornelia de maiestate — более или менее внятно очертил пределы полномочий наместника, который с тех пор не имел права покидать вверенную его попечению провинцию самовольно, во главе войска или начинать войну с соседями на свой страх и риск, без санкции сената[40].

В провинции наместник имел право обнародовать свой эдикт, edictum provinciale (*Gai.* Inst. I. 6), с перечнем тех норм, которых в дальнейшем он предполагал придерживаться. Это была своего рода «декларация о намерениях»; при этом никто, даже сенат, не мог обязать наместника строго придерживаться положений собственного эдикта[41]. Благодаря Цицерону известно, что такой эдикт издал Гай Корнелий Веррес, пропретор Сицилии в 73-71 гг. до н.э.[42]. Ситуация усугублялась тем, что с правовой точки зрения провинции считались «поместьями римского народа» (praedia populi Romani) (*Cic.* Verr. II. 2. 7). Поскольку на них не распространялись нормы ius civile, римский гражданский коллектив в целом довольно безответственно относился к провинциям; видимо, так же подходили к делу в большинстве своём и представители правящей элиты, становив-

которым поборы с местного населения на нужды провинциальной администрации были либо урезаны, либо вовсе отменены (erant circumcisi aut sublati) (*Liv.* XXXII. 27. 3–4). См.: *Drogula F.* 2011, 91-124.

[39] См.: *Lintott A.* 1993, 22-36.

[40] *Richardson J.* 1994, 579. Наместник вступал в должность за 30 дней до своего отъезда из Рима (*Cic.* Fam. III. 6. 3) и сохранял империй вплоть до своего возвращения в Рим (*Cic.* Fam. I. 9. 25).

[41] Об edictum provinciale Цицерона см.: *Cic.* Att. VI. 1. 5; Fam. III. 8. 4. В своём эдикте Цицерон расширил права греческих общин на территории вверенной ему провинции (*Zarecki J.P.* 2012, 53).

[42] См.: *Cic.* Verr. II. 1. 104–112. Здесь Цицерон мимоходом касается содержания преторского эдикта Верреса. В одном из своих писем оратор перечисляет те принципы, которые он включил в собственный эдикт в бытность свою наместником Киликии (*Cic.* Att. VI. 1. 15). Эти принципы убеждают нас в том, что Цицерон принадлежал к тому редкому типу римских наместников, которые не только не наживались за счёт провинциалов, но ещё и оказывали им всякую посильную помощь и поддержку.

шиеся наместниками. Последние, по словам Т. Моммзена, «властвовали, как настоящие монархи»[43], максимально используя «общественное» (publicum) достояние в целях личного обогащения.

Произвол и коррупция очень скоро стали характерными чертами римского провинциального управления. Яркий тому пример — Веррес, который за годы своего правления, по подсчётам Цицерона, нанёс Сицилии ущерб в 40 млн сестерциев (*Cic.* Verr. II. 2. 26). И управы на таких «управленцев» фактически не было никакой! Безусловно, сенат мог лишить полномочий недобросовестного носителя империя, однако на деле подобная мера употреблялась лишь в самых крайних случаях, как, например, в 136 г. до н.э., когда Марк Эмилий Лепид Порцина, проконсул Испании Ближней, вопреки воле сената развязал войну с ваккеями и потерпел позорное поражение, за что был лишён империя и приговорён к крупному штрафу (*App.* Hisp. 80–83).

В провинцию наместника сопровождали квестор, управлявший финансами[44], с целым штатом apparitores, т.е. служителей[45], назначенные сенатом легаты (legati)[46], рабы и вольноотпущенники, а также когорта «друзей» (cohors amicorum), входивших в состав совета (consilium), с членами которого наместник, в силу давней традиции, должен был совещаться перед принятием важных решений[47]. Денежное содержание «друзьям» и легатам выплачивал квестор, получавший эти средства из казны. Что же касается самого

---

[43] *Моммзен Т.* 1994а, 629.

[44] Иногда даже два. К примеру, два квестора было на Сицилии (*Дементьева В.В.* 2011, 12). По закону 59 г. до н.э. квестор был обязан перед отъездом в Италию оставить копии своих приходно-расходных книг в двух крупных городах провинции (*Cic.* Fam. V. 20. 2).

[45] Префекты, ликторы, писцы, глашатаи, гонцы и пр. (*Cic.* Verr. II. 2. 27).

[46] Далеко не все они были сенаторами. Число легатов могло варьироваться от двух человек до двух с половиной десятков (*Козленко А.В.* 2001, 200). С конца III в. до н.э. легаты являлись уже не офицерами для особых поручений, как было прежде, а помощниками и заместителями носителя империя, осуществлявшими властные функции в его отсутствие; в то же самое время эти «полуофициальные функционеры» оставались частными лицами (*Schleußner B.* 1978, 101-110). См.: *Дементьева В.В.* 2012.

[47] *Richardson J.S.* 1994, 582. Ср.: *Lintott A.* 1993, 50.

наместника, то он перед отъездом в провинцию получал от того же квестора не только подъёмные (vasarium), но и определённую сумму на покупку зернового хлеба у провинциалов (frumentum in cellam[48]) по фиксированной цене для прокормления себя и своей свиты, что открывало широкий простор для разного рода злоупотреблений[49]. Сенатские постановления 171 г. до н.э., касавшиеся Испании и Греции, преследовали цель ударить по рукам зарвавшихся римских должностных лиц (*Liv.* XLIII. 2. 12; 17. 2–3), но, видимо, желаемого результата не достигли. Монетизация натуральных поставок была для наместника, безусловно, одним из наиболее эффективных способов наживы (Веррес, например, отдавал эти деньги в рост откупщикам: *Cic.* Verr. II. 3. 169). Цицерон пишет о т.н. «преторском сборе» (vectigal praetorium), который провинциалы выплачивали наместнику (*Cic.* Att. V. 21. 11). О том, насколько велик был этот «сбор», свидетельствует сам Цицерон: его добровольный отказ от этих средств позволил многим городам подведомственной ему провинции расплатиться с долгами (*Cic.* Att. VI. 2. 4). К vectigal praetorium следует добавить и такие поборы, как vectigal aedilicium[50], обеспечение всем необходимым сенаторов во время легаций[51], «добровольные» дары наместнику и пр.[52] К примеру, на Сицилии Веррес взыскал с провинциалов огромные суммы под предлогом возведения статуй в его честь (*Cic.* Verr. II.

[48] О конкретном случае махинаций, связанных с закупкой frumentum in cellam, см.: *Pinzone A.* 2000.

[49] В частности, наместник мог вынудить провинциалов заменить поставку зернового хлеба деньгами (frumentum aestimatum). Закон дозволял такой вариант, но лишь при условии добровольного согласия провинциалов. Суть заключалась в том, что недобросовестный наместник в ходе aestimatio назначал свою цену, которая, разумеется, была гораздо выше рыночной (*Cic.* Verr. II. 3. 189–190). См.: *Richardson J.S.* 1994, 583; *Tan J.* 2017, 85-86.

[50] Эти средства шли на организацию публичных зрелищ в Риме (*Cic.* Qu. fr. I. 1. 26).

[51] Речь идёт о поездках сенаторов в провинции по личным делам (liberae legationes) (*Cic.* Leg. III. 5; Att. XV. 11. 4). Стараниями Цицерона в 63 г. до н.э. эти легации были ограничены годичным сроком, что спустя четыре года было подтверждено в lex Iulia (*Richardson J.S.* 1994, 588).

[52] *Tan J.* 2017, 82.

2. 141–143). Наконец, городские общины были готовы платить наместникам огромные отступные (так, жители Кипра выплатили 200 талантов), лишь бы к ним не ставили войска на постой (*Cic.* Att. V. 21. 7). Таким образом, возможностей для личного обогащения в провинции было немало, и возможности эти, что называется, лежали на поверхности[53]. Если же наместник хотел большего, ему приходилось вступить в сговор с влиятельными людьми как в Риме, так и в самой провинции.

Власть наместника состояла из трёх компонентов: военного командования, взимания налогов и судопроизводства[54]. В двух практически идентичных греческих надписях официального характера (одна происходит из Дельф, другая — с острова Книд) о борьбе с пиратством в Восточном Средиземноморье на рубеже II-I вв. до н.э. (т.н. «Пиратский закон») перечисляются обязанности наместников провинций Азии и Македонии[55]. В числе этих обязанностей были сбор налогов, судопроизводство и забота о благополучии союзных Риму местных общин[56]. О том, как наместники

---

[53] Коррупцию в провинциальной администрации попытались обуздать Сулла и Цезарь, по инициативе которых были изданы lex Cornelia de repetundis (81 г. до н.э.) и lex Iulia de repetundis (59 г. до н.э.). В этих законах были строго регламентированы обязательные поставки и повинности провинциалов в пользу наместников и их свиты. Виновных в коррупции наместников ожидали суровые кары: лишение сенаторского звания, денежный штраф и изгнание.

[54] *Richardson J.S.* 1994, 568.

[55] См.: *Hassall M., Crawford M., Reynolds J.* 1974. Дельфийская и книдская версии текста прекрасно дополняют друг друга. В «Пиратском законе» речь идёт о необходимости организации борьбы с пиратством силами не только римских наместников, но и дружественных Риму правителей — союзных и вассальных царей Кипра, Египта, Сирии и др. (опять-таки общие слова без какой бы то ни было конкретизации чисто административных и военных задач).

[56] Для обоих текстов характерно полное отсутствие детальной информации о том, каким образом, собственно говоря, наместник может и должен осуществлять стоявшие перед ним задачи. См.: *Hassall M., Crawford M., Reynolds J.* 1974, 204–206. Возможно, какие-то интересующие нас детали были зафиксированы в документах преторского права. Но поскольку означенные документы до нас не дошли, вопрос на сегодня пред-

«заботились» о благополучии союзников, красноречиво свидетельствуют дошедшие до нас факты многочисленных судебных разбирательств по делам о злоупотреблениях римских должностных лиц, обычно демонстрировавших в провинциях исключительную алчность и феноменальную неразборчивость в средствах. По сути дела, римское «искусство управления» на местах в эпоху Республики заключалось в том, как абсолютно легальные платежи в казну превратить в доходы частных лиц, в той или иной степени имевших отношение к эксплуатации провинциальных ресурсов. Обилие посредников между налогоплательщиками и римским казначейством (aerarium) открывало широкий простор для возникновения разнообразных коррупционных схем.

Что касается официальных платежей, то обе испанские провинции, Македония[57] и Африка выплачивали Риму stipendium деньгами, Сардиния — vectigal зерновым хлебом. Общины Киликии сами собирали налоги (tributa)[58] для эрария; в случае недоимок к делу подключались римские откупщики, выбивая долги с неисправных должников и не забывая при этом о собственном интересе (*Cic.* Fam. III. 8. 5). Цицерон в своих речах детализирует налоговое бремя провинциалов: во-первых, это ежегодная дань, по своему происхождению являвшаяся военной контрибуцией (stipendium); во-вторых, подати, размер которых определялся цензорами в Риме и сдавался на откуп компаниям публиканов: десятина с урожая (decuma)[59], пошлина за выгон скота на общественных пастбищах (scriptura) и портовые сборы (portoria)[60] (наиболее яркий пример —

ставляется неразрешимым (о преторском праве см.: *Муромцев С.А.* 2003, 231-254; *Гаррido М.Х.Г.* 2005, 63-66, 146-147).

[57] Покорив Македонию в 168 г. до н.э., римляне установили размер stipendium вдвое меньше тех платежей, которые прежде вносились местными жителями в царскую казну (*Liv.* XLV. 18. 7; 29. 4; *Plut.* Aem. Paul. 28). Кроме того, Македония платила римлянам vectigal — налог с разработки железных и медных рудников (*Richardson J.S.* 1994, 569).

[58] Подушная подать и квартирный налог.

[59] Известны случаи сбора двойной десятины, имевшие место на Сицилии и Сардинии (*Liv.* XXXVI. 2. 12–13; XXXVII. 2. 12; 50. 9–10; XLII. 31. 8). Обычно эти чрезвычайные меры принимались во время войны.

[60] На Сицилии величина portoria составляла 5%, в Азии — 2,5%.

Азия после 123 г. до н.э. в соответствии с lex Sempronia); наконец, в-третьих, десятина на Сицилии[61], которую в большинстве общин (т.н. civitates decumanae) традиционно собирали сами сицилийцы в соответствии с законом царя Гиерона II (*Cic.* Verr. II. 3. 12–15; Leg. Man. 15; Flac. 19)[62]. К этому следует добавить различные чрезвычайные поставки (officia), которых римляне могли потребовать от провинциалов в случае нужды (речь идёт, к примеру, о снабжении войск).

Отправление правосудия являлось одной из главных функций наместника, обладавшего империем, а значит, и высшей судебной властью[63]. Не будем забывать, что зачастую в период Поздней Республики наместниками провинций становились преторы (упомянутые выше Азия и Македония были проконсульскими провинциями), т.е. те должностные лица, которые по характеру своих полномочий изначально были призваны вершить суд и расправу. Кроме того, наместник как носитель империя просто по положению был обязан решать любые юридические казусы, возникавшие во вверенной его попечению провинции. Сенат не вникал в детали, оставляя их на усмотрение наместника, который при исполнении своих должностных обязанностей, по сути, действовал на собственный страх и риск.

Наместник вершил суд во время выездных сессий, когда он в сопровождении свиты, состоявшей из римских «друзей» (amici) и представителей местной элиты[64], объезжал центры судебных окру-

---

[61] От её уплаты были освобождены семь союзных городов, пользовавшиеся immunitas — налоговым иммунитетом (*Cic.* Verr. II. 3. 13).

[62] Сицилийские налогоплательщики (vectigales, всего 61 община) делились на civitates censoriae и civitates decumanae: в первых (их было меньшинство) сбор десятины цензоры раз в пять лет отдавали на откуп в Риме, в последних же десятину собирали местные уроженцы, причём аукцион устраивался наместником ежегодно.

[63] *Lintott A.* 1993, 31, n. 19. Дж. Ричардсон охарактеризовал судейские функции наместника как «комбинацию дипломатии и ius civile» (*Richardson J.S.* 1994, 591). О том, какую важную роль в управлении провинциями играло осуществление правосудия, свидетельствуют Цезарь (*Caes.* Bell. Gall. I. 54. 3; V. 1. 5; 2. 1; VI. 44. 3) и Страбон (*Strab.* III. 4. 20).

[64] Речь идёт о гостеприимцах, друзьях и сотрапезниках. Наиболее дальновидные и опытные римские администраторы, такие как Цезарь, Катон Младший и Цицерон, стремились установить и в дальнейшем поддерживать дружеские связи с представителями провинциальных элит; с

гов (conventus iuridici). Вместо наместников осуществлять правосудие могли квесторы и легаты. Римских граждан в провинции[65] наместник судил по нормам ius civile, перегринов — в правовых рамках ius gentium, учитывая местные обычаи. В ряде провинций существовали правовые ограничения юрисдикции наместника, зафиксированные в lex provinciae. В отсутствие таковых судебная власть наместника в отношении перегринов была абсолютной (ius vitae ac necis sine provocatione), о чём красноречиво свидетельствует Ливий (*Liv.* XXXI. 29. 8–9). Что же касается вышеупомянутого edictum provinciale, то сам по себе он едва ли мог стать серьёзным сдерживающим фактором для почуявшего вкус лёгкой наживы коррупционера и мародёра во власти вроде Верреса, который, по свидетельству Цицерона, ограбил сицилийских земледельцев «на основании введённых им новых, преступных правил» (novo nefarioque instituto) (*Cic.* Verr. I. 13. Здесь и далее цит. в пер. В.О. Горенштейна). Поэтому можно сказать, что для провинциалов «Римское государство было худшим сочетанием силы и слабости»[66]. Иными словами, история римского провинциального управления в республиканскую эпоху — это история того, как частные лица — представители правящей элиты и так или иначе связанные с ними дельцы — извлекали прибыли и наращивали свои доходы за счёт государства и жителей провинций, в полной мере используя пресловутый «административный ресурс».

этой целью, в частности, они время от времени приглашали к себе на обед наиболее влиятельных, знатных и богатых провинциалов, демонстрируя им свою facilitas, т.е. обходительность (*Suet.* Iul. 48; *Plut.* Cato Minor. 67; Cic. 36). Личные неформальные связи с провинциальными магнатами существенно облегчали римскому наместнику дело управления провинцией, в которой он не мог опереться на разветвлённый бюрократический аппарат ввиду отсутствия такового.

[65] Все уроженцы Италии — римляне, латины, италики — в провинциях объединялись в землячества (conventus civium Romanorum), находившиеся в привилегированном положении относительно местных жителей (в городах члены этих землячеств даже могли занимать выборные должности!) (*Cic.* Verr. II. 3. 32). В период Поздней республики такие объединения существовали во всех крупных провинциальных центрах. См.: *Magie D.* 1950, 162-163.

[66] *Tan J.* 2017, 69.

Благодаря Цицерону мы знаем, что на Сицилии официально действовал целый ряд правовых норм, которые регулировали ход судебной процедуры в случае юридических разбирательств как между представителями местного населения, т.е. греками, так и между ними, с одной стороны, и римскими гражданами, с другой (*Cic.* Verr. II. 2. 32). Здесь наряду с законом о взаимоотношениях земледельцев и откупщиков (т.н. «хлебный закон», lex Hieronica) (loc. cit.) существовала также давняя традиция выборов городских судебных комиссий; в главном городе провинции созывался своего рода верховный уголовный суд, который работал под председательством самого наместника: процедура предполагала проведение собраний с выдвижением кандидатур, составление общего списка кандидатов и, наконец, жеребьёвку в присутствии наместника, который утверждал избранных судей (*Cic.* Verr. II. 2. 34; 37–38). На деле никаких гарантий соблюдения наместником упомянутых правовых норм не было. Категорически отвергая обвинение в том, что его подзащитный, бывший наместник Азии Луций Валерий Флакк, оказывал давление на рекуператоров (*Cic.* Flac. 49), Цицерон еще раз свидетельствует о том, что не бывает дыма без огня. Порой лишённый моральных принципов наместник (praetor improbus) вроде злополучного Верреса назначал столь же аморального и беспринципного судью (iudex nequam et levis), послушно и безропотно выполнявшего волю наместника, противостоять которой не осмеливался никто из провинциалов (cui nemo intercedre possit) (*Cic.* Verr. II. 2. 30).

Как следствие, в период Поздней республики в провинциях повсеместной реальностью стали, с одной стороны, вопиющий произвол наместников, а с другой — абсолютное бесправие провинциалов, не обладавших правами римского или латинского гражданства. Как писал Цицерон, в Азии «столько общин ждут кивка одного человека, где нет никаких возможностей защиты, никакого обжалования, никакого сената, никаких народных сходок!» (*Cic.* Qu. fr. I. 1. 22. Здесь и далее цит. в пер. В.О. Горенштейна). Характерно, что, когда мамертинцы попытались прекословить Помпею, ссылаясь на «старинный римский закон», тот им заявил: «Перестаньте приводить статьи законов тому, у кого за поясом меч» (*Plut.* Pomp. 10. Пер. Г.А. Стратановского). От начальника старались не отставать подчинённые: так, жители Антиохии, заискивая перед вольноотпущенником Помпея Деметрием, который пользо-

вался немалым доверием у своего патрона, прослышав о приближении этого бывшего невольника к их городу, приготовили ему пышную встречу (*Plut.* Cato Minor. 13). Наместники и их доверенные лица творили в провинциях, что хотели. Будучи уверены в собственной безнаказанности, облечённые властью лихоимцы не скрывали своих связей с влиятельными людьми в Риме. Как свидетельствует Цицерон,

> «Гай Веррес не раз говорил на Сицилии в присутствии многих людей, что за ним стоит влиятельный человек, полагаясь на которого, он может грабить провинцию, а деньги он собирает не для одного себя; что он следующим образом распределил доходы своей трёхлетней претуры на Сицилии: он будет очень доволен, если доходы первого года ему удастся обратить в свою пользу; доходы второго года он передаст своим покровителям и защитникам; доходы третьего года, самого выгодного и сулящего наибольшие барыши, он полностью сохранит для судей» (*Cic.* Verr. I. 40. Пер. В.О. Горенштейна с изменениями).

Разумеется, безнаказанность поощряла коррупцию.

По словам Т. Моммзена, «игра в наместники очень быстро деморализовала римское господствующее сословие»[67]. Ситуацию, сложившуюся к последней трети II в. до н.э., Аппиан охарактеризовал так: «В то время многие добивались командования войсками, стремясь или к славе, или выгоде, или к триумфу, а вовсе не в целях пользы государства» (*App.* Hisp. 80. Пер. С.П. Кондратьева под ред. Е.С. Голубцовой и Л.Л. Кофанова). Благосостояние провинциалов тогда никого в Риме особо не заботило: никакой государственной политики в отношении провинций не было и в помине, в этой области безраздельно доминировали частные интересы, а управление провинцией было, по сути, личным делом наместника, его совести и персональной ответственности[68]. Коррупцию порождала сама политическая система, в которой частные интересы на деле были выше государственных (вопреки традиционным нор-

[67] *Моммзен Т.* 1994а, 627.

[68] Никакого аналога британского Министерства по делам колоний в Риме никогда не было. Законы 81 и 59 гг. до н.э. — lex Cornelia de maiestate и lex Iulia de repetundis — явились редкими свидетельствами того, как государство, словно одумавшись, пыталось привести в порядок дела провинциального управления. См.: *Richardson J.S.* 1994, 593-594.

мам, «заветам предков» и пр.). Яркий пример наглого вымогателя и любителя лёгкой наживы в должности наместника провинции — Гай Корнелий Веррес, о котором Цицерон высказался так: «Не его развратила провинция, как некоторых других; нет, он остался таким же, каким был в Риме» (*Cic.* Verr. II. 2. 39. Пер. В.А. Алексеева под ред. Ф.Ф. Зелинского).

Впрочем, Веррес — это всего-навсего вульгарный выскочка, парвеню, за которым стояли влиятельные люди, по сути, «сдавшие» своего протеже и поспешившие от него отмежеваться, когда скандальное дело о коррупции на Сицилии приобрело беспрецедентную огласку. Иное дело — видный нобиль Марк Юний Брут, человек образованный и культурный, в угоду которому сенат принимал новые постановления, отменявшие старые; тот самый Брут, который, не будучи официальным лицом, через подставных субъектов с сомнительной репутацией устраивал дело так, что его клиенты на Кипре получали от римских аргентариев (банкиров, которые были с Брутом в доле) ссуду под драконовские проценты (48% годовых вместо обычных 12-ти!), а потом домогался у своего друга Цицерона (в ту пору наместника Киликии) должности префекта, чтобы, используя «административный ресурс», выбить с несчастных должников причитавшуюся ему и его предприимчивым «друзьям» сумму (*Cic.* Att. V. 21. 10–13). Как далеко была готова зайти вся эта компания в деле отстаивания своих интересов, рассказывает Цицерон в одном из писем к Аттику: доверенный человек Брута, некто Марк Скапций, во главе отряда кавалерии ворвался в город Саламин на Кипре (без санкции наместника!) и взял в осаду булевтерий вместе с находившимися там «отцами города», из которых в дальнейшем пятеро умерли от голода (*Cic.* Att. VI. 1. 6).

В такой ситуации провинциалам оставалось уповать лишь на высокие личные качества наместника провинции. Надо признать, что среди римских наместников иногда попадались порядочные люди, такие как Квинт Муций Сцевола[69], Катон Старший[70], тот же

[69] Будучи наместником Азии (90-е гг. до н.э.), Сцевола ревностно соблюдал старинные права и свободы вверенных его попечению греческих общин (*Dmitriev S.* 2005, 311).

[70] Согласно характеристике Ливия, Катон Старший, наместник Сардинии в 198 г. до н.э., был «муж благочестивый и беспорочный, но выка-

Цицерон[71], Луций Лициний Лукулл или Катон Младший. Последний, кстати говоря, видимо, из лучших побуждений увещевал провинциалов, чтобы те по возможности лояльно относились к римским властям: «Дружелюбием и гостеприимством умерьте могущество победителей, которые только и ищут повода применить насилие на том основании, что миром ничего получить не могут» (*Plut.* Cato Minor. 12. Пер. С.П. Маркиша). Лукулл снискал искреннюю благодарность жителей Азии за то, что решительными мерами обуздал лихоимство ростовщиков и публиканов, избавив провинцию от тяжкого долгового бремени (*Plut.* Luc. 20; 23; *Cic.* Flac. 85). О Катоне Старшем Плутарх пишет:

> «Когда он получил в управление провинцию Сардинию, где до него преторы на общественный счёт нанимали жилища, покупали ложа и тоги, содержали многочисленных слуг и друзей и обременяли население расходами на съестные припасы и приготовление изысканных блюд, — он явил пример неслыханной бережливости. Он ни разу не потребовал от сардинцев никаких затрат и обходил города пешком, не пользуясь даже повозкой, в сопровождении одного-единственного служителя, который нёс его платье и чашу для возлияния богам. Он был до такой степени скромен и невзыскателен, а с другой стороны, обнаружил столько сурового достоинства, неумолимо верша суд и зорко следя за строжайшим выполнением своих приказаний, что никогда власть римлян не была для подданных ни страшнее, ни любезнее» (*Plut.* Cato Maior. 6. Пер. С.П. Маркиша).

Другой не менее яркий пример — Цицерон, которому в 51-50 гг. до н.э. довелось быть проконсулом Киликии[72]. Он запретил своим спутникам всякие поборы с провинциалов и вернул послед-

---

завший сугубую суровость в пресечении ростовщичества: ростовщики с острова были изгнаны, а расходы, которые обычно несли союзники на содержание преторов, сокращены или отменены» (*Liv.* XXXII. 27. 3–4. Здесь и далее цит. в пер. С.А. Иванова).

[71] В частности, о доступности Цицерона-наместника Плутарх пишет в биографии великого оратора: «В его доме не было привратника, и ни один человек не видел Цицерона лежащим праздно: с первыми лучами солнца он уже стоял или расхаживал у дверей своей спальни, приветствуя посетителей» (*Plut.* Cic. 36. Пер. С.П. Маркиша).

[72] О наместничестве Цицерона в Киликии см.: *Абрамзон М.Г.* 2005, 126-127; *Zarecki J.P.* 2012, 46-55.

ним около миллиона сестерциев, неправедно взысканных при его предшественнике, чем вызвал недовольство друзей, считавших его «большим другом казначействам фригийцев и киликийцев, чем нашему» (*Cic.* Att. VII. 1. 6). Сам Цицерон не без гордости писал Аттику: «Справедливость, воздержанность и мягкость твоего Цицерона, таким образом, превзошли всеобщее ожидание» (*Cic.* Att. V. 16. 3). Гуманность Цицерона-наместника особенно бросалась в глаза на фоне тех бесчинств, которые чинил предыдущий проконсул, Аппий Клавдий Пульхр, тесть уже упомянутого Марка Юния Брута (ib. 2–3). В начале августа 51 г. до н.э. Цицерон писал Аттику в Рим о плачевных результатах деятельности своего предшественника:

> «Мы прибыли в погубленную и навеки совершенно разорённую провинцию, ожидавшую нас с величайшим нетерпением… Мы услыхали только одно: внести указанные подушные они не могут, продажное всеми продано; стоны городов, плач, чудовищные поступки не человека, но какого-то огромного дикого зверя. Что ещё нужно? Им вообще в тягость жизнь» (*Cic.* Att. V. 16. 2. Ср.: Att. VI. I. 2).

Несмотря на всё это, по возвращении в Рим Аппий Клавдий был избран цензором.

Наместничество в богатой провинции многими в Риме расценивалось как способ поправить свои финансовые дела; в частности, так рассуждали те, кому пришлось немало потратиться на проведение своей избирательной кампании. Зачастую это были циничные авантюристы и любители лёгкой наживы, к тому же уверенные в собственной безнаказанности. Как саркастически констатировал Цицерон в первой веррине,

> «...каждый забирает столько, чтобы хватило ему самому, его покровителям, его заступникам, претору и судьям; этому, разумеется, и конца нет; по словам чужеземных народов, они ещё могут удовлетворить алчность самого алчного человека, но оплатить победу тяжко виновного они не в состоянии» (*Cic.* Verr. I. 41).

Лишь в самом конце республиканской эпохи в Риме была предпринята попытка законодательно пресечь это зло и развести по времени магистратуру и наместничество в провинции: в 52 г. до н.э. по инициативе Помпея был принят закон de provinciis, в соответст-

вии с которым между исполнением магистратуры и наместничеством должен был пройти пятилетний срок (*Dio Cass.* XL. 56. 1)[73].

В своём стремлении обогатиться за счёт провинциалов от недобросовестных наместников не отставали и алчные откупщики-публиканы[74]. Влияние компаний публиканов со временем выросло настолько, что порой даже сенат опасался затронуть интересы «сословия откупщиков» (ordo publicanorum) (*Liv.* XXV. 3. 12)[75]. Публиканы брали на откуп сбор vectigalia — подушной подати, поземельного налога, десятины, портовых сборов и платы за пользование пастбищами, налогов на разработку рудников и добычу соли[76]. Расцвет откупной системы в Риме пришёлся на III-II вв. до н.э.[77]. В Риме цензоры распределяли откупа раз в пять лет[78], заключая контракты (tabulae censoriae) с компаниями публиканов, соответственно, на пятилетний срок до следующего lustrum'a (*Cic.* Att. VI. 2. 5). В провинциях интересы публиканов сталкивались с интересами представителей провинциальных элит, которые сами стремились нагреть руки на сборе налогов с местных общин[79]. Так, в мае 50 г. до н.э. Цицерон, будучи наместником Киликии, пишет Аттику:

> «В городах происходили необычайные хищения, которые ранее совершали сами греки, местные должностные лица. Я сам

---

[73] Годом ранее имело место аналогичное постановление сената (*Dio Cass.* XL. 46. 2).

[74] Об откупщиках и откупной системе в Риме см.: *Tan J.* 2017, 40-67.

[75] Безусловно, публиканы лоббировали свои корпоративные интересы в сенате (*Liv.* XXXIX. 44. 8), однако не всегда им удавалось добиться успеха (*Liv.* XLIII. 16. 3). О могущественном и влиятельном ordo publicanorum упоминает и Цицерон в бытность свою наместником Киликии (*Cic.* Fam. XIII. 9. 2).

[76] См.: *Malmendier U.* 2005, 33 ff.

[77] *De Laet S.J.* 1949, 49–58; *Badian E.* 1972. Ch. 1.

[78] Делали они это публично, на форуме, где проходил аукцион (*Cic.* Leg. agr. II. 55). Цензоры сами назначали цену откупов. Например, Катон Старший в 184 г. до н.э. поднял эту цену до предела, чем вызвал раздражение и ненависть откупщиков (*Plut.* Cato Maior. 19).

[79] В Азии публиканы заключали соглашения (pactiones) с отдельными общинами, в которых налоги собирались представителями местных элит (они же и расплачивались с откупщиками; при этом, несомненно, какая-то часть собранных средств «прилипала к рукам» сборщиков налогов).

> допросил тех, кто занимал должности в течение последних десяти лет; они открыто признались; поэтому они без бесчестья своими руками возвратили деньги населению, а население без всякого стона выплатило откупщикам, которым оно ничего не вносило в течение этого пятилетия, также и деньги, причитавшиеся за предыдущее пятилетие. Поэтому я дорог откупщикам, как глаз. “Благодарным людям”, — скажешь ты; я это почувствовал» (loc. cit.)[80].

Как правило, наместник был тесно связан с компаниями публиканов по принципу ”manus manum lavat“ и в известной мере зависел от них (*Cic.* Qu. fr. I. 1. 32–33). Когда наместники заимствовали у публиканов средства для крупномасштабных закупок зернового хлеба, открывался широкий простор для разного рода махинаций, в чём Цицерон обвиняет, к примеру, Верреса (*Cic.*

[80] Опасаясь вступать в открытую конфронтацию с могущественными корпорациями публиканов и вместе с тем не желая ссориться как с их конкурентами (римскими коммерсантами), так и с влиятельными провинциалами (из числа представителей греческой элиты), Цицерон пытался усидеть на двух стульях, в чём он откровенно признался в письме к ближайшему другу Титу Помпонию Аттику (*Cic.* Att. II. 16. 4). В мае 59 г. до н.э. в сенате слушалось дело об уменьшении платы за откуп налогов в Азии, в чём были кровно заинтересованы компании публиканов, которые поначалу, ослеплённые собственной алчностью, заключили контракты по одной цене, но впоследствии одумались и стали требовать её уменьшения (Цезарь, будучи тогда консулом, в угоду всадникам провёл закон о снижении цены откупов в Азии на треть. Одновременно сбор десятины был поручен местным общинам: *App.* Bell. Civil. V. 4). Цицерон так излагает свою позицию по данному вопросу: «Если мне можно будет, не выступая, только проголосовать, для того чтобы это прекрасное дело не погибло в сенате, то я удовлетворю откупщиков; если же нет (я говорю с тобой откровенно), то я в этом деле больше на стороне всей Азии и деловых людей, ибо и для них это также чрезвычайно важно. Это, думается мне, весьма нужно нам» (*Cic.* Att. II. 16. 4). Последняя фраза свидетельствует о том, что амбивалентную позицию «и нашим, и вашим» лукавый оратор пытался объяснить своей приверженностью принципу «согласия сословий» (concordia ordinum). Ср.: *Cic.* Att. I. 17. 9, где он откровенно характеризует позицию кучки алчных и наглых финансистов как «invidiosa res, turpis postulatio et confessio temeritatis» (ненавистное дело, постыдное требование и признание в необдуманности).

Verr. II. 3. 163–180). Контроль со стороны государства за действиями публиканов был минимальным; пользуясь этим, откупщики беспощадно обирали податное население, порабощая неисправных должников (*Plut.* Luc. 7; *Diod.* XXXVI. 3. 1). Недаром о событиях 168 г. до н.э., последовавших за победоносным завершением Третьей Македонской войны, Ливий пишет:

> «Македонские рудники — источник огромных доходов — и сельские имения решено было не сдавать больше на откуп: ибо где откуп, там и откупщики, а где откупщики, там либо право государства бессильно, либо союзники не располагают свободой» (*Liv.* XLV. 18. 3–4).

В Азии публиканы частенько покушались даже на земли городских общин и храмов, освобождённые от налогообложения[81]. Ливий прекрасно понимал, какой колоссальный вред наносят действия публиканов и провинциалам, и в целом интересам Римского государства[82].

В качестве яркого образчика отношений римлян с провинциалами в республиканскую эпоху можно привести, без преувеличения, тотальное разграбление провинции Азии, ставшей, по выражению П. Гиро, «дойной коровой республики»[83]. Азия считалась богатейшей провинцией; недаром Цицерон назвал её «провинцией-развратительницей» (corruptrix provincia) (*Cic.* Qu. fr. I. 1. 19), имея в виду пресловутую азиатскую роскошь (luxuria) (*Cic.* Mur. 12). Представителей «коренного» населения высокомерные римляне презирали, поскольку те были варварами, тогда как малоазийским грекам они оказывали некоторое уважение. Так, в письме брату Квинту, исполнявшему должность наместника Азии, Цицерон заверяет своего адресата в том, что вовсе не осуждает его за суровые расправы над представителями местного населения, как бы вскользь замечая: «Если только ты не думаешь, что меня тро-

---

[81] См.: *Magie D.* 1950, 166.

[82] Вместе с тем в критический момент публиканы могли предоставить государству кредит, поэтому в одной из своих речей Цицерон назвал их «цветом римских всадников», «украшением гражданской общины» и «опорой государства» (*Cic.* Planc. 23).

[83] *Гиро П.* 1995, 483.

гают жалобы какого-то Пакония, даже не грека, а скорее мизийца или фригийца» (*Cic.* Qu. fr. I. 1. 19). В 123 г. до н.э. по инициативе Гая Гракха был принят закон (lex Sempronia), в соответствии с которым право взимания десятины, пастбищных и портовых сборов в Азии цензоры отныне должны были сдавать компаниям публиканов (societates publicanorum) на публичных торгах, или аукционах в Риме[84]. Компаний было три, но действовали они заодно.

> «В их распоряжении была целая армия сборщиков, а также и рабов, которые работали на их полях, на их заводах, их солеварнях, их каменоломнях; когда не хватало рабочих рук, они производили охоту на людей на территории соседнего царства»[85].

Помимо крупных дельцов, в Азии на свой страх и риск действовало множество мелких спекулянтов и ростовщиков. Совместными усилиями все они в короткие сроки довели население провинции до полного разорения[86]. К 70-м гг. до н.э., как пишет Плутарх в биографии Лукулла, Азия, лишённая правосудия и законности,

---

[84] О том, что на этих аукционах имела место свободная конкуренция и власти, когда они этого хотели, могли эффективно бороться с зарвавшимися финансовыми воротилами, свидетельствуют детали, сообщаемые Титом Ливием об аукционах 184 и 169 гг. до н.э. (*Liv.* XXXIX. 44. 8; XLIII. 16. 2–16).

[85] *Гиро П.* 1995, 484.

[86] Схема, как правило, была такая: римские должностные лица (полководцы, наместники и пр.) от имени государства (res publica Romana) и, ясное дело, активно используя «административный ресурс» (прежде всего вооружённую силу) облагали провинциалов неподъёмными платежами, те поневоле залезали в долги, и тогда в дело вступали обслуживавшие интересы правящей элиты ростовщики: они охотно ссужали провинциалов деньгами (обычно под залог недвижимости) с таким расчётом, чтобы последние никогда не выпутались из долгов (для уплаты старых долгов приходилось делать новые, и так до бесконечности. Порой в такой ситуации оказывались даже вассальные цари: *Cic.* Att. VI. 1. 3–4). Нечего и говорить, что львиная доля этих средств уплывала мимо казны в бездонные сундуки частных лиц — сенаторов, публиканов, аргентариев и пр. Все они получали постоянный источник дохода в виде ренты и становились, по сути, рантье. См.: *Tan J.* 1995, 75 ff.

> «...терпела невероятные, несказанные бедствия. Откупщики налогов и ростовщики грабили и закабаляли страну: частных лиц они принуждали продавать своих красивых сыновей и девушек-дочерей, а города — храмовые приношения, картины и кумиры. Всех должников ожидал один конец — рабство…» (*Plut.* Luc. 20. Пер. С.С. Аверинцева).

Ситуация абсолютного бесправия провинциалов перед лицом римского административного произвола[87] стала меняться к лучшему лишь после 149 г. до н.э., когда был принят закон Кальпурния de repetundis. До принятия lex Calpurnia конфликты в провинциях разрешались «в ручном режиме» сенатом. Так, в 187 г. до н.э. претор Марк Фурий Красипп, получивший назначение в Цизальпинскую Галлию, отобрал оружие у верного Риму племени ценоманов. Последние направили депутацию в сенат с жалобой на противозаконные действия претора; сенаторы поручили рассмотреть дело консулу Марку Эмилию Лепиду, который вынес решение в пользу ценоманов: оружие было им возвращено, претор получил приказ покинуть провинцию (*Liv.* XXXIX. 3. 1–3). Новый конфликт в Цизальпинской Галлии произошёл уже спустя четыре года, на этот раз по вине консула Марка Клавдия Марцелла, который приказал отобрать оружие и имущество у одного из галльских племён, переселившегося в Северную Италию из-за Альп (*Liv.* XXXIX. 54. 2–4). Галлы пожаловались в сенат, а там вынесли соломоново решение: консула обязали вернуть галлам оружие и вещи (за исключением награбленного добра), варварам же предписа-

[87] Яркий пример подобного произвола в отношении карфагенян (в 199 г. до н.э. Северная Африка юридически ещё не была римской провинцией!) находим у Ливия: «В этот год карфагеняне впервые доставили в Рим то серебро, которое обязались присылать в уплату дани. Поскольку квесторы для проверки переплавили его и при этом обнаружилась убыль четверти веса, серебро было объявлено недостаточно чистым. Тогда карфагеняне заняли у Рима денег и ими восполнили недовесок серебра» (*Liv.* XXXII. 2. 1–2). Через 17 лет после Канн соотечественники Ганнибала были вынуждены безропотно сносить произвол римских должностных лиц. Надо полагать, вес гирь, которыми пользовались квесторы, утяжелялся не только стереотипом “punica fides”, но и принципом “vae victis” (легко заметить, что вся эта ситуация сильно напоминает историю с Бренном и «галльским золотом»).

ли покинуть Италию (*Liv.* XXXIX. 54. 4–11). В 173 г. до н.э. известный своим необузданным нравом консул Марк Попилий Ленат, подавляя восстание в Лигурии, сурово расправился с одним из местных племён, не участвовавшим в восстании: сами несчастные и их имущество были проданы с молотка, город Карист разрушен. Узнав об этой расправе, сенат приказал консулу освободить захваченных лигуров и вернуть им всё их имущество, но тот не подчинился (*Liv.* XLII. 7. 3 - 9. 6). Между тем в Лигурии из-за неоправданной жестокости Лената началось новое восстание. Тогда раздражённые сенаторы приняли постановление о расследовании событий в Лигурии, лишили Лената командования и вызвали в Рим, пригрозив ему заочным осуждением в случае вторичного неповиновения. В итоге безвинно пострадавшие лигуры получили свободу и земли за Падом, а Ленат предстал перед судом. Впрочем, дело вскоре замяли (*Liv.* XLII. 21. 2 - 22. 8).

В 171 г. до н.э. в сенат прибыли представители нескольких испанских племён с жалобами на злоупотребления римских администраторов (*Liv.* XLIII. 2. 1–2). Как явствует из текста Ливия, речь шла о махинациях с ценами на хлеб, произвольном установлении цен, по которым должна была продаваться 1/20 урожая в счёт уплаты налогов, а также о вымогательствах в процессе взимания налогов в городах (ibid. 12).

> «Сетуя на алчность и высокомерие римских должностных лиц, они (послы. — *В. Н.*) на коленях молили сенат не позволять грабить и мучить союзников злее, чем врагов. Жаловались они и на другие бесчинства, но денежные вымогательства были очевидны» (ibid. 1–3. Пер. Н.П. Гринцера, Т.И. Давыдовой, М.М. Сокольской).

За дело взялась коллегия рекуператоров; интересы жалобщиков в суде представляли патроны из числа римских граждан. В итоге судебного разбирательства один обвиняемый был оправдан, двое других удалились в изгнание. В конечном счёте дело, как водится, замяли: сенаторы удовлетворили законные требования испанцев, а о коррупционерах постарались «забыть» (ibid. 3–12)[88].

[88] Во всяком случае, хорошо уже то, что сенаторы приняли вопрос о злоупотреблениях в провинции к рассмотрению (см.: *Richardson J.S.* 1994, 578).

Всё это свидетельствует об отсутствии какой бы то ни было системы в деле управления провинциями: деятельность наместников была практически свободна от всякого контроля сверху, возможностей личного обогащения у них было предостаточно, сенат же вмешивался только тогда, когда конфликт выходил за пределы провинции и грозил перерасти в открытое неповиновение властям.

Ливий в своей «Истории» приводит несколько любопытных примеров того, как с самого начала римская практика управления провинциями медленно, но верно стала приобретать грабительский характер. Ростки коррупции прорастали постепенно, со временем пуская глубокие корни. Всё началось с традиции, в соответствии с которой победоносный полководец должен был устроить в Риме игры. Неизбежно вставал практический вопрос: на чьи средства будет финансироваться мероприятие? Изначально предполагалось, что на государственные. Так, в 205 г. до н.э. Сципион Африканский, одержавший ряд побед в Испании, получил от сената санкцию на использование государственных средств для проведения игр по обету. Как пишет Ливий, «сенат постановил: игры, которые Сципион обещал дать во время солдатского мятежа в Испании, пусть даёт из тех денег, которые он сам внёс в казну» (quam ipse in aerarium detulisset) (*Liv.* XXVIII. 38. 14. Пер. М.Е. Сергеенко). Спустя 12 лет его племянник и тёзка, воюя опять же в Испании в ранге пропретора, дал обет устроить в случае своей победы игры в Риме в честь Юпитера. Разбив лузитан наголову, всё награбленное ими у мирных жителей добро доблестный Сципион вернул владельцам, а невостребованное имущество распорядился продать с аукциона; вырученные от продажи деньги были по его приказу розданы воинам (*Liv.* XXXV. 1. 5–12). Таким образом, сдавать в казну Сципиону было попросту нечего. Через два года он, став консулом, перед отъездом в Галлию на войну с бойями потребовал от сената денег для проведения упомянутых игр.

> «Это требование сочли неслыханным и несправедливым и потому постановили: игры, которые он обетовал сам, не снёсшись с сенатом, пусть он сам и проводит на деньги от военной добычи, если у него из них что-то для этой цели отложено, либо из собственных средств» (*Liv.* XXXVI. 36. 1–2. Пер. С.А. Иванова).

В итоге Сципион провёл злополучные игры, по всей видимости, за свой счёт (ibid. 2). Так сенат создал прецедент: игры по обету не могут финансироваться из казны. Отныне магистратам и промагистратам надлежало обходиться исключительно теми средствами, которые они изымали на месте, грабя провинциалов. Таким образом, с одной стороны, потенциальные коррупционеры получили дополнительную мотивацию для злоупотреблений в провинциях; с другой — государство в очередной раз устранилось от решения назревшей проблемы, предоставив должностным лицам carte blanche в таком деликатном деле, как изыскание средств.

В 149 г. до н.э. по инициативе плебейского трибуна Луция Кальпурния Пизона Фруги[89] был принят первый в истории Рима закон о вымогательствах — lex Calpurnia de repetundis[90]. Он дошёл до нас в виде одиннадцати фрагментов одной надписи (CIL I. 198)[91]. В тексте детально описана процедура возбуждения уголовного преследования[92], проведения предварительного расследования и судебного слушания, для чего создавалась специальная судебная коллегия — quaestio de repetundis (или quaestio repetundarum). Если обвиняемого в коррупции судьи признавали виновным, его ждал денежный штраф (как вариант — изгнание)[93].

---

[89] Прославленный борец с коррупцией был оратором и писателем: на закате дней Пизон написал исторический труд «Анналы», от которого сохранилось 45 фрагментов.

[90] См.: *Cic.* Brut. 106. В течение ближайших 90 лет были приняты ещё пять законов, посвящённых борьбе со злоупотреблениями римских должностных лиц: lex Iunia, lex Acilia, lex Servilia, lex Cornelia и lex Iulia. Действие каждого последующего закона расширялось по сравнению с предыдущим (см.: *Richardson J.* 1994, 578).

[91] О законе 149 г. до н.э. см.: *Nicolet C.* 1966, 487-515; *Mattingly H.B.* 1969, 129-143; *idem.* 1970, 154-168; *Sherwin-White A.N.* 1972, 83-99; *Linntott A.* 1981, 162-212; *Richardson J.S.* 1987, 1-12.

[92] Наместника можно было привлечь к суду лишь по истечении срока его полномочий (*Richardson J.S.* 1994, 577).

[93] Один из первых известных нам судебных процессов de repetundis — дело Луция Гостилия Тубула, претора 142 г. до н.э. В следующем году по инициативе плебейского трибуна Публия Муция Сцеволы он был обвинён в получении взяток и удалился в изгнание (*Cic.* Fin. II. 54; IV. 77; V. 62).

В результате жестоко страдавшие от злоупотреблений римских должностных лиц провинциалы получили шанс добиться справедливости (правда, при условии наличия в самом Риме влиятельных друзей и патронов, а также немалых материальных средств, которые надлежало потратить на неизбежные судебные издержки[94]).

В том же году к судебной ответственности был привлечён Сервий Сульпиций Гальба, пропретор Испании Дальней[95]. Известно, что в 150 г. до н.э. он обманным путём, при помощи ложных обещаний, окружил и разоружил племя лузитан, при этом множество варваров было убито или обращено в рабство. В 149 г. до н.э. плебейский трибун Луций Скрибоний Либон возбудил в отношении Гальбы судебное расследование; дело должно было рассматриваться в сенате. Однако обвиняемый сумел переломить общественное мнение в свою пользу, благодаря чему избежал суда и наказания[96]. В 141 г. до н.э. по инициативе провинциалов был обвинён в вымогательствах наместник Македонии Децим Юний Силан. В дело вмешался отец обвиняемого, сенатор Тит Манлий Торкват, который добился в сенате разрешения лично судить сына на основании patria potestas. Допросив Силана за закрытыми дверями и убедившись в его виновности, Торкват отрёкся от сына, после чего тот повесился (*Liv.* Per. 54; *Val. Max.* V. 8. 3)[97]. В 138 г. до н.э. по обвинению в коррупции был привлечён к суду, но оправдан консуляр Луций Аврелий Котта (*Cic.* Mur. 58; Caec. 69; Font. 38; *Val. Max.* VIII. 1. 11; *App.* Bell. Civil. I. 22). В 126-123 гг. до н.э. раз-

---

[94] См.: *Richardson J.S.* 1994, 578. Зачастую виновные благодаря своим связям и всё той же коррупции выходили сухими из воды; в этом контексте можно вспомнить пример Верреса, сумевшего сохранить львиную долю награбленного им имущества и благополучно дожившего в Массилии до 43 г. до н.э., когда его проскрибировали по требованию Марка Антония, с которым он якобы не пожелал «добровольно» поделиться коринфской бронзой (*Plin.* Nat. Hist. XXXIV. 6).

[95] См.: *Gruen E.S.* 1968, 12-13.

[96] См.: *Liv.* Per. 49. Дело Сервия Сульпиция Гальбы получило широкую огласку и имело серьёзный резонанс (*Cic.* Brut. 89–90; Mur. 59; *Tacit.* Ann. III. 66).

[97] В глазах представителей римской элиты самоубийство являлось способом сохранить лицо и избежать посмертного бесчестья. См.: *Никишин В.О.* 2010, 130-141.

биралось дело консуляра Мания Аквилия Старшего, основателя провинции Азии, который за взятку передал Великую Фригию понтийскому царю Митридату V Эвергету; изобличённый в коррупции Аквилий, тем не менее, был оправдан судьями (*Cic.* Caec. 69; Font. 38; *App.* Mithr. 57; Bell. Civil. I. 22)[98]. Впоследствии был обвинён в злоупотреблениях его сын, тоже консуляр Маний Аквилий Младший[99]. Как отмечает А.В. Короленков, «будучи нечист на руку, Аквилий дал, мягко говоря, многочисленные поводы для нареканий»[100]. Показания свидетелей делали виновность Аквилия очевидной (*Cic.* Flac. 98), однако благодаря влиятельным покровителям и блестящей защите он был признан невиновным (*Liv.* Per. 70; *Cic.* De orat. II. 124; 194–196)[101].

Широкий резонанс, судя по дошедшей до наших дней античной традиции (*Vell.* II. 13. 2; *Liv.* Per. 70; *Dio Cass.* Fr. 97. 1; *Cic.* De orat. I. 227–233; Brut. 115; Nat. deor. III. 80; Font. 38; Pis. 95; *Quint.* Inst. Orat. XI. 1. 12; *Val. Max.* II. 10. 5; *Oros.* Hist. V. 17. 12), получил судебный процесс Публия Рутилия Руфа — консула 105 г. до н.э., в 94 г. до н.э. исполнявшего должность легата в свите проконсула Азии Квинта Муция Сцеволы. Человек безукоризненной честности и редкого благородства (*Cic.* De orat. I. 229; *Vell.* II. 13. 2; *Oros.* V. 17. 12), в течение года Рутилий Руф активно боролся со злоупотреблениями откупщиков, однако по возвращении из провинции был привлечён к суду по обвинению в вымогательствах (de repetundis). Это был крайне редкий в римской судебной практике случай обвинения в коррупции человека с безупречной репутацией, который явно был не виноват в инкриминированных ему правонарушениях[102]. В ходе процесса (конец 93/92 г. до н.э.) Руф защищал себя сам, отказавшись от услуг опытных адвокатов.

---

[98] О процессе Мания Аквилия Старшего см.: *Richardson J.S.* 1987, 12.

[99] Точная дата неизвестна. Скорее всего, процесс имел место в 98 г. до н.э. См.: *Короленков А.В.* 2008, 113.

[100] *Короленков А.В.* 2008, 114.

[101] О процессе Мания Аквилия Младшего см.: *Badian E.* 1958, 201-212; *Nicolet C.* 1966, 543.

[102] О процессе Рутилия Руфа см.: *Gruen E.S.* 1966, 54-55, 59, 60; *Короленков А.В.* 2014, 59-74.

Стоицизм и принципиальность Руфа не спасли его от обвинительного приговора: бывший легат был признан виновным, присуждён к огромному штрафу и удалился в изгнание, где провёл остаток дней, посвятив себя литературным трудам[103]. Характерно, что та самая провинция, которую Руф будто бы опустошил своими вымогательствами, встретила его с ликованием (*Val. Max.* II. 10. 5). Наконец, в 79 г. до н.э. был привлечён к суду de repetundis бывший пропретор Сицилии Марк Эмилий Лепид, оставивший по себе у провинциалов не лучшие воспоминания (*Cic.* Ver. II. 2. 8; 3. 212; *Sall.* Hist. I. 77. 4)[104].

Таким образом, в период Поздней республики управление провинциями оказалось не столько государственным, сколько частным делом представителей римской правящей элиты, наделённых практически неограниченными властными полномочиями. Это управление выглядело как более или менее упорядоченный набор административных, судебных и фискальных мер, механически переносившихся из практики управления Римом-полисом на провинциальную почву, где римским должностным лицам приходилось управлять не в пример более обширными территориями, население которых представляло собой довольно пёструю картину во всех от-

[103] Руф уехал сперва в Митилену, а затем в Смирну. На протяжении длительного времени процесс Рутилия Руфа рассматривался в историографии как яркий пример судебной расправы всадников над честным и принципиальным представителем ordo senatorius. Так, Т. Моммзен писал в этой связи: «Комиссия по делам о вымогательствах перестала служить защитой для жителей провинций; напротив, она превратилась для них в самый тяжкий бич. Явный вор выходил из комиссии оправданным, если не впутывал в дело своих сообщников и не отказывался поделиться с присяжными награбленным добром. Зато горе тому, кто пытался удовлетворить справедливые жалобы жителей провинций; его ждал верный обвинительный приговор» (*Моммзен Т.* 1994b, 157). Однако в настоящее время существует обоснованное мнение, что инициаторами процесса Рутилия Руфа были не только и не столько публиканы, сколько влиятельные сенаторы (*Короленков А.В.* 2014, 73).

[104] Чрезвычайно информативным источником по интересующей нас тематике являются речи Цицерона: «В защиту Фонтея» (69 г. до н.э.), «В защиту Флакка» (59 г. до н.э.), «Против Пизона» (55 г. до н.э.) и «В защиту Скавра» (54 г. до н.э.).

ношениях — и в этническо-лингвистическом, и в политико-правовом, и в культурном, и в экономическом. Римские власти почти не вмешивались в повседневную жизнь провинциалов, не трогая местных правовых систем и не навязывая покорённым народам своих обычаев и юридических норм. Всё происходило вроде бы само собой: отсутствие в принципе разработанной политики в вопросе управления провинциями влекло за собой практически полное отсутствие (за исключением некоторых положений lex provinciae и edictum provinciale) правового обеспечения взаимодействия наместника с провинциалами, в результате чего это взаимодействие, как правило, осуществлялось в неправовом поле, а проблемы решались не по закону, а «по понятиям». Соответственно, права провинциалов не признавались и грубо нарушались на каждом шагу. Отсюда проистекали разнообразные злоупотребления, произвол и беззакония, в которых были повинны как наместники, приезжавшие в провинцию с целью наживы, так и откупщики-публиканы, на хищническую деятельность которых сенат смотрел сквозь пальцы.

Главная проблема в отношениях Рима с провинциями заключалась в дефиците чувства ответственности — той ответственности, которую налагал на римскую правящую элиту сам факт завоевания Римским государством целого ряда стран Средиземноморского региона. Это чувство ответственности за судьбы покорённых народов начало пробуждаться лишь в I в. до н.э.[105] Так, в 59 г. до н.э. Цицерон советовал брату Квинту, ставшему в 61 г. до н.э. наместником Азии:

> «Люби, защищай по своему крайнему разумению и стремись сделать возможно более счастливыми тех, кого римский сенат и народ поручили и доверили твоей честности и власти. Если бы судьба поручила тебе управлять африканцами или испанцами, или галлами, народами дикими и варварскими, всё же тебе, по твоей человечности, надлежало бы позаботиться об их благополучии и действовать на пользу и во благо им» (*Cic.* Qu. fr. I. 1. 27).

[105] Показательно, что в эпоху Империи наместник провинции именовался praeses — «хранителем», «защитником» вверенной его попечению территории и проживавших на ней общин. См.: *Tacit.* Ann. VI. 41; *Plin.* Ep. X. 44.

Сам Цицерон на деле доказал верность собственным принципам: его управление Киликией было в высшей степени ответственным и справедливым (*Cic.* Att. V. 20. 6). Благодаря такому отношению к своим обязанностям Цицерон-наместник заручился поддержкой союзных общин перед лицом военной угрозы со стороны парфян (*Cic.* Fam. XV. 3. 2).

Спустя несколько десятилетий Вергилий написал в «Энеиде»: «Римлянин! Ты научись народами править державно — / В этом искусство твоё! — налагать условия мира, / Милость покорным являть и смирять войною надменных!» (*Verg.* Aen. VI. 851–853). В этой чеканной формуле просто и ясно сформулированы основные задачи римской имперской политики — те самые задачи, которые ещё совсем недавно римская правящая элита не только не осознавала, но даже не особо задумывалась на эту тему. Между тем давно настала пора задуматься: злоупотребления римских должностных лиц озлобляли население провинций, вызывая жгучую ненависть ко всему, что так или иначе было связано с Римом. В 66 г. до н.э. в одном из своих публичных выступлений Цицерон заявил:

> «Трудно выразить словами, квириты, как чужеземные народы ненавидят нас за распущенность и несправедливость тех людей, которых мы в течение последнего времени к ним посылали облечёнными империем. Как вы думаете, остался ли в тех краях хотя бы один храм, к которому наши должностные лица отнеслись бы с должным уважением, как к святилищу, хотя бы один город, который они признали бы неприкосновенным, хотя бы один дом, достаточно крепко запертый и защищённый? Они уже выискивают богатые и благоденствующие города, чтобы объявить им войну под любым предлогом, лишь бы получить возможность разграбить их» (*Cic.* Leg. Man. 65. Пер. В.О. Горенштейна).

Спустя полтора десятилетия в личной переписке Цицерон охарактеризовал римское провинциальное управление такими словами, как «свирепость» (acerbitas) и «несправедливость» (iniuriae) (*Cic.* Fam. XV. 1. 5). Порой ненависть провинциалов к римлянам приводила к кровавым эксцессам вроде «Эфесской резни» 88 г. до н.э. (*App.* Mithr. 23. Ср.: *Plut.* Sull. 24; *Cic.* Leg. Man. 7; 11; *Val. Max.* IX. 2. 3; *Liv.* Per. 78; *Athen.* V. 213b), когда по приказу царя Митридата

VI Эвпатора в Малой Азии при полной поддержке и горячем участии местного населения были перебиты все «одетые в тогу», т.е. не только римляне и италики, но даже греки и азиаты, получившие права римского гражданства, вместе с членами их семей, рабами и вольноотпущенниками — всего порядка 80 тыс. человек[106].

Серторианская война в Испании, три войны с Митридатом, завоевание Цезарем Галлии, решающая фаза борьбы Антония с Октавианом и другие войны и разного рода локальные конфликты с участием римлян, греков и варваров на этом переломном этапе римской истории выявили крайне непростой характер взаимоотношений «природных» римлян с их соседями — союзниками или провинциалами, друзьями или врагами, бывшими или потенциальными, тайными или явными. Кризис республиканской формы правления и начало формирования монархических структур на рубеже новой эры потребовали не только перестройки самой системы провинциального управления, оказавшейся крайне неэффективной, но и существенных изменений в политике и идеологии имперских властей по отношению к провинциалам и «чужакам» вообще. Сложившаяся к концу Республики ситуация была не просто вопиющей и нетерпимой; она была бесперспективной, угрожая в будущем взорвать Римскую средиземноморскую державу изнутри. Положение дел следовало менять, и чем скорее, тем лучше. Преобразования в этой области начал осуществлять Цезарь, а завершил Август (т.н. «административная революция» Августа). Результатом этих реформ явилось достижение определённого баланса интересов между имперской метрополией и провинциями, что позволило Римской империи сохранять своё политическое единство на протяжении четверти тысячелетия (вплоть до кризиса середины III в.).

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Абрамзон М.Г. 2005: Римское владычество на Востоке: Рим и Киликия (II в. до н.э. - 74 г. н.э.). СПб.: Акра, Гуманитарная Академия. — Abramzon M.G. 2005: Rimskoe vladychestvo na Vostoke: Rim i Kilikiya (II v. do n.e. - 74 g. n.e.). SPb.: Akra, Gumanitarnaya Akademiya.

[106] См.: *Brunt P.A.* 1971, 224-227; *Беликов А.П.* 2001, 24-25; *Гуленков К.Л.* 2002, 111-112.

Беликов А.П. 2001: К вопросу об этнической принадлежности жертв «Эфесской резни» 88 г. до н.э. // Ставропольский альманах общества интеллектуальной истории. Ставрополь, 1. 17-28. — Belikov A.P. 2001: K voprosu ob etnicheskoi prinadlezhnosti zhertv «Efesskoi rezni» 88 g. do n.e. // Stavropol'skii al'manakh obshchestva intellektual'noi istorii. Stavropol', 1. 17-28.

Гарридо М.Х.Г. 1995: Римское частное право: казусы, иски, институты. М.: Статут. — Garrido M.Kh.G. 1995: Rimskoe chastnoe pravo: kazusy, iski, instituty. M.: Statut.

Гиро П. 1995: Частная и общественная жизнь римлян. СПб.: Алетейя. — Giro P. 1995: Chastnaya i obshchestvennaya zhizn' rimlyan. SPb.: Aleteiya.

Гуленков К.Л. 2002: «Эфесская вечерня» // Studia historica. M., II. 107-113. — Gulenkov K.L. 2002: «Efesskaya vechernya» // Studia historica. M., II. 107-113.

Дементьева В.В. 2011: Квесторские provinciae за пределами Италии // Вестник РГГУ. Studia classica et mediaevalia. 11. 11-27. — Dement'eva V.V. 2011: Kvestorskie provinciae za predelami Italii // Vestnik RGGU. Studia classica et mediaevalia. 11. 11-27.

Дементьева В.В. 2012: Легаты-проквесторы в Римской республике конца III-I вв. до н.э. // Античная цивилизация: политические структуры и правовое регулирование. Доклады Международной интернет-конференции, проведённой Научно-образовательным Центром антиковедения ЯрГУ в 2011/12 г. Ярославль, 128-141. — Dement'eva V.V. 2012: Legaty-prokvestory v Rimskoi respublike kontsa III — I vv. do n.e. // Antichnaya tsivilizatsiya: politicheskie struktury i pravovoe regulirovanie. Doklady Mezhdunarodnoi internet-konferentsii, provedennoi Nauchno-obrazovatel'nym Tsentrom antikovedeniya YarGU v 2011/12 g. Yaroslavl', 128-141.

Квашнин В.А. 2004: Государственная и правовая деятельность Марка Порция Катона Старшего. Вологда: Русь. — Kvashnin V.A. 2004: Gosudarstvennaya i pravovaya deyatel'nost' Marka Portsiya Katona Starshego. Vologda: Rus'.

Кнабе Г.С. 1981: Корнелий Тацит. Время. Жизнь. Книги. М.: Наука. — Knabe G.S. 1981: Kornelii Tatsit. Vremya. Zhizn'. Knigi. M.: Nauka.

Кнабе Г.С. 1994: Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М.: Индрик. — Knabe G.S. 1994: Materialy k lektsiyam po obshchei teorii kul'tury i kul'ture antichnogo Rima. M.: Indrik.

Козленко А.В. 2001: Военная история Античности: полководцы, битвы, оружие / Словарь-справочник. Минск: Беларусь. — Kozlenko A.V. 2001: Voennaya istoriya Antichnosti: polkovodtsy, bitvy, oruzhie / Slovar'-spravochnik. Minsk: Belarus'.

Короленков А.В. 2008: Гай Марий и Марк Антоний: от дружбы к вражде // Studia historica. М., VIII. 110-118. — Korolenkov A.V. 2008: Gai Marii i Mark Antonii: ot druzhby k vrazhde // Studia historica. M., VIII. 110-118.

Короленков А.В. 2014: Процесс Рутилия Руфа и его политический контекст // ВДИ. 2014. 3. 59-74. — Korolenkov A.V. 2014: Protsess Rutiliya Rufa i ego politicheskii kontekst // VDI. 2014. 3. 59-74.

Моммзен Т. 1994a: История Рима. СПб.: Наука; Ювента, I. — Mommzen T. 1994a: Istoriya Rima. SPb.: Nauka; Yuventa, I.

Моммзен Т. 1994b: История Рима. СПб.: Наука; Ювента, II. — Mommzen T. 1994a: Istoriya Rima. SPb.: Nauka; Yuventa, II.

Муромцев С.А. 2003: Гражданское право Древнего Рима. М.: Статут. — Muromtsev S.A. 2003: Grazhdanskoe pravo Drevnego Rima. M.: Statut.

Никишин В.О. 2010: О некоторых аспектах феномена mors Romana // Studia historica. М., X. 130-141. — Nikishin V.O. 2010: O nekotorykh aspektakh fenomena mors Romana // Studia historica. M., X. 130-141.

Смыков Е.В. 2010: Новые подходы к исследованию римской восточной политики. Саратов: Издательство СГУ им. Н.Г. Чернышевского. — Smykov E.V. 2010: Novye podkhody k issledovaniyu rimskoi vostochnoi politiki. Saratov: Izdatel'stvo SGU im. N.G. Chernyshevskogo.

Трухина Н.Н. 1986: Политика и политики «золотого века» Римской республики (II в. до н.э.). М.: Издательство Московского университета. — Trukhina N.N. 1986: Politika i politiki «zolotogo veka» Rimskoi respubliki (II v. do n.e.). M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.

Хвостов В.М. 1903: История римского права. М.: Университетская типография. — Khvostov V.M. 1903: Istoriya rimskogo prava. M.: Universitetskaya tipografiya.

Badian E. 1958: Foreign Clientelae (264–70 B.C.). Oxford: The Clarendon Press.

Badian E. 1972: Publicans and Sinners: Private Enterprise in the Service of the Roman Republic. Oxford: Blackwell.

Bowersock G.W. 1965: Augustus and the Greek World. Oxford: The Clarendon Press.

Brunt P.A. 1971: Italian Manpower 225 B.C. - A.D. 14. L.: Oxford University Press.

Burian J. 1984: Latrones. Ein Begriff in römischen literarischen und juristischen Quellen // Eirene. Studia Graeca et Latina. 21. 17-23.

Cornell T. 1993: The end of Roman imperial expansion // War and Society in the Roman World / Leicester-Nottingham Studies in Ancient Society / J. Rich and G. Shipley (eds.). L., 5. 139-170.

De Laet S.J. 1949: Portorium. Étude sur l'organisation douanière chez les Romains, surtout à l'époque du Haut-Empire. Bruges: De Tempel.

Dmitriev S. 2005: City Government in Hellenistic and Roman Asia Minor. N.Y.: Oxford University Press.

Dmitriev S. 2011: The Greek Slogan of Freedom and Early Roman Politics in Greece. N.Y.: Oxford University Press.

Drogula F. 2011: The Lex Porcia and the Development of Legal Restraints on Roman Governors // Chiron. 41. 91-124.

Eckstein A.M. 2006a: Conceptualizing Roman Imperial Expansion under the Republic: An Introduction // A Companion to the Roman Republic / N. Rosenstein and R. Morstein-Marx (eds.). Oxford, 565-589.

Eckstein A.M. 2006b: Mediterranean Anarchy, Interstate War, and the Rise of Rome. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.

Edwell P. 2013: Definitions of Roman Imperialism // A Companion to Roman Imperialism (History of Warfare. 81) / B.D. Hoyos (ed.). Leiden-Boston, 39-52.

Ferrary J.-L. 2014: Philhellénisme et impérialisme. Aspects idéologiques de la conquête romaine du monde hellénistique. Rome: École française de Rome.

Freeman P. 1998: On the Annexation of Provinces to the Roman Empire // Classics Ireland. 5. 38-46.

Gelner E. and Waterbyry J.W. (eds.). 1977: Patrons and Clients in Mediterranean Societies. L.: Duckworth.

Ghio G. 2017 — 2018: Roman Soldiers on the Spot: Integration and Issues. A case study based on the province of Egypt (I–II century AD). Leiden: Leiden University.

Giuffre V. 1981: «Latrones desertoresque» // Labeo. Rassegna di diritto romano. 27. 214-218.

Griffin M.T. 1982: The Lyons Tablet and Tacitean Hindsight // CQ. 32. 404-418.

Gruen E.S. 1966: Political prosecutions in the 90's BC // Historia. 25. 32-64.

Gruen E.S. 1968: Roman Politics and the Criminal Courts, 149-78 BC. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Gruen E.S. 1984: The Hellenistic World and the Coming of Rome. Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press.

Grünewald Th. 2004: Bandits in the Roman Empire: Myth and Reality. L.; N.Y.: Routledge.

Haarhoff T.J. 1948: The Stranger at the Gate. Aspects of Exclusiveness and Cooperation in Ancient Greece and Rome, with Some Reference to Modern Times. Oxford: Basil Blackwell.

Harris W.V. 1979: War and Imperialism in Republican Rome, 327-70 BC. Oxford: The Clarendon Press.

Hassal M. 1987: Romans and non-Romans // The Roman World / J. Wacher (ed.). L.; N.Y., 2. 685-700.

Hassall M., Crawford M., Reynolds J. 1974: Rome and the Eastern Provinces at the end of the second century B.C. // JRS. 64. 195-220.

Hoyos B.D. 2017: Lex Provinciae and Governor's Edict // Antichton. 7. 47-53.

Kroll W. 1933: Die Kultur der ciceronischen Zeit. Leipzig: Dieterich.

Linntott A. 1981: The leges de repetundis and Associate Measures under the Republic // ZSS. 98. 162-212.

Lintott A. 1993: Imperium Romanum. Politics and Administration. N.Y.: Routledge.

Lozano Corbi E.A. 1988: Competencia de los «recuperatores» en la «actio de sepulcro violato» y en otras acciones populares // Estudios en homenaje al profesor Juan Iglesias / J. Roset Esteve (ed.). Madrid, III. 1487–1496.

Magie D. 1950: Roman Rule in Asia Minor: to the End of the Third Century After Christ. Princeton: Princeton University Press. 1.

Malmendier U. 2005: Roman Shares // The Origins of Value: The Financial Innovations that Created Modern Capital Markets / W.N. Goetzmann and K.G. Rouwenhorst (eds.). Oxford, 31–42.

Matthaei L.E. 1907: On the Classification of Roman Allies // CQ. 1. 185-196.

Mattingly H.B. 1969: The Two Republican Laws of the Tabula Bembina // JRS. 59. 129-143.

Mattingly H.B. 1970: The Extortion Law of the Tabula Bembina // JRS. 60. 154-168.

Nicolet C. 1966: L'ordre équestre a l'époque républicaine (312–43 av. J.-C.). Définitions juridiques et structures sociales. P.: E. de Boccard, 1.

Pinzone A. 2000: Rileggendo la de frumento: Cicerone, Verre e il frumentum in cellam // Monumenta Humanitatis. Studi in onore di Gianvito Resta. Messina, 1. 176-206.

Richardson J.S. 1987: The Purpose of the Lex Calpurnia de Repetundis // JRS. 77. 1-12.

Richardson J.S. 1994: The Administration of Empire // CAH. 2nd ed. Vol. IX. The Last Age of the Roman Republic, 146-43 BC / J.A. Crook, A. Lintott, E. Rawson (eds.). Cambridge, 564-598.

Rose P. 1995: Cicero and the Rhetoric of Imperialism: Putting the Politics Back into Political Rhetoric // Rhetorica. 13. 359–399.

Schleußner B. 1978: Die Legaten der römischen Republik. Decem legati und ständige Hilfsgesandte. München: C.H. Beck.

Sherwin-White A.N. 1972: The Date of the Lex Repetundarum and Its Consequences // JRS. 62. 83-99.

Stone M. 2013: The Genesis of Roman Imperialism // A Companion to Roman Imperialism (History of Warfare. 81) / B.D. Hoyos (ed.). Leiden; Boston, 23-38.

Tan J. 2017: Power and Public Finance at Rome, 264–49 BC. Oxford: Oxford University Press.

Vogt J. 1963: Ciceros Glaube an Rom. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.

Walbank F.W. 1972: Nationality as a factor in Roman History // HSCPh. 76. 145-168.

Wilson R.J.A. 1996: Sicily, Sardinia and Corsica // CAH. 2nd ed. Vol. X: The Augustan Empire, 43 BC - AD 69 / A.K. Bowman, E. Champlin, A. Lintott (eds.). Cambridge, 434-448.

Zarecki J.P. 2012: The Cypriot Exemption from Evocatio and the Character of Cicero's Proconsulship // G£R. 59. 46-55.

Vladimir O. NIKISHIN

ROMANS AND PROVINCIALS

THE PROBLEM OF RESPONSIBILITY FOR THOSE WHO ARE CONQUERED

This article is devoted to the theme of interaction between Rome and provinces during the period of the Late Republic. Particularly the author considers issues of government and corruption. The ma-

terial of our historical sources convinces us that the provincial government in the end of the epoch of the Republic was not so much public case as private one, which was realized by the representatives of the Roman ruling class, who in fact were endowed by unlimited powers. Such situation generated, on the one hand, practically absolute powerlessness of provincials and different abusements, arbitrariness and lawlessness, which were made by the Roman officials and publicans, on the other. The main problem in the sphere of relations between Rome and its provinces was rooted in the absence of the sense of responsibility for the fates of conquered peoples. Such a sense emerged inside the Roman ruling class only in the very end of the epoch of the Republic.

Keywords: provinces, governors, publicans, Cicero, Verres, recuperatores, Augustus' "administrative revolution", hospitium publicum, "Roman imperialism", tax farming.

Vladimir O. NIKISHIN — PhD (History), Senior Tutor of the Department of Ancient History of the M.V. Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russian Federation. — cicero74@mail.ru.

Л.Л. Селиванова

«И МАЛЬЧИКИ КРОВАВЫЕ В ГЛАЗАХ... И РАД БЕЖАТЬ, ДА НЕКУДА... УЖАСНО!»

СЦЕНА ДЕТОУБИЙСТВА И ЛЮДОЕДСТВА В РОМАНЕ ЛОЛЛИАНА «ФИНИКИЙСКИЕ ИСТОРИИ»

Статья посвящена особому «языку» и «поведенческому репертуару» латентного варварства в художественной литературе Рима эпохи Империи на примере малоизвестного в отечественном антиковедении романа Лоллиана «Финикийские истории» (II в. н.э.). Анализируя фрагмент B1 со сценой инфантицида и антропофагии, автор ставит вопрос о мотивах включения его в текст Лоллианом и об отношении автора и его аудитории к таким свидетельствам. Автор показывает, что в романе, содержащем весь набор сюжетов и образов для передачи чуж(д)ой культуры «варварского Востока», имеет место инверсия. Автор аргументирует это тем, что творцы таких «бестселлеров», описывая шокирующие сцены, volens-nolens способствовали пропаганде «цивилизованной» нетерпимости и демонстрировали тот тип латентного варварства, которое идеологически разрушало государство изнутри.

Ключевые слова: **а**нтичный роман, Лоллиан, латентное варварство, «поведенческий репертуар», эллинизм, эпоха Империи.

В современную эпоху крушения традиционных ценностей, слома идентичности, общей нестабильности и цивилизационного

Лариса Леональдовна СЕЛИВАНОВА — научный сотрудник Отдела сравнительного изучения древних цивилизации Института всеобщей истории РАН. Российская Федерация, Москва. — larleon@mail.ru

Цивилизация и варварство
2020. Вып. IX. С. 238-252
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2020. Issue IX. P. 238-252
DOI: 10.21267/AQUILO.2020.9.9.005

кризиса в целом актуальной становится тема латентного варварства[1] как формы проявления и развития «нового варварства».

Насущная потребность его анализа неизбежно приводит нас к изучению древнего мира, дающего матрицу и паттерны варварства вообще, а также показывающего механизмы и внешние проявления латентного варварства, в частности[2]. Среди прочих интерес представляют следующие вопросы: как нарративная и художественная традиция отражала «поведенческий репертуар» латентного варварства, и каким был его специальный язык, выраженный в символах, знаках и образах. Статья посвящена особому «языку» и «поведенческому репертуару» латентного варварства в художественной литературе Рима эпохи Империи.

Противопоставление цивилизованного человека и варвара в античности восходит, по крайней мере, к периоду греческой архаики, когда на путях Великой греческой цивилизации эллины оказывались на чужбине среди иных и зачастую враждебных им народов. Дихотомия «свой-чужой» с негативным изображением варваров в художественной литературе подпитывалась и в эпоху классики в связи с греко-персидскими войнами. Но полностью «варварское» клише с полным набором образов, когда понятия «варвар» и «раб» стали для греков синонимами, оформилось к концу IV в. до н.э., времени потери эллинской независимости[3]. Четыре века чёрно-белой картины мира с резкой поляризацией Запада и Востока сменились эпохой смешения западных и восточных начал во всех областях жизни, эллинизмом. Кризисные явления того времени не могли не отразиться на литературе, которая, выйдя за пределы своих полисов, обратилась уже к более широкому кругу читателей, рассеянных по всей ойкумене.

---

[1] Определение «латентного варварства» даёт В.П. Буданова (*Буданова В.П.* 2019, 11): «Латентность варварства — это исторически существующее транзитивное качество варварства, которое обусловлено тем, что индивид, группа, сообщество, реже социум в целом или не осознают варварский характер своих идей или действий (скрытое варварство), или, осознавая, сознательно скрывают их характер в своих интересах (скрываемое варварство)».

[2] *Буданова В.П., Селиванова Л.Л.* 2018, 454; *Селиванова Л.Л.* 2019, 340; *Селиванова Л.Л., Буданова В.П.* 2019, 32.

[3] *Маринович Л.П.* 2006, 24-25.

Однако активное взаимодействие с восточными государствами, заселение греками новых территорий и кризис полиса привели к тому, что люди начали замыкаться в своём собственном мире, в кругу своих потребностей и ежедневных забот. Пришедший на смену сильному эпическому или трагическому герою обычный человек мечтал уйти от проблем усложнившейся жизни в сферу своих личных интересов и переживаний. В литературе это нашло отражение в появлении двух противоположных тенденций: с одной стороны, она ориентируется на образованного читателя и становится элитарной, а с другой, в пику ей формируется так называемая «низовая литература», литература для всех, не предполагающая просвещённой публики. Появляются новые жанры, однако ни один из них не мог раскрыть внутренний мир человека с его чувствами, переживаниями и страданиями с такой полнотой, как жанр большого художественного произведения, называемый в литературоведении античным романом[4].

Особую популярность он приобрёл в Риме в эпоху Империи, которая испытывала тогда такой же кризис, что и до неё Греция. Духовная жизнь пребывала в упадке и пессимизме. «Массовая культура» тяготела ко всему мистическому, мрачному, экзотическому, к чудесам, приключениям и путешествиям. И греческий любовный роман охотно шёл навстречу таким запросам, описывая загадочный мир далёкого Востока. Отсюда и множество произведений с восточными названиями: «Эфиопика» Гелиодора, «Вавилоника» Ямвлиха, «Персика» Ктесия, «Лесбика» Лонга, «Кипрская история» Ксенофонта Кипрского, «Роман о Нине»[5] (возможно, первоначально именующийся как «Ассирийская история») и проч. Из большого числа произведений до нас дошло очень мало. Некоторые в папирусных отрывках I–II вв. были найдены в Египте. К ним относится и роман II в. н. э., практически не знакомый отечественному антиковедению, «Финикийские истории»[6], опублико-

[4] *Попова Т.В.* 1989, 144-185.

[5] Легендарный ассирийский царь, основатель Ниневии, супруг Семирамиды.

[6] Л.В. Павленко переводит название как «Финикийская повесть» (*Павленко Л.В.* 1985, 186), В.Н. Илюшечкин — «Финикийская история» (*Илюшечкин В.Н.* 1985, 85), хотя, строго говоря, это «Финикийские ис-

ванный Альбертом Хенрихсом в 1969–1972 гг.[7] и известный с тех пор как Кёльнский папирус № 3328. Открытие этого памятника античной художественной прозы явилось самым значительным после публикации «Романа о Нине» в 1893 г.[8]. Из 46 фрагментов разной величины, сохранности и заполненности чтению и реконструкции поддаются только два: «А» (т.н. «Ночь любви»)[9] и «В» (сцена человеческого жертвоприношения). Название романа и автор определяются по fr. A 2a verso и fr. B 1 recto: Lollianu Phoineikikona.

Уроженец Эфеса италик Публий Гордеоний Лоллиан был плодовитым писателем, софистом эпохи Адриана или Антонина Пия, авторитетным главой риторской школы в Афинах, жрецом и политиком[10]. Именно его А. Хенрихс считал автором романа[11]. Но сейчас большинство исследователей с этим не согласны, указывая на откровенную бледность языка и стиля, не позволяющую связать автора с блестящим представителем «эллинского возрождения»[12]. А. Хенрикс объяснял это противоречие так: учитель красноречия, имеющий множество учеников, создал авантюрный роман с адаптированной для массового читателя лексикой, чтобы, оставаясь неузнанным, не рисковать своей репутацией. Зачем же в таком случае он использовал своё собственное имя, а не псевдоним? Испанский учёный Мануэль Фернандес Гальяно, найдя стиль романиста «неуклюжим и обескровленным», счёл маловероятным, чтобы, например, «сегодняшний выдающийся профессор университета писал одно-

---

тории» в смысле «рассказы, повести». Однако под названием Phoineikika известны и исторические сочинения. О Финикии писали местные историки I–II вв. н.э. Клавдий Иолай, Эренний Филон, Лэт и Мох.

[7] *Henrichs A.* 1969, 205-215; *Id.* 1970, 22; *Id.* 1970a, 42-43; *Id.* 1972.

[8] *Wilcken U.* 1893, 161-193.

[9] Фрагмент разобран нами в статьях: *Селиванова Л.Л.* 2014, 6-29; *Она же.* 2014a, 260-272; *Она же.* 2016, 7-30; *Она же.* 2016a, 47-63.

[10] *Schissel O.* 1926, 181-201; *Id.* 1927, 1373-1375; *Dreyer O.* 1969, 727; *Henrichs A.* 1972, 11-12; *O'Sullivan J.N.* 1983, 7-11; *Stephens S.A., Winkler J.* 1995, 329-330; *Perea Yébenes S.* 2007, 321.

[11] *Henrichs A.* 1972, 24-27.

[12] *Павленко Л.В.* 1985, 188-189; *Garsía Gual C.* 1972, 317; *Jones C.P.* 1980, 253-254; *Triantaphyllopoulos J.* 1988, 327; *López Martínez M.P.* 1998, 197; *Perea Yébenes S.* 2007, 332.

временно фельетоны для киосков». Роман Лоллиана он назвал примером дешёвой литературы с меньшими притязаниями и достижениями, чем произведения Харитона, Лонга, Ахилла Татия и Гелиодора[13]. Профессор классической филологии из Мюнхенского университета Никлас Хольцберг, так же высказывая сомнения, всё же замечает, что поскольку роман дошёл до нас всего лишь в нескольких фрагментах, авторство Лоллиана нельзя ни исключить, ни подтвердить[14]. Можно предположить, что это был тёзка, либо кто-то воспользовался литературной мистификацией, дабы придать вес своей посредственной поделке. Кстати, в последней монографии Хенрикс уже отходит от своей первоначальной точки зрения[15].

Рукопись датируется второй половиной II в. н.э., но, скорее всего, сам роман, восходит к эллинистическому оригиналу. Филологический анализ выявил совпадение элементов традиционной романной топики с греческими и римскими романами, особенно Ахилла Татия, Апулея и Петрония[16].

Лучше всего сохранилась 10-ая книга романа[17], фрагмент B. Главный герой Андротим, находясь в плену у разбойников, становится свидетелем того, как они сговариваются принести в жертву мальчика. Андротим в ужасе отказывается от предложения уговорить или успокоить ребёнка. Появляется обнажённый человек в пурпурном переднике, он убивает мальчика, рассекает ему грудь, вынимает сердце и, полив его маслом и посыпав мукой, поджаривает на огне. Приготовленное сердце разрезается и разделяется между участниками, которые, поедая его, приносят клятву верности главарю. Дальнейшие ужасы разворачиваются на оборотной стороне папируса. Андротим всячески уклоняется от участия в каннибальском ритуале под предлогом, что его кушанье ещё не

---

[13] *Fernandez-Galiano M.* 1979, 293-294.

[14] *Holzberg N.* 1995, 55.

[15] *Henrichs A.* 2019, 26.

[16] *Sandy G.N.* 1979, 367; *Jones C.P.* 1980, 243; *Winkler J.* 1980, 155 ss.; *Id.* 2008, 174; *Stramaglia A.* 1992, 59 ss.; *Messeri G.* 2010, 20; *Montiglio S.* 2013, ix, 256; *Hidalgo de la Vega M. J.* 2015, 404-410.

[17] *Павленко Л.В.* 1985, 187. Однако, номер книги определить невозможно. Ясно только, что это конец одной и начало другой книги: *Holzberg N.* 1995, 55; *Messeri G.* 2010, 19. Возможно, второй или третьей книги.

готово. Остальные же устраивают буйное пиршество с попойкой, переходящей в дикую, подобную кентавровой[18], оргию с какими-то женщинами, которых затем тоже убивают, после чего, изнурённые, засыпают. В полночь одиннадцать стражей, менее пьяных, чем их товарищи, раздевают мёртвых, тела сбрасывают куда-то вниз через окно или дверцу. Затем, надев чёрные и белые одежды и вымазав лица соответственно сажей и мелом[19], участники образуют процессию. Одетые в чёрное движутся вдоль лунного света, одетые в белое следуют во тьме. Андротим остаётся под стражей. На этом папирус обрывается.

Фрагмент перенасыщен стремительно развивающимися событиями, персонажами, пересекающимися сюжетными линиями, изображениями насилия, грубого секса, разнузданной оргии, убийства ребёнка с последующим расчленением и людоедством. Вся сцена потрясает нагнетанием ужаса, нечеловеческой жестокости и отчаяньем беспомощного пленника, которого принуждают не только быть свидетелем кошмара, но и участвовать в омерзительном ритуале[20].

Одни учёные, и прежде всего издатель, рассматривают сцену как иллюстрацию мистерий Диониса, Аттиса, Адониса и т.п. с ре-

---

[18] Сравнение буйных пирушек и компаний с битвой кентавров и лапифов в античной литературе было вообще нередко. В древнегреческой мифологии лапифы — племя, обитавшее в Северной Фессалии. Приглашённые на свадьбу их царя Пиритоя с Гипподамией кентавры (полумужчины-полукони) перепились вина и впали в буйство. Устраивая драки и непотребства, они бросились похищать девушек и мальчиков, покусившись даже на невесту. Тогда царь вместе с героем Тесеем вооружились, вступили в сражение с «гостями», многих копытных перебили, а остальных обратили в бегство. Сюжет трактовался греками как война между цивилизованными и варварскими народами, между людьми и дикарями («нечеловеками»), между гармонией и хаосом. Кентавромахия была излюбленным сюжетом в греческом изобразительном искусстве, так, она представлена на метопах Парфенона и на западном фронтоне храма Зевса в Олимпии.

[19] Или гипсом, как полагает Хенрикс: *Henrichs A.* 1972, 63-64.

[20] Эрих Фромм считал деструктивность и жестокость видами «злокачественной» агрессии у человека, а садизм и агрессию — её формами. См.: *Фромм Э.* 2016, 24-27.

альными инициацией и шествием мистов[21]; другие видят здесь описание тайных обществ, объединённых кровавыми жертвами и каннибальскими ритуалами[22]. Хенрихс указывает также на жертвоприношение мальчика императором Гелиогабалом по обычаю свой финикийской родины (Hist. Aug. Vita Heliog. 8, lf.), что согласуется с названием романа. Третьи усматривают здесь элементы сатиры и пародии[23], четвёртые — литературный приём[24], пятые — сексуальную инициацию мужчин, шестые — дикие нравы пастухов-буколов или варваров вообще[25], седьмые — кровавые обычаи разбойников[26] и / или маргинальных сообществ, живших на пограничных территориях, подчинив их себе как островки сопротивления власти (так называемые отверженные)[27]. Рассказы об ужасных

---

[21] *Henrichs A.* 1970b, 18-35; *Henrichs A.* 1972, 28-79; *Bierl A.* 2007, 239-334; *Zeitlin F.* 2008, 91-108. Однако ядром сцены является клятва на крови. Обычно при этом в греческой и римской ритуальной практике приносилось в жертву животное, внутренности которого (сердце и печень) вкладывали в руку того, кто должен был произнести клятву. См.: *Буркерт В.* 2004, 433-434.

[22] *Jones C.P.* 1980, 253.

[23] *Sandy G.N.* 1979, 367-376; *Harland Ph. A.* 2007, 60. Сьюзен Винклер относила роман к «криминально-сатирическому»: *Stephens S.* 1996, 669-670.

[24] Так, Н. Хольцберг считает, что «принесённый в жертву» на самом деле — переодетая мальчиком возлюбленная главного героя, убийство которой было сымитировано в соответствии с романной топикой, и указывает на сходство сцены с «Метаморфозами» Апулея (4, 22): *Holzberg N.* 1995, 56.

[25] *Winkler J.* 1980, 155-181; *López Martínez M.P.* 1998–1999, 224; *Perea Yébenes S.* 2007, 321-332; *Harland Ph. A.* 2007, 56-75; *Hidalgo de la Vega M. J.* 2015, 405-406.

[26] *Stramaglia A.* 1992, 59-63; *López Martínez M.P.* 1997, 639; *Casanova A.* 2014, 179.

[27] *Stephens S.A., Winkler J.J.* 1995, 319-321; *Hidalgo de la Vega M. J.* 2015, 418. Филипп Гарланд именует их «низшими существами» или, вслед за Винклером, головорезами (*Harland Ph. A.* 2007, 60). Как едко заметил Джек Винклер, «современные американские ура-патриоты назвали бы их людишками» (“Modern American super-patriots may call themselves Minute Men”), черпая знания о них главным образом из мифов и устной традиции (*Winkler J.* 1980, 181). Между тем, как показал

разбойниках были популярны в литературе периода Империи не меньше любовных историй[28]. Интерес ко всему, будоражащему воображение, страшному и зловещему был всеобщим и на фоне крушения традиционных ценностей находил отражение в создании биографий знаменитых разбойников, причём в официальной литературе, а авторами являлись такие известные писатели, как историк Александра Македонского Арриан, Дион Кассий, греческий историк Геродиан из Сирии. Особенно жестокими и кровожадными, не останавливавшимися даже перед каннибализмом, римляне считали разбойников Египта и Финикии. Именно к таким попадает в плен герой нашего романа. Разбойники являлись действующими лицами почти всех дошедших до нас греческих романов. При этом имел место и образ «благородного разбойника» — положительного героя, в силу превратностей судьбы ставшего предводителем шайки[29]. По мнению Винклера, Андротим тоже был главарём такого разбойничьего «братства»[30].

Для чего автор использовал эту сцену? Что лежит в основе таких представлений? Убийство ребёнка и каннибализм — тот репер, которой отделяет и отвращает цивилизацию от варварства. Он же маркирует сознательный разрыв с обществом и государством. В романе, содержащем весь набор сюжетов и образов для передачи чуж(д)ой культуры, показан «варварский Восток», и автор внёс свою лепту в пропаганду «цивилизованной» нетерпимости[31]. «Зо-

---

Томас Грюневальд в своей монографии о разбойниках Римской империи, они представляли весь спектр общества: рабы и свободные, граждане и иностранцы, солдаты и гражданские лица, крестьяне и беглые преступники, простолюдины и знать, освободившиеся из заключения и политические мстители, самозванцы и авантюристы. Ни один класс или группа не доминировали. См.: *Grünewald Th.* 2004, 33-158, 161.

[28] *Илюшечкин В.Н.* 1985, 95-98; *Shaw B.D.* 1984, 5-32.

[29] *Grünewald Th.* 2004, 162.

[30] *Winkler J.* 1980, 155-181; *Stephens S.A., Winkler J.J.* 1995, 352-353.

[31] М.П. Лопес Мартинес говорит об отражении в романе ксенофобских наклонностей греков: *López Martínez M.P.* 1998–1999, 224. А М. Фернандес Гальяно подчеркивает в нём сильный и грубый экзотический (финикийский) компонент, встречающийся не только в метрополии, но и в Карфагене (ритуальные жертвоприношения детей с последующим извлечением сердца, поклонение божеству, равносильному

лотой век» Антонинов уже содержал в себе признаки разложения, поощряя в обществе тягу к магии, мистике, эротике, всякого рода извращениям, всему мрачному и страшному. Ходячие обвинения в инфантициде и антропофагии всегда были неубиваемым козырем в идеологической борьбе, будь то варвары, иудеи, христиане[32], еретики, сектанты, политические противники и др.[33]. Так, в России в XVIII в. под раздачу попали христоверы (хлысты)[34], много позже выяснилось, что то был самооговор или фантазии следователей. Общеизвестно нашумевшее в 1913 г. дело Бейлиса, где тоже фигурировал убитый ребёнок с признаками будто бы ритуального жертвоприношения. Романисты, подобные Лоллиану, опасно играя на низменных чувствах человека в погоне за популярностью, обедняли язык и стиль, огрубляли и варваризовывали вкусы, повышали болевой порог и притупляли эмпатию массового читателя, нивелируя его личность. Развлекая и отвлекая его от насущных проблем[35], они проецировали на страницы своих произведений мрачные глубины человеческой психики.

Дионису, более или менее сакральная проституция и проч.): *Fernandez-Galiano M.* 1979, 293.

[32] *McGowan A.* 1994, 413-442.

[33] Примечательно, что иногда и академические учёные подпадали под влияние подобной риторики. Так, А. Хенрикс выразил убеждение, что «даже клеветнические рассказы о ритуальных действиях могут могут быть использованы в качестве достоверного доказательства реальных религиозных практик в древности, если их правильно интерпретировать, и что единая картина в различных слухах о ритуальных убийствах указывает на конкретные обряды, которые совершались этническими или племенными меньшинствами». См.: *Henrichs A.* 1970b, 33.

[34] О секте скопцов см.: *Селиванова Л.Л.* 2012, 126-142, 154, 160; *Она же.* 2012a, 114-142.

[35] «Человеческие страсти превращают человека из маленького, незаметного существа в героя, в существо, которое вопреки всем преградам пытается придать смысл собственной жизни. Он хочет быть творцом самого себя, хочет превратить своё неполноценное бытие в полноценное, осмысленное и целеустремленное, позволяющее ему в максимальной мере достигнуть целостности своей личности... Страсти — это его религия, его культ и его ритуал...» (*Фромм Э.* 2016, 31).

Подробное описание шокирующих жестокости, грубого промискуитета, инфантицида и каннибализма было направлено на то, чтобы противопоставить «себя» «им», представив «их» (варваров) опасными, асоциальными дикарями, находящимися вне закона и подлежащими уничтожению, и тем самым прикрыть инверсию «правильного», «цивилизованного», «правового» художественными средствами. Творцы подобных «бестселлеров», сознательно или нет, готовили ловушки[36], являясь, по сути, проводниками и катализаторами того типа латентного варварства, которое станет одним из главных факторов разрушения государства изнутри. Вглядываясь в образы романных варваров, читатель не замечал в них своего собственного отражения. А, как говорил Фр. Ницше, «если ты долго смотришь в бездну, бездна тоже начинает всматриваться в тебя».

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Буданов А.В. 2019: Современное латентное варварство: происхождение, сущность и неопределённость // Цивилизация и варварство: антропология латентного варварства / В.П. Буданова (ред.). М.: Аквилон, VIII. 183-214. — Budanov A.V. 2019: Sovremennoe latentnoe varvarstvo: proiskhozhdenie, sushchnost' i neopredelennost' // Tsivilizatsiya i varvarstvo: antropologiya latentnogo varvarstva / V.P. Budanova (red.). M.: Akvilon, VIII. 183-214.

Буданова В.П. 2019: Латентное варварство. Фантом или реальность? (Вместо предисловия) // Цивилизация и варварство: антропология латентного варварства / В.П. Буданова (ред.). М.: Аквилон, VIII. 9-28. — Budanova V.P. 2019: Latentnoe varvarstvo. Fantom ili real'nost'? (Vmesto predisloviya) // Tsivilizatsiya i varvarstvo: antropologiya latentnogo varvarstva / V.P. Budanova (red.). M.: Akvilon, VIII. 9-28.

Буданова В.П., Селиванова Л.Л. 2018: Цивилизация и варварство: антропология латентного варварства (круглый стол) // Преподаватель XXI в. 4. 2. 454-464. — Budanova V.P., Selivanova L.L. 2018: Tsivilizatsiya i varvarstvo: antropologiya latentnogo varvarstva (kruglyi stol) // Prepodavatel' XXI v. 4. 2. 454-464.

[36] Очевидно, что мнение: «в наши дни информация не только вытесняет смысл, но служит ещё и для сокрытия или искажения остатков смысла» (*Буданов А.В.* 2019, 193) — справедливо и для некоторых периодов древней эпохи.

Буркерт В. 2004: Греческая религия: Архаика и классика / Пер. с нем. СПб. — Burkert V. 2004: Grecheskaya religiya: Arkhaika i klassika / Per. s nem. SPb.

Илюшечкин В.Н. 1985: Отражение социальной психологии низов в античных романах // Культура древнего Рима / Е.С. Голубцова (отв. ред.). М., II. 79-107. — Ilyushechkin V.N. 1985: Otrazhenie sotsial'noi psikhologii nizov v antichnykh romanakh // Kul'tura drevnego Rima / E.S. Golubtsova (otv. red.). M., II. 79-107.

Маринович Л.П. 2006: Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами // Античная цивилизация и варвары / Л.П. Маринович (ред.). М., 5-29. — Marinovich L.P. 2006: Vozniknovenie i evolyutsiya doktriny prevoskhodstva grekov nad varvarami // Antichnaya tsivilizatsiya i varvary / L.P. Marinovich (red.). M., 5-29.

Павленко Л. В. 1985: Древнегреческий роман: новонайденные папирусные фрагменты // ВДИ. 2. 184-196. — Pavlenko L. V. 1985: Drevnegrecheskii roman: novonaidennye papirusnye fragmenty // VDI. 2. 184-196.

Попова Т.В. 1989: Буколика и некоторые жанры второй софистики в композиции греческих романов: традиционное в новом и новое в традиционном // Взаимосвязь и взаимовлияние жанров в античной литературе / С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров (отв. ред). М., 144-185. — Popova T.V. 1989: Bukolika i nekotorye zhanry vtoroi sofistiki v kompozitsii grecheskikh romanov: traditsionnoe v novom i novoe v traditsionnom // Vzaimosvyaz' i vzaimovliyanie zhanrov v antichnoi literature / S.S. Averintsev, M.L. Gasparov (otv. red). M., 144-185.

Селиванова Л.Л. 2012: «Белые голуби» и «Матереохваченные» галлы // Адам и Ева. М., 20. 116-165. — Selivanova L.L. 2012: «Belye golubi» i «Matereokhvachennye» gally // Adam i Eva. M., 20. 116-165.

Селиванова Л.Л. 2012a: Ритуальное оскопление: религиозный и медицинский аспекты // Медицина в художніх образах. Статі / Заблоцька К.В. (голов. ред.) Донецьк: Донецький мед ун-т., 10. 114-142. — Selivanova L.L. 2012a: Ritual'noe oskoplenie: religioznyi i meditsinskii aspekty // Meditsina v khudozhnikh obrazakh. Stati / Zablots'ka K.V. (golov. red.) Donets'k: Donets'kii med un-t., 10. 114-142.

Селиванова Л.Л. 2014: Ожерелье Персиды: первый подарок супруга? // Адам и Ева. М., 22. 6-29. — Selivanova L.L. 2014: Ozherel'e Persidy: pervyi podarok supruga? // Adam i Eva. M., 22. 6-29.

Селиванова Л.Л. 2014a: Дары финикийские и греческие // Цивилизация и варварство: механизмы, инструменты и субъекты взаимодействия /

В.П. Буданова, О.В. Воробьева (отв. ред.). М.: Аквилон, III. 260-272. — Selivanova L.L. 2014a: Dary finikiiskie i grecheskie // Tsivilizatsiya i varvarstvo: mekhanizmy, instrumenty i sub"ekty vzaimodeistviya / V.P. Budanova, O.V. Vorob'eva (otv. red.). M.: Akvilon, III. 260-272.

Селиванова Л.Л. 2016: Цена невинности: дефлорация юноши и её оплата в романе Лоллиана «Финикийские истории» // Адам и Ева. М., 24. 7-30. — Selivanova L.L. 2016: Tsena nevinnosti: defloratsiya yunoshi i ee oplata v romane Lolliana «Finikiiskie istorii» // Adam i Eva. M., 24. 7-30.

Селиванова Л.Л. 2016a: Варварская любовь: конструирование деструкции // Цивилизация и варварство: вызовы деструкции в лабиринте миграции варварства / В.П. Буданова, О.В. Воробьева (ред.). М.: Аквилон, V. 47-63. — Selivanova L.L. 2016a: Varvarskaya lyubov': konstruirovanie destruktsii // Tsivilizatsiya i varvarstvo: vyzovy destruktsii v labirinte migratsii varvarstva / V.P. Budanova, O.V. Vorob'eva (red.). M.: Akvilon, V. 47-63.

Селиванова Л.Л. 2019*:* Блеск и нищета Киренеи: латентное варварство в «цивилизованных» одеждах // Цивилизация и варварство: антропология латентного варварства / В.П. Буданова (ред.). М.: Аквилон, VIII. 340-360. — Selivanova L.L. 2019: Blesk i nishcheta Kirenei: latentnoe varvarstvo v «tsivilizovannykh» odezhdakh // Tsivilizatsiya i varvarstvo: antropologiya latentnogo varvarstva / V.P. Budanova (red.). M.: Akvilon, VIII. 340-360.

Селиванова Л.Л., Буданова В.П. 2019: Антропология латентного варварства: становление, интерпретация и перспективы исторического исследования // ЭНОЖ. 10. 8(82). 32. — Selivanova L.L., Budanova V.P. 2019: Antropologiya latentnogo varvarstva: stanovlenie, interpretatsiya i perspektivy istoricheskogo issledovaniya // ENOZh. 10. 8(82). 32.

Фромм Э. 2016: Анатомия человеческой деструктивности / Пер. с нем. Э.М. Телятниковой. М.: Изд-во АСТ. — Fromm E. 2016: Anatomiya chelovecheskoi destruktivnosti / Per. s nem. E.M. Telyatnikovoi. M.: Izd-vo AST.

Bierl A. 2007: Mysterien der Liebe und die Initiation Jugendlicher: Literatur und Religion im griechischen Roman // A. Bierl, R. Lämmle, and K. Wesselmann (eds.). Literatur und Religion, ii: Wege zu einer mythisch-rituellen Poetik bei den Griechen. Berlin and New York, 239-334.

Casanova A. 2014: Tombs and Stables, Roofs and Brothels, Dens and Raids in Lollianos' Fragments // The Ancient Novel and the Frontiers of Genre /

M.P. Futre Pinheiro, G. Schmeling, E.P. Cueva (eds.). Eelde, Groningen, 171-185.

Dreyer O. 1969: Lollianus // KP. III. 727.

Fernandez-Galiano M. 1979. Diez años de papirología literaria // Estudios clásicos. 23. № 84. 237-304.

Garsía Gual C. 1972: Los orígenes de la novela griega. Madrid.

Grünewald Th. 2004: Bandits in the Roman Empire: Myth and Reality. London-New York.

Harland Ph. A. 2007: «These people are… Men Eaters»: Banquets of the Anti-Associations and Perceptions of Minority Cultural Groups // A. Crook and Philip A. Harland, eds. Identity and Interaction in the Ancient Mediterranean: Jews, Christians and Others. Essays in Honour of Stephen G. Wilson. Toronto, 56-75.

Henrichs A. 1969: Lollianos, Phoinikika: Fragmente eines neuen griechischen Romans // ZPE. 4. 205-215.

Henrichs A. 1970: Nachtrag zu Lollianos, Phoinikika // ZPE. 5. 22.

Henrichs A. 1970a: Lollianos und P.Oxy. 1368 // ZPE. 6. 42-43.

Henrichs A. 1970b: Pagan Ritual and the Alleged Crimes of the Early Christians: A Reconsideration // Kyriakon. Festschrift J. Quasten. Münster, I. 18-35.

Henrichs A. 1972: Die Phoinikika des Lollianos. Fragmente eines neuen griechischen Romans herausgegeben und erläutert (Papyrologische Texte und Abhandlungen 14). Bonn.

Henrichs A. 2019: Greek Myth and Religion. Berlin, Boston: Walter de Gruyter GmbH & Co KG.

Hidalgo de la Vega M. J. 2015: Espacios de marginalidad, resistencia y dependencia en la novela grecorromana. Recorridos imaginarios // Actats del XXXV coloquio del GIREA. Homenaje a Domingo Placido. Actes du Groupe de Recherches sur l'Esclavage depuis l'Antiquité. Année 2015. 35. 401-422.

Holzberg N. 1995: The Ancient Novel: An Introduction. L., N.Y.

Jones C.P. 1980: Apuleius' «Metamorphoses» and Lollianus' «Phoinikika» // Phoenix. 34. 3. 243-254.

López Martínez M.P. 1997: The Greek Novel: A Case of Opera Aperta. Suggestions for a Catalogue of Novel Fragments // Akten des 21. lnternationalen Papyrologenkongresses, Berlin, 1995 Archiv für Papyrusforschung. 3. 636-642.

López Martínez M.P. 1998: Fragmentos papiráceos de novela griega. Alicante.

López Martínez M.P. 1998–1999: Greeks, barbarians and strangers in papyrological fragments of lost novels // LVCENTVM. XVII-XVIII, 221-227.

McGowan A. 1994: Eating People: Accusations of Cannibalism against Christians in the Second Century // Journal of Early Christian Studies. 2. 413-442.

Messeri G. 2010: I papiri di narrativa dal 1893 ad oggi // I papiri del romanzo antico. Atti del convegno internazionale di studi Firenze, 11-12 giugno 2009 / A cura di G.Bastianni e A. Casanova. Firenze, 3-41.

Montiglio S .2013: Love and Providence: Recognition in the Ancient Novel. Oxford; New York.

O'Sullivan J.N. 1983: Some Thoughts on Lollianus Fr. B 1 // ZPE. 50. 7-11.

Perea Yébenes S. 2007: Violencia, sexo y antropofagia ritual en los bajos fondos, según los fragmentos papiráceos de una novela *gore* del siglo II d. C., las *Phoinikika* de Loliano, y otros paralelos // Formas y usos de la violencia en el mundo Romano. Ed. G. Bravo, R.G. Salinero. (Signifier. Monografías y Estudios de Antigüedad Griega y Romana. 26). Madrid, 321-332.

Sandy G.N. 1979: Notes on Lollianos' Phoenicica // AJPh. 100. 3. 367-376.

Schissel von Fleschenberg O. 1926: Lollianos aus Ephesos // Philologus. 82. N.S. 36. 181-201.

Schissel O. 1927: Lollianus // RE. XIII. 26. 1367-1375.

Shaw B.D. 1984: Bandits in the Roman Empire // Past and Present. 105. 5-32.

Stephens S. 1996: Fragments of Lost Novels // The Novel in the Ancient World / Ed. by Gareth L. Schmeling. Mnemosyne. Suppl. 159. Leiden – New York – Köln, 655-684.

Stephens S.A., Winkler J.J. 1995: Ancient Greek Novels. The Fragments: introduction, text, translation, and commentary. Princeton.

Stramaglia A. 1992: Covi di banditi e cadaveri «scomodi» in Lolliano, Apuleio e [Luciano] // ZPE. 94. 59-63.

Triantaphyllopoulos J. 1988: Virginité et défloration masculines // Proceedings of the XVIII International Congress of Papyrology, Athens 25–31 May, 1986. Athens, 327-333.

Wilcken U. 1893: Ein neuer griechischer Roman // Hermes. 28. 161-193.

Winkler J. 1980: Lollianos and the Desperadoes // JHS. 100. 155-181.

Winkler J. 2008: Achilles Tatius. Leukippe and Clitophon. Translated by J.Winkler // Collected Ancient Greek Novel / Ed. by B. P. Reardon with a New Foreword of B.J. Morgan, 170–284. Berkeley, Los Angelos, London.

Zeitlin F. 2008: Religion // Whitmarsch T. (ed). The Cambridge Companion to the Greek and Roman Novel. Cambridge, 91-108.

Larisa L. SELIVANOVA

«AND LITTLE BLOODSTAINED BOYS BEFORE MY EYES… AND GLADLY WOULD I FLEE, BUT HAVE NO REFUGE… O, WOE IS ME!»

INFANTICIDE AND CANNIBALISM IN LOLLIANUS'S PHOENICIAN TALES

The article examines the specific «language» and the «behavioral paradigm» of the «latent barbarism» in Roman literature during the imperial period, with the focus on Lollianus's Phoenician Tales (2nd cent. C.E.), which has not yet received any significant attention in Russian scholarship. While analyzing the episode of infanticide and cannibalism in the fragment B.1, the author raises the questions about Lollianus's rationale for including it in the text, and about the attitude of Lollianus and his audience to such evidence. The author explains the inclusion of this episode as a case of inversion, which fits the novel that depicts an alien culture by conveying a whole range of images and stereotypes of the «eastern barbarism». The author argues that, like other authors of such popular «bestsellers», Lollianus offered these outrageous scenes both reinforcing «civilized intolerance» and displaying the type of «latent barbarism» that objectively corrupted Roman ideology.

Keywords: ancient novel, Lollianus, «latent barbarism», «behavioral paradigm», Hellenism, the Imperial period.

Larisa L. SELIVANOVA — Research Assistant in the Center of Comparative Studies of Ancient Civilizations of the Institute of World History of the Russian Academy of Science. Moscow, Russian Federation. — larleon@mail.ru

И.Е. Ермолова

«ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ ПО-РИМСКИ»

НА ПРИМЕРЕ «ДЕЯНИЙ» АММИАНА МАРЦЕЛЛИНА

Общим местом в античных сочинениях были обвинения варваров в коварстве, вероломстве, непостоянстве, лицемерии и пр. Следовал этой традиции и Аммиан Марцеллин. Он считал такой стиль поведения отличительной чертой варваров. Враждебный взгляд на варваров обусловлен еще и тем, что во времена Аммиана многочисленные племена непрерывно угрожали и нападали на Римскую империю. Когда же римляне, по сути, используют те же методы в отношении соседей, это не только не возмущает автора «Деяний», а, напротив, вызывает его одобрение: неважно, каким способом уничтожены враги, главное — была принесена польза империи. Интересны терминологические различия, которые обнаруживаются в тексте «Деяний»: «дикость» внешних народов и римских воинов описывается разными словами.

Ключевые слова: Аммиан Марцеллин, римляне, варвары, договор, вероломство, коварство, непостоянство.

Общим местом в античных сочинениях были обвинения окрестных народов в коварстве, вероломстве, непостоянстве, лицемерии и пр. Такого рода традиция складывалась в течение многих веков. Основы ее заложили греки, осознавшие свою исключи-

---

Ирина Евгеньевна ЕРМОЛОВА — кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета. Российская Фелерация, Москва. — merira@mail.ru

Цивилизация и варварство
2020. Вып. IX. С. 253-265
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2020. Issue IX. P. 253-265
DOI: 10.21267/AQUILO.2020.9.9.006

тельность по отношению ко всем прочим народам[1]. Чувство превосходства над всеми остальными было свойственно и римлянам[2]. Изначально люди и человеческие коллективы с подозрением относятся к соседям и часто дают им отрицательные характеристики, поэтому негативные эмоции закономерно проявляются в их описаниях[3]. Уже к концу IV в. до н. э. «понятие «варвар» превратилось в собирательный образ варвара и стало штампом массового сознания»[4].

Следовал этой традиции и Аммиан Марцеллин. В его труде многократно повторяются такого рода пассажи по отношению к различным народам[5], особенно много их в экскурсах, являвшихся непременной и важной частью исторического сочинения[6] со времен Геродота[7]. Враждебный взгляд на варваров обусловлен еще и тем, что во времена Аммиана дикие силы непрерывно угрожали и атаковали римский мир[8], и главная тема «Res gestae» — защита империи от них[9]. Римский историк возмущается тем, что нападающие племена — свирепые грабители, они жестоки, коварны, ненадежны в слове, нарушают заключенные договоры[10]. Он считает такой стиль поведения отличительной чертой варваров. Следует учитывать то обстоятельство, что Аммиан Марцеллин дает негативную характеристику врагам Рима, в борьбу с которыми он был вовлечен персонально[11], будучи профессиональным военным.

---

[1] *Маринович Л.П.* 2006, 5.

[2] *Dill S.* 1910, 289; *Labuske H.* 1983, 99.

[3] *Goffart W.* 1981, 277; *Vogt J.* 1967, 67; *Dauge Jv. A.* 1981, 342, 668.

[4] *Маринович Л.П.* 2006, 25.

[5] *Amm. Marc.* XIV. 2. 1; 4. 1; 8. 4; XVI. 10. 20; 12. 6; 61; XVII. 1. 3; 6. 1; 8. 1; 12. 7; 13. 3; 7; 23; XVIII. 2. 18; XIX. 13. 1; XXVII. 2. 2; 4. 10; 10. 5; XXXI. 2. 11; 12; 10. 2; 12. 13.

[6] *Vergin W.* 2013, 17.

[7] *Thompson E. A.* 1947, 117; *Camus P.-M.* 1967, 92; *Naudé C.P.T.* 1956, 134–135.

[8] Ibid. XXVI. 4. 5.

[9] *Jones W.R.* 1971, 383.

[10] См., напр.: *Amm. Marc.* XX. 1. 1; XXIII. 6. 44; XXXI. 2. 1; 7. 2 – 3; 7 – 8; 15. 3.

[11] *Wiedemann T.E.J.* 1986, 195.

На практике римские воины, нравы которых Аммиан, вероятно, хорошо знал, в значительном количестве случаев оказываются не менее дикими, чем их враги. Историк многократно сообщает, что:

> «...рассвирепевшие солдаты предавали поля огню, угоняли скот, а людей, оказывавших сопротивление, убивали безо всякой пощады»[12] [Здесь и далее цит. в пер. Ю.А. Кулаковсеого и А.И. Сонии].

Во время военных действий часто случалось так, что:

> «...к бранному задору присоединилось желание поживиться от победы, и солдаты принялись за тех, кто бежал с поля битвы или скрывался в хижинах»[13].

Желание пограбить сплошь и рядом бывало столь велико, что распространялось не только непосредственно на врагов, но и на мирное население:

> «...как только было смято вражеское войско, тотчас погнали целым стадом родственников убитых, вытаскивая их из жалких хижин, людей разного возраста обоих полов»[14]. Не знают пощады даже дети: «их (маратокупренов. — *И. Е.*) настиг отряд имперских войск, напал на них и перебил всех до единого. Равным образом было перебито их подрастающее поколение, чтобы, возмужав, не сделалось похожим на родителей»[15].

Но информация о том, что римляне действуют, «опустошая все огнем и мечом»[16], или что «жадные до варварской крови солдаты»[17] «перебили всех мужчин и женщин, без различия возраста, как скотину»[18], или что они «грабили богатые скотом и хлебом

---

[12] *Amm. Marc.* XVII. 10. 6: et ira quisque percitus armatorum urebat agros, pecora diripiebat et homines, resistentesque sine ulla parsimonia contruncabat.

[13] Ibid. XVII. 13. 13.

[14] Ibid. XVII. 13. 12.

[15] Ibid. XXVIII. 2. 14.

[16] Ibid. XVIII. 2. 15: urens omnia rapinisque...

[17] Ibid. XVII. 13. 13: avidus barbarici sanguinis miles…

[18] Ibid. XVI. 11. 9: promiscue virile et muliebre secus sine aetatis ullo discrimine trucidabant ut pecudes.

селения и никому не давали пощады»[19], а при вступлении в персидский город, его сожгли и «перебили несколько оказавшихся там женщин»[20], не оказывавших никакого сопротивления, подается очень буднично, без всяких эмоций и возмущения. Периодически подводятся своеобразные итоги подобных событий:

> «...итак, по прошествии самого незначительного промежутка времени представились взору груды убитых и толпы пленных»[21].

Перечень такого рода эпизодов может быть значительно расширен[22].

Иногда историк, правда, очень редко, вводит в текст оценочные суждения, как в описании действий подчиненных магистра Галлии Иовина:

> «...аскарии, которых он отправил по другой дороге с приказанием разграбить палатки аламаннов, захватили царя вражеских отрядов с незначительной свитой и повесили его. <...> это жестокое дело совершено было в порыве воинского задора»[23].

Но отношение к данному событию значительно смягчается оправданием его причин: возбуждение от боя было столь велико, что солдаты не смогли остановится и совершили то, что не было приказано вышестоящим начальником. По сведениям Аммиана Марцеллина, командиры знают о склонности своих воинов к бесчинствам и пытаются им противостоять, но безуспешно, как это делал Феодосий, отец будущего императора, который «постоянно внушал им воздерживаться от грабежей и поджогов, но не мог этого добиться»[24].

---

[19] Ibid. XVII. 1. 7: opulentas pecore villas et frugibus rapiebat nulli parcendo.

[20] Ibid. XXIV. 2. 3: qua incensa caesisque mulieribus paucis, quae repertae sunt.

[21] Ibid. XVII. 13. 12.

[22] См., например: ibid. XXIV. 2. 4; 4. 25; XXVII. 10. 7; XXVIII. 2. 14; XXIX. 5. 50; XXX. 5. 14.

[23] Ibid. XXVII. 2. 9: militari impetu commissum facinus atrox<...> constitisset.

[24] Ibid. XXIX. 4. 5.

Интересны терминологические различия, которые обнаруживаются в тексте «Деяний»: если речь идет о «дикости» тех или иных племен, нападающих на римские владения, то используется слова ferus, ferocia, feritas[25], а когда — о том же качестве, но тех, кто им противодействует, то автор выражается по-другому. Описывая усилия Юлиана по сохранению мира с уже замиренными варварами на границах Галлии, историк пишет, что цезарь опасался, что:

> «...солдаты по своей дикости (per incivilitatem) станут грабить все на своем пути, и это создаст возможность неожиданного нарушения договоров»[26].

По-видимому, используя первую группу однокоренных терминов, Аммиан Марцеллин в русле многовековой античной традиции подчеркивает изначальное, «природное», по мнению греков и римлян, качество племен, не знакомых еще с государственными порядками, их «прирожденную воинственность»[27] и «дикость нравов»[28]. В отличие от этих выражений, слово incivilitas и антоним к нему — civilitas[29] в сохранившейся части текста «Res gestae» встречаются только по одному разу. Тем самым, характеризуя с помощью данного термина, по сути, те же ужасные действия, которые писатель вменяет варварам, он резко разграничивает римлян с ними. Возможно, имплицитно Аммиан хотел показать, что такое поведение не должно быть свойственно римским воинам, но скорее, данный оборот употреблен автором не совсем осознанно, так как он не высказывает осуждения по отношению к тем, кто оказывается не слишком цивилизован, а просто констатирует данное положение. Тем не менее, терминологические различия четко отражают отношение автора к «своим» и «чужим».

Коварство, вопреки утверждениям римлян, отнюдь не является отличительной чертой варваров, поскольку первые совсем не

---

[25] См., например: ibid. XIV. 10. 14; XV. 4. 9; XVI. 11. 8; 12. 2; 16; XVII. 12. 12; XX. 1. 1; XXIII. 6. 44; XXVII. 8. 9; XXXI. 2. 1; 7. 9; 9. 1; 12. 8; 15. 3.

[26] Ibid. XVIII. 2. 7.

[27] Ibid. XVI. 12. 16: ferociam natura conceptam.

[28] Ibid. XXVII. 12. 12: feritate.

[29] Ibid. XXVIII. 4. 17.

пренебрегали различными хитростями и далеко не благородными приемами в отношениях не только с соседними народами, но даже и между собой. Самым безобидным методом была разведка на территории противника, когда под видом посла, якобы с дипломатической миссией, направлялся опытный человек, знавший местные языки, чтобы «разузнать, что затевают варвары»[30]. Римляне были убеждены, что нельзя справиться с племенами,

> «...и притом совершенно дикими (et ferocientem inmaniter), иначе, как неожиданными нападениями при помощи разных хитрых уловок»[31]. Во время военных действий во Фракии «план был таков: если готы будут переходить на другое место, как это случалось весьма часто, напасть на них с тыла, в уверенности, что им удастся перебить множество народа и отнять большую часть добычи»[32].

Обвинения варваров в непостоянстве и несоблюдении заключенных договоров с успехом можно отнести и к самим римлянам, неоднократно нарушавшим договоренности. И случай с аламаннами, которые

> «...молили, чтобы римляне, которые всегдашней верностью слову вознесли свою судьбу до небес, не отклонялись, пренебрегая собственной безопасностью, на ложный путь и не принимались за недостойное дело, поправ условия договора»[33], —

далеко не единственный. Римляне не брезговали и клятвопреступлениями, как сообщает живший немного позже Аммиана Марцеллина Приск Панийский:

> «...асимунтийцы также поклялись, что убежавшие к ним римляне были ими освобождены. Они в этом поклялись, хотя у них и были некоторые римляне; но они не считали преступлением божиться ложно для спасения людей своего племени»[34] [Здесь и далее цит. в пер. Г.С. Дестуниса].

---

[30] Ibid. XVIII. 2. 2.
[31] Ibid. XXVII. 8. 9.
[32] Ibid. XXXI. 7. 6.
[33] Ibid. XXVIII. 2. 7.
[34] *Prisc. Pan.* Fr. 9. 3.

Прибегать к обману в отношениях с различными племенами считалось нормой. Прием, который применил Юлиан во время переговоров с франками, был обычным у римлян. Он,

> «...поставив со своей стороны запутанные условия, отпустил послов с подарками, делая вид, что останется на месте до их возвращения. Когда же они отбыли, он последовал за ними с быстротой молнии <...> и внезапно напал на все их племя. <...> Точно таким же образом напал он на хамавов»[35].

Аммиан Марцеллин отчетливо осознает коварство римлян в подобных ситуациях, но в тексте «Деяний» нет и следов его возмущения. Зато иногда такого рода действия вызывают его одобрение. Явное удовлетворение выражает историк, описывая поступок императора Валентиниана, который, заключив перемирие с саксами и разрешив им вернуться туда, откуда они пришли, на их обратном пути устроил засаду и перебил не ожидавших этого варваров. Аммиан так завершает данный эпизод:

> «Какой-нибудь строгий судья осудит это дело, как вероломное и нечестное; но, взвесив все обстоятельства, не станет негодовать, что вредоносная шайка разбойников при удобном случае была уничтожена»[36].

Еще большее одобрение высказывает историк по поводу жестоких действий магистра армии Юлия после битвы при Адрианополе:

> «Получив известие о несчастьях, произошедших во Фракии, он отдал относительно всех готов, которые были приняты до этого на службу и распределены по разным городам и укреплениям, тайный приказ ко всем их командирам, – все были римляне, что в наше время случается редко, – в котором повелевал всех их, как по одному сигналу, в один и тот же день, вызвать в предместье как бы для выдачи обещанного жалованья и перебить. Это разумное распоряжение было исполнено без шума и промедления, и благодаря этому восточные провинции были спасены от великих бедствий»[37].

---

[35] *Amm. Marc.* XVII. 8. 3 – 5; см. также: ibid. XXX. 7. 8.
[36] Ibid. XXVIII. 5. 7.
[37] Ibid. XXXI. 16. 8; см.: *Woods D.* 1998, 334.

В ходу у римлян были и политические убийства вождей племен и царей государств, находившихся в сфере их влияния. Иногда это делалось чужими руками, когда путем подкупа на путь предательства толкали кого-то из приближенных будущей жертвы, как было с Витикабием, вождем аламаннов, сыном Вадомария, которого убил по наущению римлян его слуга[38]. Но чаще римляне не стеснялись нарушать законы гостеприимства и убивать (или, в лучшем случае, пленять) тех, кого приглашали на пир. Как правило, такие события не вызывают у Аммиана Марцеллина отрицательных эмоций[39], но в двух случаях он выражает праведный гнев в связи со свершившемся святотатством, когда погибли доверившиеся римлянам вождь квадов Габиний[40] и царь Армении Пара[41]. Трудно понять, чем обусловлен выбор историка. Возможно, у него были какие-то личные предпочтения или он испытывал неприязнь к конкретным исполнителям этих злодеяний. Но какие бы субъективные факторы ни побудили Аммиана Марцеллина сожалеть о коварном убийстве этих двух человек, следует помнить, что столь же вероломное уничтожение чуть ли не целых племен и народов вызывало у него совершенно противоположные чувства.

Излюбленным методом римлян в борьбе с варварами было натравливание одного народа на другой[42], его тоже затруднительно

---

[38] Ibid. XXVII. 10. 4; XXX. 7. 7.

[39] Ibid. XVIII. 2. 13; XXI. 4. 5.

[40] Ibid. XXIX. 6. 5: hospitalis officii sanctitate nefarie violata, trucidari securum fecit.

[41] Ibid. XXX. 1. 22: «Этим нечестивым деянием обманута была доверчивость: кровь чужеземца, брызнувшая под оком Бога гостеприимства на роскошные скатерти среди угощения, которое пользуется уважением даже в странах Евксинского Понта, прибавилась к пресыщению участников пира, разбежавшихся в великом ужасе. Если ушедшие из этой жизни могут испытывать страдание, то застонал бы в ужасе от этого деяния Фабриций Лусцин, вспомнив, с каким великодушием сам он оттолкнул Демарха, или, по другим сообщениям, Никию, царского слугу, который в тайном разговоре обещал убить Пирра, терзавшего тогда Италию ужаснейшей войной, поднеся ему кубок, отравленный ядом, и как он сам написал царю, чтобы тот принял меры предосторожности против своих ближайших слуг. С таким серьезным вниманием относились предки с их чувством правды к радостному насыщению пищей даже врага».

[42] Ibid. XVII. 13. 19.

считать благородным. Особенно подробно Аммиан описывает коварный замысел Валентиниана, который

> «...обдумывал, <...> каким образом сокрушить ему надменность царя Макриана и аламаннов, которые своими постоянными вторжениями непрерывно наносили неисчислимый вред римскому государству. <...> и, наконец, принял решение вызвать на погибель им бургундов»[43].

Причем, когда бургунды, соблазненные различными посулами римского императора, разгромили аламаннов, Валентиниан не выполнил ни одного своего обещания[44]. К данному приему внешней политики положительно относится не только Аммиан Марцеллин. Все позднеантичные авторы хвалят римские власти за подобные действия[45].

Еще более отвратительным представляется натравливание варваров на римские провинции, поскольку такое нельзя было оправдать даже государственными интересами: внешние племена использовались в качестве орудия внутриполитической борьбы за власть. Широко известны всем позднеантичным писателям козни Констанция II против Юлиана. Вполне логично, что отношение к ним единодушно негативное, так как они наносили огромный вред Риму. Аммиан сообщает, что Юлиан

> «...узнал, что аламанны, выступив из области Вадомария, откуда после заключения договора нельзя было опасаться никакого нападения, грабят местности, пограничные с Рэцией, и, рассеявшись в грабительских набегах, производят страшные опустошения. <...> Констанций, предполагая иметь в лице Вадомария верного союзника и молчаливого и деловитого исполнителя его тайных приказов, возложил на него, если только можно поверить молве, поручение, и писал ему, чтобы он время от времени тревожил, как бы в нарушение мирного договора, пограничные соседние с ним области; имелось при этом в виду воспрепятствовать Юлиану оставить охрану Галлии»[46].

---

[43] Ibid. XXVIII. 5. 8 – 9.
[44] Ibid. XXVIII. 5. 11 – 13.
[45] *Oros.* VII. 37. 3; 12; 43. 13 – 15; *Prisc. Pan.* Fr. 49.
[46] *Amm. Marc.* XXI. 3. 1; 4.

Историк осторожничает, хотя сам приводит доказательство реальности данной ситуации:

> «...наши форпосты захватили нотария, которого он (Вадомарий. — *И. Е.*) послал к Констанцию, и при обыске нашли у него письмо Вадомария, в котором тот помимо многого другого писал следующее: «твоего Цезаря еще не вышколили»[47].

Свидетельства других авторов также ее подтверждают. Сократ Схоластик пишет:

> «Юлиан начал смело вступать в сражения с варварами, а они, прислав к нему послов, уверяли, что нападают на области римские по повелению царя, и показывали письмо его»[48].

Более того, Констанций подстрекал к враждебным действиям не одного Вадомария, а многие племена, что следует из письма Юлиана к афинянам[49], речей Либания, обличающего императора:

> «Констанций опять обратился к той же хитрости, призывая письмами варваров, как раньше[50], и прося у них как милости, поработить римскую землю»[51] [Здесь и далее цит. в пер. С. Шестакова] —

и речи Клавдия Мамертина[52].

Таким образом, Аммиан Марцеллин, как и другие римские авторы, совершенно по-разному оценивает одни и те же грязные, нечестные, коварные, неблагородные методы и приемы противостояния и борьбы в зависимости от того, кто их применяет, римляне или варвары. Неважно, каким способом уничтожены враги, главное, чтобы была принесена польза империи. Поэтому есть одно закономерное исключение: осуждению подвергаются «варварские» действия римлян против римлян же.

---

[47] Ibid. XXI. 3. 5.

[48] *Socr.* H. E. III. 1; см. также: *Eun.* Fr. 14.

[49] *Julian.* Ep. ad Athen. 286 AB.

[50] Во время войны Констанция с узурпатором Магненцием (*Liban*. Or. XVIII. 33 – 34).

[51] *Liban*. Or. XVIII. 107; см. также: ibid. Or. XII. 62; XIII. 35.

[52] Pan. Lat. XI (3).VI.1: gentes <...> nefandis stimulis excitatas.; см. также: *Woods D.* 2000, 694.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Аммиан Марцеллин . Римская история / Ю.А. Кулаковский и А.И. Сонни (пер. с лат.). СПб., 1996. — Ammian Martsellin . Rimskaya istoriya / Yu.A. Kulakovskii i A.I. Sonni (per. s lat.). SPb., 199.

Либаний. Речи / С. Шестаков (пер. с греч. и прим.) // Ученые записки Казанского университета. 1912-1916. 1-2. — Libanii. Rechi / S. Shestakov (per. s grech. i prim.) // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. 1912 1916. 1-2.

Сказания Приска Панийского / Г.С. Дестунис (пер. с греч.) // Ученые записки II отд. Имп. АН. СПб., 1861. VII. 1. — Skazaniya Priska Paniiskogo / G.S. Destunis (per. s grech.) // Uchenye zapiski II otd. Imp. AN. SPb., 1861. VII. 1.

Сократ Схоластик. Церковная история / М.А. Тимофеев (ред.). М., 1996. — Sokrat Skholastik. Tserkovnaya istoriya / M.A. Timofeev (red.). M., 1996.

Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt / W. Seyfarth (ed.). Leipzig, 1978. 1–2.

Eunapius. Text and Translation // The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire: Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus / R. C. Blockley (ed. and transl.). Liverpool, 1983. II.

Julianus. The Works of the Emperor Julian in 3 vol. / W.C.Wright (engl. transl.). Cambr., 1969-1990.

Libanii Opera / R. Foerster (rec.). Lips., 1903–1908. 1-4.

Orosius Paulus. Historiarum adversum paganos libri VII / C. Zangemeister (rec). Lips., 1889.

XII Panegyrici Latini / Ju. Shabaga (ed.). Латинские панегирики / И.Ю. Шабага (вступ. ст., пер. и комм.). М., 2016. — XII Panegyrici Latini / Ju. Shabaga (ed.). Latinskie panegiriki / I.Yu. Shabaga (vstup. st., per. i komm.). M., 2016.

Priscus. Text and Translation // The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire: Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus / R.C. Blockley (ed. and transl.). Liverpool, 1983. II.

Socratis Scholastici Historia ecclesiastica // Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series graeca. P., 1859. 67.

Маринович Л.П. 2006: Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами // Античная цивилизация и варвары / Л.П.

Маринович (ред.). М., 5-29. — Marinovich L.P. 2006: Vozniknovenie i evolyutsiya doktriny prevoskhodstva grekov nad varvarami // Antichnaya tsivilizatsiya i varvary / L.P. Marinovich (red.). M., 5-29.

Camus P.-M. 1967: Ammien Marcellin temoin des courants cultúrels et religieux à la fin du IV siècle. Paris.

Dill S. 1910: Roman Society in the Last Century of the Western Empire. London.

Dauge Jv. A. 1981: Le Barbare: Recherches sur la conception romaine de la barbarie et de la civilisation. Bruxelles.

Goffart W. 1981: Rome, Constantinople and the Barbarians // The American Historical Review. 86. 2. 275-306.

Jones W.R. 1971: The Image of the Barbarian in Medieval Europe // Comparative Studies in Society and History. 13. 4. 376-407.

Labuske H. 1983: Die Barbarenproblematik in Ideologie und Propaganda der Spätantike //Rom und Germanien / Dem Wirken Werner Hartkes gewidmet. Berlin, 99-108.

Naudé C.P.T. 1956: Ammianus Marcellinus in die lig van die antieke geskiedskrywing. Leiden.

Thompson E. A. 1947: The Historical Work of Ammianus Marcellinus. Cambridge.

Vergin W. 2013: Das Imperium Romanum und seine Gegenwelten. Die Geographisch-Ethnographischen Exkurse in den «Res Gestae» des Ammianus Marcellinus. Göttingen.

Vogt J. 1967: Kulturwelt und Barbaren. Meinz.

Wiedemann T.E.J. 1986: Between Man and Beasts. Barbarians in Amminus Marcellinus //Past Perspectives: Studies in Greek and Roman Historical Writing / I.S. Moxon, J.D.Smart and A.J. Woodman (ed.). Cambridge, 189-201.

Woods D. 1998: Maurus, Mavia and Ammianus Marcellinus // Mnemosyne, Fourth Series. 51. 3. 325-336.

Woods D. 2000: Ammianus Marcellinus and the «Rex Alamannorum» Vadomarius // Mnemosyne, Fourth Series. 53. 6. 690-710.

Irina E. Ermolova

THE ROMAN "DOUBLE STANDARTS"

AMMIANUS MARCELLINUS' "RES GESTAE"

The accusation of the barbarians of perfidy, artfulness, inconstancy, hypocrisy etc. is a topos in the works of ancient authors. Ammianus Marcellinus followed this tradition. He considered that such style of behaviour was typical for the barbarians. The cause of the hostile view at_ the barbarians is explained by their uninterrupted attacks to the Roman empire in Ammianus Marcellinus' time. But when the Romans used the same methods against the neighbors, this is not only outraged the author of "Res gestae", but rather causes approval: in us not matter how the enemies destroyed, the main thing that was going to bring the benefits of the Empire. Terminological differences in the text of "Res gestae" are interesting: "savagery" of the barbarians and Roman warriors is described with various words.

Keywords: Ammianus Marcellinus, Romans, barbarians, treaty, perfidy, artfulness, inconstancy.

Irina E. ERMOLOVA — PhD (History), Associate Professor of the Russian State University for the Humanities. Moscow, Russian Federation — merira@mail.ru

М.А. Ведешкин

О ВАРВАРАХ И ТИРАНАХ

СКРЫТОЕ ВАРВАРСТВО КАК ЭЛЕМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КРИТИКИ В ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

В статье анализируется использование дискурса скрытого варвара в политической пропаганде IV столетия на примере анализа биографий императоров Галерия и Максимина Дазы, представленных в труде христианского ритора Лактанция «De mortibus persecutorum». Делается вывод, что свидетельства церковного историка о характере вышеназванных императоров прямо опровергаются данными менее ангажированных авторов. Выдвигается предположение, что, создавая образы гонителей, Лактанций использовал традиционный для римской литературы набор топосов, принятых для характеристики «тиранов», и усиливал свои обвинения, подчеркивая их варварское происхождение. Делается предположение, что основная часть описания Галерия была заимствована Лактанцием из сделанной веком ранее историком Геродианом характеристики императора Максимина Фракийца.

Ключевые слова: варварство, поздняя Античность, поздняя Римская империя, тетрархия, Лактанций, Галерий, Максимин Даза.

В период Поздней Античности взаимосвязь Барбарикума и Рима становилась все более тесной: варвары, в которых раньше видели лишь врагов римского мира или же объект купли-продажи

Михаил Александрович ВЕДЕШКИН — кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела историко-теоретических исследований Института всеобщей истории РАН. Российская Федерация, Москва. — balatar@mail.ru

Цивилизация и варварство
2020. Вып. IX. С. 266-280
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2020. Issue IX. P. 266-280
DOI: 10.21267/AQUILO.2020.9.9.007

на рынке рабов, теперь составляли значительный процент от населения приграничных провинций, играли видную роль в вооруженных силах империи и занимали почетные военные и гражданские должности. При этом несомненный рост влияния выходцев из Барбарикума на социально-политическую жизнь Рима, почти не изменил отношения представителей культурной элиты империи к варварам. Несмотря на то, что некоторые представители образованных слоев Римской державы все же могли признавать определенные достоинства отдельных варваров[1], общее отношение к ним оставалось ярко неприязненным: для позднеримского общества варварское происхождение явно маркировало грубость, необразованность, необузданность в страстях и жестокость личности[2]. Сохранение подобных стереотипов давало богатую почву для использования широкого арсенала антиварварских топосов в политической борьбе и пропаганде — достаточно было выставить некую личность варваром, «полуварваром» или даже варварофилом, то есть почитателем заведомо «худшей породы» людей, чтобы легитимировать создаваемый писателем негативный образ объекта критики[3].

---

[1] См., например: *Ведешкин М.А.* 2018.

[2] См., например: *Буданова В.П.* 2000, 8-9.

[3] К примеру, критикуя Константина как «любителя новшеств и разрушителя старых законов и древних обычаев», Юлиан Отступник ставил ему в вину возвышение варваров, вплоть до дарования им консульского достоинства. (*Amm. Marc.* XXI. 10. 8; 12. 25). Неприятие подобных действий его дяди, впрочем, не помешало Юлиану назначить варварского полководца Невитту консулом 362 г. Столь явное расхождение слова и дела императора было с неодобрением отмечено Аммианом Марцеллином (*Ibid.*). Об этом сообщении Аммиана, см. Warmington B.W. 2002, 151. Слухи о скандальном увлечении императора Константа варварами (прежде всего юношами), по-видимому, стали одной из причин узурпации Магненция (см. *Aur. Vict.* De Caes. 41. 24; *Zos.* II. 42. 1), а информация о чрезмерном увлечении Грациана военными традициями алан, в итоге, спровоцировала рост недовольства молодым императором в военных кругах Галлии, что, в свою очередь, способствовало восстанию Магна Максима (см. Epit. De Caes. 47; *Zos.* IV. 35. 2). О подоплеке найма крупного контингента алан правительством Грациана, см.: *Mclynn N.B.* 1994, 153–54; *Heather P., Moncur D.* 2001, 259.

В статье будет рассмотрено применение подобной практики на примере образов двух правителей Рима IV в.: Галерия Валерия Максимиана, носившего прозвище Арментарий (т.е. пастух), и Галерия Валерия Максимина, также известного как Максимин Даза (или Дайя), выведенных в труде христианского ритора Лактанция «О смерти гонителей» (De mortibus persecutorum)[4].

Первый из них — член тетрархии Диоклетиана, цезарь с 293 г., август с 305 по 311 г. — известен, прежде всего, победой над персидским шахиншахом Нарсесом в 297 г.[5] и участием в организации и проведении Великого Гонения[6]. Несмотря на то, что деятельность Галерия была освещена во множестве источников, в историческом нарративе до сих пор господствуют точка зрения, сформулированная в сочинении Лактанция[7]. В своей книге ритор создал резко отрицательный образ императора-тирана. Описание деятельности Галерия предваряется указанием на его варварские повадки и происхождение. С точки зрения ритора, «этому зверю были присущи варварство и дикость, чуждая римской крови»[8]. Развивая свою мысль, Лактанций сообщал, что мать Галерия Ромула была варваркой, бежавшей из Дакии от нашествия карпов[9]. С точки зрения Лактанция, варварство Галерия явно проявлялось в его внешнем виде (ритор описывал его как человека очень крупного и тучного[10], а в другом месте сравнивал его с медведем[11]), и характере (согласно Лактанцию, Галерий напоминал медведя не

---

[4] О Лактанции и его труде, см.: *Barnes T.* 1973; *Christensen A.S.* 1980; *Digeser E.D.* 2000; *Тюленев В. М.* 2000; *Никольский И.М.* 2011.

[5] О римско-персидской войне 296–298 гг., см.: *Barnes T.* 1976a, 182-86; *Dignas B.,Winter E.* 2007, 27-32; 132-130; *Leadbetter W.L.* 2010, 89-96; *Уильямс С.* 2014, 105-7; 111-15.

[6] О Великом Гонении, см.: *Keresztes P.* 1983; *Rees R.* 2004, 59-71; *Leadbetter W.L.* 2010, 119-34; *de Ste. Croix G.* 2006, 35-78; *Campbell et al.* 2008, 647-64; *Уильямс С.* 2014, 242-59.

[7] См., напр.: *Barnes T.* 1973, 1981; *Odahl C.M.* 2004.

[8] Inerat huic bestiae naturalis barbaries, effertitas a Romano sanguine aliena (*Lact*. De mort. IX).

[9] Ibid.

[10] *Lact*. De mort. IX. 3.

[11] *Lact*. De mort. XXI. 5.

только обличьем, но и свирепым нравом). Кроме того, по мнению ритора, император был садистом, получавшим удовольствие от созерцания мучений, развратником и пьяницей[12]. Варварство Галерия проявилось и в его отношении к наукам и искусству — якобы он был ненавистником красноречия, при нем «были сосланы или убиты правоведы», а «литература оказалась в числе дурных искусств, и тех кто ее создавал, изгоняли и проклинали, как врагов»[13]. Сильным аргументом в пользу скрытого варварства Галерия для читателя книги «О смерти гонителей» должна была стать передаваемая Лактанцием информация о том, что проведенное вскоре после получения Галерием высшей власти обложение населения Италии налогами было мотивированно стремлением тирана отомстить Риму за притеснение его дакийских предков императором Траяном[14]. Наконец, христианский ритор заявлял, что император был врагом самого римского имени и даже лелеял надежду переименовать Римскую империю в «Дакийскую»[15].

Образ Максимина Дазы — племянника и преемника Галерия — в произведении Лактанция имеет еще более ярко выраженные черты варвара. Ритор открыто называет его диким полуварваром (semibarbarus)[16], вчерашним пастухом, который «явился от скота и лесов» и не будучи сведущ ни в вопросах гражданского управления, ни в военных делах неожиданно для всех был приобщен к высшей власти[17]. Согласно Лактанцию, Максимин являл свою дикость и варварство в «страсти к разврату», жертвой которой стали бесчисленные девицы и замужние женщины[18]. Кроме того, в «Смертях гонителей» Максимин изображен как правитель, предпочитавший дикарей природным римлянам — ритор упоми-

---

[12] Ibid.

[13] *Lact*. De mort. XXII. 4. …eloquentia extincta… iure consulti aut relegati aut necati. Litterae autem inter malas artes habitae et qui eas noverant, pro inimicis hostibusque protriti et execrati.

[14] *Lact*. De mort. XXIII. 5.

[15] *Lact*. De mort. XXVII. 8.

[16] *Lact*. De mort. XVIII. 13. Об использовании термина semibarbarus, см.: *Chauvot A.* 1995.

[17] *Lact*. De mort. XIX. Daia vero sublatus nuper a pecoribus et silvis…

[18] *Lact*. De mort. XXVIII.

нал, что в числе телохранителей молодого императора были едва ли не исключительно выходцы из задунайских племен, бесчинствам которых Даза открыто потакал[19].

Иной образ дяди и племянника рисуют представители светской историографии. Согласно Аврелию Виктору, Галерий имел отличные дарования, и был выдающимся полководцем и правителем, заботившимся о нуждах своих подданных[20]. Схожей оценки Галерия придерживался и Европий, упоминавший, что Галерий был отличным воином и человеком достойных нравов[21]. Автор «Эпитомы о Цезарях», в целом, повторяя суждения своих предшественников, описывал Галерия как прекрасного полководца, человека простого и справедливого. Его крупное телосложение, позволившее Лактанцию сравнивать императора с диким медведем, в «Эпитоме» превращалось в прекрасную фигуру[22]. В «Бревиарии» Феста император также описывался как отважный воин, не боявшийся ходить в разведку и сражаться с превосходящим силам противника[23]. О том, что Галерий лично участвовал в разведывательных операциях, также сообщали Аммиан Марцеллин, перечислявший выдающиеся военные заслуги императоров прошлого[24], и Синезий Киренский, приводивший его как пример деятельного государя[25]. Примечательно, что в экскурсах Аммиана и Синезия собственно имя Галерия не упоминалось. Очевидно, этот факт его военной биографии был столь известен, что называть имя отважного императора не было никакой необходимости. Как сообщал Синезий: «невероятно, чтобы кто-нибудь не знал о том императоре, который проникал во вражеские пределы… как разведчик»[26].

И Аврелий Виктор, и автор «Эпитомы» в целом подтверждали, что Галерий был человеком малообразованным и грубоватым

---

[19] *Lact*. De mort.. XXXVII. 5; XXXVIII. 5-7.
[20] *Aur. Vict.* De Caes. 40. 1.
[21] *Eutrop.* X. 2.
[22] Epit. De Caes. 40. 15.
[23] *Fest.* XXV.
[24] *Amm. Marc.* XVI. 10. 3.
[25] *Synes.* De Reg. 17.
[26] Ibid.

(впрочем, эту оценку историки давали вообще всем тетрархам)[27]. Однако ни тот, ни другой нигде не упоминали, что император был врагом образованных людей. Как известно, стремившиеся создать «культурный фасад» своего режима тетрархи, оказывали покровительство представителям интеллектуальной элиты империи. Так, Лактанций упоминает, что некий анонимный философ был частым сотрапезником Диоклетиана [28]. Один из критиков христианства[29]и активнейших гонителей последователей новой веры[30] неоплатоник Гиерокл занимал различные посты в административном аппарате империи при Диоклетиане и его преемниках Галерии и Максимине[31]. Судя по всему, Галерий в полной мере разделял взгляды своего преемника на важность и ценность образованных людей для империи. Благодаря ремарке Аммиана Марцеллина, известно, что философы постоянно присутствовали при дворе Галерия и даже сопровождали императора в военных походах[32].

В еще меньшей степени обвинения Лактанция в грубости справедливы по отношению к Максимину Дазе, о котором историк сообщал, что тот был совершеннейшим дикарем. Уже автор «Эпитомы» говорил, что, несмотря на «пастушечье» происхождение и воспитание, Даза почитал умнейших людей и литераторов[33]. Впрочем, можно предположить, что и сам Даза не был таким homo ferus, как его описывали Лактанций и автор «Эпитомы». Статус и родственные связи Дазы скорее свидетельствуют в пользу того, что император получил неплохое образование. Вероятно, Даза ро-

---

[27] *Aur. Vict.* De Caes. 40. 12-13; Epit. De Caes. 40. 15.

[28] *Lact.* Inst. div. V. 2. Некоторые исследователи, считали, что им был знаменитый философ Порфирий-Малх. Библиографию работ, посвященных идентификации загадочного сотрапезника императора, см.: в *Leadbetter W.L.* 2010, 150, n.118.

[29] В своем труде «Правдолюбивое слово к христианам» противопоставлял Христу Аполлония Тианского и чрезвычайно оскорбительно отзывался об апостолах Петре и Павле (*Lact*. Inst. div. V. 2; *Euseb.* C. *Hier*. I).

[30] См.: *Lact.* De mort. XVI.

[31] См.: *Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J.* 1971, 432. Свидетельства о Гиерокле были собраны Т. Барнсом. См.: *Barnes T.* 1976b.

[32] См.: *Amm. Marc.* XXIII. 5. 11.

[33] Epit. De Caes. 40. 18.

дился около 280 г.[34]. К этому времени его дядя уже входил в число старших военачальников римской армии. Уже в 293 г. Галерий стал младшим членом императорской коллегии[35]. С высокой долей вероятности можно предположить, что Галерий, у которого вплоть до 296 г. не было своих сыновей[36], позаботился о воспитании Дазы, которого он, скорее всего, рассматривал в качестве наследника. К тому же, из краткого очерка Лактанция о карьере Дазы можно сделать вывод о том, что он некоторое время нес службу в корпусе протекторов[37]. Данное подразделение являлось кузницей кадров имперской администрации, а также командного состава римской армии и, по всей видимости, давало весьма основательную профессиональную подготовку[38]. Таким образом, христианский ритор и Аноним Валезия, скорее всего, переносили данные о буколическом отрочестве Галерия (который носил прозвище «Арментарий» и в детстве действительно мог пасти скот) на его племянника, который, по всей видимости, получил прекрасное образование.

Пожалуй, единственным пороком Галерия и Максимина Дазы, упоминаемым и ненавидевшими гонителей Церкви христианскими авторами, и вполне лояльными к этим правителям светскими историками было их неумеренное пристрастие к вину[39]. Ряд источников передает анекдот, согласно которому, император каж-

---

[34] Говоря о событиях 305 г., Лактанций описывал Дазу термином «adulescens», обычно применяемом по отношению к молодым людям 18-30 лет (*Lact.* De mort. XVIII. 13). Свидетельство церковного историка о возрасте Максимина Дазы находит подтверждение и в монетных типах императора. На ауреусах Дазы, отчеканенных в Сердике в 305-307 гг., приводится легенда PRINCIPIIVVENTVT(IS) (*Sutherland C.H.V.* 1967, 496).

[35] Возможно, Галерий породнился с правящим императорским домом еще в 288-289 гг. См.: *Leadbetter W.L.* 2010, 61-62.

[36] Сын Галерия Кандидиан родился после 296 г., см.: *Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J.* 1971, 178.

[37] *Lact.* De mort. XIX. 6 …statim scutarius, continuo protector, mox tribunus. Подробнее о военной карьере Максимина, см.: *Christensen T.* 2012, 14-16.

[38] О корпусе протекторов, см.: *Jones A.H.M.* 1986, I: 636-40; *Trombley F.* 2002; *Банников А.В.* 2015.

[39] См., например: *Lact.* De. mort. XXIV.

дый вечер напивался до такой степени, что был вынужден издать эдикт, предписывавший не исполнять его приказы, отданные после обеденного возлияния. Примечательно, что если Аноним Валезия рассказывал подобное о Галерии[40], то Евсевий и автор «Эпитомы» свидетельствуют, что этот modus operandi был свойственен его племяннику[41]. Стремление очернить Галерия и Максимина, приписав им столь типичный для тирана порок, вполне объяснимо для обслуживших политические интересы режима Константина I автора «Анонима Валезия» и христианина Евсевия. Однако подтверждение данных о пьянстве императора «Эпитомой», автор которой вполне благожелательно относился и к дяде, и к племяннику, позволяют предположить, что слух о пагубном пристрастии царственных родичей имел под собой некоторые основания. Возможно, алкоголизм был семейной слабостью. С другой стороны, нельзя исключать вероятности того, что этот слух первоначально возник об одном из родственников, а впоследствии был механически перенесен на другого. Подобный вариант представляется тем более правдоподобным, что их тронные имена отличались лишь одной буквой (Gaius Galerius Valerius Maximi**a**nus и Gaius Galerius Valerius Maximinus) и авторы могли не разобрать, кто из Гаев Галериев Валериев был пьяницей.

Остается вопрос, насколько мы можем доверять свидетельству Лактанция о том, что дядя и племянник были варварами по крови. Согласно Аврелию Виктору, Галерий, как и прочие тетрархи, родился в Иллирике [42]. Эти данные уточняют Евтропий и автор «Эпитомы». По их сведениям, он родился в (Новой) Дакии, неподалеку от Сердики в местечке, которое в дальнейшем было переименовано в Ромулиану, в честь матери императора[43] (современный сербский Гамзиград). Вышеперечисленные свидетельства в целом не противоречат рассказу Лактанция о том, что Ромула (и очевидно ее сестра — мать Максимина Дазы, имя которой нам не-

---

[40] *Anon*. Val. I. 4.

[41] *Euseb.* HE. VIII. 15. 11; Epit. De caes. 40.19.

[42] *Aur. Vict.* De Caes. 39. Судя по всему, историк использовал топоним в самом широком смысле, подразумевая под ним всю территорию префектуры Иллирик.

[43] *Eutrop.* IX. 22; Epit. de Caes. 40.16.

известно) принадлежала к числу переселенцев из Траяновой Дакии, в III столетии подвергавшейся постоянным варварским нашествиям и окончательно покинутой римлянами во времена Аврелиана. С точки зрения некоторых исследователей, на дакийское происхождение Галерия и Максимина указывает и прозвище последнего — Daza или Daia[44].

Это доводы, впрочем, сами по себе не могут служить доказательствами варварского происхождения императора. Имя матери Галерия явно говорит о принадлежности к романизированным слоям населения. Свидетельство о ее бегстве с родины также скорее является аргументом в пользу того, что если Ромула и не была римлянкой по крови (что установить в любом случае невозможно), то, по крайней мере, принадлежала к числу романизированных жителей Дакии. Как известно, провинцию покинули, прежде всего, представители высших слоев городского и сельского населения, в то время как масса слабо затронутых влиянием античной культуры земледельцев и скотоводов остались на родине, смирившись с владычеством варваров[45]. Упоминания Лактанция о том, что Ромула была языческой жрицей и регулярно устраивала пиры для жителей своего родного местечка[46], позволяет с известной осторожности предположить, что мать императора обладала некими средствами и по своему экономическому и социальному положению находилась выше простых селян. Тот факт, что сын Ромулы рос в сравнительной бедности, и в юности был вынужден пасти скот, в свою очередь, можно рассматривать как свидетельство того, что его первоначально состоятельная семья потеряла имущество и статус после бегства от карпов и столкнулась с некоторыми трудностями, устраиваясь на новом месте.

Примечательно, что Лактанций ни словом не упоминает о втором родителе Галерия. Очевидно, это связано с тем, что у отца Галерия было безупречное римское происхождение, в обратном случае христианский проповедник не преминул бы высказаться на

[44] См., напр.: *Pearson N.P.* 2017, 232, n.5.
[45] См., напр.: *Daicoviciu C.* 1943, 123ff.
[46] *Lact.* De mort. XI. 1.

этот счет[47]. Фактически, помимо голословных обвинений Лактанция, у нас нет никаких оснований предполагать, что кто-то из родителей Галерия и Максимина Дазы был варваром или являлся носителем некой особой «дакийской идентичности». Как было показано выше, даже анализ свидетельств самого Лактанция скорее говорит об обратном.

Таким образом, данные церковных историков о дикой свирепости, исключительной порочности и редком тупоумии Галерия и Максимина не находят подтверждения в трудах менее пристрастных авторов. Скорее всего, стремясь очернить врагов христианской веры, прекрасно знавший классическую литературу, Лактанций использовал хорошо известный репертуар качеств, присущих «традиционному» дурному императору: жестокость, сексуальную распущенность и алкоголизм. Для того, чтобы увеличить силу своей инвективы, ритор привел аргумент, который должен был убедить читателя принять на веру все обвинения — этим аргументом стала этническая принадлежность императоров к варварам. Стереотип об определяющем влиянии происхождения на характер отдельной личности был широко распространен в античности и образованной элите были хорошо знакомы черты, которыми должен был отличаться любой варвар: грубость, неумеренность, физическая сила, жестокость. По сути, выставляя царственных родичей людьми в венах которых текла кровь задунайских племен, Лактанций встраивал своих героев в несомненно известный его читателям антиварварский дискурс. Упоминаемый Лактанцием факт «полуварварства» Максимина Дазы и, соответственно его дяди Галерия, то есть признание наличия у них хотя бы части римской крови, едва ли мог служить фактором, смягчающим «дикость» ненавистных христианскому ритору языческих «тиранов». Напротив, согласно утвердившемуся в римской литературной традиции отношению к детям от смешанных браков, считалось, что полукровки

[47] В этом отношении интересно отметить, что и сам Галерий не занимался официальным прославлением своего отца. Напротив, согласно автору «Эпитомы» и Лактанцию, он распространял слухи о том, что Ромула зачала его от дракона (Epit. De Caes. 40. 18) или даже самого Марса (*Lact.* De mort. IX. 9).

наследуют лишь худшие из присущих народам их родителей качества[48]. Таким образом, в глазах образованной публики «полуварварство» было едва ли не худшим грехом, чем абсолютная чуждость римской крови.

Примечательно, что в своем описании «полуварварских» императоров Лактанций был далеко не оригинален. Наиболее эмоциональная часть его инвектив против Галерия и Дазы, по сути, представляет собой кальку с сообщения Геродиана о Максимине Фракийце. Согласно сведениям жившего за сто лет до Лактанция греческого автора, этот солдатский император III в. был родом из живших в глубине Фракии полуварваров. Он, как и Галерий, отличался мощным телосложением[49] и редкой свирепостью: «В силу своей природы он был как нраву, так и по происхождению варваром: унаследовав от предков и соплеменников кровожадность»[50]. Наконец, согласно сообщению Геродиана, Максимин Фракиец (как и Галерий-Арментарий) в юности пас скотину[51]. Несмотря на то, что вопрос об этническом происхождении Максимина Фракийца далеко не очевиден[52], авторы последующих столетий считали его варваром[53], и, по-видимому, использовали свидетельство Геродиана как риторический шаблон для описания правителей, имев-

---

[48] *Isaac B.* 2006, 90-91; 134-48. Об оценке детей от смешанных браках варваров и римлян, см. также *Pearson N.P.* 2017, 66-71.

[49] *Herodian.* Hist. VI. 8. 1.

[50] *Herodian.* Hist. VII. 1. 2.

[51] *Herodian.* Hist. VI. 8. 1; VII. 1. 2.

[52] После публикации монографии Р. Сайма (*Syme R.* 1971, 185-90) многие исследователи вовсе отказывают в достоверности сообщению Геродиана о варварском происхождении императора.

[53] Столь неоднозначный источник как Historia Augusta сообщает, что Максимин был сыном гота и аланки и даже приводит имена его родителей — Микка и Абаба (SHA. XIX. 1). Эти данные об этническом происхождении Максимина, скорее всего, являются выдумкой автора (авторов?) сборника, также как и имена его родителей, которые, по всей видимости, были выведены из использованного в нарративе Геродиана термина μιξοβάρβαροι. См. *Moralee J.* 2008, 60; *Pearson N.P.* 2017, 3-4. Впрочем, некоторые исследователи допускают, что свидетельство SHA имеет рациональное зерно. См., напр.: *Циркин Ю.Б.* 2015, 38-42, в особенности 41.

ших скромное провинциальное происхождение и сделавших военную карьеру.

По сути, выведенные Лактанцием образы Галерия и Максимина Дазы актуализировали созданный Геродианом дискурс чуждого римской крови и нравам «правителя-варвара». В середине IV в. концепция «тирана-полуварвара» будет использована ритором Фемистием[54] и цезарем Юлианом[55] для обличения узурпатора Магненция[56]; в начале V в. — для критики всесильного временщика Стилихона[57]; а в 30-е годы VII столетия к ней обратится последний представитель античной историографической традиции Феофилакт Симокатта, создавший страшный образ узурпатора Фоки, которого историк именовал «полуварваром» и «кентавром»[58].

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Банников, А.В. 2015: Protectores и domestici — кузница командно-офицерского состава поздней империи // Альманах современной науки и образования. 7. 19-21. — Bannikov, A.V. 2015: Protectores i domestici — kuznitsa komandno-ofitserskogo sostava pozdnei imperii // Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya. 7. 19-21.

Буданова, В.П. 2000: Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М. — Budanova, V.P. 2000: Varvarskii mir epokhi Velikogo pereseleniya narodov. M.

Ведешкин, М.А. 2018: «Варвар по рождению, но эллин во всем остальном»: образ благочестивого варвара в трудах позднеримских языч-

[54] *Them.* Or. III. 43; 6. 80.

[55] *Jul.* Or. I. 33–34; II. 56; 95.

[56] Подробный анализ источников о происхождении Магненция, см. в *Drinkwater J.F.* 2000.

[57] У Иеронима Стилихон назван «полуварварским изменником» (semibarbarus proditor), отдавшим Рим на растерзание варварам (*Jeron.* Ep. 99 [123. 17. 2]); Рутилий именует магистра другом варваров, который лелеял планы подменить своим собственным родом род римлян (*Rut.* De Red. II. 41ff), а Орозий частично объяснял злодейство Стилихона его принадлежностьюк «подлому, вероломному и коварному» народу вандалов (*Oros.* VII. 38. 1). См. подробнее: *Chauvot A.* 1995, 262.

[58] *Theoph. Sim.* Hist. Pr. 4; VIII. 10. 4. О созданном в правление династии Ираклия образе Фоки, см.: *Meier M.* 2014.

ников // Цивилизация и варварство: человек варварского мира и варварский мир человека (Ч. 2) / В.П. Буданова (ред.). М.: Аквилон, VII. 142-58. — Vedeshkin, M.A. 2018: «Varvar po rozhdeniyu, no ellin vo vsem ostal'nom»: obraz blagochestivogo varvara v trudakh pozdnerimskikh yazychnikov // Tsivilizatsiya i varvarstvo: chelovek varvarskogo mira i varvarskii mir cheloveka (Ch. 2) / V.P. Budanova (red.). M.: Akvilon, VII. 142-58.

Никольский, И.М. 2011: Образ правителя в сочинениях раннехристианских историков (на примере «О смертях гонителей» Луция Фирмиана Лактанция). Автореф. дисс... канд. ист. наук. М. — Nikol'skii, I. M. 2011: Obraz pravitelya v sochineniyakh rannekhristianskikh istorikov (na primere «O smertyakh gonitelei» Lutsiya Firmiana Laktantsiya). Avtoref. diss... kand. ist. nauk. M

Тюленев, В.М. 2000: Лактанций: христианский историк на перекрестке эпох: с приложением перевода трактата «Божественные установления». СПб. — Tyulenev, V.M. 2000: Laktantsii: khristianskii istorik na perekrestke epokh: s prilozheniem perevoda traktata «Bozhestvennye ustanovleniya». SPb.

Уильямс, С. 2014: Диоклетиан: реставратор Римской империи. СПб.; М. — Uil'yams, S. 2014: Diokletian: restavrator Rimskoi imperii. SPb.; M.

Циркин, Ю.Б. 2015: «Военная анархия» в Римской империи. СПб. — Tsirkin, Yu. B. 2015: «Voennaya anarkhiya» v Rimskoi imperii. SPb.

Barnes, T.D. 1973: Lactantius and Constantine // The Journal of Roman Studies. 63. 29-46.

Barnes, T. D. 1976a: Imperial Campaigns, A. D. 285–311 // Phoenix 30 (2). 174-93.

Barnes, T. D. 1976b: Sossianus Hierocles and the Antecedents of the «Great Persecution» // Harvard Studies in Classical Philology. 80. 239-52.

Barnes, T. D. 1981: Constantine and Eusebius. London: Harvard University Press.

Campbell, B. Drinkwater J. F., Bowman A., Cameron Av. et al. 2008: The Cambridge Ancient History: The Crisis of Empire, A.D. 193–337 / A. Bowman, P. Garnsey, Av. Cameron (ed.). Cambridge.

Chauvot, A. 1995: Remarques sur l'emploi de «semibarbarus» // Frontières terrestres, frontières célestes dans l'Antiquité / A. Rousselle (ed.) . Paris, 255-71.

Christensen, A. S. 1980: Lactantius the Historian: An Analysis of the De Mortibus Persecutorum. Copenhagen.

Christensen, T. 2012: C. Galerius Valerius Maximinus: Studies in the Politics and Religion of the Roman Empire AD 305–313. Copenhagen.

Daicoviciu, C. 1943: Siebenbürgen im Altertum. Bucureşti.

Digeser, E. D. 2000: The Making of a Christian Empire: Lactantius & Rome. – Ithaca; London.

Dignas, B., Winter E. 2007: Rome and Persia in late antiquity: neighbors and rivals. Cambridge.

Drinkwater, J. F. 2000: The Revolt and Ethnic Origin of the Usurper Magnentius (350–53), and the Kebellion of Vetranio (350) // Chiron. 30. 131-59.

Heather, P.; Moncur D. 2001: Politics, Philosophy and Empire in the Fourth Century: Themistius' Select Orations. Liverpool.

Isaac, B. 2006: The Invention of Racism in Classical Antiquity. Princeton, NJ.

Jones, A. H. M. 1986: The Later Roman Empire, 284–602: A Social, Economic, and Administrative Survey. Baltimore, I.

Jones, A. H. M., J. R. Martindale, J. Morris. 1971: The Prosopography of the Later Roman Empire. A.D. 260–395. Cambridge, I.

Keresztes, P. 1983: From the Great Persecution to the Peace of Galerius // Vigiliae Christianae. 37 (4). 379-99.

Leadbetter, W. L. 2010: Galerius and the Will of Diocletian. London; New York.

Mclynn, N. B. 1994. Ambrose of Milan: Church and Court in a Christian Capital. Berkeley; Los Angeles; New York.

Meier, M. 2014: Kaiser Phokas (602–610) als Erinnerungsproblem // Byzantinische Zeitschrift. 107 (1). 139-74.

Moralee, J. 2008: Maximinus Thrax and the Politics of Race in Late Antiquity // Greece & Rome. 55 (1). 55-82.

Odahl, C. M. 2004: Constantine and the Christian empire. New York.

Pearson, P. N. 2017: Maximinus Thrax: From Common Soldier to Emperor of Rome. Barnsley.

Rees, R. 2004: Diocletian and the tetrarchy. Edinburgh.

Ste. Croix, G. 2006: Christian Persecution, Martyrdom, and Orthodoxy. New York.

Sutherland, C. H. V. 1967: The Roman Imperial Coinage Volume VI — From Diocletian's reform (A.D. 294) to the death of Maximinus (A.D. 313) / C.H.V. Sutherland, R.A.G. Carson (ed.). London.

Syme, R. 1971: Emperors and Biography: Studies in the «Historia Augusta». Oxford.

Trombley, F. R. 2002: Ammianus Marcellinus and Fourth–Century Warfare: A Protector's Approach to Historical Narrative // The Late Roman World and Its Historian: Interpreting Ammianus Marcellinus / J.W. Drijvers, E.D. Hunt (ed.). London; New York, 17-26.

Warmington, B. W. 2002: Some Constantinian references in Ammianus // The Late Roman World and Its Historian: Interpreting Ammianus Marcellinus / J. W. Drijvers, E. D. Hunt (ed.). London; New York, 147-57.

Mikhail A. VEDESHKIN

OF BARBARIANS AND TYRANTS

HIDDEN BARBARISM AS AN ELEMENT OF POLITICAL CRITIQUE IN THE LATE ROMAN EMPIRE

The article analyzes the use of discourse of the hidden barbarian in political propaganda of the 4th century on the example of the biographies of emperors Galerius and Maximinus Daza, presented in the work by Lactantius «De mortibus Persecutorum». It is concluded that the testimony of the historian on the character and ethnic origin of the aforementioned emperors is directly refuted by the data of less engaged authors. The assumption is made that while creating the image of the persecutors, Lactantius utilized a set of traditional topoi used to characterize the «tyrants» and enforced his accusations by stressing their barbaric origin. It is assumed that the main part of the Galerius' description was borrowed by Lactantius from the characteristics of the emperor Maximinus Thracius made a century earlier by the historian Herodian.

Keywords: barbarism, Late Antiquity, later Roman empire, tetrarchy, Lactantius, Galerius, Maximinus Daza.

Mikhail A. VEDESHKIN — PhD (History), Research Fellow of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russian Federation. — Balatar@mail.ru

О.В. Потокина

ПРИЕМЫ ИМИТАЦИИ КАК ВОПЛОЩЕНИЕ МЕХАНИЗМОВ ЛАТЕНТНОГО ВАРВАРСТВА

ТРИ «ПОРТРЕТА» ПРАВИТЕЛЕЙ ВАРВАРОВ

Статья посвящена некоторым особенностям искусства варваров на рубеже Античности и Средневековья. Варвары-мастера и варвары-заказчики остро ощущали необходимость осмысления и передачи в языке искусства стремительно меняющейся реальности. Для воплощения новых реалий мастера-варвары обращались к языку выражения античного искусства. Это создавало ситуацию *латентного варварства*, воплощавшегося в сложных имитационных приемах и подражательных механизмах, а в реальной практике искусства — в системе образец/его имитация. Механизмы латентного варварства нашли яркое выражение в первых дошедших изображениях варварских правителей, относящихся к V–VI вв. В данной статье автор обращается к изображениям варварских правителей Алариха II, Теодориха II и Хильдерика I, связанным с перстнями-печатками.

Ключевые слова: Великое переселение народов, Аларих II, Теодорих II, Хильдерик I, перстни-печатки, геммы.

Гибель старого мира и рождение мира нового, именуемые Великим переселением народов, оставили по себе множество сведений, подчас отрывочных и противоречивых. Многочисленные племена варваров, войдя в круг политических интересов сначала

Ольга Владимировна ПОТОКИНА — научный сотрудник Отдела зарубежного искусства Научно-исследовательского института теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств. Российская Федерация, Москва. — olgapotokina@yandex.ru

Цивилизация и варварство
2020. Вып. IX. С. 281-296
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2020. Issue IX. P. 281-296
DOI: 10.21267/AQUILO.2020.9.9.008

Римской, а потом и Византийской империи и оказавшись частью античной картины мира, были поставлены перед вопросом различения начал «своего» и «чужого».

В борьбе оппозиций рождался круг явлений искусства варваров, включавший в себя и памятники охваченных движением и осевших племенных групп и союзов варваров, и творчество мастеров, расцветшее на территориях т.н. варварских королевств, и произведения, изготовлявшиеся мастерами «классической» выучки по запросам заказчиков-варваров. Принципы взаимодействия цивилизации и варварства в развернувшейся коренной трансформации художественного языка остаются малоизученными[1].

Происходившая стилистическая ломка подразумевала кардинальное переосмысление «старых» мотивов, образов и установок при создании нового языка искусства[2]. Полный отказ от них означал для будущих поколений мастеров потерю знаний и навыков, знаменующую драматический перелом эпох. Отрицательно сказывались обусловленные набегами и войнами изменения условий ремесленного производства[3]. Таким образом, в разных областях бытия в силу вступали *принципы варварства*, к которым мы относим:

— драматическое падение исполнительского качества как на техническом, так и на идейном уровне;
— примитивизм и огрубление стиля;
— имитация более сложных техник и приемов более простыми;
— имитация более дорогих материалов более дешевыми;
— вторичное (и последующее) использование вырванных из своего контекста частей памятников;
— уничтожение, разрушение памятников.

Явления этого порядка присущи не только эпохе Великого переселения, но в той или иной мере всегда существуют в мировом историческом процессе как и само варварство[4]. К ним принадлежат практики создания всякого рода фальсификаций, веками об-

---

[1] *Kühn H.* 1956, 5–6; *Hubert J., Porcher J., Volbach F.* 1967, XII–XIII; *Brown K. R.* 1995, 27ff; *Нессельштраус Ц.Г.* 2000, 92–93.

[2] *Brilliant R.* 2000, 398–399.

[3] *Steuer H.* 1982, 182.

[4] *James E.* 2009, 3.

манывающих специалистов и собирателей, литиков (дешевых имитаций гемм), введения сполий[5] и др.

Варвары-мастера и варвары-заказчики остро ощущали необходимость осмысления и передачи в языке искусства стремительно меняющейся реальности. Представленное главным образом (но не исключительно) прикладными формами, не обладающими ярко выраженным сюжетным началом, искусство варваров не выработало стройных принципов изображения человека, равно правителя или простого смертного[6]. Для воплощения новых социально-политических и культурных реалий мастера-варвары разных выучки и этнического происхождения обращались к языку выражения античного искусства с его антропоморфным каноном и убедительной телесностью[7]. Стремление варваров повторить формы, усвоить практики, принять внешние атрибуты античной культуры создавало ситуацию *латентного варварства*, воплощавшегося в сложных имитационных приемах и подражательных механизмах, а в непосредственной практике искусства — в системе образец / его имитация.

Механизмы латентного варварства нашли яркое выражение в первых дошедших изображениях варварских правителей, относящихся к V–VI вв. В монетах запечатлены властители, начиная с Гунтамунда (правил 484–496)[8], Одоакр (476–493)[9], готы из рода Амалов — Теодорих I (418 / 19–451), занимающий среди них особое место[10], и Теодахад (534–536)[11]. В так называемом диптихе Ореста в медальонах даны бюсты Амаласунты (526–534) и ее сына Аталариха (526–534)[12]. Выделяются среди них три уникальных «портрета», связанные с перстнями-печатками, принадлежащие: варварскому правителю с монограммой (местонахождение неиз-

---

[5] *Greenhalgh M.* 1989, Ch. 8.

[6] *Потокина О.В.* 2015, 401.

[7] *Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А.* 1985, 156.

[8] *Grierson Ph., Blackburn M.* 1986, 18–21.

[9] *Ibid.*, 28.

[10] *Grierson Ph., Blackburn M.* 1986, 35; *Rummel F. von* 2007, 258.

[11] *Grierson Ph., Blackburn M.* 1986, 38.

[12] Находится в собрании Музея Виктории и Альберта, Лондон. *Cameron A.* 2013. Об изображениях в медальонах. См.: *Netzer N.* 1983, 269–270.

вестно)[13] (Илл. 1. См. *ниже*), Алариху II (484–507)[14] (Илл. 2. С. 285), зятю Теодориха I, павшему в битве при Вуйе, в оправе XVI в. (Музей истории искусства, Вена) и Хильдерику I (457–481/482)[15] (Илл. 3. С. 285), до нашего времени дошедший, как и большинство вещей из богатого погребения, открытого в 1653 г. в бельгийском городе Турне, лишь в копиях и рисунках[16].

Илл. 1.

Гемма с изображением неизвестного правителя варваров (Теодорих II?). Местонахождение неизвестно.

---

[13] *Schramm P.E.* 1954, 219–222; *Berges W.* 1954, 222–226; *Sande S.* 1975, 65–106; Age of Spirituality 1979, 58–59, Cat. 56.

[14] *Schramm P.E.* 1954, 217–219; *Martindale J. R.* 1980, 49; I Longobardi 2007, 54–55, Cat. 1. 1. 14; *Kornbluth G.* 2008.

[15] Childéric — Clovis. 1982, 70–71, 69–70, 2 (со старой литературой); *Roth H.* 2002; *Richter M.* 2004; *Rummel F. von* 2007, 265–268.

[16] *Brulet, R.* 1996; *Périn, P., Kazanski M.* 1996, Abb. 118; *Effros B.* 2003, 30; *Казанский М.М., Перен П.* 2005.

Илл. 2.
Гемма с изображением Алариха II. Кон. V - нач. VI вв., оправа — XVI в. Музей истории искусства, Вена.

Илл. 3.
Перстень-печатка с изображением Хильдерика I. Копия. Музей Эшмола, Оксфорд.

Изображения эти не являются в полном смысле портретами. К ним не применимо, пусть даже мысленное, сличение с оригиналом, порождаемое стремлением к сходству, определяющее жанр портрета[17]. Лишенные индивидуальности в современном смысле, они идеальны — здесь нет лица и характера, но присутствует вневременной образ, черты которого определены не частным (личным сходством), а общим (каноническими принципами).

Разнообразные предметы (фибулы, пряжки и др.) с именными надписями, судя по находкам археологов, не были исключительной редкостью в варварском мире V–VII вв. Однако кольца среди них встречаются нечасто, в наиболее значительных по составу погребальных коплексах: с надписью OMHARUS из первого погребения в Апахиде[18], из находки в Десане[19], из могилы королевы Арнегунды / Арегонды (ум. ок. 565 / 580 г.) в аббатстве Сен-Дени[20], а также с именами ABBONESO[21] и GRAIFARIUS[22]. Несмотря на значительное внимание со стороны ученых, дополнительного осмысления требует их символическая роль в составе погребального инвентаря. Общим местом, однако, стала констатация чуждой для культуры варваров природы колец, заимствованных из обычаев античной цивилизации.

Римляне, как и греки, очень высоко ценили помещавшиеся в перстни произведения камнерезного искусства[23]. Не случайно имеющая глубокие корни традиция ношения перстней переживает античную цивилизацию[24]. Тип металлического перстня с каменной

---

[17] *Bunnep Б.Р.* 1970, 342–343.

[18] *Werner J.* 1967/68; *Werner J., Kuhn H., Horedt K.* 1973, 365–367; *Burda Ş.* 1979, cat. 55b, il. 99.

[19] *Aimone M.* 2008; I Longobardi. 2007, 186–187. Cat. 3.5c.

[20] *Alföldi M.R.* 1963; *Ament H.* 1965; *Fleury M.* 1965; *Gauert A.* 1972.

[21] *Ross M.C.* 2005. No. 177. 129–131. Pl. LXXXIX.

[22] Хранится в Швейцарском национальном музее, Цюрих. *Schramm P.E.* 1954, 234–237. Taf. 17; *Kaiser R.* 1994.

[23] *Boardman J.* 1970, 362; об особом месте изображений правителей. См.: *Megow W.-R.* 1987, 122.

[24] Хотя многочисленные античные геммы и перстни не типологизированы в целом, значительную информацию по описанию, атрибуции и интерпретации содержат каталоги отдельных собраний. См., например: *Залесская В.Н.* 1994; *Spier J.* 1992; *Marshall F.H.* 1907.

вставкой-печатью в специальном гнезде на его щитке вырабатывается в эпоху эллинизма[25]. Перстни императорской эпохи отличались огромным богатством форм и материалов. Типология их была многообразна, отражая статус, верования, профессию, пол, возраст своих обладателей[26]. В позднеантичную и раннесредневековую эпоху перстни, имея прокламативный характер, продолжают выступать знаком собственности, религиозных воззрений и т.п.

Погрудный «портрет» Алариха II с надписью ALARICVS REX GOTHORVM исполнен из светло-голубого сапфира[27]. Правитель изображен анфас без бороды, с непокрытой головой; его прямые, очевидно, короткие волосы переданы поперечными насечками. Иконография его связана с выработанным при Юстиниане монетным типом[28]. В строго фронтальном изображении доминирует лицо, в лице — глаза. Зрачки в виде точек поставлены посередине больших миндалевидных глазниц, создавая маскообразное впечатление. Черты лица Алариха II даны отрывисто, особенно груб угловатый нос, занимающий бóльшую часть лица. Это не что иное как маска, осмысляемая как плоскость. Стиль изображения несет черты выраженного огрубления стиля. Редукция черт свидетельствует об отходе от присущей античному видению убедительной скульптурности человеческого тела.

Утрированным (насколько об этом можно судить по копиям) выглядит облик Хильдерика I в окружении надписи, обычно читаемой как CHILDIRICI REGIS. Прическа на прямой пробор со спускающимися на плечи длинными локонами подчеркивает значительный размер головы вытянутой формы. Его руки коротки, а лицо озарено своеобразной «архаической улыбкой». Подобной прокламативной интонацией отличается и изображение Теодориха I в медальоне[29] (Илл. 4. С. 288), хранящемся в собрании Национального римского музея в палаццо Массимо, Рим.

---

[25] *Неверов О.Я.* 1978, 6.

[26] *Deppert-Lippitz B.* 1984, 24–25.

[27] Сапфир отличается значительной твердостью. См.: *Ogden J.* 1982, 94.

[28] *Sear D.R.* 1974, 12.

[29] *Grierson Ph., Blackburn M.* 1986, 35; *Radnoti-Alföldi M.* 1988; *Rummel F. von*, 2007, 258–260.

Илл. 4.
Медальон Теодориха I. Ок. 500 г.
Национальный римский музей, палаццо Массимо, Рим.

В руках франка — копье[30], гота — фигурка Ники, оба облачены в панцирь и paludamentum. В Италии, на исконных землях классического искусства, где был исполнен медальон, материальное начало дольше не сдает своих позиций. Так, фронтальность позы Теодориха I смягчена плавными, круглящимися линиями моделировки крупного лица правителя, хотя объем головы, увенчанной высокой шапкой пышных густых волос, несколько не соответствует размеру небольших, тщательно моделированных рук. Статуарность поз и диспропорциональность черт, вызванная нуждами церемониала, свидетельствуют о том, что перед нами застывшие в официальном предстоянии образы власти. Отход от убедительной телесности античных форм знаменует медленное наступление новой, уже средневековой, фазы искусства, несущей полную победу имитационных

[30] *Wallace-Hadrill J.M.* 1962, 163.

механизмов в руках всё новых поколений мастеров, для которых «классическое» начало составляло уже драгоценное прошлое, а не живую, актуальную современность.

Значительное внимание ученых сосредоточено на волосах Хильдерика I и Теодориха I[31], считающихся средоточием варварства одними[32] и типической прической «цивилизованных» воинов поздней Античности — другими[33]. Комплексный анализ изображений, учитывающий их непосредственную связь с традициями классической иконографии[34], канонам которой они полностью отвечают, и формально-стилистические особенности указывают на их принадлежность переживающему глубокую трансформацию пласту позднеантичного искусства. Пышная, образующая высокую копну прическа Теодориха, замершего в жесте adlocutio, по всей вероятности, является одной из принятых форм укладки волос цивилизованного человека[35], и дана в медальоне, исполненном в соответствии с античной традицией празднования юбилея правления[36], как части «реставрационной» политики властителя. «Портрет» есть, вероятно, свидетельство глубокого синтеза черт «варварских» и «цивилизованных», неочевидных процессов восприятия поведения и элементов облика в механизме латентного варварства. Имитационная природа «портретов», связанных с перстнями, еще более явственно проявляется там, где варварские элементы явно обозначены в изображении. Хильдерик, имея, в соответствии с древними франкскими традициями, длинные волосы[37] (значение которых может быть амбивалентно), предстает как позднеантичный правитель и солдат[38], облик которого в целом соответствует нормам, принятым в кругу людей «цивилизованных».

Рядом с ними в галерее позднеантичных правителей варварского происхождения оказывается и запечатленный в таинственной

---

[31] О его усах. См.: *Arnold J.J.* 2013.

[32] *Schramm P.E.* 1954, 215; *Altheim F.* 1952, 109.

[33] *Rummel F. von* 2007, 267.

[34] *Kiilerich B.* 1996, 95.

[35] О прическах позднеантичных правителей. См.: *Delbrueck R.* 1933, 35–36. *Sande S.* 1975, 96–100.

[36] *Grierson Ph.* 1975, 172–173; *McCormick M.* 1986, 268ff.

[37] *Diesenberger M.* 2003, 176ff.

[38] *Rummel F. von*, 2007, 267.

аметистовой гемме[39] мужчина, определяемый как Теодорих II[40]. Его своеобразный облик, где усы без бороды сочетаются с густыми, закрывающими уши волосами, лежащими отдельными неровными прядями, и серьгами-кольцами является воплощением «варварства». Во внешности Теодориха II зафиксированы экзотические для античной культуры элементы, выделяющие обладателя среди прочих известных «портретных» изображений в качестве чужака и «некультурного варвара». Таким образом, господство имитационных механизмов парадоксально то нивелируют варварство вплоть до его исчезновения из поля зрения возможного адресата этих изображений, то ярко выявляет в художественной форме, выработанной «цивилизацией». Правители варварских государств[41], находясь под ее влиянием, оказываются готовыми к восприятию и усвоению ее элементов, быть может, даже нуждаются в ней для утверждения власти в выработанных ей терминах. Так, есть интересное предположение о том, что изготовленная, вероятно, в Италии для Алариха II гемма, была дипломатическим подарком Теодориха I[42].

Вероятно, в случае «портретов» Алариха II, Теодориха I и Хильдерика I именно подражательная природа этого пласта искусства варваров, использующего язык, формы и символы наиболее официального направления античного искусства (изображений правителей[43]) определила нивелирование в них варварских черт, тщательно отсеянных и в конечном итоге скрытых. Граница между «цивилизацией» и «варварством» оказывается понятием скорее внутренним, чем осязаемо-материальным. В связи с этим показательно место этих памятников в истории искусства Античности — как завершения длительной эволюции «темы варвара», постепенно пришедшей к его превращению из *объекта* изображения в его *субъект*.

Древнеримское искусство практически на всем протяжении своей истории обращалось к изображению представителей варварского мира. Обитатели земель, лежащих за границами цивилиза-

---

[39] В перстнях аметист использовался сравнительно редко. См.: *Ogden J.* 1982, 106.

[40] *Breckenridge J.D.* 1979, 15, ср. *Berges W.* 1954.

[41] *Kulikowski M.* 2012, 32–34.

[42] *Kornbluth G.* 2008, 326–331.

[43] *Delbrueck R.* 1933, 1–2.

ции — галлы, иберы, даки, германцы — воплощали, подобно «благородному дикарю» французских просветителей, идеальную противоположность человека цивилизованного. Античная мысль рисовала их в духе экзотизма как обитателей увлекательного, странного и причудливого мира. В изобразительном искусстве граница между цивилизацией и варварством непосредственно выражалась в определенных чертах — одежде, прическе и атрибутах, — выхваченных мастерами из реальной действительности. Хорошо известно, что эта точная фиксация непривычных (экзотических в этнографическом смысле) для римлян черт варваров в соединении с особой материальной убедительностью древнеримского искусства дает обширный материал для исследователей.

Человек, чуждый пайдее, космат и одет в соответствии с дикими нравами своей родины, на него не распространяются некоторые постулаты античного изобразительного канона (бесстрастность). Он предстает диким, грубым, жестоким, свирепым, но не лишен своеобразного благородства. Так, в скульптурах пергамской школы[44], хотя и не подразумевавших психологической глубины, одними из главных носителей аффектов и эмоций выступали именно варвары, открывая для европейского искусства путь к их изображению, а также намечая тип представления варвара как повергаемого / побежденного врага.

Хотя специфика внешнего вида варваров подразумевала четкое разделение между humanitas и barbaria, контекст изображения по всей видимости, складывался из многих составляющих, подобно тому, как нейтральные и уничижительные значения слова «варвар»[45] сосуществовали в римской культуре. Исторически было выработано несколько отводимых варварам «ролей», воплощенных в бесчисленных произведениях разных видов искусства и закрепленных в канонические типы: варвар как повергаемый / побежденный враг; варвар как пленник; варвар в естественной среде обитания.

Заметим, что хотя расширение влияния «классических» идей и принципов вместе с ростом Империи и внесло коррективы в эти

---

[44] Произведения их известны по римским копиям. См.: *Stewart A.* 2004, 296ff.

[45] *Поплинский Ю.К.* 1982, 185.

установки, их основные принципы были унаследованы на Востоке — христианскими мастерами Византии — как преображенная, но неотъемлемая часть «родной» традиции. На Западе же кризисное содержание, накапливающееся при пересмотре античной картины мира и ее непосредственных воплощений в виде мотивов и образов, приводило к медленной потере внутреннего смысла в имитации, созданию квазиподобий и неизбежному отмиранию части «старых» тем и принципов, забвению символов — к той победе принципов варварства в культуре, которую очень условно, но образно называют «темными веками».

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Виппер Б.Р. 1970: Проблема сходства в портрете // *Виппер Б.Р.* Статьи об искусстве. М., 342-351. — Vipper B.R. 1970: Problema skhodstva v portrete // Vipper B.R. Stat'i ob iskusstve. M., 342-351.

Залесская В.Н. 1994: Коллекция византийских и поствизантийских перстней // Византия и Ближний Восток / Шандровская В.С. (науч. ред.). СПб., 89-101. — Zalesskaya V.N. 1994: Kollektsiya vizantiiskikh i postvizantiiskikh perstnei // Vizantiya i Blizhnii Vostok / Shandrovskaya V.S. (nauch. red.). SPb., 89-101.

Казанский М.М., Перен П. 2005: Могила Хильдерика (481/482): состояние исследований // КСИА. М., 218. 24-42. — Kazanskii M.M., Peren P. 2005: Mogila Khil'derika (481/482): sostoyanie issledovanii // KSIA. M., 218. 24-42.

Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. 1985: Классическая эстетика // История эстетической мысли. В 6-ти томах / В.В. Бычков (ред., сост.). Т. 1: Древний мир. Средние века в Европе. М., 156-208. — Losev A.F., Takho-Godi A.A. 1985: Klassicheskaya estetika // Istoriya esteticheskoi mysli. V 6-ti tomakh / V.V. Bychkov (red., sost.). T. 1: Drevnii mir. Srednie veka v Evrope. M., 156-208.

Неверов О.Я. 1978: Античные перстни (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). Каталог временной выставки. Л. — Neverov O.Ya. 1978: Antichnye perstni (VI v. do n.e. - IV v. n.e.). Katalog vremennoi vystavki. L.

Нессельштраус Ц.Г. 2000: Искусство раннего Средневековья. СПб. — Nessel'shtraus Ts.G. 2000: Iskusstvo rannego Srednevekov'ya. SPb.

Поплинский Ю.К. 1982: О понятии «варвар» в Античности // Africana. Африканский этнографический сборник. XIII / Д.А. Ольдерогге (отв.

ред.). Л., 161-185. — Poplinskii Yu.K. 1982: O ponyatii «varvar» v Antichnosti // Africana. Afrikanskii etnograficheskii sbornik. XIII / D.A. Ol'derogge (otv. red.). L., 161-185.

Потокина О.В. 2015: «Варварский вкус» в «классическом мире». К вопросу об образности искусства варваров эпохи Великого переселения народов // Цивилизация и варварство: пограничье как феномен, состояние и культурно-историческое пространство / В.П. Буданова, О.В. Воробьева (отв. ред.). М., IV. 397-413. — Potokina O.V. 2015: «Varvarskii vkus» v «klassicheskom mire». K voprosu ob obraznosti iskusstva varvarov epokhi Velikogo pereseleniya narodov // Tsivilizatsiya i varvarstvo: pogranich'e kak fenomen, sostoyanie i kul'turno-istoricheskoe prostranstvo / V.P. Budanova, O.V. Vorob'eva (otv. red.). M., IV. 397-413.

Age of Spirituality. 1979: Late Antique and Early Christian Art, Third to Seventh Century / K. Weitzmann (ed.). New York.

Aimone M. 2008: Der Schatz von Desana // Rom und die Barbaren: Europa zur Zeit der Völkerwanderung / H.W. Kohler (Hrsg.). Bonn, 230-231.

Alföldi M.R. 1963: Zum Ring der Königin Arnegunde // Germania. 41. 55-58.

Altheim F. 1952: Niedergang der alten Welt. Frankfurt a. M.

Ament H. 1965: Zum Ring der Königin Arnegundis // Germania. 43. 324–327.

Arnold J.J. 2013: Theodoric's Invincible Mustache // JLA. 6. 1. 152-183.

Глава 1 [Glava 1] *Berges W.* 1954: Das Monogramm der Berner Gemme // *Schramm P.E.* Herrschaftszeichen und Staatssymbolik. Beiträge zu ihrer Geschichte vom dritten bis zum sechzehnten Jahrhundert. Stuttgart, I. 222-226.

Глава 2 [Glava 2] *Boardman J.* 1970: Greek Gems and Finger Rings: Early Bronze Age to Late Classical. London.

Глава 3 [Glava 3] *Breckenridge J.D.* 1979: Three Portrait Gems // Gesta. 1. 7-18.

Глава 4 [Glava 4] *Brilliant R.* 2000: The *Pax Romana*: Bridge or Barrier between Romans and Barbarians // Gegenwelten / T. Hölscher (hrsg.). München; Leipzig, 391-408.

Глава 5 [Glava 5] *Brown K. R.* 1995: Migration Art, A.D. 300–800. New York.

Глава 6 [Glava 6] *Brulet R.* 1996: Tournai und der Bestattungsplatz um Saint-Brice // Die Franken, Wegbereiter Europas. Vor 1500 Jahren: König Chlodwig und seine Erben / Reiss-Museum Mannheim [Publ.]. Mainz, I. 163-170.

Глава 7 [Glava 7] *Burda Ş.* 1979: Tezaure de aur din România. Bucureşti.

Глава 8 [Glava 8] *Cameron A.* 2013: The Origin, Context and Function of Consular Diptychs // JRS. 103. 174-207.

Глава 9 [Glava 9] Childéric — Clovis. 1982: Childéric — Clovis. 1500-e anniversaire. 482–1982. Tournai.

Глава 10 [Glava 10] *Delbrueck R.* 1933: Spätantike Kaiserporträts von Constantinus Magnus bis zum Ende des Westreichs. Berlin; Leipzig.

Глава 11 [Glava 11] *Deppert-Lippitz B.* 1984: Goldschmuck der Römerzeit. Mainz.

Глава 12 [Glava 12] *Diesenberger M.* 2003: Hair, sacrality and symbolic capital in the Frankish kingdoms // The construction of communities in the early Middle Ages: texts, resources and artefacts / R. Corradini, M. Diesenberger, H. Reimitz (hrsg.). Leiden, 173-212.

Effros B. 2003: Merovingian mortuary archaeology and the making of the early Middle Ages. Berkeley.

Fleury M. 1965: L'anneau sigillaire d'Arégonde, femme de Clotaire Ier, découvert à Saint-Denis (séance du 20 Février 1963) // Bulletin de la Société nationale des Antiquaires de France. Paris, 34-42.

Gauert A. 1972: Der Ring der Königin Arnegundis aus Saint-Denis // Festschrift für Hermann Heimpel. Dritter Band. Göttingen, 328-347.

Greenhalgh M. 1989: The Survival of Roman Antiquities in the Middle Ages. London.

Grierson Ph. 1975: Numismatics. London; Oxford; New York.

Grierson Ph., Blackburn M. 1986: Medieval European Coinage. 1: The Early Middle Ages (5th-10th centuries). Cambridge.

Hubert J., Porcher J., Volbach F. 1967: L'Europe des invasions. Paris.

James E. 2009: Europe's Barbarians, AD 200–600. London; New York.

Kaiser R. 1994: War der Ring des Graifarius der Siegelring des Vaefarius dux Francorum? // Iconologia sacra. Mythos, Bildkunst und Dichtung in der Religions- und Sozialgeschichte Alteuropas // Festschrift für Karl Hauck zum 75. Geburtstag / Keller Hagen (hrsg.). Berlin, 263-282.

Kiilerich B. 1996: Continuity and Change in Ruler Imagery. The Eternal Victor, c. 400 to c. 800 A.D. // Rome and the North / A. Ellegård, G. Åkerström-Hougen (ed.). Jonsered, 95-110.

Kornbluth G. 2008: The Seal of Alaric, *rex Gothorum* // Early Medieval Europe. 16 (3). 299-332.

Kühn H. 1956: Germanische Kunst der Völkerwanderung. München.

Kulikowski M. 2012: The Western Kingdoms // The Oxford Handbook of Late Antiquity / S.F. Johnson (ed.). Oxford, 31-59.

I Longobardi. 2007: I Longobardi / G.P. Brogiolo, A. Ch. Arnau (cur. ed.). Milano.

Marshall F.H. 1907: Catalogue of the Finger Rings in the British Museum, Greek, Etruscan, and Roman. London.

Martindale J.R. 1980: PLRE. Vol. II. A.D. 395–527.

McCormick M. 1986: Eternal Victory: Triumphal Rulership in Late Antiquity, Byzantium, and the Early Medieval West. New York.

Megow W.-R. 1987: Kameen von Augustus bis Alexander Severus. Berlin.

Netzer N. 1983: Reading the Consular Ivory of Orestes // The Burlington Magazine. 125. 962, May. 265-271.

Ogden J. 1982: Jewellery of the Ancient World. New York.

Périn, P., Kazanski M. 1996: Das Grab Childerichs I // Die Franken, Wegbereiter Europas. Vor 1500 Jahren: König Chlodwig und seine Erben. Vol. 1 / Reiss-Museum Mannheim [Publ.]. Mainz, 173-182.

Radnoti-Alföldi M. 1988: Das Goldmultiplum Theoderichs des Großen // Rivista Italiana di Numismatica. 90. 367-372.

Richter M. 2004: Wozu hatte Childerich einen Siegelring? // Akkulturation. Probleme einer germanisch-romanischen Kultursynthese in Spätantike und frühem Mittelalter / Hägermann D., Haubrichs W., Jarnut J. (hrsg.). Berlin; New York, 359-366.

Ross M.C. 2005: Catalogue of the Byzantine and Early Medieval Antiquities in the Dumbarton Oaks collection, Volume 2. Jewelry, Enamels, and art of the Migration period. Washington.

Roth H. 2002: Childerichs Ring — Fremde Könige mit den Augen von Byzanz gesehen? // APA. 34. 129-134.

Rummel F. von 2007: Habitus barbarus. Kleidung und Repräsentation spätantiker Eliten im 4. und 5. Jahrhundert. Berlin; New York.

Sande S. 1975: Zur Porträtplastik des sechsten nachchristlichen Jahrhunderts // Acta ad archaeologiam et artium historiam pertinentia / H.P. L'Orange, J. Nordhagen, M. Malmanger (ed.). Roma, VI. 65-106.

Schramm P.E. 1954: Brustbilder von Königen auf Siegelringen der Völkerwanderungszeit // *Schramm P.E.* Herrschaftszeichen und Staatssymbolik. Beiträge zu ihrer Geschichte vom dritten bis zum sechzehnten Jahrhundert. Stuttgart, I. 213-237.

Sear D.R. 1974: Byzantine coins and their values. London.

Spier J. 1992: Ancient Gems and Finger Rings. Catalogue of the Collections of the J. Paul Getty Museum. Malibu.

Steuer H. 1982: L'industrie d'art à l'époque mérovingienne // Childéric — Clovis. 1500-e anniversaire. 482–1982. Tournai, 181-200.

Stewart A. 2004: Attalos, Athens, and the Akropolis: The Pergamene «Little Barbarians» and their Roman and Renaissance Legacy. Cambridge.

Wallace-Hadrill J.M. 1962: The long-haired kings // The long-haired kings and other studies in Frankish history. London, 148-248.

Werner J. 1967/68: Namensring und Siegelring aus dem gepidischen Grabfund von Apahida (Siebenbürgen) // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. 9. 120-123.

Werner J., Kuhn H., Horedt K. 1973: Apahida // RGA. 1. 365-367.

Olga V. POTOKINA

METHODS OF IMITATION AS THE EMBODIMENT OF THE MECHANISMS OF LATENT BARBARITY

THREE «PORTRAITS» OF THE BARBARIAN RULERS

The article is devoted to some specificities of the art of barbarians at the turn of Antiquity and the Middle ages. Barbarians masters and barbarians customers keenly felt the need for understanding and transmission in the language of art rapidly changing reality. For the realization of new realities masters of barbarians turned to the language of the expression of the antique art. That created the situation of the *latent barbarity,* embodied in complex simulation techniques and imitative mechanisms, and in a real practice of art — in the system sample/imitation. The mechanisms of latent barbarity expressed vividly in the first extant images of barbarian rulers from the V–VI centuries. In this article the author refers to the images of the barbaric rulers of Alaric II, Theodoric II and Childeric I associated with signet rings.

Keywords: Great Migration of peoples, Alaric II, Theoderic II, Childeric I, signet rings, gems.

Olga V. POTOKINA — Researcher of the Scientific and Research Institute of Theory and History of Fine Arts of the Russian Academy of Arts. 21. Moscow, Russian Federation — olgapotokina@yandex.ru

А.А. Сазонова

ЛАТЕНТНАЯ ФОРМА ЗАЛОЖНИЧЕСТВА В ГЕРМАНСКИХ КОРОЛЕВСТВАХ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В статье анализируется исторический феномен латентного заложничества в брачной сфере, связанный с комплексом архаических институтов традиционной древнегерманской культуры — кровной местью и матримониальным свойством, межгентильными отношениями и выплатой вергельда. Для раскрытия темы в хронологических рамках V–VIII вв. выделяются два цивилизационных полюса — имперская стратегия брачной политики и основанный на многовековом опыте межродового союзничества и вражды германский институт брачного заложничества. Их историческое столкновение рассматривается на примерах внутрисемейной политики остгота Теодориха Великого, инверсированной меровингской модели у франков и эталонного воплощения в англосакских королевствах VII в. Были выявлены существенные различия в этнических культурах восточных и западных германцев (готов, вандалов, лангобардов, бургундов, франков и англосаксов). Делается итоговый вывод о выраженной динамике в сторону угасания и политической формализация для живой древнегерманской традиции за раннесредневековый период, закончившийся брачным казусом между Карлом Великим и англосакским королем Оффой.

Анна Анатольевна САЗОНОВА — кандидат исторических наук, независимый исследователь, Российская Федерация, Москва. — tok6aas2011@yandex.ru

Цивилизация и варварство
2020. Вып. IX. С. 297-318
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2020. Issue IX. P. 297-318
DOI: 10.21267/AQUILO.2020.9.9.009

Ключевые слова: брачная политика, латентное заложничество, кровная месть, Теодорих Великий, Меровинги, вандалы, англосаксы, Оффа и Карл Великий

Для исторических реалий постримского мира V–VII вв. была характерна *живая традиция* сложных социальных связей у восточных и западных германцев, восходящая к архаическому комплексу древнегерманских внутриродовых и межродовых отношений. Дуалистическая цельность союзных и враждебных стратегий для сферы войны и мира складывалась из базового арсенала социальных практик — союзничества и гостеприимства, родства и брачного свойства, наследования, легитимизации и престижа происхождения, побратимства и усыновления по оружию, предоставления защиты, изгнания и пленения, выкупа и освобождения из плена, заложничества, вергельда и кровной мести. Когда вырабатывались сдерживающие механизмы для внутриродовых конфликтов и устанавливались прогрессивные межгентильные практики[1], кровная месть и разные виды заложничества стали позитивным явлением в традиционных этнокультурах и цивилизационной новацией, накладывая оптимальные ограничения в мире хаотического насилия.

В условиях неразрешимого территориального конфликта и длительной этнической или родовой вражды традиционная культура пыталась найти финальное разрешение или выйти на временное перемирие с помощью брачных союзов, условия и обстоятельства заключения которых носили недружественный характер, являясь по своей сути латентной формой заложничества. Варианты разрешения острых конфликтов и интенсивность союзничества в германских королевствах могли варьироваться от ослабленного типа через выражение договорной зависимости (личного характера) до максимального накала во взаимном обмене заложниками по браку. Одной из показательных особенностей латентного залож-

[1] Эта же среда становилась почвой для возникновения латентного варварства: «Первоначально латентное варварство — это защитный, опекающий инструмент выживания, механизм адаптации к новым условиям жизни… Но в цивилизованном мире даже варвару для большей безопасности необходимо было сдерживать поток агрессии…». См.: *Буданова В.П.* 2019, 12.

ничества в королевских родах становится негативный сценарий развития ситуации на финальной стадии (от демонстративных увечий до отравлений и убийств). Хотя данный комплекс брачных отношений был в целом свойственен всем германцам, каждый из анализируемых в статье исторических казусов уникален по своему развитию и символическому языку поведенческих паттернов, которые открыто проявлялись или скрывались в специфике политических реалий. Подобный ракурс исследования позволяет на основе исследовательских реконструкций воссоздать целостную картину латентного заложничества в варварских королевствах раннего средневековья и выявить вариации этого культурного кода у разных германских народностей.

В германском социуме из основных характеристик архаичной системы аванкулата в качестве несущей потенциальную опасность осознается выдача в брачные заложницы дочери или сестры правителя, что (при рождении ею детей и последующих проблем во внутриродовом наследовании) могло привести к внешней угрозе захвата власти и утрате суверенитета. Для минимизации последствий такой ситуации избиралась форма одновременного заключения двух брачных союзов между враждующими родами, что становилось скрытым заложничеством.

Мутация имперской брачной политики и древнегерманский институт брачного заложничества

В рамках союзного договора готского короля Валамира с императором Львом его восьмилетний племянник Теодорих отправился заложником в Константинополь (459 г.). Десятилетие жизни и образования в византийской столице могло произвести на юного Амала столь сильное впечатление[2], что, воспроизводя в 490-х гг. в завоеванной Италии постримскую модель власти, Теодорих пытался гибридизировать готские родовые традиции с имперской моделью брачной политики ранневизантийского периода. Мутация имперской модели происходила из-за двойственного положения самого Теодориха — византийское воспитание и оторванность от

[2] Предполагают, что родная тетка Теодориха Амала была выдана замуж за одного из братьев Теодориха Страбона (племянника третьей жены Аспара). См.: *Demandt A.* 2013, 72–73; *Вольфрам Х.* 2003, 56.

чисто германской среды склоняли его к адаптированной трансляции имперского опыта, но положение варварского короля Италии (несмотря на все полученные из Константинополя регалии) исторически уже не соответствовало высокому рангу и имперскому признанию патриция Рицимера[3], свадьба которого с дочерью западного императора Анфемия (467 г.) была неизбежным элементом политической борьбы, отсылая к браку Стилихона и Серены, племянницы и приемной дочери императора Феодосия.

Италийский завоеватель Теодорих в первое десятилетие своего правления заключил династические браки с соседями и противниками — вестготским и франкским королями, бургундским наследником и правителями вандалов и тюрингов (*Iord.* Get. 296–298). Однако никто из женских представительниц рода Амалов не мог получить имперский иммунитет личной безопасности, которым обладали вдова и дочери убитого императора Валентиниана III[4]. Обстоятельства кончин двух старших дочерей Теодориха, по-видимому, были естественными, но годы их династических браков пришлись на период позитивной для остготов конъюнктуры. Сравнивая эффективность политического манипулирования Гейзериха (428/39–477), который гениально сочетал древнегерманские родовые традиции и имперский престиж постримской власти, с риторическим блеском Амалов, становится очевидным, что вандальский

[3] *Сазонова А.А.* 2014, 245–249, 255–256.

[4] Разительный контраст демонстрирует история пленения в Риме (455 г.) западной императрицы Лициния Евдоксии и ее взрослых дочерей, которых заложницами вандальский король вывез в Карфаген. Если старшая из сестер Евдокия сочеталась браком с сыном Гейзериха Хунерихом (477–484), то ее мать и помолвленная сестра Плацидия лишь после долгих переговоров были освобождены и отправлены в Константинополь (ок. 462 г.). В источниках отсутствуют намеки на неподобающее отношение к этим женщинам из императорской семьи, наоборот, подчеркивали, что они содержались в большом почете, и отмечали пышность их эскорта в Византию. И даже «бегство» замужней Евдокии на рубеже 460–470-х гг. в Палестину и Иерусалим (где в 460 г. была погребена ее греческая бабка Евдокия-Афинаида) можно рассматривать как форму ее «освобождения» Гейзерихом. Слухи же о ранней помолвке Евдокии и Хунериха во время равеннского заложничества вандальского принца можно интерпретировать как поздний элемент византийской пропаганды.

король успешно использовал брачный статус имперских заложниц, когда добивался суверенного признания для своего королевства. Квазиимперские претензии Теодориха (493–526) не воспринимались соседними германскими правителями как равные Константинополю, для варварских королей сакральность Амалов («Hamali sanguinis purpuream dignitatem») не превосходила знатность их собственных родов.

Возможно, определенная стертость общегерманской идентичности у готов после нескольких веков миграций и переселений по негерманским землям в тесном соседстве с иными этносами могла сказаться на утрате Теодорихом интуитивных опасений при заключении череды междинастических браков. Кроме военной силы в остготской внешней политике с западными и восточными германцами не отмечаются явные или скрытые ресурсы, которые могли бы уравновешивать переход невест из их рода в другие династии, не получая взамен латентных брачных заложниц. На мой взгляд, женитьба самого Теодориха на сестре Хлодвига являлась ключом ко всей матримониальной интриге и напрямую была связана с бургундским сватовством франкского короля. Оба этих брака точно не датируются по источникам, хотя бракосочетание Амала с Аудофледой традиционно относили к началу матримониальной эпопеи (ок. 493/5 г.), а свадьбу Хлодвига и Хродехильды по «старому новому» историографическому взгляду сдвинули на целое десятилетие (ок. 503 г.)[5].

[5] В историографии по раннему меровингскому периоду (Д. Шанцер, Б. Бахрах) стала доминировать «сдвинутая» хронология событий 490–500-х гг. для правления Хлодвига, основной «загвоздкой» которого было крещение франкского короля, перенесенное с 496/7 г. на 506 год. Жорж Тессье в хронологической таблице опубликовал две параллельные хронологии для 493–506 гг. (см.: *Tessier G.* 1964, 373), признавая этим интерпретационную равнозначность для двух датировок, выстроенных по разным аутентичным источникам. Традиционная хронология, в хрестоматийном виде сформулированная Ф. Лотом, на протяжении XIX–XX вв. опровергалась в реконструкциях Ф. Фогеля (1886), Б. Круша, А. Ван де Вивера (1936–1938), Р. Вайсса (см.: *Spencer M.* 1994, 98–101). В отличие от поздней даты брака (502/3 г.) в моей гипотезе она переносится на последние годы V в., и оба этих датирования акцентируют вни-

Все источники подчеркивали, что отношения Теодориха с его королевскими свойственниками — с вестготом Аларихом, вандалом Тразамундом и франком Хлодвигом, бургундами Гундобадом и Сигизмундом были перманентно враждебны, колеблясь от временных перемирий до провокаций, грабительских нападений и военных действий. Только в случае с тюрингским королем речь шла о покровительстве остготского правителя, после смерти которого Херменефрид переключился на союзничество с франками. Несмотря на устойчивость мифа об успешности брачной дипломатии Теодориха Великого и с учетом всей мощи пропагандистской риторики Кассиодора, следует признать, что династийный замысел амальского короля потерпел крах еще при его жизни[6], не выдержав испытания реалиями германских традиций. Сражаясь с Хлодвигом, погиб вестготский зять Аларих (507 г.), после кончины остготского короля его вестготский внук Амаларих будет убит неким франком после франкской победы (531 г.), в войне с сыновьями Хлодвига тюрингский король Херменефрид, женатый на племяннице Амала, потеряет свое королевство и жизнь (534 г.). Трагично погибнет бургундский внук Сигерих (522 г.), убитый по приказу собственного отца Сигизмунда, который затем будет разбит и казнен сыновьями Хлодвига (523 г.). Драматична судьба женской родни Амала — родная сестра Амалафрида умрет в темнице у вандалов (525 г.), а ее дочь Амалаберга будет вынуждена бежать с детьми из Тюрингии к брату Теодохаду в Италию.

Демонстративные обстоятельства насильственных смертей близкой родни взывали Теодориха к кровной мести. Конфликтуя с бургундами из-за военной помощи Сигизмунда Хлодвигу в битве

мание на регентском статусе Хродехильды, когда на момент смерти Хлодвига ни один из его бургундских сыновей не достиг совершеннолетия.

[6] Уже Иордан оценивал франко-готское брачное свойство как не оправдавшее возложенных на него ожиданий. *Iord.* Get. 295–296: Adsumit missaque legatione ad Lodoin Francorum regem filiam eius Audefledam sibi in matrimonio petit. Quam ille grate libenterque concessit suosque filios Celdebertum et Heldebertum et Thiudebertum credens hac societate cum gente Gothorum inito foedere sociari. Sed non adeo ad pacis concordiam profuit ista coniunctio, quia saepenumero propter Gallorum terras graviter inter se decertati sunt, numquamque Gothus Francis cessit, dum viveret Theodoricus.

при Вуйе (507 г.), остготы отвоевали захваченный Прованс, а после убийства Сигериха ими был проведен карательный поход. В случае с вандалами отплытие построенного флота не состоялось ввиду смерти остготского короля (526 г.). История с вандальским замужеством Амалафриды выявила присущую вандалам этническую особенность, связанную с символическим языком показного устрашения[7] и провокационного глумления. Еще до разграбления Рима и похищения императрицы с дочерями, вандал Гейзерих расторг брак своего старшего сына с дочерью вестготского короля Теодерида (ок. 442/6 г.). Обвинив невестку в политическом заговоре, он приказал отрезать ей нос и уши[8]. Аналогичный случай манифестируемой жестокости над женской родней своего политического противника известен по «Истории лангобардов» Павла Диакона[9].

После смерти Тразамунда власть получил провизантийски настроенный Хильдерих (523–530), этот сын Хунериха и Евдокии перебил весь готский отряд и приближенных Амалафриды, а ее саму посадил в темницу, где она и скончалась. За показную расправу над сестрой и ее спутниками Теодорих начал строить флот и готовиться к войне на брошенный вызов[10]. Но кончина короля в корне изменила ситуацию, письмо сына Амаласунты, отосланное вместе с готским посольством, содержало умиротворяющие посылы, рассчитывая на дипломатические извинения от Хильдериха.

---

[7] В творчестве Драконция усматривают политические аллюзии на варварскую характеристику вандалов — их неумеренную жестокость и мстительность. См.: *Никольский И.М.* 2019, 332–333.

[8] *Iord.* Get. 184: …она была отослана обратно в Галлии к отцу своему с отрезанным носом и отсеченными ушами только по подозрению в приготовлении яда [для мужа]; лишенная естественной красы, несчастная представляла собой ужасное зрелище, и подобная жестокость, которая могла растрогать даже посторонних, тем сильнее взывала к отцу о мщении.

[9] Король Ариперт (701–712) не смог пленить сбежавшего Анспранда, опекуна наследника прежней династии, но захватил его семью. Старшему сыну Анспранда выкололи глаза, а жену и дочь Аврону обезобразили, отрубив им нос и уши (HL.VI. 22). После гибели Ариперта Анспранд и его младший сын Лиутпранд (712–744) правили лангобардским королевством, Аврона была выдана замуж, и затем уже ее дочь стала женой герцога Беневента (HL.VI. 50).

[10] *Вольфрам Х.* 2003, 443.

В центральной части письма речь шла о позоре (opprobrium), испытываемом «нашими готами», и о презрении («omnino eius parentum visus est despexisse virtutem») вандалов в отношении рода Амалов[11]. Однако уже в первой половине текста косвенно признается, что Амалафрида пыталась вмешаться в порядок наследования власти, поэтому родня могла ожидать, что ее отошлют обратно в Италию, а не жестоко прервут жизнь («violentum apud vos reperisse lucis occasum») в подобии отцеубийства (parricidium). Руководствуясь моральными соображениями (в требовании «a vobis expetimus aequitatem» взамен кровной мести), сами остготы предлагают вандалам в качестве формальной причины смерти Амалафриды ее немолодой возраст (как naturalis occasus), желая получить разумный ответ и политическое удовлетворение «без войны и кровопролития» и стремясь не нарушать временное перемирие братоубийством[12]. Это послание Кассиодора, по сути, дискредитирующее родовое достоинство наследников великого Амала, было написано в 526 г., а через пять лет сын Хлодвига в рамках меровингской файды отомстит за оскорбление своей сестры разгромом аквитанских вестготов и смертью Амалариха.

Самая же невообразимая история в доме Амалов, по переданным Григорием Турским антиготским слухам (HF. III. 31), которая в финале закончилась кровной местью, разыгралась между вдовой Теодориха и их дочерью Амаласунтой, которая по политическим соображениям и в страшной обиде на мать, *якобы* приказала отравить вдовствующую Аудофледу. Племянник Теодориха Теодохад, ставший мужем Амаласунты, был вынужден расправиться с дочерью великого короля (535 г.), после чего франкская родня амальской племянницы Хлодвига потребовала с него чудовищного размера вергельд[13]. В этой баснословной истории турский епископ

[11] *Cassiod.* Var. IX. I, 2.

[12] *Cassiod.* Var. IX. I, 3–4.

[13] Заявленный размер вергельда (по Григорию, в 50 тысяч золотых солидов равен сумме, которую, по словам Иордана, византийцы заплатили франкам за вторжение в Италию против лангобардов), который Теодохад выплатил Хильдеберту и Теодоберту, вызывает определенные сомнения. Так известна сумма (в 10 тысяч золотых) вергельда вестготов за Ингунду (старшую дочь Брюнхильды), чья смерть последовала в визан-

смешал правду и вымысел, сгустил реальные и подсознательные ужасы и страхи меровингской династийной политики — чужеземный политический брак, романные страсти (бегство с низкорожденным любовником), варварство готов-ариан, кощунственный способ отравления (во время церковного причастия) и византийское мщение (в запертой купальне-бане), законное требование вергельда и несправедливый его раздел (когда Хлотарь был ущемлен Хильдебертом и Теодебертом).

К сожалению, автор «Варий» Кассиодор (ок. 485 – ок. 590) по возрасту не был свидетелем переговоров «матримониального десятилетия» 490-х гг., поэтому все известные даты браков условны и «плавают» по реконструкциям разных исследователей. Так считается, что брачная геополитика Теодориха началась сразу после захвата власти с союза Теодеготы с вестготом Аларихом II (ок. 493 г.). Ход дальнейших событий более понятен по «Житию Епифания» Эннодия, где рассказывается о посольстве епископа к Гундобаду (март 495 г.), целью которого было заключение Теодорихом мира с бургундским королем, возвращение пленных и, очевидно, матримониальное предложение для старшего сына опасного соседа[14]. Слова Эннодия о предполагаемой помолвке (или браке) Сигизмунда в действительности весьма темные, что позволяет говорить о затяжной помолвке из-за долгих закулисных переговоров[15]. Возможно, с самого начала речь шла о трехстороннем союзе, определяющем сферы влияния пришлых остготов, с одной стороны, и королей бургундов и франков, с другой. По моей гипотезе, Теодорих Великий хотел навязать амальский брак Хлодвигу (тот или не хотел готской жены сам, либо состоял в политическом браке с матерью своего сына Теодориха), но франкский

тийском плену после неудачного восстания Герменегильда. Однако сумма платежа Теодохада могла быть значительной, если рассматривать вергельд за Амаласунту как прикрытие для комплексной выплаты от остготов двум франкским королям в рамках их тайных союзнических договоренностей. И тогда становится понятным смысл несправедливого раздела вергельда между меровингами.

[14] *Shanzer D.* 1996–97, 226–227.

[15] О временн**о**м разрыве между помолвкой и браком см.: *Вольфрам Х.* 2003, 440, 447.

король предпочел взамен выдать замуж за остгота одну из родных сестер. Мною разделяется предположение Д. Шанцер и А. Ван де Вивера о первоначальной помолвке Хлодвига (481–511) с дочерью Гундобада, правда, хронологически относя это событие к последним годам V века. Этим же периодом датируются ранние визиты принца Сигизмунда в Рим (до 498 г. и 498–502)[16], которые могли быть связаны с его бракосочетанием на Остроготе.

Данута Шанцер, развивая исследовательские гипотезы Ван де Вивера (1936–1938), датирует намеченное бракосочетание дочери Гундобада с Хлодвигом окончанием франко-бургундской войны 500–501 гг.[17] Однако, на мой взгляд, из темного содержания письма Авита к Гундобаду (после 501 г.) не следует, что скоропостижная смерть невесты от болезни перед самой свадьбой произошла недавно, по итогам переговоров после войны. По-моему, посвящая большую часть письма христианскому утешению безутешного отца, Авит сначала проводит скрытую параллель к трагической смерти собственной сестры во время бургундской войны и переходит к гибели в братоубийственной борьбе Годегизела, последнего из трех убитых Гундобадом братьев. Вынужденная замена умершей дочери-невесты на племянницу была проведена бургундским тестем ради династического союза с Хлодвигом в рамках матримониальной конфигурации между остготами, бургундами и франками, что подтверждалось симметричным и, возможно, синхронным бракосочетанием Сигизмунда. Причиной же убийства Сигизмундом его старшего сына Сигериха (522 г.) могло стать, на мой взгляд, подозрение короля относительно планов Теодориха передать власть у бургундов своему совершеннолетнему внуку (а личный конфликт наследника с мачехой мог быть лишь формальным поводом).

Заключение междинастических браков для германских правителей являлось регулярной практикой и важным элементом традиционной культуры[18]. Однако в турбулентных условиях геополити-

---

[16] *Shanzer D.* 1996–97, 251.

[17] *Avitus of Vienne.* 2002, 208–212; *Shanzer D.* 1998, 55. Епископ Авит мог вести от бургундской стороны матримониальные переговоры с Хлодвигом.

[18] Самый яркий пример — это брачная политика лангобардского короля Вахо (ок. 510 – ок. 539), первой женой которого была дочь тюринг-

ки Великого переселения народов стала ярче проявляться изначальная амбивалентность матримониальных союзов на межгентильном уровне, цена ошибки в брачной стратегии заметно выросла и недооценка (или игнорирование) *взаимности* в межродовых отношениях приводила к краху. Так гипотеза С.М. Перевалова о первом аланском браке Атаульфа разъясняет последствия развода готского вождя с его знатной аланской женой ради брака с Галлой Плацидией, когда он лишился всего аланского войска[19]. Возможно, в негативной этнохарактеристике «morbus Gothorum», данной франками готам (Григорий Турский и Фредегар), содержался намек и на пренебрежение готами древнегерманского принципа взаимности, на котором зиждились традиции вергельда, кровной мести и латентного заложничества по браку. Политически тонкое понимание германской договорной культуры продемонстрировал Прокопий при изложении истории гепидо-лангобардской вражды[20].

В 547–548 гг. королевскую власть у лангобардов и гепидов захватили знатные военачальники Аудуин и Туризинд, основатели новых династий. Аудуин (547–563), опекун при малолетнем сыне короля Вахо Валтари (540–547), уже в 530-х гг. являлся политическим союзником Юстиниана, который устроил ему брак с дочерью Амалаберги. Внезапная смерть Валтари, старшие сводные сестры которого стали меровингскими королевами, сделала Аудуина из регента королем, но оставался легитимный наследник рода литингов Хильдегисл, сын изгнанного племянника Вахо, который служил при императорском дворе в Константинополе, а затем бежал к гепидам (550/1 г.). Для самого Туризинда (548–560), после смерти Элемунда отстранившего от власти его сына Устриготу (Остроготу), этот юный наследник, чья старшая сестра Аустригуза в свое время была женой Вахо и матерью его дочерей, стал опасной угрозой, получив поддержку и убежище у короля Аудуина. Юстиниан

ского короля, второй — дочь короля гепидов Элемунда, третьей — принцесса герулов.

[19] *Перевалов С.М.* 2003, 7–16. Зеркальным примером, на мой взгляд, стал брак Альбоина и Розамунды, дочери убитого им гепидского короля, благодаря которому часть гепидов смогла примкнуть к войску победителей в их походе на Италию.

[20] *Proc*. BG. VII. 34–35; VIII. 18; 25; 27.

вместе с Аудуином требовали от Туризинда выдачи беглеца Хильдегисла. Новый гепидский король не мог пренебречь базовыми элементами родовой культуры германцев — правом убежища для изгнанника и неприкосновенностью гостеприимства, поэтому он выдвинул Аудуину встречное требование о выдаче Устриготы, заведя политическую ситуацию в официально неразрешимый тупик. Оба правителя с удовольствием осуществили бы «размен» подопечных, но не могли нарушить клятвенный обычай перед своими народами. И поэтому Прокопий пишет о взаимном сговоре двух заклятых королей-врагов, которые обманом и коварством уморили скрывавшихся у них наследников королевских родов (552 г.). Таким образом, они удовлетворили требования императора и разрешили взаимные счета друг друга, не нарушив в глазах соплеменников древнегерманских обычаев.

Исключительная значимость культуры гостеприимства и защиты изгнанника проявлялась у гепидов и лангобардов на гентильном уровне, когда жизнь и свободу беглецам королевского рода гарантировала не личная или родовая честь принявших их королей[21], но право убежища для чужаков охраняло этническое достоинство всего народа. Павел Диакон повторил смысловой посыл Прокопия о нерушимости принципов древнегерманской традиции в максимально конфликтной ситуации, фокусируя внимание на личной чести и социальном достоинстве Туризинда и Альбоина[22]. Византиец Прокопий сторонним взглядом смог увидеть главное — насколько незыблемой оставалась архаическая традиция в германском социуме, что могущественные враги были вынуждены обходить общественное мнение своих народов лишь путем тайного сговора.

---

[21] На Прокопия эта история произвела впечатление, поэтому он отметил (*Proc*. BG.VIII. 27) и у Юстиниана «варварское» достоинство чести и дружбы, когда император отказался выдать своему союзнику Аудуину изгнанника Устриготу, когда тот еще пользовался его покровительством в Византии.

[22] После гибели старшего сына от руки Альбоина на поле битвы (ок. 551 г.) гепидский король проявил эталонное гостеприимство по-германски, передав наследнику Аудуина доспехи своего павшего сына как законный трофей, когда Альбоин явился к нему во дворец на пир (HL. I. 23).

Меровингская брачная модель и специфика ее исключительности

Меровингская брачная модель — это исследовательская гипотеза, фиксирующая на источниковом материале уникальный и противоположный традиционной брачной политике германцев вариант осознанного исключения из правил. Эта инверсированная модель формулируется мною на основании общих историографических представлений о нежелании Меровингов связывать брачными узами женщин из своего рода с династиями соседних королевств[23]. По аутентичным источникам, зыбкий, стертый и не ярко выраженный характер этой брачной стратегии обусловлен небольшим количеством меровингских принцесс и значительным числом исключающих брачных эпизодов, отчасти под вестготским влиянием (замужество старшей дочери Брюнхильды и сорвавшаяся свадьба дочери Фредегонды) либо носивших заместительный характер в матримониальных коллизиях политического союзничества (браки Аудофледы и Хлодозинды)[24].

В пятом веке все франкские королевские роды тесно породнились между собой, историческим следствием этой архаичной модели межродовых браков стало истребление Хлодвигом кровной родни, чтобы объединить всех франков под властью своей семьи. Очевидно, во времена Гундахара и Гундиоха бургунды и франки

---

[23] В современной историографии самостоятельное правление во франкских королевствах династии Меровингов ограничивают пятью поколениями (от Хлодвига до Дагоберта), последующее столетие относят к позднемеровингскому периоду, когда фактическими правителями стали майордомы из династии Пипинидов-Арнульфингов.

[24] Мои расчеты по данным источников для V–VI вв.: *семь* выданных замуж меровингских принцесс (сестра Хлодвига Аудофледа за остгота Теодориха; дочь Хродехильда за вестгота Амалариха; внучки — Теодехильда за королей варнов и Хлодозинда за лангобарда Альбоина; правнучки — Берта за кентца Этельберта, Ингунда за вестгота Герменегильда и Хлодосвинта за агилулфинга Хродоальда) и *тринадцать* дочерей и сестер меровингов, достигших брачного возраста и оставшихся незамужними (две сестры Хлодвига, две дочери Хильдеберта, сестра Теодебальда, две дочери Хариберта, две дочери Гунтрамна, две дочери Хильперика, внучка Брюнхильды Теоделана и правнучка, на которой в 612 г. хотел жениться ее дядя).

породнились, но затем меровинги только брали бургундских невест (Хродехильда, Суавегота, Гунтевка). Сверхагрессивная внешняя экспансия, опасная напряженность в элитной среде, резкий переход от общефранкской династии к выделившемуся роду Меровея вынудили меровингов в экстремальных условиях творчески подойти к реализации кровной мести. Поэтому в основу меровингской брачной модели легло стремление избежать латентного брачного заложничества[25], а повышенные требования по файде отошли к сфере королевской сакральности. Отказ выдавать меровингских принцесс в соседние королевства лишал врагов франков политических рычагов давления, не осложняя завоевания родовой местью. Единственным примером меровингской файды (лат. faidus; двн. fēhida) стала месть сына Хлодвига Хильдеберта за оскорбление сестры ее вестготским мужем (531 г.)[26]. За убийство Теодохадом Амаласунты, племянницы Хлодвига, франкские кузены потребовали вергельд (536 г.). Позже вестгот Реккаред дипломатически выплатил символический вергельд Брюнхильде (587 г.) за смерть старшей дочери ради помолвки с ее младшей сестрой (HF. IX. 16). Сложное положение на границах вынуждало австразийских правителей жениться на дочерях лангобарда Вахо (HF. III. 20; 27; IV. 9) и дважды выдавать замуж внучку Хлодвига за королей варнов (*Procop.* BG. VIII. 20), Хлотарь же по итогам многоходовой интриги сочетал браком единственную дочь с лангобардом Альбоином. Самым необычным матримониальным эпизодом стал отъезд в Кент принцессы Берты[27].

---

[25] Косвенным свидетельством служит знаковое отсутствие в меровингском именослове именного компонента gisl/gisel «заложник», который был частотен в V–VII вв. у королевских родов вандалов, вестготов, варнов, бургундов, лангобардов и западных саксов. В роду арнульфингов компонент появился у Ансегизела (613–662), а затем у сестры Карла Великого Гизелы (757–810). Позднее это имя стало популярным среди дочерей каролингских королей IX в.

[26] Григорий драматически повествует (HF. III. 10) о посланном к франкской родне платке с пятнами крови Хродехильды, которую избивал и религиозно притеснял арианин Амаларих. Единственная дочь Хлодвига возвратилась домой (по дороге она умерла), а вестготский Амал был разгромлен Хильдебертом и затем погиб (531 г.).

[27] По моей гипотезе, Берта была выдана замуж за кентца Этельберта (ок. 580) по воле своей матери Ингоберги (ум. 589 г.), которая после рож-

Таким образом, угрозы военного вмешательства или развязывания внутрифранкской файды исключали какие-либо брачные планы Хлодвига, Хильдеберта и Гунтрамна в отношении их взрослых сестер и дочерей. Оптимизация числа наследников в одном поколении и невозможность появления среди франкской элиты родов с притязанием на меровингское родство по крови и сакральную власть дополняли позитивный исторический фон для меровингской брачной модели. Поэтому отказ под влиянием Брюнхильды от родовой модели меровингов высветил сиюминутность готского подхода, когда иноземная королева нарушила оба меровингских принципа — не бракосочетать франкских принцесс с враждебными соседями (брак и помолвка ее дочерей на пасынках их бабки, младенческая помолвка правнучки Брюнхильды и сына Теоделинды) и не выдавать принцесс франкским магнатам (после двух помолвок с Аутари и Реккаредом брак Хлодосвинты с агилулфингом Хродоальдом). Сложная меровингская модель с элементами политических взаимозачетов показала свою эффективность в брачной стратегии Хлотаря[28], а продолжение той же интриги в руках Брюнхильды[29] высветил провал ее политики на

дения дочери получила развод. Этот беспрецедентный казус стал возможен из-за положения знатного рода Ингоберги при Хлотаре и его сыновьях. Мать Берты могла быть в родстве с королевами-сестрами Хлотаря (Ингундой и Арнегундой) и материнской родней Гунтрамна (с турской монахиней Инготрудой, ее скандальной дочерью Бертегундой и сыном Бертрамном, епископом в Бордо). На особый родовой статус Ингоберги может указывать и ее зрелый возраст вступления в брак со старшим сыном Хлотаря.

[28] В последние годы Хильдеберт (511–558) серьезно болел и поэтому не противодействовал захвату Хлотарем королевства Теодебальда (548–555) и его браку с королевой-вдовой, благодаря которому тот легитимно получил королевскую казну и сокровища. Под церковным давлением Хлотарь был вынужден развестись (HF. IV. 9), после чего выдал Вульдетраду за нового союзника Гарибальда (ок. 556 г.), ставшего герцогом Баварии (555–ок.589). Однако политический консенсус с лангобардским соседом достигнут не был, т.к. для Аудуина легитимизирующую ценность представлял брачный союз с дочерью Вахо. Поэтому взамен Вульдетрады Хлотарю пришлось бракосочетать с Альбоином свою дочь Хлодозинду (до или около 560 г.).

[29] После разрыва с Реккаредом (589 г.) младшую дочь Брюнхильды выдали за Хродоальда (до или около 591 г.), в это же время франки сме-

фоне матримониальной продуманности меровингов. Такая характеристика брачной модели свидетельствует о том, что она не является умозрительным исследовательским конструктом, а в таком же ключе воспринималась и в среде франкских творцов генеалогических фальшивок для каролингской династии[30]. По моему мнению, компиляторы ориентировались на эпизод с единственным в истории замужеством меровингской принцессы и агилулфинга, все сведения о браке которого были вычищены из франкских документов, сохранившись лишь в «Житии Колумбана» Ионы из Боббио[31]. Позднейший эпизод убийства Хродоальда (624 г.), инспирированного Пипином и Арнульфом, уже не мог быть элиминирован из истории Дагоберта, даже из текста Фредегара[32] становится понятным, что статус (экс-)зятя Брюнхильды выделял Хродоальда из высшей элиты и давал привилегированное положение при дворе Хлотаря II.

Следуя этому болезненному для пипинидов династическому образцу была сконструирована первая фальшивая линия генеалогического родства гугобертидов с меровингами через брак Бертра-

---

щают герцога Гарибальда, а его сын и дочь Теоделинда, невеста Аутари, спасаются бегством к лангобардам. Заслуживают внимания данные Фредегара (*Фредегар*. IV. 34) о разорванной Брюнхильдой помолвке Теоделинды с ее сыном Хильдебертом, что усугубило сложные отношения франков с соседями. О политических пертурбациях во франкских землях и на границах перед свержением Гарибальда см.: *Hammer C.* 2007, 34–39.

[30] В историографии обоснованно признают, что ведущий аутентичный автор по меровингской истории Григорий Турский тематически выделил сферу королевской брачной политики в отдельную книгу. См.: *Dailey E.* 2015, 86–100.

[31] *Jonas.* 1863, 1036B: … Chrodoualdus nomine, qui *amitam* Theodeberti regis in conjugium habebat, regi tamen Theodorico fidelis erat…(теткой, сестрой отца Теодеберта была Хлодосвинта).

[32] В легенде о Дагоберте «замалчиваемый» Хродоальд превратился в герцога Садрегизила, злого антагониста молодого принца см.: Деяния Дагоберта. 6; 7; 35. *Фредегар.* IV, 52; 87. Позже в заговоре против сына Дагоберта погиб сын Хродоальда Фара (640 г.). Анализ его имени может указывать как на лангобардское влияние, так и отсылать к нейстрийскому агилулфингу Фарону. Очевидно, это имя не могло принадлежать сыну меровингской принцессы.

ды Прюмской[33], прабабки Карла Великого. Заявка на королевское родство для гугобертидов стало умным замыслом генеалогов, так как принадлежность пипинидов и арнульфингов к высшей франкской знати по происхождению вызывает большие сомнения. Вторая линия фальшивого родства более легендарна, восходя ко временам Хлотаря и его «гаремным» обычаям. Фальсификаторы нашли неизвестную дочь Хлотаря Блитхильду, сделав ее меровингской супругой Ансберта, предка главы рода арнульфингов Арнульфа Мецкого[34]. Этот ловкий подлог утверждал безусловный приоритет кровного родства через брак с меровингской принцессой над матримониальными узами с королями для представительниц знатных родов.

Брачное заложничество у англосаксов и матримониальный казус Оффы и Карла Великого

История англосакских королевств позволяет реконструировать разные варианты брачного заложничества, дополненные условиями личного воцерковления, отношениями крестного и крестника на межгосударственном уровне, политическим изгнанничеством и кровной местью[35]. Самым ярким примером стала история брачных союзов между наследниками мерсийца Пенды (ок. 626–уб. 655) и детьми его смертельного врага — нортумбрийского короля Освиу (642–670). Мерсийский правитель, будучи противником англов Нортумбрии, участвовал в войнах и приложил руку к гибели старших сводных братьев Освиу (634, 642). Правление бернийского короля началось с разорения его зе-

[33] Бертраду считают дочерью Теодориха III от брака с Хродехильдой, которую называют внучкой Арнульфа Мецкого (580/5–640), а затем заявляют о близком родстве Хродехильды-Доды с Пипином Геристальским (родная сестра либо кузина). В своей фальшивке создатели связали меровингским родством и свойством все три рода (арнульфингов, пипинидов и гугобертидов) предков Карла Великого.

[34] В законченном виде генеалогия была сформулирована при Карле Великом в «Commemoratio genealogiae domni Karoli gloriossimi imperatoris», затем в «Genealogia regum Francorum» и у Адемара Хлотарь превратился в своего внука Хлотаря II, а Блитхильда стала сестрой Дагоберта. См.: *Адемар.* 2015, II. 1.

[35] *Сазонова А.А.* 2012, 257–263.

мель мерсийцами, но через десятилетие оба правителя захотели прекратить развязанную кровную месть. Беда описывает ход событий (HE. III. 21; 24), когда в начале 650-х гг. принц Альдфрид, находясь при дворе Пенды (очевидно, в качестве заложника), «женится» на его дочери. Затем взаимные обязательства закрепляются ответным браком окрещенного мерсийского принца Пэды с дочерью Освиу Альхфледой (ок. 652/3 г.). Однако война только разгорается и в финальной битве король Пенда гибнет, в то время младший сын Освиу находился при мерсийском дворе в заложниках. Мерсия была разделена между нортумбрийцем и его мерсийским зятем, который вскоре умирает, как предполагают, будучи отравлен молодой женой[36]. Освиу становится полновластным королем Нортумбрии и в течение трех лет оккупирует северную часть мерсийских земель, пока местная знать не восстает и не изгоняет англов. Теперь Мерсией по очереди будут править два младших сына Пенды. Следуя традициям кровной мести, война между мерсийцами и англами продолжится, но женой мерсийского короля Этельреда станет младшая дочь Освиу Осфрита. Вторая попытка установить длительный мир не удается, так как мерсийская знать убивает свою нортумбрийскую королеву (697 г.).

Несмотря на неизменно трагический финал, для англосаксов брачное заложничество являлось регулярной практикой в условиях межродовой мести и перманентной территориальной войны. Именно этой традиции следовал мерсийский король Оффа (757–796), когда на желание Карла Великого бракосочетать его наследника Карла на одной из дочерей мерсийца сделал ему встречное предложение о помолвке своего единственного сына Экгфрида с дочерью франкского короля (789 г.). Карл Великий разгневался на слова Оффы, что вылилось в семилетний политико-экономический конфликт[37]. За эти годы Эльфледа вышла замуж за нортумбрий-

[36] HE. III. 24: Sed idem Peada proximo uere multum nefarie peremtus est, proditione, ut dicunt, coniugis suae in ipso tempore festi paschalis; GRA 1030B: …strenuus ephoebus…nisi tam laeta principia mors, per insidias uxoris, ut dicitur, festinata, succideret. Под колдовскими кознями женщин обычно понимали отравление.

[37] Комплекс претензий самого Оффы к Карлу включал в себя вмешательство во внутрицерковные дела островной церкви, предоставление

ского короля, а ее брат Экгфрид, возможно, женился; сын же франкского правителя умер при жизни отца неженатым, а у старших дочерей родились сыновья от незаконных связей.

Однако брачный конфликт Оффы и Карла Великого был анахронистичен, так как живая традиция, связывающая издержки латентного заложничества с кровной местью (по типу файды сына Хлодвига за сестру), уходила в небытие. Реакция франкского короля, скорее, указывает на его затаенную враждебность и превратное понимание предложения о брачном взаимообмене со стороны союзника. У Оффы стремления оскорбить Карла Великого, по-моему, не проявлялось, для него это была традиционная брачная модель самого престижного уровня. Нежелание короля отдавать в Мерсию дочь (Хротруду или Берту) заставляет усомниться в искренности слов Карла, в изложении Эйнхарда, об отцовской любви и невозможности расстаться с дочерями[38]. В этой ситуации, когда ни одна из дочерей императора так и не была выдана замуж, можно увидеть тень меровингской брачной стратегии. Осознание франкским правителем сущности взаимного заложничества, предложенного в ответном браке Оффой, оттенило приверженность самого Карла меровингской политике в отношении безбрачия для своей сестры и дочерей[39], что дополнялось по личному решению короля допустимостью внебрачных связей для старших дочерей.

убежища политическим врагам мерсийского короля, торговые и налоговые разногласия. См.: *Wallace-Hadrill J.* 1976, 161–167; *Kirby D.* 2000, 146–147; *Глебов А.Г.* 2001, 49–53.

[38] Эйнхард находил придворный образ жизни и скандальную свободу, данную Карлом своим незамужним дочерям, вызывающими всеобщее изумление (Vita Karoli. 19). Несмотря на панегирический характер сочинения, франкский биограф писал в соответствии с идеологическими установками короля Людовика (см.: *Петрова М.С.* 2001, 66–69), который после смерти отца благочестиво отослал сестер по монастырям.

[39] Инициатором брака (770–771) Карла Великого с дочерью короля Дезидерия (757–774) была его мать Берта. Весь матримониальный франко-лангобардский план включал и несостоявшийся союз наследника Дезидерия Адальхиза с сестрой Карла Гизелой.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Avitus of Vienne. 2002: Letters and selected prose / D. Shanzer, I. Wood (eds., trans.). Liverpool.

Jonas Elnonensis. 1863: Vita Sancti Columbani Abbatis // Scriptorum ecclesiasticorum opera omnia PL. LXXXVII. P., 1011–1046.

Адемар Шабаннский. 2015: Хроникон / А.В. Банников (ред.). СПб. — Ademar Shabannskii. 2015: Khronikon / A.V. Bannikov (red.). SPb.

Деяния Дагоберта, короля франков / Г.А. Шмидт (пер., комм.) // Династия Каролингов. От королевства к империи, VIII–IX века. Источники / А.И. Сидоров (ред,). СПб., 2019. 96-170. — Deyaniya Dagoberta, korolya frankov / G.A. Shmidt (per., komm.) // Di-nastiya Karolingov. Ot korolevstva k imperii, VIII–IX veka. Istochniki / A.I. Sidorov (red,). SPb., 2019. 96-170.

Иордан. 1997: Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica / Е.Ч. Скрижанская (пер., ст., комм.). СПб. — Iordan. 1997: Iordan. O proiskhozhdenii i deyaniyakh getov. Getica / E.Ch. Skrizhanskaya (per., st., komm.). SPb.

Прокопий Кесарийский. 1996: Война с готами [книга VIII]. О постройках / С.П. Кондратьев (пер.). М. — Prokopii Kesariiskii. 1996: Voina s gotami [kniga VIII]. O po-stroikakh / S.P. Kondrat'ev (per.). M.

Фредегар. 2015: Хроники Фредегара / Г.А. Шмидт (пер.). СПб. — Fredegar. 2015: Khroniki Fredegara / G.A. Shmidt (per.). SPb.

Буданова В.П. 2019: Латентное варварство: фантом или реальность? // Цивилизация и варварство: антропология латентного варварства / В.П. Буданова (ред.). М.: Аквилон, VIII. 9-28. — Budanova V.P. 2019: Latentnoe varvarstvo: fantom ili real'nost'? // Tsivilizatsiya i varvarstvo: antropologiya latentnogo varvarstva / V.P. Budanova (red.). M.: Akvilon, VIII. 9-28.

Вольфрам Х. 2003: Готы / Б.П. Миловидов, М.Ю. Некрасов (пер.). СПб. — Vol'fram Kh. 2003: Goty / B.P. Milovidov, M.Yu. Nekrasov (per.). SPb.

Глебов А.Г. 2001: Карл Великий и король Оффа // Карл Великий: реалии и мифы / А.А. Сванидзе (отв. ред.). М., 45–56. — Glebov A.G. 2001: Karl Velikii i korol' Offa // Karl Velikii: re-alii i mify / A.A. Svanidze (otv. red.). M., 45–56.

Никольский И.М. 2019: Политический смысл «Медеи» Драконция // ВДИ. 79 (2). 327–334. — Nikol'skii I.M. 2019: Politicheskii smysl «Medei» Drakontsiya // VDI. 79 (2). 327–334.

Перевалов С.М. 2003: Два брака короля Атаульфа // Вестник Владикавказского научного центра. 3 (4). 7–16. — Perevalov S.M. 2003: Dva braka korolya Ataul'fa // Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra. 3 (4). 7–16.

Петрова М.С. 2001: Эйнхард — биограф Карла Великого // Карл Великий: реалии и мифы / А.А. Сванидзе (отв. ред.). М., 57–74. — Petrova M.S. 2001: Einkhard — biograf Karla Velikogo // Karl Velikii: realii i mify / A.A. Svanidze (otv. red.). M., 57–74.

Сазонова А.А. 2014: «Договорные отношения» у западных и восточных германцев в V веке // Цивилизация и варварство: механизмы, инструменты и субъекты взаимодействия / Отв. ред. В.П. Буданова, О.В. Воробьева (отв. ред.). М.: Аквилон, III. 230–259. — Sazonova A.A. 2014: «Dogovornye otnosheniya» u zapadnykh i vostoch-nykh germantsev v V veke // Tsivilizatsiya i varvarstvo: mekhanizmy, instrumenty i sub"ekty vzaimodeistviya / Otv. red. V.P. Budanova, O.V. Vorob'eva (otv. red.). M.: Akvilon, III. 230–259.

Сазонова А.А. 2012: Трансформация социально-политических институтов у англосаксов в период христианизации // Цивилизация и варварство: трансформация понятий и региональный опыт / В.П. Буданова, О.В. Воробьева (отв.ред). М.: Аквилон, I. 249–265. — Sazonova A.A. 2012: Transformatsiya sotsial'no-politicheskikh in-stitutov u anglosaksov v period khristianizatsii // Tsivilizatsiya i varvarstvo: transformatsiya ponyatii i regional'nyi opyt / V.P. Budanova, O.V. Vorob'eva (otv.red). M.: Akvilon, I. 249–265.

Dailey E. 2015: Queens, Consorts, Concubines: Gregory of Tours and Women of the Merovingian Elite. Leiden.

Demandt A. 2013: Zeitenwende. Aufsätze zur Spätantike. B.

Hammer C. 2007: From Ducatus to Regnum. Ruling Bavaria under the Merovingians and Early Carolingians. Turnhout.

Kirby D. 2000: The Earliest English Kings. L.

Shanzer D. 1998: Dating the baptism of Clovis: the bishop of Vienne vs the bishop of Tours // Early Medieval Europe. 7 (1). 29–57.

Shanzer D. 1996–97: Two Clocks and Wedding: Theodoric's Diplomatic Relations with the Burgundians // Romanobarbarica. 14. 225–258.

Spencer M. 1994: Dating the baptism of Clovis, 1886–1993 // Early Medieval Europe. 3 (2). 97–113.

Tessier G. 1964: 25 décembre... Le baptême de Clovis. P.

Wallace-Hadrill J. 1976: Charlemagne and England // *Wallace-Hadrill J.* Early Medieval History. N-Y., 155–180.

Anna A. SAZONOVA

THE LATENT FORM OF HOSTAGE DIPLOMACY IN THE GERMANIC KINGDOMS OF THE EARLY MIDDLE AGES

The article analyzes the historical phenomenon of latent hostage in the marital sphere, associated with a complex of archaic institutions of traditional Old Germanic culture — blood feud and matrimonial relationship, intertribal contacts and payment of wergild. Two civilizational poles are distinguished to disclose this topic in the chronological limits of the 5-8th centuries: the imperial strategy of marriage policy and the Germanic institute of marriage hostage based on experience of alliance and hostility. Their historical clash is considered on the examples of the family policy of the Ostrogoth Theodoric the Great, the inverted Merovingian model of the Franks and the perfect realization in the Anglo-Saxon kingdoms in the 7th century. Significant differences were revealed in the ethnic cultures of the East and West Germanic peoples (Goths, Vandals, Lombards, Burgundians, Franks and Anglo-Saxons). The final conclusion is made about the attenuation dynamic and political formalization for a living Old Germanic tradition for the early medieval period, ending with a marital incident between Charlemagne and the Anglo-Saxon king Offa.

Keywords: marriage alliances, latent hostage, blood feud, Theodoric the Great, Merovingians, Vandals, Anglo-Saxons, Offa and Charlemagne.

Anna A. SAZONOVA — PhD (Histoty), Independent Researcher. Moscow, Russian Federation. — tok6aas2011@yandex.ru

К.А. Елохин

К ВОПРОСУ О СПЕЦИАЛЬНОМ ЯЗЫКЕ ЛАТЕНТНОГО ВАРВАРСТВА

НА ПРИМЕРЕ ЭМБЛЕМ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИИ 1990-2019 ГОДОВ

Статья посвящена изучению эмблем современных русских националистических организаций, в том числе возникших во времена СССР. Автор рассматривает основные тенденции в их эмблематике. Часть идеологов националистических организаций создавала эмблематику своих организаций с нуля в форме модных политических и коммерческих логотипов. Другие праворадикальные организации обратились к псевдорунической неонацистской эмблематике, основанной на символике III Рейха. А иные — к псевдославянской эмблематике, используя в качестве эмблем фрагментированные обереги. Некоторые националистические организации доходят до абсурда, сочетая советскую и национал-социалистическую символику. Ряд националистических организаций обратились к неоязычеству, формируя новую веру. В статье предложены пути противодействия националистической пропаганде.

Ключевые слова: национализм, латентное варварство, эмблемы, неоязычество, псевдорунические знаки, псевдославянские знаки, родноверы.

Кирилл Александрович ЕЛОХИН — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра гербоведческих и генеалогических исследований Института всеобщей истории Российской Академии наук, Российская Федерация, Москва.

Цивилизация и варварство
2020. Вып. IX. С. 319-336
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2020. Issue IX. P. 319-336
DOI: 10.21267/AQUILO.2020.9.9.010

События нынешнего времени показывают, что противостояние цивилизации и варварства отнюдь не исчезло, но варварство все чаще становится скрытым, латентным. Оно «постоянно «обновляется» в поле экономического, политического, социального, идеологического, религиозного и научного дискурса. Оно постоянно транслируется вербально и визуально. Поэтому, актуальным направлением дальнейших исследований должна стать также и его *диагностика*, предполагаемые возможности преодоления и профилактики появления, как на личностном, так и на социальном уровнях»[1].

В этой работе мы рассмотрим некоторые тенденции в эмблематике русских националистических или радикальных националистических[2] организаций, существовавших и действующих в России с момента распада СССР до наших дней. В сопредельных странах таких организаций насчитываются сотни, и рассматривать их эмблематику в рамках одной статьи возможности не представляется.

Ещё при существовании СССР, в 1990 г., возникли первые националистические организации, которые, как правило, именуют себя патриотическими, например, Русское Национальное Единство (РНЕ), Русский Общенациональный Союз (РОНС)[3] и другие. На Илл. 1 (С. 330) приведены некоторые эмблемы националистических организаций, в том числе старая и новая (на флаге) эмблемы РНЕ.

Сравнивать националистические организации между собой — занятие неблагодарное, они слишком различаются по своей идеологии, несмотря на некоторое сходство в эмблематической репрезентации. Среди них есть как праворадикальные, национал-социалистические (разных направлений), так и другие, претендующие на патриотизм. Только крупных из них (в составе которых насчитываются десятки и сотни человек) — десятки. Мы приведём названия лишь некоторых из них, чтобы осветить основные тенденции в развитии их эмблематики[4].

Большинство националистических организаций возникло уже после распада СССР, официальная символика которого отрицалась

---

[1] *Буданова В.П.* 2019, 22.

[2] *Кильдигушев А.А.* 2011, 62–163.

[3] Организация запрещена в России.

[4] Подробнее о них см.: *Кожевникова Г.В., Шеховцов А.В.* и др. 2009.

значительной частью активно настроенной молодёжи, состоявшей в этих организациях. (Хотя символика новой России ими также не была принята.) Подобное отношение к символам ушедших эпох характерно не только для отдельных организаций, но и для целых регионов[5]. В новом обществе они были вынуждены искать новые образы для выражения своих идей.

Часть идеологов националистических организаций создавала эмблематику своих организаций, *определяя* их в виде модных политических и коммерческих логотипов, например, «Общественное движение “Реструкт”», «Партия Прогресса (Народный Альянс)», «Национал-Демократический Альянс», и так далее. Как верно замечает Л.В. Анжиганова, «национальное самосознание, родная речь, национальная музыка, символика, традиции имеют корни в коллективном этническом и индивидуальном сознании и являются характеристиками этничности»[6]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что ряд организаций обратился к имперской / романовской вексиллологии, использовав похожие гербы и флаги в своих эмблемах, например, РОНС, «Русский Объединённый Национальный Альянс (РОНА)», «Этнополитическое объединение “Русские”»[7], и т.д.

Зачастую эмблемы националистических организаций менялись (украинско-русско-белорусская организация «Misanthropic Division»[8], РОНА и другие), иногда менялась декларируемая идеология, что также отражалось на эмблематическом уровне. Примером может служить РНЕ, организация, которая прошла путь от зигующих молодчиков до защитников «Русского мира», но данный случай скорее является исключительным. Иногда организации раскалывались, и фактически используя одно и то же название, имели разные эмблемы и преследовали различные цели, иногда противоположные, например, «Русское Общественное Движение» (РОД).

Некоторые праворадикальные организации обратились к псевдорунической неонацистской эмблематике, основанной на символике III Рейха, например, Национальная Социалистическая

---

[5] *Бердин А.Т.* 2011, 141–147.

[6] *Анжиганова Л.В.* 2011, 120.

[7] Организация запрещена в России.

[8] Организация запрещена в России. *Ivanov A.V., Mansurov T.Z.* 2015, 1773–1776.

инициатива, «Misanthropic Division», «Wotan Jugend»[9], и другие. Иногда они подражают им (применяя знак «Чёрного Солнца»), как «Национал Социалистическое Движение Русского Народа»[10].

Эти псевдорунические знаки они используют в подражание своим западным коллегам из так называемого неонацистского интернационала, например, «Swenskarnas», и некоторых других. Кстати, по данным, приведённым Секретарём Совета безопасности Российской Федерации Н.П. Патрушевым, в Европе насчитывается более 500 неонацистских организаций, численностью более 7 миллионов человек[11]. И они отнюдь не разобщены. Так, 29 ноября 2019 г. агентство Ruters сообщило, что в Италии была пресечена попытка создания новой неонацистской организации (партии). При обысках было обнаружено большое число нацисткой атрибутики, в том числе свастик и портретов Адольфа Гитлера. Группа задержанных установила связи с экстремистами за рубежом, в том числе в Португалии, Великобритании и Франции. Расследование длилось два года[12]. В целом, западные неонацисты и националисты обращаются как к эмблематике III Рейха, так и к своей древности и подражают ей.

Что касается отечественных националистов, то бывает, что в своей эмблематике они доходят до абсурда, сочетая советскую и национал-социалистическую символику (чёрные серп и молот, вписанные в «Чёрное Солнце», при этом эмблема помещена в красном поле), например, «Национал-Большевистская Партия» (НБП)[13].

Другие организации обращаются к псевдославянской эмблематике, используя в качестве символов фрагменты известных оберегов, например, «Новая Русь», «Славянская Гвардия» и другие[14].

В этом контексте необходимо сказать несколько слов о псевдорелигиозном неоязыческом славянском движении «родноверие», также известное под другими названиями: «родная вера», «родоверие», «родолюбие» и «родобожие». Его сторонники проводят об-

[9] Организация запрещена в России.
[10] Организация запрещена в России.
[11] Войны и миры. 2017.
[12] Italy uncovers plot. 2019.
[13] Организация запрещена в России.
[14] *Елохин К.А*. 2016.

ряды «очищения» — «раскрещивания» и «имянаречения»[15], т.е. отрывают людей от традиционных верований основных признанных законом Российской Федерации конфессий. Хотя некоторые исследователи склонны рассматривать российское неоязычество в идее «родноверия» как новую религию на стадии формирования, при этом они определяют часть «родноверов» как консервативных националистов[16]. «Родноверы» в России сильно разобщены в мировоззрении и политических взглядах[17]. Последователи «родноверия» создали организации в Хорватии, Польше, на Украине и других странах. В 2010 г. на Украине насчитывалась 121 община неоязычников, больше половины которых принадлежало к так называемым родноверам[18], многие из которых относили себя к приверженцам так называемой РУН-Веры (Родной Украинской Национальной Веры), главным богом которой считался Даждьбог. РУН-Вера — неоязыческий культ, основанный после второй мировой войны Львом Силенко в украинской диаспоре США. Первая община РУН-Веры была зарегистрирована в Чикаго в 1966 г. Центр культа, собор святой матери Украины, находится в США, в городе Спринг Глен (штат Нью-Йорк). Первая община РУН-Веры была зарегистрирована на Украине в сентябре 1991 года[19]. В России последователи «родноверия» создавали свои организации с конца 1980-х годов, но об их финансировании и истоках в откры-

---

[15] «Волевой и честный русский человек, волею судьбы оказавшийся христианином, без каких-либо внутренних проблем может прейти в языческую веру. Для этого, с благословения или в присутствии уважаемого волхва, нужно омыть себя на Купалу в чистой реке и обтереться руками в воде со словами: “Ты, вода, древнейшая стихия, явившаяся в начале творения Мира, смой с меня все нечистое и вредное, дабы вернулся я в чистоте и ясности помыслов к нашей истинной вере.” Должен сделать свое обращение к богам и волхвов, хотя присутствие его во время этого обряда не обязательно. Но необходимо сильное желание самого человека. В результате смывается крещение, и человек более ничего христианской церкви не должен. После этого идут обряды принятия в общину». См.: Изведник. — http://slavya.ru/delo/krug/izvednik.htm (октябрь, 2019).

[16] *Aitamurto K., Тютина О.С.* 2017.

[17] *Айтамурто К.* 2019.

[18] *Мыколаев Р.Д. (Богумир).* 2015а.

[19] *Мыколаев Р.Д. (Богумир).* 2015б.

тых источниках информацию найти не удалось, хотя организаторы известны. Первая организация неоязычников «Московская Славянская Языческая Община» была зарегистрирована 14 февраля 1994 года в Министерстве Юстиции России по городу Москве[20]. Эмблематика общин «родноверов» является псевдославянской и неоязыческой.

Нельзя не отметить размытость моральных и политических принципов в использовании эмблематики членами некоторых праворадикальных организаций. Так, например, имеются данные о членах проправительственной организации «Идущие вместе» и неонацистах (скинхедах), которых возглавляли одни и те же люди, и которые шли поздравлять ветеранов Великой Отечественной войны, снимая на ходу футболки со своей символикой и надевая футболки с портретом Президента России В. Путина[21]. Проблеме отношения власти к националистическим организациям посвящена специальная монография[22].

Радикальные националистические организации различных направлений, не говоря уже о маргинальных, представляют собой явно выраженное варварство, в чём можно убедиться, глядя на пришедшую в экономический, социальный и культурный упадок[23] территорию Украины, где они пришли к власти в результате кровавого переворота в 2014 году.

Б. Як замечает:

> «Моральная проблема национализма заключается в том, что эти повседневные мотивы комбинируются им таким образом, который, как правило, усиливает враждебность к соперникам и ослабляет те моральные барьеры, на которые мы в обычной жизни полагаемся, чтобы контролировать подобную враждебность. В результате национализм скорее подтачивает моральное суждение, а не побуждает нас преследовать злые или бесчеловечные цели»[24].

---

[20] Московская Славянская Языческая Община. 2019.
[21] *Шаргунов С*. 2002.
[22] Русский национализм. 2010.
[23] *Елохин К.А*. 2017.
[24] *Як Б*. 2017, 493.

Пока националисты не пришли к власти, варварство, потенциально представляемое ими, является латентным. Однако в тяжёлых экономических условиях они не дремлют, ведут свою пропаганду[25], а некоторые из них готовятся к вооружённому сопротивлению власти. Президент Белоруссии А.Г. Лукашенко высказался об этом так: «там где оружие в руках у обычных людей и особенно <...> националистически настроенных — жди терроризма»[26].

Эта подготовка проявляется и в участии в конфликте на Украине, где «Misanthropic Division»[27] воевала на стороне украинских националистов, а РНЕ — на стороне Новороссии (ДНР и ЛНР). Интересно, что на эмблематическом уровне противостояние националистических организаций различных, даже противоположных направлений, не фиксируется[28]. Однако оно существует в латентной форме, на уровне словесной пропаганды и военной доктрины некоторых идеологов национализма[29]. Это по-своему удивительно, поскольку очевидно то, что все эти организации, так или иначе, борются за политический и, в конечном счёте, экономический ресурс в виде активных членов из числа молодёжи.

Несмотря на формирование в сопредельных государствах собственных националистических движений[30], на эмблематическом уровне со стороны российских националистических организаций борьба с ними не осуществляется (за исключением 2014 г., когда социальные сети в Интернете были заполнены массой карикатур, высмеивавших украинский национализм).

Итак, во многом знаковый язык современного латентного варварства основан на обращении к прошлому, либо великому, имперскому, либо архаичному, либо вообще маргинальному. Также можно наблюдать тенденцию к созданию совершенно новых эмблем, в

---

[25] *Попов Дмитрий*. 2019.

[26] Белоруссия **наглухо** закрыла границу с Украиной из-за потока оружия // Interfax. — https://www.interfax.ru/world/674916 (ноябрь, 2019).

[27] Организация запрещена в России.

[28] В этом контексте любопытно отметить тот факт, что различные националистические организации в сопредельных странах публично оскорбляли как советские, так и имперские символы.

[29] *Колодзінський М*. 2019.

[30] *Абашин С.Н*. 2007, 351–374.

согласии с модой и политической конъюнктурой. Политическая борьба националистических организаций ведётся либо на согласованных и несогласованных митингах и акциях против официальной власти, но не между собой, либо в социальных сетях. На эмблематическом уровне сегодня можно констатировать полный штиль.

Очевидно, что создание новых знаков и эмблем не приносит и не принесёт каких-либо дивидендов националистическим организациям без продвижения их по коммуникационным каналам, в официальной и оппозиционной прессе, в интернет блогах, социальных сетях, научной и художественной литературе и так далее.

Одним из каналов эмблематической репрезентации являются ежегодные шествия, проводимые с 4 ноября 2005 г. — «Русские марши», на которых националистические организации предстают с флагами и плакатами. Шествия часто заканчиваются задержаниями участников, но не за файеры или плакаты, а за нецензурную лексику[31]. Помимо националистических организаций, в шествиях регулярно участвуют и другие молодёжные организации. Основным флагом на шествии является чёрно-жёлто-белый романовский / имперский флаг. Организации, участвующие в маршах между собой открыто не конфликтуют.

Раскол русского националистического движения на поддерживающих украинских националистов, и на сторонников Новороссии и «Русского мира», который начался в 2014 г., привёл к тому, что в Москве одновременно проходили две акции под одним названием «Русский марш». 4 ноября 2019 г. один из сторонников «Русского мира» К. Мямлин сказал: «Мы считаем, что и Донбасс — это Россия, Украина — это Россия. Поддержка бандеровцев с нашей стороны невозможна»[32].

В тот же день известный представитель противников «Русского мира» Д. Демушкин заявил:

> «Это, конечно, не 20-тысячный «Русский марш», который в свое время организовывали мы, когда колонны построения растягивались почти на два километра. Но марши — не самоцель. Что

[31] Участников «Русского марша» приговорили к штрафу в тысячу рублей // NEWSru.com. — https://www.newsru.com/russia/05nov2014/melkoe.html (август, 2019).

[32] Русский национализм. 2010.

> греха таить, русские националисты никогда не были в политическом поле, мы пребывали исключительно в уличном сегменте. Сейчас нас вытеснили и из него. Все крупные организации уничтожены. Поэтому сегодня нет движения, которое могло бы хотя бы частично претендовать на лидерство в этой среде, — среда разобщена, она «ушла» в спорт, в культуру, в проекты, которые не связаны напрямую с политической деятельностью»[33].

Не лишним будет привести мнение политолога В. Соловья о расколе националистического сообщества в 2014 г.:

> «То, что произошло в 2014 году, для национализма стало политической и репутационной катастрофой <…> Потенциал патриотической идеологии в России уже исчерпан или близок к исчерпанию. Можно сколько угодно наращивать пропаганду, повышать ее градус, но даже невооруженным глазом заметно, что люди устали. Гордиться страной хорошо, когда у тебя всё экономически неплохо. Но не тогда, когда у тебя нет денег собрать детей в школу <…> Из патриотических деклараций и проклятий в адрес Запада детям бутерброда не сделаешь»[34].

Если о деятельности националистических организаций, помогавших на Донбассе «Русском миру» писали как российские (в положительном контексте), так и украинские (в отрицательном, естественно, контексте) СМИ, то о деятельности организаций, поддерживавших украинских националистов публикации либо отсутствуют, либо же о них пишут в отрицательном контексте (как правило, в криминальных сводках), зачастую даже не приводя их названия[35]. Именно они и являются вычеркнутыми из политического пространства.

Интересно, что так называемый романовский флаг использовался на обоих маршах. Этот факт даёт нам возможность говорить о частичном использовании единой символики идеологически противоположными друг другу организациями.

---

[33] *Мущинкина Наталья.* 2019.

[34] Политолог Валерий Соловей: власти России компрометируют понятие патриотизма // Би-би-си. — https://www.bbc.com/russian/features-37353946 (ноябрь, 2019).

[35] ФСБ задержала семерых участников националистической организации // ИА Красная Весна. — https://rossaprimavera.ru/news/1bd0683f (ноябрь, 2019).

Здесь следует вернуться к словам В. Соловья о политической и репутационной катастрофе. Численность участников «Русских маршей» снизилась на порядок. Если на марш противников «Русского мира» пришло около 200 человек, то на марш сторонников, по разным оценкам — от 400 до полутора тысяч. На мой взгляд, это показатель того, что большинство русских националистов всё же во многом одобряет национальную политику правительства России. Пожалуй, здесь уместно привести высказывание президента России В.В. Путина, который указал на то, что сохранение суверенной России является главным интересом русского народа: «В этом смысле я — главный националист. И у меня есть почти 140 млн единомышленников»[36].

Однако в исследуемый период россияне себя единой нацией не ощущали и не ощущают. В 2016 г. была предпринята попытка написать закон о русской нации, но в 2017 г. стало ясно, что это невозможно. Академик РАН В. Тишков сообщил, что законопроект «О единстве российской нации и управлении межэтническими отношениями» должен быть переименован, и объяснил, почему: «Оказалось, что общество не очень подготовлено к восприятию такого понятия, как единая нация, объединяющая все национальности»[37].

Несомненно, в борьбе с эмблематической репрезентацией националистических организаций сыграл позитивную роль запрет на пропаганду либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами (КоАП РФ Статья 20.3). Но этой меры, конечно, недостаточно.

В современном политическом спектре нашей страны маргинальные, в том числе и националистические организации, занимают нишу латентного варварства и представляют вполне определенную опасность для государства. Поэтому так важно поддерживать граж-

---

[36] Путин: я — главный националист, и у меня 140 миллионов единомышленников // ИА Красная Весна. — https://rossaprimavera.ru/news/784e470c (ноябрь, 2019).

[37] *Городецкая Наталья.* 2019.

данскую российскую нацию, понимаемую как историческую и культурную общность жителей страны. В.А. Тишков пишет:

> «Не следует также пытаться переиграть крайних этнонационалистов, забрав у них русский проект в общероссийскую пользу. Этот второй вариант крайне рискован, и он едва ли осуществим без явного подавления несогласных»[38].

Подводя итог, нужно подчеркнуть, что создание гражданской российской нации требует выработки своей эмблематической репрезентации. Очевидно, что существующей ныне просто не хватает для выражения тех или иных идей, а в итоге запросов общества. Некоторые националистические и неоязыческие организации имеют прямое управление и финансирование на Западе. Кстати, основатель РОНС[39], живёт в США, где получил политическое убежище[40]. Их деятельность заключается в подмене базовых ценностей нашего общества и разжигание этнических противоречий и вражды. Таким образом, они являются одним из инструментов разрушения нашего общества Западом. У националистических организаций имеется ярко выраженная потребность обращения к прошлому, особенно в эмблемах. Это нужно понимать и использовать при строительстве российской гражданской нации. В этом контексте не лишне привести мнение В.А. Шнирельмана:

> «...язык, образ прошлого, традиционная культура служат в политическом дискурсе современного модернизированного общества прежде всего важнейшими символами, способными мобилизовать массы и сплотить их ради выполнения насущных политических задач. Как только такие задачи оказываются выполненными, эти символы могут потерять свою функцию и отойти на задний план или даже смениться новыми, более соответствующими новым целям и интересам»[41].

Язык латентного варварства, к счастью, на данный момент не развит, что нужно использовать для купирования коммуникативных каналов радикализма посредством жёсткой цензуры и ужесточения

---

[38] *Тишков В.А*. 2007, 598.

[39] Организация запрещена в России.

[40] Радио Свобода © 2019 RFE/RL, Inc. — https://www.svoboda.org/a/27679006.html (октябрь, 2019).

[41] *Шнирельман В.А*. 2007, 482.

наказания вплоть до лишения гражданства и высылки за рубеж для участников этих организаций (тем более что, как намекается в статье С. Шаргунова, очень многие из них известны), а особенно для той части интеллигенции, которая с провокационными целями создаёт эмблемы опасной для государства идейной направленности[42], а также действует во вред государству и народу, поддерживая противников. Пресечение проявлений такого крайнего радикализма является необходимым условием благополучного существования общества и государства и насущнейшей задачей российской власти.

Илл. 1.

[42] Решению проблемы радикального национализма в рамках закона посвящены отдельные исследования, напр., см.: *Верховский А.М.*, 2002.

ЛИТЕРАТУРА

Абашин С.Н. 2007: Зарождение и современное состояние среднеазиатских национализмов // Национализм в мировой истории / В.А. Тишков, В.А. Шнирельман (ред.). Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука.

Айтамурто К. 2019: Родноверие, современное славянское язычество и сложности определения «религии» // РОО «Русское религиоведческое общество». — https://rro.org.ru/2019/03/k-ajtamurto-rodnoverie-sovremennoe-slavjanskoe-jazychestvo-i-slozhnosti-opredelenija-religii/ (октябрь, 2019).

Анжиганова Л.В. 2011: Этнос как объект научного исследования // Национализм и национально-государственное устройство России: история и современная практика. Сборник материалов научно-практической конференции, посвященной 80-летию Билала Хамитовича Юлдашбаева 21 марта 2008 г. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН.

Бердин А.Т. 2011: К вопросу о трансформации национальных исторических символов Башкортостана в постсоветский период // Национализм и национально-государственное устройство России: история и современная практика. Сборник материалов научно-практической конференции, посвященной 80-летию Билала Хамитовича Юлдашбаева. 21 марта 2008 г. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН.

Буданова В.П. 2019: Латентное варварство: фантом или реальность? // Цивилизация и варварство: антропология латентного варварства / В.П. Буданова (ред.). М.: Аквилон, VIII.

Верховский А.М. 2002: Государство против радикального национализма. Что делать и чего не делать? М.: РОО «Центр Панорама».

Войны и миры. 2017: Войны и миры // ФГБУ «Редакция «Российской газеты». — https://rg.ru/2017/05/18/nikolaj-patrushev-ob-ukraine-i-ssha-kiberatakah-sirii.html (май, 2017).

Городецкая Наталья. 2019: Единство нации не выдержало критики. Спорный законопроект подвергли переименованию. — https://www.kommersant.ru/doc/3235995 (ноябрь, 2019).

Елохин К.А. 2016: Война флагов на территории Новороссии: события 2014 г. М.: Интеграция: Образование и Наука.

Елохин К.А. 2017: Самый большой флаг Украины в начале XXI в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 8. Выпуск 1 (55). Доступ для зарегистрированных пользователей. — http://history.jes.su/s207987840001697-5-1 (май, 2017).

Изведник. — http://slavya.ru/delo/krug/izvednik.htm (октябрь, 2019).

Кильдигушев А.А. 2011: Радикальный национализм в современном мире // Национализм и национально-государственное устройство России: история и современная практика. Сборник материалов научно-практической конференции, посвященной 80-летию Билала Хамитовича Юлдашбаева 21 марта 2008 г. Уфа,: ИЭИ УНЦ РАН.

Кожевникова Г.В., Шеховцов А.В. и др. 2009: Радикальный русский национализм: структуры, идеи, лица: [справочник] / А. Верховский, Г. Кожевникова (сост.). М.: Центр «Сова».

Колодзінський М. 2019: Военна доктрина українських націоналістів. Київ: ТОВ «Основа».

Московская Славянская Языческая Община. 2019: Московская Славянская Языческая Община. — http://www.paganism.ru/comm-msp.htm (октябрь, 2019).

Мущинкина Наталья. 2019. *Мущинкина Наталья* Марш недосчитался русских: две акции националистов состоялись в Москве // ЗАО «Редакция газеты “Московский Комсомолец”» Электронное периодическое издание «MK.ru». — https://www.mk.ru/politics/2019/11/04/marsh-nedoschitalsya-russkikh-dve-akcii-nacionalistov-sostoyalis-v-moskve.html (ноябрь, 2019).

Мыколаев Р.Д. (Богумир). 2015а: *Мыколаев Р.Д. (Богумир)* Родноверие славян Украины // Международный Центр Славянской Языческой Культуры «Родная Вера». — http://www.verapredkov.info/smrubrics/smmiroponim/smmirovozzrenie/item/443-родноверие-славян-украины (июнь, 2015).

Мыколаев Р.Д. (Богумир). 2015б: Родноверие на Украине. Структура и идеология украинских языческих течений // Велесов круг. — http://www.velesovkrug.ru/obnovleniya-na-sayte/rodnoverie-na-ukraine.html (июнь, 2015).

Попов Дмитрий. 2019:Почему лозунг «Россия для русских» начал поддерживать каждый второй. Не там ищем виноватых // ЗАО "Редакция газеты “Московский Комсомолец”» Электронное периодическое издание «MK.ru». — https://www.mk.ru/social/2019/10/11/pochemu-lozung-rossiya-dlya-russkikh-nachal-podderzhivat-kazhdyy-vtoroy.html?fbclid=IwAR32B3joxl1wE09hUp0HFDA8f6mCi8c_Yjmp5zD09WqbD8cy3aR-q3t5Lag (октябрь, 2019).

Русский национализм 2010: Русский национализм между властью и оппозицией / В. Прибыловский (ред.). М.: Центр «Панорама».

Тишков В.А. 2007: Российскакя нация и ее критики // Национализм в мировой истории / В.А. Тишков, В.А. Шнирельман (ред.). Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука.

Шаргунов С.А. 2002: Хайль вместе // Новая газета. № 70. 23 сентября 2002 г. — http://2002.novayagazeta.ru/nomer/2002/70n/n70n-s00.shtml (август, 2019).

Шнирельман В.А. 2007: Единая Европа и соблазн кельтского мифа // Национализм в мировой истории / В.А. Тишков, В.А. Шнирельман (ред). Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука.

Як Б. 2017: Национализм и моральная психология общества. М.: Издательство института Гайдара.

Aitamurto K., Тютина О.С. 2017: *Aitamurto K., Тютина О.С.* Язычество, традиционализм, национализм. Нарративы русского родноверия // Вестник Мининского университета. 4.

Italy uncovers plot. 2019: Italy uncovers plot to create new Nazi party // 2019 Reuters. All Rights Reserved. — https://www.reuters.com/article/us-italy-nazi/italy-uncovers-plot-to-create-new-nazi-party-idUSKBN1Y21O1 (ноябрь [nojabr'], 2019).

Ivanov A.V., Mansurov T.Z. 2015: Misanthropic Division' Phenomenon as a Member of Virtual Resources of the Internet-Space // The Social Sciences. 10. 7.

Kirill A. Elokhin

TO THE QUESTION ABOUN THE SPECIAL LANGUAGE OF LATENT BARBARISM

ON THE EXAMPLE OF EMBLEMS OF NATIONALIST ORGANIZATIONS IN RUSSIA FROM 1990 TO 2019 YEARS

The article is devoted to the study of emblems of modern Russian nationalist organizations, including those that arose during the Soviet era. The author considers the main trends in their emblems. Some ideologists of nationalist organizations created the emblems of their organizations from zero in the form of fashionable political and commercial logos. Other right-wing organizations turned to pseudo-runic neo-Nazi emblems based on the symbols of the Third Reich. Still others go to the pseudo-Slavonic emblems, using for this fragmented amulets. Some nationalist organizations reach the

point of absurdity, combining Soviet and National Socialist symbols. A number of nationalist organizations turned to neopaganism, forming a new faith. The article suggests ways to counter nationalist propaganda.

Keywords: nationalism, latent barbarism, emblems, neopaganism, pseudo-Runic signs, pseudo-Slavic signs, Rodnovers.

Kirill A. ELOKHIN — PhD (History), Researcher of the Department of Heraldry and Genealogical Researches of the Institute of the World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

REFERENCES

Abashin S.N. 2007: Zarozhdenie i sovremennoe sostojanie sredneaziatskih nacionalizmov // Nacionalizm v mirovoj istorii / V.A. Tishkov, V.A. Shnirel'man (red.). In-t jetnologii i antropologii im. N.N. Mikluho-Maklaja RAN. M.: Nauka.

Ajtamurto K. 2019: Rodnoverie, sovremennoe slavjanskoe jazychestvo i slozhnosti opredelenija «religii» // ROO «Russkoe religiovedcheskoe obshhestvo». — https://rro.org.ru/2019/03/k-ajtamurto-rodnoverie-sovremennoe-slavjanskoe-jazychestvo-i-slozhnosti-opredelenija-religii/ (oktjabr', 2019).

Aitamurto K., Tjutina O.S. 2017: Aitamurto K., Tjutina O.S. Jazychestvo, tradicionalizm, nacionalizm. Narrativy russkogo rodnoverija // Vestnik Mininskogo universiteta. 4.

Anzhiganova L.V. 2011: Jetnos kak ob#ekt nauchnogo issledovanija // Nacionalizm i nacional'no-gosudarstvennoe ustrojstvo Rossii: istorija i sovremennaja praktika. Sbornik materialov nauchno-prakticheskoj konferencii, posvjashhennoj 80-letiju Bilala Hamitovicha Juldashbaeva 21 marta 2008 g. Ufa: IJeI UNC RAN.

Berdin A.T. 2011: K voprosu o transformacii nacional'nyh istoricheskih simvolov Bashkortostana v postsovetskij period // Nacionalizm i nacional'no-gosudarstvennoe ustrojstvo Rossii: istorija i sovremennaja praktika. Sbornik materialov nauchno-prakticheskoj konferencii, posvjashhennoj 80-letiju Bilala Hamitovicha Juldashbaeva. 21 marta 2008 g. Ufa: IJeI UNC RAN.

Budanova V.P. 2019: Latentnoe varvarstvo: fantom ili real'nost'? // Civilizacija i varvarstvo: antropologija latentnogo varvarstva / V.P. Budanova (red.). M.: Akvilon, VIII.

Gorodeckaja Natal'ja. 2019: Edinstvo nacii ne vyderzhalo kritiki. Spornyj zakonoproekt podvergli pereimenovaniju. — https://www.kommersant.ru/doc/3235995 (nojabr', 2019).

Elohin K.A. 2016: Vojna flagov na territorii Novorossii: sobytija 2014 g. M.: Integracija: Obrazovanie i Nauka.

Elohin K.A. 2017: Samyj bol'shoj flag Ukrainy v nachale XXI v. // Jelektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istorija». T. 8. Vypusk 1 (55). Dostup dlja zaregistrirovannyh pol'zovatelej. — http:// history.jes.su/s207987840001697-5-1 (maj, 2017).

Italy uncovers plot. 2019: Italy uncovers plot to create new Nazi party // 2019 Reuters. All Rights Reserved. — https://www.reuters.com/ article/us-italy-nazi/italy-uncovers-plot-to-create-new-nazi-party-idUSKBN 1Y21O1 (nojabr' [nojabr'], 2019).

Ivanov A.V., Mansurov T.Z. 2015: Misanthropic Division' Phenomenon as a Member of Virtual Resources of the Internet-Space // The Social Sciences. 10. 7.

Izvednik. — http://slavya.ru/delo/krug/izvednik.htm (oktjabr', 2019).

Jak B. 2017: Nacionalizm i moral'naja psihologija obshhestva. M.: Izdatel'stvo instituta Gajdara.

Kil'digushev A.A. 2011: Radikal'nyj nacionalizm v sovremennom mire // Nacionalizm i nacional'no-gosudarstvennoe ustrojstvo Rossii: istorija i sovremennaja praktika. Sbornik materialov nauchno-prakticheskoj konferencii, posvjashhennoj 80-letiju Bilala Hamitovicha Juldashbaeva 21 marta 2008 g. Ufa,: IJeI UNC RAN.

Kozhevnikova G.V., Shehovcov A.V. i dr. 2009: Radikal'nyj russkij nacionalizm: struktury, idei, lica: [spravochnik] / A. Verhovskij, G. Kozhevnikova (sost.). M.: Centr «Sova».

Kolodzins'kij M. 2019: Voenna doktrina ukraïns'kih nacionalistiv. Kiïv: TOB «Osnova».

Moskovskaja Slavjanskaja Jazycheskaja Obshhina. 2019: Moskovskaja Slavjanskaja Jazycheskaja Obshhina. — http://www.paganism.ru/comm-msp.htm (oktjabr', 2019).

Mushhinkina Natal'ja. 2019. Mushhinkina Natal'ja Marsh nedoschitalsja russkih: dve akcii nacionalistov sostojalis' v Moskve // ZAO «Redakcija gazety "Moskovskij Komsomolec"» Jelektronnoe periodicheskoe izdanie «MK.ru». — https://www.mk.ru/politics/2019/11/04/ marsh-nedoschitalsya-russkikh-dve-akcii-nacionalistov-sostoyalis-v-moskve.html (nojabr', 2019).

Mykolaev R.D. (Bogumir). 2015a: Mykolaev R.D. (Bogumir) Rodnoverie slavjan Ukrainy // Mezhdunarodnyj Centr Slavjanskoj Jazycheskoj Kul'tury «Rodnaja Vera». — http://www.verapredkov.info/smrubrics/smmiroponim/smmirovozzrenie/item/443-rodnoverie-slavjan-ukrainy (ijun', 2015).

Mykolaev R.D. (Bogumir). 2015b: Rodnoverie na Ukraine. Struktura i ideologija ukrainskih jazycheskih techenij // Velesov krug. — http://www.velesovkrug.ru/obnovleniya-na-sayte/rodnoverie-na-ukraine.html (ijun', 2015).

Popov Dmitrij. 2019:Pochemu lozung «Rossija dlja russkih» nachal podderzhivat' kazhdyj vtoroj. Ne tam ishhem vinovatyh // ZAO "Redakcija gazety “Moskovskij Komsomolec”» Jelektronnoe periodicheskoe izdanie «MK.ru». — https://www.mk.ru/social/2019/10/11/ pochemu-lozung-rossiya-dlya-russkikh-nachal-podderzhivat-kazhdyy-vtoroy.html?fbclid=IwAR32B3joxl1wE09hUp0HFDA8f6mCi8c_Yjmp5zD09WqbD8cy3aR-q3t5Lag (oktjabr', 2019).

Russkij nacionalizm 2010: Russkij nacionalizm mezhdu vlast'ju i oppoziciej / V. Pribylovskij (red.). M.: Centr «Panorama».

Shargunov S.A. 2002: Hajl' vmeste // Novaja gazeta. № 70. 23 sentjabrja 2002 g. — http://2002.novayagazeta.ru/nomer/2002/70n/n70n-s00.shtml (avgust, 2019).

Shnirel'man V.A. 2007: Edinaja Evropa i soblazn kel'tskogo mifa // Nacionalizm v mirovoj istorii / V.A. Tishkov, V.A. Shnirel'man (red). In-t jetnologii i antropologii im. N.N. Mikluho-Maklaja RAN. M.: Nauka.

Tishkov V.A. 2007: Rossijskakja nacija i ee kritiki // Nacionalizm v mirovoj istorii / V.A. Tishkov, V.A. Shnirel'man (red.). In-t jetnologii i antropologii im. N.N. Mikluho-Maklaja RAN. M.: Nauka.

Verhovskij A.M. 2002: Gosudarstvo protiv radikal'nogo nacionalizma. Chto delat' i chego ne delat'? M.: ROO «Centr Panorama».

Vojny i miry. 2017: Vojny i miry // FGBU «Redakcija «Rossijskoj gazety». — https://rg.ru/2017/05/18/nikolaj-patrushev-ob-ukraine-i-ssha-kiberatakah-sirii.html (maj, 2017).

КОВАРСТВО ЛАТЕНТНОЙ ДЕСТРУКЦИИ

С.В. Ярцев, В.Г. Зубарев, Е.Д. Гаврилина

К ВОПРОСУ О ЛАТЕНТНОМ ВАРВАРСТВЕ БОСПОРСКИХ ГОТОВ

Целью исследования является выявление особенностей процесса интеграции готов в античное общество. Основными источниками исследования являются свидетельства древних авторов и археологические материалы собственных раскопок в Восточном Крыму. Используя метод источниковедческого анализа, авторы приходят к выводу, что, несмотря на принадлежность данных мигрантов к одной этнической группе, их вхождение в греко-римский мир в позднеантичное время про-

---

Сергей Владимирович ЯРЦЕВ — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого; старший научный сотрудник НИЛ исторической антропологии Белгородского государственного национального исследовательского университета. Российская Федерация, Тула, Белгород — s-yartsev@yandex.ru

Виктор Геннадьевич ЗУБАРЕВ — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого; старший научный сотрудник НИЛ исторической антропологии Белгородского государственного национального исследовательского университета. Российская Федерация, Тула, Белгород — parosta@mail.ru

Екатерина Дмитриевна ГАВРИЛИНА — учитель ГБОУ «Школа № 1357». Российская Федерация, Москва — gavrilina-95@yandex.ru

Цивилизация и варварство
2020. Вып. IX. С. 337-356
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2020. Issue IX. P. 337-356
DOI: 10.21267/AQUILO.2020.9.9.011

исходило в различных культурно-исторических условиях. Главной ценой такого переселения на территорию античного государства стала утрата готами своей этнической идентичности. Авторами конкретизируются причины, по которым оказавшиеся в Римской империи мигранты начинают массово принимать арианство, фактически превратившееся в важный элемент этнического самосознания германцев. На Боспоре же, специальный анализ ситуации позволил авторам прийти к выводу, что здесь варвары столкнулись не с чуждой им греко-римской культурой в классическом виде, а с уникальным культурным синтезом античных и варварских начал. Не так остро было выражено на Боспоре и противостояние мигрантов с собственно античным населением, ведь боспоряне, по сути дела, сами являлись эллинизированными варварами. Именно по этой причине боспорские готы не пошли по пути духовного противоборства с античной цивилизацией, а приняли сторону никейского вероисповедания. Тем не менее, авторы обращают внимание на то, что боспорские готы, по-видимому, также не хотели терять свою этническую и культурную идентичность. Научную новизну исследования представляет сформированная новая интерпретация данного процесса. В центре ее внимания лежит рассмотрение стремления готов противопоставления себя окружающему населению в благоприятных условиях интеграции варваров в античную среду. Авторы показывают, что именно по этой причине варварство боспорских готов стало принимать особые латентные формы.

Ключевые слова: Римская империя, Боспорское царство, миграции, готы, христианство, арианство, латентное варварство.

Процесс интеграции варваров в античное общество всегда вызывал интерес у исследователей[1]. Однако сложность данной проблемы заключается и в том, что вхождение в греко-римский мир некоторых варваров, принадлежащих к одной этнической группе, таких, как, например, готы, происходило в различных культурно-исторических условиях. Следовательно, культурная ассимиляция готов, мигрирующих после нападения гуннов как на

[1] *Буданова В.П.* 2013, 12–41; 2014, 12–40; 2018, 7–33; *Чекалова А.А.* 2014, 75–102; *Уколова В.И.* 2015, 160–185.

запад, так и на восток, приводила к неоднозначным результатам в зависимости от условий, в которых оказались варвары.

Главной ценой переселения готов на запад, на территорию Римской империи, стала утрата мигрантами своей этнической идентичности[2]. При этом, несмотря на то, что до этого готы иногда по политическим причинам принимали чуждую им религию, например, рассчитывая на помощь поддерживающего Валента[3], массовый переход в арианство начался только после того, как варвары оказались непосредственно на территории античного государства. Здесь готы столкнулись с греко-римским миром в наиболее чистом классическом виде, в котором давно уже были отработаны модели по приему таких мигрантов. Отношения к варварам здесь сильно варьировались от практически невыносимых до довольно щедрых, правда, с неизменным контекстом военного превосходства империи[4]. При этом, учитывая римскую ксенофобию, рабы и варвары-мигранты, эти, по словам Лукана, «подонки целого мира», вряд ли могли рассчитывать на изменение политики дегуманизации по отношению к ним[5]. Конечно, иногда варвары успешно интегрировались в римское общество, как например, галаты. Однако остальные жили на территории римских провинций, как правило, на положении римских колонов, обрабатывая землю и неся повинности[6]. Поэтому, учитывая ситуацию, которая сложилась на территории империи после готского вторжения и битвы при Адрианополе 378 года, очевидно, что только военная мощь готов заставила римлян пойти на компромиссы по отношению к ним. Другим же народам этого времени (тайфалам или отдельным группировкам сарматов), повезло гораздо меньше. Не прошедших проверку успешными военными действиями, их ждала полная утрата идентичности и продажа в рабство римским землевладельцам[7].

Конечно, готы, захватившие с оружием в руках земли империи, уже изначально имели более высокий статус своей идентич-

---

[2] *Буданова В.П.* 2013, 29.

[3] *Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю.* 2015, 251–252.

[4] *Хизер П.* 2016, 237.

[5] *Никишин В.О.* 2016, 107–109.

[6] Там же, 121.

[7] *Хизер П.* 2016, 265.

ности[8], но, тем не менее, угроза ее потери сохранялась и для них. Несмотря на то, что готы смогли добиться выхода из зоны римского законодательства и сохранить институт власти своих вождей, разрыв связи со старыми святынями, кризис традиционных верований, начало массового включения в римскую жизнь через воинскую службу, как и усиливавшаяся зависимость от материальных ресурсов империи[9], не могли не способствовать активизации процесса романизации варваров[10].

С одной стороны, миграции и кризис традиционных верований подорвали религиозную опору власти готских риксов, ведь полномочия германских жрецов вряд ли распространялись за пределы бывших территорий расселения с устоявшимися священными местами и святынями[11]. Готские вожди, мигрировавшие на территорию империи, стремились любыми способами сохранить власть над соплеменниками и остро нуждались в ее новой сакральной опоре. Любопытно, но в этих изменившихся условиях именно христианство смогло с успехом заменить традиционные верования. Правда, в этом случае, готы оказались открытыми перед духовными ценностями греко-римской цивилизации, что неизбежно должно было сказаться на степени романизации варваров[12].

С другой стороны, напомним, что к этому времени христианство уже давно превратилось в эффективный механизм римской культурной экспансии, ведь, по словам Оригена, только после того, как варвары будут обращены к Богу-Слову, они станут подвластными римским законам (*Orig*. Contra Celsum VIII. 68). Процесс христианизации и, соответственно, вовлечение таких могущественных врагов в культурное пространство империи являлся до такой степени важным для римлян, что они, удивительным образом, закрывали глаза на массовый переход готов в арианство. Даже антиеретический закон Валентиниана II от 23 января 386 г. (CTh., XVI. 1.4), совсем не коснулся готов, которые могли продолжать

[8] Там же, 233.
[9] *Никишин В.О.* 2016, 123.
[10] *Копылов И.А.* 2013, 54–72.
[11] Там же, 58.
[12] Там же, 58.

совершать арианскую литургию, в том числе и во дворце императора[13]. Очевидно, что христианизация, даже в виде принятия арианства, превратилась в важнейший инструмент политического подчинения готов[14].

Однако, после окончательного падения этой ереси и усиления романизации варваров, именно арианство стало играть роль своеобразного маркера этнокультурной идентичности готов[15]. В окружении чуждой и постоянно усиливавшей свое влияние греко-римской культуры, готы все более стремились сохранить свою собственную идентичность. При этом, чем сильнее оказывалось на них культурное давление, тем настойчивей было выражено данное стремление. Другими словами, в изменившихся условиях именно арианство превратилось в важный элемент этнического самосознания германцев, что закрепило массовое принятие варварами данного еретического учения[16].

В отличие от собственно территории Римской империи, готы, отступившие на восток, попали совершенно в иные культурно-исторические условия. Более того, интеграция варваров в этом направлении, по-видимому, началась еще до нашествия гуннов. Ранее нами уже связывались события договора римлян с готами 369 года, с появлением последних на Боспоре[17]. Однако, даже если в этом году какая-то группа готов и переселилась на Боспор, то это было только предвестником будущей крупной миграции варваров в восточном направлении. Появление основной массы готов на территории Боспора (от возрожденного Танаиса до Крымского Приазовья), обычно связывается с последствием гуннского погрома 376 года[18]. Археологический материал, который отражает этот процесс, как правило, представлен черняховской керамикой, гребнями, двучленными прогнутыми подвязными фибулами, двупластиночными фибулами I группы по Амброзу[19]. На некрополе ан-

[13] *Sumruld W.*1994, 29.
[14] *Копылов И.А.* 2013, 66.
[15] Там же, 59.
[16] *Вольфрам Х.* 2003, 129; *Захаров Г.Е.* 2011, 94.
[17] *Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю.* 2015, 251–254.
[18] *Болгов Н.Н., Рябцева М.Л.* 2013, 263.
[19] *Godłowski K.* 1970, 78-79; *Казанский М.М.* 1999, 279–280; *Маго-*

тичного города Танаис появились и захоронения женщин в характерных восточногерманских костюмах, типичных для черняховской культуры[20]. Население, которое мигрировало на территорию Боспора, в частности к Танаису, судя по находкам, принадлежало к южному причерноморскому варианту черняховской культуры[21].

Однако готы, отступившие на восток и расселившиеся на землях Боспорского царства, столкнулись не с чуждой им греко-римской культурой, а с уникальным локальным вариантом общегреческой народности или, что более вероятно, греко-варварской этнокультурной и территориальной общности[22]. Боспоряне, которые в качестве народности являлись результатом синтеза эллинской и варварских культур, изначально складывались в тесной взаимосвязи с окружающим племенным миром Северного Причерноморья. При этом многие народы включались в государство мирным путем, а их представители на законных основаниях устремлялись в греческие города и принимали активное участие в их жизни[23]. Более того, именно территории варварских племен, вошедшие в состав Боспорского царства, предоставляли правителям необходимые ресурсы, независимые от их эллинских подданных[24].

Существует трудность выделения варварского населения среди жителей античных центров. Это касается и готов, следы пребывания которых на Боспоре можно выявить лишь по отдельным предметам, имеющим отношение к ряду археологических культур[25]. Однако, существует и другая крайность, когда на Боспоре настойчиво пытаются найти именно черняховцев с характерным для них полным комплексом артефактов, совершенно не учитывая фактор социально-культурной трансформации варваров в ходе начавшейся миграции и последствий этнической инфильтрации в

медов Б.В. 2001, 246–249; *Ščukin M., Kazanski M. et Sharov O.* 2006, 185–186; *Путина И.А.* 2014, 108–111.

[20] *Безуглов С.И., Толочко И.В.* 2001, 96–101.

[21] *Обломский А.М.* 2010, 174–202.

[22] *Масленников А.А.* 1990, 84.

[23] *Цецхладзе Г.Р.* 2014, 203.

[24] *Завойкин А.А.* 2012, 293.

[25] *Шаров О.В.* 2010, 251–285.

античное общество. Тем более, что духовную основу боспорцев или боспорян, продолжало составлять эллинское ядро культуры[26]. Конечно, здесь не было такого давления на мигрантов и особенно стремления всеми способами романизировать появившихся на территории античного государства носителей чуждых культур. По этой причине на Боспоре в меньшей степени оказался выраженным кризис идентичности готов, что парадоксальным образом способствовало процессу их ассимиляции, и, в конечном итоге, христианизации. Однако, если кризис восприятия своей идентичности у них был выражен слабее, чем у своих западных сородичей, может быть, именно по этой причине боспорские готы приняли сторону никейского православия. То есть, здесь германцы не пошли по пути духовного противоборства с античной цивилизацией, а, как и пожелали их духовные наставники, приняли сторону кафолического никейского вероисповедания. Следовательно, именно на Боспоре сложились наиболее благоприятные условия для относительно полной интеграции готов в античное общество.

Основным письменным источником, свидетельствующим о присутствии германцев на Боспоре, является труд Прокопия Кесарийского «Война с готами», в котором автор сообщает о готах-христианах переселившихся в V в. н.э. на Таманский полуостров с территории Европейского Боспора (*Procop.* Bell. Got. VIII. IV, 4–5, 18–20). Правда, готы, получившие странное наименование тетракситы или трапезиты, до сих пор точно не локализованы на этнической карте Боспора[27]. Тем не менее, помимо труда Прокопия, существует еще один источник, свидетельствующий о распространении никейского христианства среди боспорских готов. Это письмо константинопольского архиепископа Иоанна Златоуста диаконисе Олимпиаде, написанное в 404 году, когда архиепископ уже находился в ссылке. В нем совершенно конкретно сообщается о существовании довольно большой общины готов-христиан:

> «Дали мне знать монахи — марсийские [константинопольские. — *Я. С.*] готы, у которых постоянно скрывался епископ Серапион, что прибыл диакон Мадурий с известием, что дос-

[26] *Масленников А.А.* 1990, 155.

[27] См. историографию вопроса: *Ярцев С.В.* 2018, 93–94.

> тойный удивления епископ Унила, которого я недавно поставил и послал в Готию, совершивши много великих дел, умер. И прибыл Мадурий с письмами правителя готов, в которых последний просил послать к ним епископа. И вот, так как против грозящей катастрофы я не вижу никакого другого средства, чтобы поправить дело, кроме промедления и отсрочки (им ведь невозможно теперь плыть ни в Боспор, ни вообще в те страны), то ты постарайся пока задержать их по причине зимы; но не пробеги мимо этого с небрежностью, потому, что это дело весьма важное» (*Joanns Chrysostomi*, Epist., 14).

К сожалению, в содержании этого текста присутствует некоторая двусмысленность, породившая научные споры по поводу местоположения готской общины. По этой причине, несмотря на то, что большинство ученых разместили готов-христиан на Боспоре[28], также было высказано предположение о нахождении указанных варваров на Дунае[29].

В письме Иоанна Златоуста действительно отсутствует точная привязка готской общины к Боспору. Однако здесь присутствуют точные имена людей, фигурирует Боспор и дается описание какой-то катастрофической ситуации, что не позволяет согласиться с мнением о невнимании архиепископа к географическим привязкам к местности[30]. Правда, с одной стороны, довольно странным выглядит в тексте термин «Готия», известный, в основном, по более поздним событиям[31]. Тем не менее, с другой стороны, обращаться по церковным вопросам к архиепископу, известному своей антиарианской деятельностью[32], готы-ариане жившие на территории Римской империи, просто не могли. Как тогда в этом случае оценивать проповеди православного епископа Унилы, совершившего у готов-ариан «много великих дел», если считать последних, как делает, например В. Томашек, дунайскими готами[33]. При этом нам

---

[28] *Васильевский В. Г.* 1909, 370; *Кулаковский Ю.А.* 1914, 52; *Бертье-Делагард А.Л.* 1920, 40; *Vasilev A.A.* 1936, 33–36.

[29] *Айбабин А. И.* 1999, 77–78.

[30] *Могаричев Ю. М.* 2014, 198.

[31] *Могаричев Ю. М.* 2012, 238.

[32] *Казенина-Пристанскова Е.Т.* 2003, 63–65.

[33] *Tomaschek W.* 1881, 10.

хорошо известно, что здесь на придунайской территории среди своих соплеменников активно проповедовал арианский епископ Сигесарий[34]. По приказу короля готов Алариха в 409 г. он даже крестил узурпатора Аттала (*Sozom.* Hist. eccl., IX. 9, 1). Влиятельные омийские епископы в это время[35], старались поддерживать родственных по вере готов-ариан[36].

В данной ситуации предполагать, что вокруг одной из кафедр кафолического (никейского) вероисповедания в придунайских провинциях, объединились некие готы, отступившие от фактически общеплеменного арианского вероисповедания, выглядит немыслимо. Ситуация в этих районах после расселения здесь готов была очень сложной, так как последние фактически насильственно склоняли к арианскому вероучению всех своих соплеменников (*Iord.* Get., 133). Несомненно, что за любое отступление от общепринятой линии по отношению к вере, от лица готской знати последовало бы неминуемое наказание. Когда же Иоанну Златоусту удалось крестить здесь каких-то «кочующих скифов», он отказался ими непосредственно заниматься, попросив епископа Леонтия «послать людей» к ним для церковного руководства (*Theod*., V, 31) Все это вновь не соответствует отношению Иоанна к вопросам веры готов, которыми он всегда занимался лично.

Более того, в своем письме Иоанн Златоуст довольно определенно привязывает готскую епархию к территории собственно Готии, или даже к городу (Боспору?), что противоречит системе «племенных» епископов, распространенной в это время у дунайских варваров. Именно здесь епископы были оторваны от конкретных городов и территорий, так как должны были постоянно сопровождать готов в их перемещениях[37].

Все вышесказанное вынуждает нас более внимательнее проанализировать наименование «Готия» из письма Иоанна, тем более, что именно так называлось местоположение данных варваров в Северном Причерноморье еще во времена императора Констан-

---

[34] *Захаров Г.Е.* 2011, 94–95.

[35] *McLynn N.B.* 1994, 97; *Захаров Г.Е.* 2014, 233–234.

[36] *Захаров Г.Е.* 2014, 303–305.

[37] Там же, 307.

ция II (337-361 гг.). Нам известно, что сосланный в это время за Дунай Авдий смог добраться «в самую внутренность Готии» (*Epiph.* Advers. haer., 70)[38]. Не исключено, что и позднее место проживания готов продолжало называться тем же наименованием. В этом случае, представляется логичным, что данное название должно было сохраниться только за теми территориями, которые не были захвачены гуннами. В Северном Причерноморье это были только земли Херсонеса и Боспорского царства, куда, как мы знаем, отступила часть готов. Поэтому, некоторые пограничные районы Боспора, где расселились выходцы с территории черняховской культуры, возможно, действительно в те годы назывались Готией.

Во всяком случае, по причине зимы невозможно было плыть только туда, куда из-за гуннов другим способом добраться было невозможно. Таким местом, действительно, как и указано в письме, являлся Боспор и расположенный на полуострове Херсонес как государства, не попавшие под власть гуннов. Во все остальные районы, включая и придунайские территории, легко можно было добраться и сухопутным путем, что является еще одним аргументом в пользу расположения Готии в Северном Причерноморье, а не на Дунае.

Но, если дунайские готы в то время действительно насильственно «склоняли все племена своего языка к признанию этой секты» (*Iord.* Get., 133), то тогда именно невозможность срочной отправки к боспорским готам нового епископа и вызвала беспокойство Иоанна. Все это хорошо согласуется с особенностью борьбы Златоуста с арианской ересью, которая заключалась, в первую очередь, с назначением в проблемные общины подготовленных представителей клира.

То, что готы с какой-то особой «душевной простотой и великой безропотностью» чтили свою веру (*Procop.* Bell. Got., VIII. IV. 4), лишний раз указывает на прочные позиции, которые занимало христианство никейского и посленикейского вероисповедания в духовной жизни варваров. Однако, данное свидетельство может также отражать некоторые особенности в отправлении культа тер-

[38] *Буданова В. П.* 2001, 176–177.

ракситами / трапезитами[39]. Эти особенности вполне могли быть связаны с обостренным восприятием варваров своей этнической идентичности, которая, как известно, обычно устанавливалась только посредством противопоставления себя другим этническим группам[40]. При этом не обязательно, чтобы варвары, попавшие в сферу влияния Боспорского царства, всеми силами стремились сохранить свою идентичность. Учитывая относительно благоприятные условия для интеграции в античное общество в этой части периферии греко-римского мира, готы могли даже и не думать об этих обстоятельствах. Тем не менее, варварские обычаи и традиции последних не могли так быстро трансформироваться в чуждой культурной среде. Именно по этой причине варварство готов стало приобретать скрытые латентные формы, когда, практически растворившись в цивилизации, его можно было определить только по некоторым, отличающимся от нормы, особенностям. Возможно, именно в этом и заключается причина проявления готами особой простоты и безропотности в отправлении христианского культа, замеченные ромеями.

Если это так, то археологический материал, выявленный при раскопках пограничных районов Боспора, где были расселены готские мигранты, должен подтверждать сделанные выводы. В этой связи, особый интерес вызывают раскопки Белинского городища, единственного крупного поселения Крымского Приазовья позднеантичного времени, расположенного вблизи Казантипского залива. Исходя из текста Прокопия, возможно, именно этот залив в виде «полумесяца» и являлся главным ориентиром местоположения готов-христиан на Боспоре. Здесь на восточном участке городища Белинское, был исследован крупный сакральный комплекс первых веков нашей эры, состоящий из каменных кругов (в том числе и концентрических) и треугольной алтарной вымостки. По времени возникновения, особенностям топографии, наличию элементов обряда возлияния жидкости (вина?) и по отношению к христианству, данный комплекс сопоставим с каменными кругами Илурата[41] и,

[39] *Ярцев С.В.* 2018, 93–98.
[40] *Hall J.M.* 1997, 33.
[41] *Хршановский В.А.* 2015, 142–147.

возможно, других городов (Китея?)[42]. Видимо, во всех этих местах указанные объекты были изначально связаны с языческими обрядами. Например, считается, что в святилище Китея во II-IV в. н.э. отправлялся культ Кибелы — Великой Матери, которой заменил собой предшествующие культы всех греческих хтонических богинь плодородия и их спутников. При этом в одном из помещений святилища были обнаружены боспорские амфоры IV в. н.э., которые возможно были наполнены водой с целью купания в ней статуи женского божества и ритуального омовения мистов[43]. На Белинском же городище центральное круглое помещение, вместе с другими кругами (возможно имеющими отношение к культу Диониса), в позднеантичное время (вторая половина IV - первая половина V вв. н.э.) были засыпаны золой из домашних очагов. Образовавшееся зольное святилище, так или иначе, также имело отношение к культу языческого божества, скорее всего, женского[44]. Однако, в дальнейшем подобные места языческих святилищ стали активно использоваться христианами. На это указывает вырубленный в центре круга на Илурате крест с рыбой и птицей, а на Белинском городище, на участке указанного зольника с каменными кругами, вырезанный в центре треугольной алтарной вымостки крест в круге и крест с удлиненной вертикальной линией[45]. Возможно, указанные святилища подходили для совершения христианских обрядов из-за их непосредственной связи с захоронениями и некрополями[46].

Несмотря на то, что нам неизвестно точное время нанесения христианских знаков на алтарную вымостку на Белинском городище, геометрическая форма конструкции — четко обозначенный треугольник и такой же треугольной формы приставленный с запада каменный жертвенник с чашеобразным углублением для возлияния, позволяет предположить глубокий символический смысл всего этого комплекса. Конечно, мы далеки от стремления любой треугольник в позднеантичное время трактовать как христианский, но тем не

[42] *Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю.* 2015, 416–446.
[43] *Молев Е.А., Молева Н.В.* 2007, 84–89.
[44] *Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю.* 2015, 427.
[45] Там же, 416–430.
[46] Там же, 422.

менее, именно треугольник довольно рано и прочно занял свое место в христианской теологии став символическим обозначением Святой Троицы. Другими словами, комплекс с Белинского городища может отражать один из самых драматичных моментов противостояния ортодоксального православия с арианством[47].

Таким образом, учитывая форму конструкции и использование в ней в качестве главного элемента обряда, скорее всего, вина, этого важнейшего для германской аристократии элемента связанного с пиром, было предложено, что языческие ритуалы могли трансформироваться у данных варваров в христианские трапезы-агапы, ставшие главной отличительной чертой их духовной практики[48]. Может быть, именно по этой причине возник термин «трапезиты», который варвары могли получить от своих новых соседей боспорян, в данном случае, привычным образом обыгравших известное греческое слово[49]. Только теперь им называли не денежных менял-трапезитов (от trapeza — стол)[50], а новообращенных христиан, активно практиковавших трапезы-агапы, по сути являвшиеся все тем же самым завуалированным ритуальным пиром или языческой тризной.

Таким образом, в то время, когда переселившиеся в Римскую империю готы массово принимали арианство, пытаясь сохранить свое этническое самосознание, их боспорские соплеменники столкнулись с уникальным культурным синтезом античных и варварских начал. Здесь не стояла так остро проблема противостояния мигрантов с античным населением, ведь боспоряне, по сути дела, сами являлись эллинизированными варварами. Именно по этой причине боспорские готы не пошли по пути духовного противоборства с античной цивилизацией, а, как и желали их духовные наставники, приняли сторону кафолического (никейского) вероисповедания. Следовательно, на Боспоре были созданы наиболее благоприятные условия для относительно полной интеграции готов в античное общество. Тем не менее, боспорские готы, по-видимому, также не хотели терять свою этническую и культурную

[47] Там же, 432-436.
[48] Там же, 439-445.
[49] *Ярцев С.В.* 2018, 97.
[50] *Сорочан С.Б.* 2000, 40-41.

идентичность. Может быть, из-за противопоставления своей общности окружающему населению варварство данной группы стало принимать особые латентные формы. Не исключено, что появление нового термина готов-тетракситов / трапезитов, как раз и является отражением этого сложного интеграционного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А. И. 1999: Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь.

Безуглов С.И., Толочко И.В. 2001: К характеристике культурных связей Танаиса в эпоху переселения народов (по материалам погребений) // Боспорский феномен. СПб., I. 96-101.

Бертье-Делагард А.Л. 1920: Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 57. 1-135.

Болгов Н.Н., Рябцева М.Л. 2013: О характере германских влияний на Боспор периода Великих миграций // STRATUM plus. 4. 261-267.

Буданова В. П. 2001: Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб.

Буданова В.П. 2013: Парадоксы варварства в историческом контексте // Цивилизация и варварство: парадоксы победы цивилизации над варварством / В.П. Буданова, О. В. Воробъева (ред.). М.: ИВИ РАН, II. 12-41.

Буданова В.П. 2014: «Чужое» как спасение, «Своё» как тупик // Цивилизация и варварство: механизмы, инструменты и субъекты взаимодействия / В.П. Буданова, О.В. Воробьева (ред.). М.: Аквилон, III. 12-40.

Буданова В.П. 2018: Метаморфозы сознания человека варварского мира на пути к цивилизации // Цивилизация и варварство: человек варварского мира и варварский мир человека (Часть 2) / В.П. Буданова (ред.). М.: Аквилон, VII. 7-33.

Васильевский В. Г. 1909: Труды в 4 т. СПб., 2. 1.

Вольфрам Х. 2003: Готы. СПб.

Завойкин А.А. 2012: Боспорская монархия: проблемы периодизации // Восточная Европа в древности и средневековье: Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. М., XXIV. 288-298.

Захаров Г.Е. 2011: Везеготские короли и «арианская» церковь в V–VI вв.: метаморфозы омийской традиции // Восточная Европа в древности и

средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. М., XXIII. 92-97.

Захаров Г.Е. 2014: Иллирийские церкви в эпоху арианских споров (IV - начало V в.). М.

Казанский М.М. 1999: Готы на Боспоре Киммерийском // Сто лет черняховской культуре. Киев, 277-297.

Казенина-Пристанскова Е.Т. 2003: Золотые уста. Жизнь и труды Иоанна Златоуста. Ровно.

Копылов И.А. 2013: «Арианский фактор» во взаимоотношениях Рима и варварской периферии // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки». 17(118). 54-72.

Кулаковский Ю.А. 1914: Прошлое Тавриды: Краткий исторический очерк. Киев.

Магомедов Б.В. 2001: Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin.

Масленников А.А. 1990: Население Боспорского государства в первых веках нашей эры. М.

Могаричев Ю. М. 2012: Православные святые средневековой Тавриды. Симферополь.

Могаричев Ю. М. 2014: Крымская Готия: от язычества к христианству // Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. М. XXVI. 197-202.

Молев Е.А., Молева Н.В. 2007: О культовой принадлежности архитектурного комплекса II–V вв. н.э. на восточной окраине Китейского святилища // Древности Северного Причерноморья в античное время. Симферополь, 84-89.

Никишин В.О. 2016: Падение Западной Римской империи: внутренняя трансформация и внешний коллапс // Цивилизация и варварство: вызовы деструкции в лабиринте миграции варварства / В.П. Буданова, О.В. Воробьева (ред.). М.: Аквилон, 5. 99-129.

Обломский А.М. 2010: Хронология поселения Танаис позднеантичного периода // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула, I. 174-202.

Путина И.А. 2014: Черняховская керамика Белинского городища // Классическая и византийская традиция 2014. Белгород, 108-111.

Сорочан С.Б. 2000: Ранневизантийский сектор услуг: менялы (IV–IX вв.) // Вісник Харьківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Серія: Історія. Харьків, 485/32. 39-48.

Уколова В.И. 2015: Римляне и готы: модель сосуществования по Флавию Кассиодору // Цивилизация и варварство: пограничье как феномен, состояние и культурно-историческое пространство / В.П. Буданова, О.В. Воробьева (ред.). М.: Аквилон, IV. 160-185.

Хизер П. 2016: Великие завоевания варваров. Падение Рима и рождение Европы. М.

Хршановский В.А. 2015: Круглые святилища на илуратском плато. Проблемы хронологии и этнокультурной принадлежности // Таврические студии. Исторические науки. 7. 142-147.

Цецхладзе Г.Р. 2014: Боспорское царство: особенности образования и развития // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства. М., 200-235.

Чекалова А.А. 2014: Варварский элемент в Византии (IV–V века) // Цивилизация и варварство: механизмы, инструменты и субъекты взаимодействия / В.П. Буданова, О.В. Воробьева (ред.). М., III. 75-102.

Шаров О.В. 2010: Данные письменных и археологических источников о появлении германцев на Боспоре (проблема выделения «германских древностей» на Боспоре) // STRATUM plus. 4. 251-285.

Ярцев С.В. 2018: Письмо константинопольского архиепископа Иоанна Златоуста диаконисе Олимпиаде как важнейший источник по истории раннего христианства на Боспоре // Вестник ГОУ ДПО ТО «ИПК И ППРО ТО» Тульское Образовательное Пространство. Тула. I. 93-98.

Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю. 2015: Греко-варварский Крым в период поздней античности (III–IV вв. н.э.: от морских походов до битвы при Адрианополе) / А.А. Масленников (ред.). Тула.

Godłowski K. 1970: The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Kraków.

Hall J.M. 1997: Ethnic Identity in Greek Antiquity. Cambridge.

McLynn N.B. 1994: Ambrose of Milan: Church and Court in a Christian Capital. Berkeley.

Ščukin M., Kazanski M. et Sharov O. 2006: Des les Goths aux huns: Le nord de la mer noire au Bas — empire et a l'epoque des grandes migrations / Archaeological Studies on Late Antiquity and Early Medieval Europe (400–1000 A.D.): Monographs I. British Archaeological Reports International Series 1535. Oxford.

Sumruld W. 1994: Augustine and the Arians. New Haven; London.

Tomaschek W. 1881: Die Goten in Taurien. Wien.

Vasilev A.A. 1936: The Goths in the Crimea. Cambridge.

Sergey V. Yartsev, Victor G. Zubarev, Ekaterina D. Gavrilina

ON THE LATENT BARBARISM OF THE BOSPORAN GOTHS

The purpose of this research is to identify the features of the Goths' integration process in ancient society. The evidences of ancient authors and materials of our own excavations in Crimea are the main source of research. The authors use method of source analysis. They come to the conclusion that despite the fact these migrants belonged to the same ethic group, but their entry to the Greco-Roman world in the late antique time occurred in different cultural and historical conditions. The main price of migration to the territory of the ancient country was the inevitable loss of the ethic identity by the Goths. The authors concretize the reason why emigrants in Roman Empire begin to accept Arianism which has become an important element of self-consciousness of Germans. Special analysis on Bosporus showed that here the barbarians encountered not an alien Greco-Roman culture in its classical form, but an unique cultural synthesis of ancient and barbarian beginnings. The confrontation between migrants and ancients was not so acute in Bosporus, because the bosporans themselves were Hellenized barbarians. For this reason the Bosporian Goths didn't follow the path of spiritual confrontation with ancient civilization and adopted the Nicene religion. The authors also point out that the Goths didn't want to lose their cultural and ethic identity. The scientific novelty is represented by the interpretation of this process. In the center of its attention is the consideration of the desire to oppose the Goths to the surrounding population in favorable conditions for the integration of barbarians in the ancient era. The authors show that that for this reason the barbarity of the Bosporan Goths began to take latent forms.

Keywords: Roman Empire, Bosporan Kingdom, migration, Goths, Christians, Arianism, latent barbarity.

Sergey V. YARTSEV — Dr. Sc. (History), Associate Professor, Professor of the Department of History and Archaeology of the Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University. Senior Researcher at the Research Laboratory of Historical Anthropology of the Belgorod State National Research

University. Tula, Belgorod, Russian Federation. — s-yartsev@yandex.ru

Victor G. ZUBAREV — Dr. Sc. (History), Professor, Professor of the Department of History and Archaeology of the Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University. Senior Researcher at the Research Laboratory of Historical Anthropology of the Belgorod State National Research University. Tula, Belgorod, Russian Federation. — parosta@mail.ru

Ekaterina D. GAVRILINA — Teacher at School № 1357. Moscow, Russian Federation. — gavrilina-95@yandex.ru

REFERENCES

Ajbabin A. I. 1999: Jetnicheskaja istorija rannevizantijskogo Kryma. Simferopol'.

Bezuglov S.I., Tolochko I.V. 2001: K harakteristike kul'turnyh svjazej Tanaisa v jepohu pereselenija narodov (po materialam pogrebenij) // Bosporskij fenomen. SPb., I. 96-101.

Bert'e-Delagard A.L. 1920: Issledovanie nekotoryh nedoumennyh voprosov srednevekov'ja v Tavride // Izvestija Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii. Simferopol', 57. 1-135.

Bolgov N.N., Rjabceva M.L. 2013: O haraktere germanskih vlijanij na Bospor perioda Velikih migracij // STRATUM plus. 4. 261-267.

Budanova V. P. 2001: Goty v jepohu Velikogo pereselenija narodov. SPb.

Budanova V.P. 2013: Paradoksy varvarstva v istoricheskom kontekste // Civilizacija i varvarstvo: paradoksy pobedy civilizacii nad varvarstvom / V.P. Budanova, O. V. Vorob#eva (red.). M.: IVI RAN, II. 12-41.

Budanova V.P. 2014: «Chuzhoe» kak spasenie, «Svojo» kak tupik // Civilizacija i varvarstvo: mehanizmy, instrumenty i sub#ekty vzaimodejstvija / V.P. Budanova, O.V. Vorob'eva (red.). M.: Akvilon, III. 12-40.

Budanova V.P. 2018: Metamorfozy soznanija cheloveka varvarskogo mira na puti k civilizacii // Civilizacija i varvarstvo: chelovek varvarskogo mira i varvarskij mir cheloveka (Chast' 2) / V.P. Budanova (red.). M.: Akvilon, VII. 7-33.

Cechladze G.R. 2014: Bosporskoe carstvo: osobennosti obrazovanija i razvitija // Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2012 god: Problemy jellinizma i obrazovanija Bosporskogo carstva. M., 200-235.

Chekalova A.A. 2014: Varvarskij jelement v Vizantii (IV-V veka) // Civilizacija i varvarstvo: mehanizmy, instrumenty i sub#ekty

vzaimodejstvija / V.P. Budanova, O.V. Vorob'eva (red.). M., III. 75-102.

Hall J.M. 1997: Ethnic Identity in Greek Antiquity. Cambridge.

Hizer P. 2016: Velikie zavoevanija varvarov. Padenie Rima i rozh-denie Evropy. M.

Hrshanovskij V.A. 2015: Kruglye svjatilishha na iluratskom plato. Problemy hronologii i jetnokul'turnoj prinadlezhnosti // Tavricheskie studii. Istoricheskie nauki. 7. 142-147.

Godłowski K. 1970: The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Kraków

Jarcev S.V. 2018: Pis'mo konstantinopol'skogo arhiepiskopa Ioanna Zlatousta diakonise Olimpiade kak vazhnejshij istochnik po istorii rannego hristianstva na Bospore // Vestnik GOU DPO TO «IPK I PPRO TO» Tul'skoe Obrazovatel'noe Prostranstvo. Tula. I. 93-98.

Jarcev S.V., Zubarev V.G., Butovskij A.Ju. 2015: Greko-varvarskij Krym v period pozdnej antichnosti (III-IV vv. n.je.: ot morskih pohodov do bitvy pri Adrianopole) / A.A. Maslennikov (red.). Tula.

Kazanskij M.M. 1999: Goty na Bospore Kimmerijskom // Sto let chernjahovskoj kul'ture. Kiev, 277-297.

Kazenina-Pristanskova E.T. 2003: Zolotye usta. Zhizn' i trudy Ioanna Zlatousta. Rovno.

Kopylov I.A. 2013: «Arianskij faktor» vo vzaimootnoshenijah Rima i varvarskoj periferii // Vestnik RGGU. Serija «Istoricheskie nauki». 17(118). 54-72.

Kulakovskij Ju.A. 1914: Proshloe Tavridy: Kratkij istoricheskij ocherk. Kiev.

Magomedov B.V. 2001: Chernjahovskaja kul'tura. Problema jetnosa. Lublin.

Maslennikov A.A. 1990: Naselenie Bosporskogo gosudarstva v pervyh vekah nashej jery. M.

McLynn N.B. 1994: Ambrose of Milan: Church and Court in a Christian Capital. Berkeley.

Mogarichev Ju. M. 2012: Pravoslavnye svjatye srednevekovoj Tavridy. Simferopol'.

Mogarichev Ju. M. 2014: Krymskaja Gotija: ot jazychestva k hristianstvu // Vostochnaja Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Jazychestvo i monoteizm v processah politogeneza. M. XXVI. 197-202.

Molev E.A., Moleva N.V. 2007: O kul'tovoj prinadlezhnosti arhitekturnogo kompleksa II-V vv. n.je. na vostochnoj okraine Kitejskogo svjatilishha // Drevnosti Severnogo Prichernomor'ja v antichnoe vremja. Simferopol', 84-89.

Nikishin V.O. 2016: Padenie Zapadnoj Rimskoj imperii: vnutrennjaja transformacija i vneshnij kollaps // Civilizacija i varvarstvo: vyzovy destrukcii v labirinte migracii varvarstva / V.P. Budanova, O.V. Vorob'eva (red.). M.: Akvilon, 5. 99-129.

Oblomskij A.M. 2010: Hronologija poselenija Tanais pozdneantichnogo perioda // Lesnaja i lesostepnaja zony Vostochnoj Evropy v jepohi rimskih vlijanij i Velikogo pereselenija narodov. Tula, I. 174-202.

Putina I.A. 2014: Chernjahovskaja keramika Belinskogo gorodishha // Klassicheskaja i vizantijskaja tradicija 2014. Belgorod, 108-111.

Ščukin M., Kazanski M. et Sharov O. 2006: Des les Goths aux huns: Le nord de la mer noire au Bas — empire et a l'epoque des grandes migrations / Archaeological Studies on Late Antiquity and Early Medieval Europe (400–1000 A.D.): Monographs I. British Archaeological Reports International Series 1535. Oxford.

Sharov O.V. 2010: Dannye pis'mennyh i arheologicheskih istochnikov o pojavlenii germancev na Bospore (problema vydelenija «germanskih drevnostej» na Bospore) // STRATUM plus. 4. 251-285.

Sorochan S.B. 2000: Rannevizantijskij sektor uslug: menjaly (IV-IX vv.) // Visnik Har'kivs'kogo nacional'nogo universitetu imeni V.N. Karazina. Serija: Istorija. Har'kiv, 485/32. 39-48.

Sumruld W. 1994: Augustine and the Arians. New Haven; London.

Tomaschek W. 1881: Die Goten in Taurien. Wien.

Ukolova V.I. 2015: Rimljane i goty: model' sosushhestvovanija po Flaviju Kassiodoru // Civilizacija i varvarstvo: pogranich'e kak fenomen, sostojanie i kul'turno-istoricheskoe prostranstvo / V.P. Budanova, O.V. Vorob'eva (red.). M.: Akvilon, IV. 160-185.

Vasilev A.A. 1936: The Goths in the Crimea. Cambridge.

Vasil'evskij V. G. 1909: Trudy v 4 t. SPb., 2. 1.

Vol'fram H. 2003: Goty. SPb.

Zaharov G.E. 2011: Vezegotskie koroli i «arianskaja» cerkov' v V-VI vv.: metamorfozy omijskoj tradicii // Vostochnaja Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Rannie gosudarstva Evropy i Azii: problemy politogeneza. M., XXIII. 92-97.

Zaharov G.E. 2014: Illirijskie cerkvi v jepohu arianskih sporov (IV nachalo V v.). M.

Zavojkin A.A. 2012: Bosporskaja monarhija: problemy periodizacii // Vostochnaja Evropa v drevnosti i srednevekov'e: Migracii, rasselenie, vojna kak faktory politogeneza. M., XXIV. 288-298.

А.А. Клейменов

ОТКРЫТОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ СКРЫТОГО ВАРВАРСТВА

МАССОВЫЕ КАРАТЕЛЬНЫЕ АКЦИИ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО ПЕРИОДА ПОКОРЕНИЯ «ДАЛЬНИХ» САТРАПИЙ

Цель исследования заключается в анализе масштабных карательных экспедиций Александра Македонского периода покорения Восточного Ирана, Средней Азии и Северо-Западной Индии. Задачами являются рассмотрение характера карательных акций Александра, предпосылок их проведения и выявление наличия подобных элементов в военной практике предшествующего периода. Исследование опиралось на всесторонний анализ античных письменных источников, сравнительно-исторический метод, метод контент-анализа. Определяется, что карательные акции осуществлялись Александром посредством выделения из войска специальных отрядов и проводились в землях, населенных племенными сообществами. Схожие военные предприятия, связанные с грабежом, убийствами и порабощением населения были характерны для вооруженных конфликтов в «варварской» северной части Балканского полуострова, часто проходивших в форме набегов. Во времена Филиппа II карательные походы практиковались для подрыва военно-демографического потенциала варварских племенных объединений и государственных образований, а также являлись средством пополнения казны. Имея опыт осуществления

Александр Анатольевич КЛЕЙМЕНОВ — доктор исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого. Российская Федерация, Тульская обл., г. Донской. — alek-klejmenov@yandex.ru

Цивилизация и варварство
2020. Вып. IX. С. 357-377
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2020. Issue IX. P. 357-377
DOI: 10.21267/AQUILO.2020.9.9.012

экспедиций для пацификации балканских племен, армия Александра в более широких масштабах проводила их против непокорного населения «дальних» сатрапий, однако здесь экономически и логистически нецелесообразное обращение пленных в рабство уступило место массовым убийствам.

Ключевые слова: Александр Македонский, Средняя Азия, Индия, террор, Филипп II.

Военное поприще наполнено огромным количеством противоречий. Являясь по своему характеру формой организованного осуществления насилия, война в той или иной степени смещает привычные нравственные ориентиры, а причинение другим людям страданий и лишение их жизни становится вполне допустимым в рамках весьма зыбких, исторически обусловленных и часто трудно применимых «правил войны». Оценка действий военачальников, имеющих полномочия выбирать методы вооруженного воздействия и несущих явно бóльшую ответственность за совершаемое, чем рядовые исполнители, является еще более затруднительной. В этом отношении примечательна личность Александра Македонского, деятельность которого настолько же противоречива, насколько масштабна, так как в ней нашлось место и выделявшимся на фоне эпохи проявлениям милости и снисхождения к побежденным, и столь же поражающей жестокости. Следуя предостережению, оставленному М. Блоком, не будем «разыгрывать роль Миносов и Осирисов»[1] и, оставив в стороне, проблему моральной оценки решений завоевателя Азии, рассмотрим проблему появления самого кровавого инструмента в полководческом арсенале Александра, подразумевавшего опустошение целых регионов и массовое уничтожение их населения.

Самым ранним военным предприятием Александра, осуществленным в рамках Восточного похода и связанным с террором по отношению к населению целого района, является кампания против уксиев, проведенная зимой 331–330 гг. до н.э. Античные авторы указывают, что это горное племя Александр атаковал силами смешанного отряда из конницы и пехоты (*Arr.* Anab., III. 17, 2; *Curt.* V. 3, 3). Несмотря на то, что данные источников существенно раз-

[1] *Блок М.* 1973, 77.

няться и дают основания для нескольких вариантов реконструкции событий[2], можно говорить о весьма жестких действиях Александра в регионе. Согласно Арриану (*Arr.* Anab., III. 17, 2–5), Александр атаковал селения уксиев, убив многих из них и взяв добычу, организовал почти полное истребление тех уксиев, что обороняли проходы в горах. Указанный автор, как и Курций Руф (*Curt.* V. 3, 12–15) сообщают о намерении Александра полностью очистить территорию от уксиев, от чего его отговорила мать Дария III Сисигамбис[3]. Почти год спустя, уже после смерти Дария III, завоеватель осуществил поход на иранское племя мардов[4]. Он также был совершен с помощью отдельного подвижного корпуса (см. *Arr.* Anab., III. 24, 1; *Curt.* VI. 5, 11). Арриан указывает, что Александр прошел большую часть страны мардов, убивая и захватывая в плен тех, кто пытался скрыться бегством (*Arr.* Anab., III. 24, 2). Авторы «критического» направления указывают, что бежавшие марды укрылись в лесистой местности, что не остановило Александра. По замечанию Курция Руфа, македонский царь как охотник, выслеживал тайные убежища мардов и многих перебил (*Curt.* VI. 5, 17), а Диодор упоминает, что Александр начал опустошать страну мардов огнем (*Diod.* XVII. 76, 5). К этой кампании большинство античных историков относят эпизод с похищением коня Букефала, возвращенного мардами после угрозы Александра перебить всех жителей страны (*Curt.* VI. 5, 17–21; *Diod*. XVII. 76, 5–8; *Plut*. Alex., 44), причем, согласно Диодору, македонский царь начал приводить угрозы в исполнение[5].

После вступления Александра в пределы Средней Азии уничтожение населения целых районов вышло из сферы намерений и угроз. Так, жестокостью отличалось подавление восстания городов Уструшаны 329 г. до н.э., для которого полководец прибег к разде-

---

[2] *Briant P.* 1982, 161–173; *Badian, E.* 1985, 442; *Boucharlat R.* 1990, 162–163; *Ashley J.R.* 1998, P. 271–274; *Nawotka K.* 2010, 246.

[3] Подробнее об этом см.: *Atkinson, J. E.* 1994, 81–82.

[4] Не следует путать с мардами из южной Персии, покоренными Александром в более ранее время (*Worthington I.* 2014, 212).

[5] С этим перекликается сообщение Курция Руфа (*Curt.* VI. 5, 20–21) о продвижении македонян вперед, сопровождавшимся вырубкой зарослей (*Atkinson, J. E.* 1994, 195).

лению своей армии на части (см. *Arr.* Anab., IV. 2, 2; *Curt.* VII. 6, 16). Согласно Аррриану, Александр приступом захватил Газу, все мужчины в которой были перебиты, а женщины, дети и другая добыча отданы воинам[6]. Следом аналогичным образом был захвачен соседний город. На следующий день с первого приступа Александр взял и третий из городов (*Arr.* Anab., IV. 2, 3–4). Одновременно с этим кавалерия была отправлена к двум соседним городам для блокирования. Их жители, узнав о судьбе соседей, бросились бежать и в большинстве своем были перебиты (*Arr.* Anab., IV. 2, 5–6). После этого македонский царь получил возможность сосредоточить войско под стенами Кирополя, который был захвачен в результате напряженного и кровопролитного штурма. Из защитников 8 000 были перебиты, а остальные оттеснены в цитадель и принуждены к сдаче (*Arr.* Anab., IV. 3, 1–4). Курций Руф приводит близкие детали при описании взятия Александром некоего «города мемакенов», в итоге разрушенного Александром (*Curt.* VII. 6, 17–23)[7]. Под занавес военной кампании 329 г. до н.э. Александр осуществил карательную акцию беспрецедентного масштаба. Проведена она было в долине Политимета после отхода в пустыню отряда Спитамена, до того осаждавшего Мараканды и разгромившего отряд завоевателей в битве на Политимете. Согласно данным Курция Руфа, Александр разделил войско на части, приказав сжигать поселения и убивать всех взрослых (*Curt.* VII. 9, 22). Подтверждает и дополняет эти сведения Арриан, указывающий, что у границы пустынных земель Александр повернул обратно и опустошил всю долину Политимета в наказание за участие жителей в нападении на македонян (*Arr.* Anab., IV. 6, 5). Масштаб разорений и убийств, видимо, был огромным. По мнению большинства исследователей, о последствиях именно этой акции сообщает Диодор, отмечающий, что Александр убил более 120 000 отпавших от него согдиан (*Diod.* XVII. prol., (2), 23)[8].

---

[6] О разрушении первого города, взятого царем, и уничтожении его жителей пишет и Курций Руф (*Curt.* VII. 6, 16).

[7] Рассказ, видимо, является результатом компиляции сообщений о захвате нескольких городов региона (*Roisman J.* 1984, 377).

[8] *Григорьев В.В.* 1881, 67; *Тревер К.В.* 1987, 117; *Гафуров Б.Г., Цибукидис Д.И.* 1980, 256; *Шофман А.С.* 1976, 475; *Ольбрыхт М.Я.* 2013, 122;

Данных о других столь же жестких мероприятиях Александра на территории Средней Азии нет. Следующее, сколь-нибудь сопоставимое предприятие, было проведено зимой 326–325 гг. до н.э. для покорения «независимых» индийских племен маллов и оксидраков / ксудраков. Эти племена могут быть идентифицированы как малавы и кшудраки, известные по индийским источникам[9]. Античные авторы называют их особо многочисленными и воинственными (*Arr.* Anab., V. 22, 2; VI. 4, 3; *Diod.* XVII. 98, 1). Сведения Арриана о ходе кампании Александра против маллов являются наиболее пространными и достоверными благодаря широкой опоре на информацию Птолемея[10]. По его рассказу, Александр провел поход, разделив войско на четыре части, выдвинувшиеся в разное время для того, чтобы не дать беглецам скрыться (*Arr.* Anab., VI. 5, 5–7; 6, 1). Выделение отдельных отрядов из состава сил, оставшихся у самого Александра, осуществлялось и в ходе активной фазы кампании. Целью этого было, как правило, уничтожение очагов сопротивления и убийство пытавшихся скрыться (см. *Arr.* Anab., VI. 6, 1–6; 8, 1–4). В сложном замысле этой кампании, как было отмечено в литературе, не последнюю роль сыграло стремление нанести противнику максимальные потери[11]. В конце похода при штурме крупнейшего города маллов Александр получил тяжелое ранение, однако саму кампанию можно смело назвать успешной в полной мере. Свидетельством этого является прибытие в лагерь Александра послов от маллов и оксидраков/судраков с заверениями покорности (*Arr.* Anab., VI. 14, 1–3; *Curt.* IX. 7, 12–14; ср. Metz. Epit., 78).

Явно выраженный карательный характер носил и зимний поход Александра 324–323 г. до н.э. против иранского племени коссеев, ставший, в итоге, последним военным предприятием в пол-

---

Strasburger H. 1934, 40; *Holt F.* 2005, 58; *Bosworth A.B.* 1996, 145. Иное мнение см. *Шифман И.Ш.* 1988, 142; *Smith M.* 2009, 67.

[9] *Бонгард-Левин Г.М.* 1973, 162; *Фор П.* 2011, 86; *Bevan E.R.* 1922, 375; *Bosworth A.B.* 1996, 135; *Narain A.K.* 2003, 164; *Dani A.H., Bernard P.* 1994, 85.

[10] *Hammond N.G.L.* 1998, 172.

[11] *Tarn W.W.* 1948, 103; *Bosworth A.B.* 1996, 136; *Narain A.K.* 2003, 164.

ководческой карьере завоевателя. Арриан сообщает, что Александр предпринял поход на коссеев силами двух отрядов, подчиненных ему самому и Птолемею, и, несмотря на зиму и бездорожье, уничтожил это племя (*Arr.* Anab., VII. 15, 1–3). Согласно Диодору, Александр с «легковооруженным войском» пошел на коссеев, опустошив большую их часть. Многие «варвары» были убиты, еще больше взяты в плен, что вынудило коссеев покориться (*Diod.* XVII. 111. 4–6). Плутарх сравнивает эту войну с охотой на людей, отмечая, что все способные носить оружие коссеи были перебиты (*Plut.* Alex., 72). Таким образом, коссеи понесли большие потери и были усмирены, однако сообщения о полном уничтожении племени следует признать преувеличенным: уже в эпоху диадохов коссеи, насколько позволяет судить сообщение Диодора, полностью вернулись к прежнему «разбойничьему» образу жизни (*Diod.* XIX. 19, 2–8)[12].

Все эти военные акции, осуществленные во второй половине завоевательной деятельности Александра, имели общую, ярко выраженную черту: массовые убийства и разорения не просто являлись следствием ведения военных действий, а одной из основных целей проведения операций. Для обеспечения широко охвата территории или преследования пытающегося спастись противника применялись отдельные соединения войска, которые П. Бриан метко сравнил с «адскими колоннами» времен Великой Французской революции[13]. Безусловно, Александр Македонский был военачальником, склонным к резким, решительным действиям, однако на материале его кампаний в Восточном Иране, Средней Азии и Индии мы сталкиваемся с крайними проявлениями жестокости, которые по современным меркам можно оценить как настоящее варварство, стоящее в одном ряду с аналогичными «подвигами» Чингисхана или Тимура. Причем совершал эти деяния, казалось бы, настоящий носитель высокой эллинской цивилизации.

Проявление крайней жестокости в ходе военных действий, включавшее истребление пленных комбатантов, убийство и пора-

---

[12] См.: *Bosworth A.B.* 1988, 165; *Nawotka K.* 2010, 363–364; *Heckel W.* 2008, 149.

[13] *Бриан П.* 2007, 71.

бощение местного населения, было частью и греческих военных реалий конца V - первой половины IV вв. до н.э., однако являлось оно в основном мерой политического характера, призванной закрепить плоды уже достигнутой победы[14]. К аналогичным по характеру, но более крупным по масштабам действиям прибегал и сам Александр. Достаточно вспомнить потрясшую Грецию судьбу Фив (см. *Arr.* Anab., I. 8, 8–9, 10; *Plut.* Alex., 11; *Diod*. XVII. 13; *Just*. XI 3, 7–4, 8), участь Тира (*Arr.* Anab., II. 24, 5; *Curt*. IV. 4, 10–18; *Plut*. Alex., 25; *Diod.* XVII. 46, 3–4) и Газы (*Arr.* Anab., II. 27, 7; *Curt.* IV. 6, 7–30; *Diod.* XVII. 48, 7; *Plut*. Alex., 24; *Plut*. Moral., 341b). Защитники этих городов, оказавшие яростное сопротивление македонскому завоевателю, были уничтожены, а остальное население продано в рабство. В период покорения Александром горных областей Ирана, Средней Азии и Индии мы сталкиваемся с явлениями уже иного порядка: массовый террор, включающий, прежде всего, уничтожение населения, охватывал широкие пространства в результате осуществления специальных военных операций. Мнения о причинах появления столь жестких карательных акций в полководческом инструментарии Александра весьма разнообразны. Большинство исследователей считает их реакцией на непривычные для македонской армии методы ведения войны, применявшиеся народами «дальних» сатрапий, упорно сопротивлявшихся Александру[15]. По мнению А.Б. Босворта, «отвратительное по всем критериям» поведение Александра было связано с новой идеологией завоевательной деятельности, в соответствии с которой все сопротивлявшиеся власти нового «царя царей» воспринимались как мятежники и подлежали безжалостному истреблению[16]. Оригинальную и претендующую на сенсационность позицию озвучил Р. Габриэль, считающий проявления жестокости, присутствовавшие в полководческой деятельности Александра, следствием имевшегося у него психического расстройства, приводившего к неуправляемым вспышкам гнева[17].

---

[14] Подробнее см. *Шишова И.А.* 1968, 63–68.

[15] *Strauss B.S.* 2003, 141; *Holt, F.* 2005, 58–60; *Lonsdale D.J.* 2007, 93; *Smith M.* 2009, 67; *Garneau A.* 2013, 5–7; *Anson E.M.* 2014, 102–103.

[16] *Bosworth A.B.* 1996, 145–165.

[17] *Gabriel R.A.* 2015, 80–86.

Значительный интерес представляет заключение Т. Хоу, согласно которому политика террора, проводимая Александром в Средней Азии, не являлась кардинальным новшеством и хорошо соотносилась с действиями Филиппа II и самого Александра на Балканском полуострове, где первый жестоко обошелся с населением Олинфа, а его сын расправился с иллирийцами Клита и фиванцами. Смотрит исследователь и в более глубокое прошлое, обращая внимание на разрушение Пидны 410 г. до н.э., предпринятое Архелаем[18]. Соглашаясь с указанием на необходимость поиска предпосылок тех или иных решений Александра в собственно македонской военной культуре, следует обратить внимание на специфику действий Аргеадов в «варварской» части Балкан. Именно там, еще до начала Восточного похода, противниками македонской армии, как и в Средней Азии и Северо-Западной Индии, выступали племенные сообщества или раннегосударственные образования с сильными пережитками родоплеменной организации.

Военные действия здесь традиционно носили «варварский», отличный от греческого видения войны характер. Как справедливо отмечается в историографии, племена фракийцев и иллирийцев постоянно жили в состоянии войны, устраивая грабительские набеги на земли Македонии[19]. Аргеады, как и их враждебные соседи, вели войны «варварского» межплеменного типа, неизменным спутником которых был грабеж[20]. Подобные предприятия, как показывает комплексный анализ методов ведения войны племенных сообществ разных регионов и времен, были не столь масштабны как столкновения «цивилизованных» народов, но отличались крайней степенью насилия, проявлявшегося в убийствах, изнасилованиях, захвате населения в рабство и грабеже[21]. Жестокость, превращавшая набеги в карательно-разорительные акции, крылась не только в низком уровне дисциплины «варварских» отрядов, но и в самом характере общества: не пытаясь подчинить территорию, ставшую объектом атаки, нападающие стремились предотвратить

[18] *Howe T.* 2015, 165–166.
[19] *Hammond N.G.L.* 1998, 11; *Gehrke H.-J.* 1996, 15.
[20] *Hammond N.G.L.* 1979, 166.
[21] *Dawson D.* 1996, 14–16; *Gat A.* 2006, 183–184.

или максимально отсрочить ответное нападение[22]. В условиях атомарной структуры племенных или раннегосударственных обществ для этого требовалось не разгромить некий военно-политический центр, а резко подорвать военно-демографический потенциал региона через насильственное воздействие на население. Этот элемент военной практики делал жестокость частью военной культуры. Так, примеры безжалостного обращения с местным населением при грабительских набегах демонстрировали фракийцы. Фукидид, называющий их очень кровожадными, ярко описал вызвавшее шок у греков нападение фракийцев на беотийский Микалесс, где были разграблены дома и храмы, убийствам подвергались жители независимо от пола и возраста, а также скот (*Thuc.* VII. 29, 4–5). Практика осуществления набегов оказала влияние и на военачальников, использовавших ее наследие при пацификации непокорных племен. Как и Александр в «дальних» сатрапиях, они планировали военные действия так, чтобы охват населения в покоряемых районах был максимальным. Благодаря Ксенофонту, мы знаем о проведении подобных операций одрисским династом Севтом в период покорения племен меландитов, финов и транипсов. Греческий историк сообщает, что Севт захватывал и сжигал поселения, при этом пехота из греческих наемников и фракийцев действовала независимо от всадников: пешим было поручено подавлять сопротивление в селениях, в то время как конница преследовала и захватывала пытавшихся скрыться бегством. Автор указывает, что Севт стремился нагнать страх на сопротивляющихся, в том числе посредством уничтожения их жилищ и хлеба в преддверии зимы, упоминает безжалостные убийства (см. *Xen.* Anab., VII. 3, 11–4, 6). Часть населения в результате похода была обращена в рабство[23].

Филипп II, как верно отмечено в литературе, в ходе своей военно-политической деятельности во многом следовал традиционным для Аргеадов задачам, связанным с необходимостью противостояния иллирийцам и фракийцам[24]. Для этого он использовал

---

[22] Об этом на этнографическом материале см.: *Шнирельман В.А.* 1994, 150–151.

[23] *Златковская Т.Д.* 1971, 150–151.

[24] *Ellis J.R.* 1976, 56; *Griffith G.T.* 1979, 424; *Lane Fox R.* 2011a, 353.

новую, передовую по меркам эпохи армию, созданную в результате знаменитых реформ, но и осуществлял типичные для северной части Балкан карательно-разорительные набеги. Видимо, особенно характерны они были для иллирийского направления. Как предполагается, бóльшая часть Иллирии находилась вне зоны прямого македонского контроля[25]. Филипп влиял на ситуацию в регионе посредством периодической демонстрации силы[26]. К сожалению, данных о военных акциях на этом направлении крайне немного. Единственное относительно подобное сообщение об одном из иллирийских походов передает Диодор. Этот автор указывает, что Филипп вторгся в Иллирию с большими силами, опустошил сельскую местность, захватил много городов и вернулся в Македонию, нагруженный добычей (*Diod.* XVI. 69, 7). Исследователи, анализируя его данные, относят упоминаемую военную акцию к 345–343 гг. до н.э.[27] С ней может быть связан и упомянутый Дидимом эпизод с ранением Филиппа во время преследования иллирийца Плеврата (*Did.* Col., 12, 64). Соответственно, объектом нападения стало возглавляемое Плевратом племя ардиеев[28]. Поход Филиппа против ардиеев нельзя воспринимать как завоевательную акцию. Территории, затронутые македонским царем в ходе кампании, не вошли в состав его государства[29]. Видимо, стратегически это была превентивная мера для обеспечения безопасности северо-западных границ Македонии[30]. По характеру реализации действия Филиппа являлись разорительным рейдом в типично «варварском» стиле и по своей сущности мало отличались от вторжений тех же иллирийцев в Македонию[31]. Составляющей похода являлся массовый угон населения: очевидно, именно тогда произошел упомянутый Полиэном (*Pol.* IV. 2, 12) угон десяти тысяч жителей иллирийского го-

---

[25] *Greenwalt W.S.* 2010, 292; *Lane Fox R.* 2011b, 369–370.

[26] *Ellis J.R.* 1976, 90.

[27] *Уортингтон Й.* 2014, 156; *Hammond N.G.L.* 1966, 245; *Ellis J.R.* 1976, 136; *Hatzopoulos M. B.* 1987, 87–90; *Wilkes J.J.* 1992, 121.

[28] *Wilkes J.J.* 1992, 121; *Hammond N.G.L.* 1966, 245. Ср. *Lane Fox R.* 2011b, 369.

[29] *Lane Fox R.* 2011b, 369.

[30] *Ellis J.R.* 1976, 136; *Ashley J.R.* 1998, 114.

[31] *Millett P.* 2010, 490.

рода Сарнуса в Македонию[32]. Косвенные данные[33] позволяют полагать, что несколько удачных набегов на иллирийские земли Филипп провел в конце своего правления, стремясь ослабить иллирийцев накануне отбытия македонской армии в Персию[34].

Военные предприятия, нацеленные на масштабное разорение широкой территории и включающие захват населения, проводились и на других направлениях. Здесь можно обратить внимание на скупо освещенный в источниках, но часто затрагиваемый в научной литературе поход Филиппа II на скифского царя Атея. Наиболее связный и пространный рассказ о его событиях оставил Юстин, эпитоматор Помпея Трога. По его данным, Филипп надеялся за счет добычи этого похода покрыть убытки, понесенные в ходе безуспешной осады Византия (*Just.* IX. 1, 9). О ходе военных действий между Филиппом и Атеем известно, к сожалению, немного. Источники позволяют полагать, что судьба кампании решилась в единственном сражении, где верх взял Филипп[35]. В контексте рассматриваемого вопроса интересен характер взятой им добычи. Согласно тому же Юстину, македонский царь захватил в рабство двадцать тысяч женщин и детей, скот, в том числе двадцать тысяч наилучших кобылиц, отправленных в Македонию для разведения коней (*Just.* IX. 2, 15–16). Как именно была взята добыча доподлинно неизвестно. Существует версия, что она была собрана в результате специально осуществленного разорения освоенных скифами земель Добруджи[36]. В любом случае, это был мощный удар — скифы уже не могли удерживать контроль над регионом, в итоге ставшим объектом экспансии со стороны трибаллов и гетов[37].

Подобные военные акции были одной из составляющих процесса формирования самого Александра как военачальника. Судя

---

[32] *Vela Tejada J., Martín García F.* 1991, 319; *Lane Fox R.* 2011, 369. Иное мнение см.: *Greenwalt W.S.* 2010, 292.

[33] См. *Curt.* VIII. 1, 25; *Diod*. XVI. 93, 6.

[34] *Wilkes J.J.* 1992, 121–122.

[35] *Каллистов Д.П.* 1968, 219; *Делев П.* 2008, 9; *Уортингтон Й.* 2014, 192; *Ellis J.R.* 1976, 186.

[36] *Шелов, Д.Б.* 1971, 62–63; *Gabriel R.A.* 2010, 201.

[37] *Андрух, С.И.* 1995, 80–83; *Делев П.* 2008, 11; *Йорданов К.* 2011, 204.

по сообщению Курция Руфа, в период правления Филиппа Александр самостоятельно успешно провел военную экспедицию против иллирийцев, о чем в письме сообщил отцу (*Curt.* VIII. 1, 25). Если упомянутое событие и имело место, то оно должно было произойти в начале 330-х гг. до н.э.[38] Стремление осуществить максимальное воздействие на представителей балканских племен, восставших против македонского господства после смерти Филиппа II, явно прослеживается и в первой самостоятельной военной кампании, проведенной Александром весной-летом 335 г. до н.э. Уже в ее начале молодой македонский царь, разбив в бою у горы Гем «независимых фракийцев», захватил сопровождавших их войско женщин и детей, а также обоз (*Arr.* Anab. I. 1, 6–13)[39]. Эта добыча, как сообщает Арриан, была сразу же отправлена в «приморские города» (*Arr.* Anab., I. 2, 1). Позже Александр предпринял не увенчавшуюся успехом попытку захватить остров Певка на Истре (Дунае), где от его армии укрывались трибаллы и представители других фракийских племен, включая женщин и детей (см. *Arr.* Anab., I. 2, 2–3; 3, 1–4; *Strab*. VII. 3, 8). На завершающей стадии Балканской кампании Александр провел военную операцию, целью которой было нанесение максимальных потерь выступившим против македонян иллирийцам. Согласно Арриану, разгромив с помощью пехоты вражеский лагерь у Пелиона, Александр организовал преследование врага до «гор тавлантиев» (*Arr.* Anab., I. 6, 9–11). Расстояние от Пелиона до места окончания погони, составляло, по разным оценкам, от 50 до 160 км[40]. А.Б. Босворт высказывает сомнения в возможности организовать столь долгое преследование теми силами, что атаковали иллирийский лагерь[41], однако необходимо заметить, что в тексте источника, видимо, упоминается не тактическое, а стратегическое преследование, специально организованное для нанесения максимально возможных потерь противнику. Последнее Александру, безусловно, удалось: спокой-

[38] *Greenwalt W.S.* 2010, 293.

[39] Варианты реконструкции событий см.: *Bosworth A. B.* 1980, 56–57; *Ashley J.R.* 1998, 168–169; *Howe T.* 2014, 87–93.

[40] *Hammond N. G. L.* 1978, 138.

[41] *Bosworth A. B.* 1976, 124.

ная обстановка сохранялась на иллирийской границе в течение всего периода его правления[42].

Аналогичные в своей основе методы, подразумевавшие разорение территории с проявлением насилия по отношению к его населению, применялись Александром при покорении населенных фактически независимыми племенами районов горного Ирана, а также в Средней Азии, представлявшей собой совокупность владений отдельных аристократов и племенных сообществ. Использовались они и в Северо-Западной Индии для подчинения племен «независимых индов», то есть древнеиндийских республиканских сообществ, не обладавших иерархической структурой власти и являвшихся совокупностью владений кшатриев[43]. Как и на Балканах, македоняне посредством карательно-разорительных рейдов стремились не просто разгромить вооруженные силы сопротивляющихся сообществ, но и резко подорвать их военно-демографический потенциал, а также запугать. Конечно, акции Александра в «дальних» сатрапиях имели свою специфику. Прежде всего, они часто были очень масштабны, так как осуществлялись силами крупной армии, которая посредством разделения на отдельные колонны воздействовала на широкую территорию. Отличался и характер воздействия: если в первой половине своей завоевательной деятельности Александр, как до него и Филипп, большую часть населения подвергавшихся пацификации племенных областей захватывал в рабство, то в рамках среднеазиатского и индийского этапов завоеваний стали шире практиковаться убийства. У этого есть вполне тривиальные основания. Филипп II, увеличивший доходы македонской монархии, но активно их тративший на масштабные военные предприятия, часто испытывал нужду в финансах[44]. К концу правления македонского царя-реформатора его казна была практически пуста. Александр унаследовал от отца не только царство, войско и амбициозные планы, но и нехватку средств[45]. В этих условиях опустошительные походы на непокорные племена не только подрывали их военно-

[42] *Hamilton J.R.* 1965, 123; *Greenwalt W.S.* 2010, 295.
[43] *Вигасин А.А., Самозванцев А.М.* 1984, 154.
[44] *Уортингтон Й.* 2014, 228; *Ellis J.R.* 1976, 55.
[45] См.: *Plut.* Alex., 15; *Arr.* Anab., VII. 9, 6; *Curt*. X. 2, 24.

демографический потенциал, но и являлись средством пополнения казны, в том числе за счет продажи пленных в рабство. К моменту вторжения в Среднюю Азию финансовый вопрос для Александра утратил свою былую остроту благодаря захвату колоссальных денежных средств державы Ахеменидов[46]. О том, что Александр в Средней Азии не был материально заинтересован в присвоении рабов свидетельствует судьба жителей уструшанской Газы, которые, согласно Арриану, были отданы солдатам (*Arr.* Anab., IV. 2, 4). Не являясь экономической необходимостью, массовое порабощение населения могло создать Александру немалые проблемы в области логистики. В работе Д. Энгельса констатируется, что завоеватель Азии пытался ограничить размер обоза, в том числе за счет ограничения числа используемых повозок и вьючных животных, а также сопровождавших войска нонкомбатантов[47]. При этом, как справедливо отмечает А.К. Нефёдкин, по мере продвижения на восток армия Александра неизбежно утрачивала подвижность из-за возрастания количества повозок, перевозивших добычу и семьи воинов, увеличения числа слуг и предметов роскоши у командиров и т.п.[48] Это вынуждало полководца идти на радикальные шаги: Курций Руф (*Curt.* VI. 6, 14–18) сообщает об уничтожении нагруженных добычей повозок накануне вторжения Александра в пределы Средней Азии, а Плутарх (*Plut.* Alex., 57) и Полиэн (*Pol.* IV. 3, 10) пишут об аналогичных мерах, предпринятых в преддверии индийского похода. В этих условиях наполнение армейского обоза многочисленными пленными было явно лишним. Видимо, основной добычей, интересовавшей Александра в рейдах, осуществляемых экспедиционными колоннами в Средней Азии, был провиант[49].

Указанные тенденции, в совокупности с напряженными условиями военных кампаний в Средней Азии и Индии, привели к увеличению числа жертв среди местного населения, однако общая

---

[46] *Дюков Ю.Л., Смекалова Т.Н., Вечерухин Н.М., Мельников А.В.* 2006, 27; *Holt F.* 2016, 85–91.

[47] *Engels D.W.* 1978, 12.

[48] *Нефёдкин А.К.* 2015. 248–263.

[49] О важности сбора продовольствия на местности в период покорения Восточного Ирана и Средней Азии см.: *Engels D.W.* 1978, 144–145; *Holt F.* 1994, 51–58.

методика проведения жестких карательно-разорительных акций была македонянам хорошо знакома. Это относится как к командованию армии, так и к рядовому составу, проявившему готовность выполнять самые бесчеловечные приказы. Последнее не было следствием специальных мер, которые, по версии П. Фора, предпринимало македонское командование для поддержания в солдатах жестокости, сопоставимой по уровню с печально известными SS[50]. Также однобоким представляется утверждение Р. Габриэля, связавшего жестокость македонян с их психическим истощением, вызванным долгим участием в боевых действиях без необходимого отдыха[51]. Здесь не меньшую роль сыграли как дисциплинированность македонской армии, так и ее готовность вести войны в «варварском» стиле, опиравшаяся на опыт противостояния северобалканским племенам.

Таким образом, присутствие в полководческом арсенале Александра Македонского в период покорения «дальних» сатрапий практики проведения карательно-разорительных походов с большим количеством жертв среди местного населения, не характерной для древнегреческого военного дела классической эпохи, объясняется комплексом причин. К их числу, помимо склонности Александра к решительным действиям и условий протекания Восточного похода, относится ранее сформировавшийся у македонян опыт ведения военных действий против племен «варварской» части Балканского полуострова.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Андрух С.И. 1995: Нижнедунайская Скифия в VI - начале I в. до н.э. Запорожье. — Andrukh S.I. 1995: Nizhnedunaiskaya Skifiya v VI nachale I v. do n.e. Zaporozh'e.

Бонгард-Левин Г.М. 1973: Индия эпохи Маурьев. М. — Bongard-Levin G.M. 1973: Indiya epokhi Maur'ev. M.

Блок М. 1973: Апология истории, или Ремесло историка / Е.М. Лысенко (пер. с франц.). М. — Blok M. 1973: Apologiya istorii, ili Remeslo istorika / E.M. Lysenko (per. s frants.). M.

[50] *Фор П.* 2008, 88.
[51] *Gabriel R.A.* 2015, 65.

Бриан П. 2007: Александр Македонский / И. Нагле (пер. с франц.). М. — Brian P. 2007: Aleksandr Makedonskii / I. Nagle (per. s frants.). M.

Вигасин А.А., Самозванцев А.М. 1984: Артхашастра: проблемы социальной структуры и права. М. — Vigasin A.A., Samozvantsev A.M. 1984: Artkhashastra: problemy sotsial'noi struktury i prava. M.

Гафуров Б.Г., Цибукидис Д.И. 1980: Александр Македонский и Восток. М. — Gafurov B.G., Tsibukidis D.I. 1980: Aleksandr Makedonskii i Vostok. M.

Григорьев В.В. 1881: Поход Александра Македонского в Западный Туркестан // ЖМНП. 217. 1. 24-67. — Grigor'ev V.V. 1881: Pokhod Aleksandra Makedonskogo v Zapadnyi Turkestan // ZhMNP. 217. 1. 24-67.

Делев П. 2008: Филип II и Алексадър Велики в Северна Тракия // Регионален исторически музей Русе. Известия. Книга XII. Светът на гетите. Руссе, 5-19. — Delev P. 2008: Filip II i Aleksad"r Veliki v Severna Trakiya // Reginalen istoricheski muzei Ruse. Izvestiya. Kniga XII. Svet"t na getite. Russe, 5-19.

Дюков Ю.Л., Смекалова Т.Н., Вечерухин Н.М., Мельников А.В. 2006: Результаты идентификации центров чеканки серебряных монет Александра Македонского из собрания Государственного Эрмитажа // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 3 (44). 18-36. — Dyukov Yu.L., Smekalova T.N., Vecherukhin N.M., Mel'nikov A.V. 2006: Rezul'taty identifikatsii tsentrov chekanki serebryanykh monet Aleksandra Makedonskogo iz sobraniya Gosudarstvennogo Ermitazha // Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda. 3 (44). 18-36.

Златковская Т.Д. 1971: Возникновение государства у фракийцев. М. — Zlatkovskaya T.D. 1971: Vozniknovenie gosudarstva u frakiitsev. M.

Йорданов К. 2011: Добруджа през I-ото хил. пр. Хр. Гети // История на Добруджа, Том 1. Велико Търново, 131-234. — Iordanov K. 2011: Dobrudzha prez I-oto khil. pr. Khr. Geti // Istoriya na Dobrudzha, Tom 1. Veliko T"rnovo, 131-234.

Каллистов Д.П. 1968: Рабство в Северном Причерноморье V–III вв. до н.э. // Рабство на периферии античного мира. Л., 193-221. — Kallistov D.P. 1968: Rabstvo v Severnom Prichernomor'e V-III vv. do n.e. // Rabstvo na periferii antichnogo mira. L., 193-221.

Нефёдкин А.К. 2015: Обоз армии Александра Македонского // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 15. 248-263. — Nefedkin A.K. 2015: Oboz armii Aleksandra Makedonskogo // Mnemon: Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira. SPb., 15. 248-263.

Ольбрыхт М.Я. 2013: Политика Александра Македонского в отношении иранцев в Средней Азии (329–327 гг. до н.э.) // Метаморфозы истории. 4. 119-129. — Ol'brykht M.Ya. 2013: Politika Aleksandra Makedonskogo v otnoshenii irantsev v Srednei Azii (329□327 gg. do n.e.) // Metamorfozy istorii. 4. 119-129.

Тревер К.В. 1947: Александр Македонский в Согде // ВИ. 5. 112-122. — Trever K.V. 1947: Aleksandr Makedonskii v Sogde // VI. 5. 112-122.

Уортингтон Й. 2014: Филипп Македонский / С.В. Иванов (пер. с англ.). СПб.; М. — Uortington I. 2014: Filipp Makedonskii / S.V. Ivanov (per. s angl.). SPb.; M.

Фор П. 2008: Повседневная жизнь армии Александра Македонского / Т.А. Левин (пер. с франц.). М. — For P. 2008: Povsednevnaya zhizn' armii Aleksandra Makedonskogo / T.A. Levin (per. s frants.). M.

Фор П. 2011: Александр Македонский / И.И. Маханьков (пер. с франц.). М. — For P. 2011: Aleksandr Makedonskii / I.I. Makhan'kov (per. s frants.). M.

Шелов Д.Б. 1971: Скифо-македонский конфликт в истории античного мира // МИА. 177. 54-63. — Shelov D.B. 1971: Skifo-makedonskii konflikt v istorii antichnogo mira // MIA. 177. 54-63.

Шифман И.Ш. 1988: Александр Македонский. Л. — Shifman I.Sh. 1988: Aleksandr Makedonskii. L

Шишова И.А. 1968: Порабощение военнопленных в Греции V-IV вв. до н.э. // Рабство на периферии античного мира. Л., 49-92. — Shishova I.A. 1968: Poraboshchenie voennoplennykh v Gretsii V IV vv. do n.e. // Rabstvo na periferii antichnogo mira. L., 49-92.

Шнирельман В.А. 1994: У истоков войны и мира // Першиц А.И., Семенов Ю.И., Шнирельман В.А. Война и мир в ранней истории человечества. М., 1. 9-176. — Shnirel'man V.A. 1994: U istokov voiny i mira // Pershits A.I., Semenov Yu.I., Shnirel'man V.A. Voina i mir v rannei istorii chelovechestva. M., 1. 9-176.

Шофман А.С. 1976: Восточная политика Александра Македонского. Казань. — Shofman A.S. 1976: Vostochnaya politika Aleksandra Makedonskogo. Kazan'.

Anson E.M. 2014: Counter-Insurgency: The lesson of Alexander the Great // Greece, Macedon and Persia: Studies in Social, Political and Military History in Honour of Waldemar Heckel / T. Howe, E. E. Garvin, G. Wrightson (eds). Oxford; Philadelphia, 94-106.

Ashley J.R. 1998: The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359-323 BC. Jefferson.

Atkinson J. E. 1994: A Commentary on Q. Curtius Rufus' Historiae Alexandri Magni. Books 5 to 7.2. Amsterdam.

Badian E. 1985: Alexander in Iran // Cambridge History of Iran / I. Gershevitch (ed.). II. 420–501.

Bevan E.R. 1922: Alexander the Great // The Cambridge history of India / E.J. Rapson (ed.). I. 345–390.

Bosworth A. B. 1976: Errors in Arrian // CQ. 26. 1. 117-139.

Bosworth A.B. 1980: A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Oxford. I.

Bosworth A.B. 1988: Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great. Cambridge.

Bosworth A.B. 1996: Alexander and the East: The Tragedy of Triumph. Oxford.

Boucharlat R. 1990: Suse et la Susiane à l'époque achéménide: Données archéologiques // Achaemenid History. Vol. IV: Centre and Periphery / A. Kuhrt, H. Sancisi-Weerdenburg (eds.). Leiden, 149-175.

Briant P. 1982: La campagne d'Alexandre contre les Ouxiens (début 330) // Rois, tributs et paysans. Etudes sur les formations tributaires du Moyen-Orient ancient. Paris, 161-173.

Dani A.H., Bernard P. 1994: Alexander and his successors in Central Asia // History of civilizations of Central Asia. Vol II: The development of sedentary and nomadic civilizations: 700 B.C. to A.D. 250 / J. Harmatta (ed.). Paris, 67-97.

Dawson D. 1996: The Origins of Western Warfare: Militarism and Morality in the Ancient World. Oxford.

Ellis J.R. 1976: Philip II and Macedonian Imperialism. London.

Engels D.W. 1978: Alexander the Great and the Logistics of the Macedonian Army. Berkeley; Los Angeles.

Gabriel R.A. 2010: Philip II of Macedonia: Greater than Alexander. Washington.

Gabriel, R.A. 2015: The Madness of Alexander the Great: And the Myth of Military Genius. Barnsley.

Garneau A. 2013: «The Heads of Hydra which ever grew again»: Alexander the Great's failed counterinsurgency in Afghanistan // The General Sir William Otter Papers. A Publication of the Royal Canadian Military Institute. 4/13. 1-8.

Gat A. 2006: War in human civilization. Oxford; New York.

Gehrke H.-J. 1996: Alexander der Große. München.

Greenwalt W.S. 2010: Macedonia, Illyria and Epirus // A Companion to Ancient Macedonia / J. Roisman, I. Worthington (eds.). Oxford, 279-305.

Griffith G.T. 1979: The Reign of Philip the Second // N.G.L. Hammond, G.T. Griffith. A History of Macedonia. Vol. II: 550–336 BC. Oxford, 201-646.

Hamilton J.R. 1965: Alexander's Early Life // GR, Second Series. 12. 2. 117-124.

Hammond N.G.L. 1966: The Kingdoms in Illyria *circa* 400–167 B.C. // BSA. 61. 239-253.

Hammond N. G. L. 1978: A Note on 'Pursuit' in Arrian // CQ. 28. 1. 136-140.

Hammond N.G.L. 1979: The Development of the Macedonia State and the Struggle for Survival // N.G.L. Hammond, G.T. Griffith. A History of Macedonia. Vol. II: 550–336 BC. Oxford. 1-200.

Hammond N.G.L. 1998: The Genius of Alexander the Great. London.

Hatzopoulos M. B. 1987: Les limites de l'expansion Macédonienne en Illyrie sous Philippe II // L'Illyrie méridionale et l'Epire dans l'antiquité / P. Cabanes (ed.). Clermont; Ferrand, 81-94.

Heckel W. 2008: The Conquests of Alexander the Great. Cambridge.

Holt F. 1994: Spitamenes against Alexander // Ιστορικογεωγραφικά. 4. 51-58.

Holt F. 2005: Into the Land of Bones. Alexander the Great in Afghanistan. Berkeley; Los Angeles; London.

Holt F. 2016: The Treasures of Alexander the Great: How One Man's Wealth Shaped the World. Oxford.

Howe T. 2014: Arrian and 'Roman' Military Tactics. Alexander's campaign against the Autonomous Tracians // Greece, Macedon and Persia: Studies in Social, Political and Military History in Honour of Waldemar Heckel / T. Howe, E. E. Garvin, G. Wrightson (eds.). Oxford, 87-93.

Howe T. 2015: Alexander and «Afghan Insurgency»: A Reassessment // Brill's Companion to Insurgency and Terrorism in the Ancient Mediterranean / T. Howe, L.L. Brice (eds.). Leiden; Boston, 151-182.

Lane Fox R. 2011a: Philip of Macedon: Accession, Ambitions, and Self-Presentation // Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC - 300 AD / R. J. Lane Fox (ed.). Leiden, 335-366.

Lane Fox R. 2011b: Philip's and Alexander's Macedon // Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC-300 AD / R. J. Lane Fox (ed.). Leiden, 367-391.

Lonsdale D.J. 2007: Alexander the Great: Lessons in strategy. London; New York.

Millett P. 2010: The Political Economy of Macedonia // A Companion to Ancient Macedonia / J. Roisman, I. Worthington (eds.). Oxford, 472-504.

Narain A.K. 2003: Alexander and India // Alexander the Great: A Reader / I. Worthington (ed.). London; New York, 161-169.

Nawotka K. 2010: Alexander the Great. Cambridge.

Roisman J. 1984: Ptolemy and his Rivals in his History of Alexander // CQ. 34. 2. 373-385.

Smith M. 2009: The Failure of Alexander's Conquest and Administration of Bactria-Sogdiana // Hirundo: The McGill Journal of Classical Studies. 8. Montreal. 64-72.

Strasburger H. 1934: Ptolemaios und Alexander. Leipzig.

Strauss B.S. 2003: Alexander: The Military Campaign // Brill's companion to Alexander the Great / J. Roisman (ed.). Leiden; Boston, 133-157.

Tarn W.W. 1948: Alexander the Great. Narrative. Cambridge, 1.

Vela Tejada J., Martín García F. 1991: Eneas el Táctico: Poliorcética; Polieno: Estratagemas. Madrid.

Wilkes J.J. 1992: The Illyrians. Oxford.

Worthington I. 2014: By the Spear: Philip II, Alexander the Great, and the Rise and Fall of the Macedonian Empire. Oxford.

Alexander A. KLEYMENOV

OPEN ACTS OF THE LATENT BARBARITY

MASS ALEXANDER'S THE GREAT PUNITIVE ACTIONS IN THE EASTERN SATRAPIES

The main aim of the article is to demonstrate the analysis of large-scale Alexander's the Great punitive actions during the conquest of Easter Iran, Middle Asia and north-west India. The problems of the research are the consideration of the punitive action, its reasons and the discovering these elements in the previous time. A multi-faceted approach to the ancient narrative sources, methods of comparative historical analysis and content analysis have been used. It is determined that Alexander the Great detached the special part his army to make the punitive actions in tribal' lands. The similar military actions were typical for «barbarian» from the north part

of Balkan Peninsula. At Philip's II time the punitive actions used for debauches of military and social potential of local tribes and for filling the treasury up. Having this experience Alexander used it with the bidder power against the intractable inhabitants of the eastern satrapies where to take people to slaves were inexpedient.

Keywords: Alexander the Great, Central Asia, India, terror, Philip II.

Alexander A. KLEYMENOV — Dr. Sc. (History), Senior Researcher of History and Archeology Department of Leo Tolstoy Tula State Pedagogical University. Donskoy, Tula region, Russian Federation. — alek-klejmenov@yandex.ru

В.А. Квашнин

«ГАННИБАЛ-ОСВОБОДИТЕЛЬ»

«НОВЫЙ ГЕРАКЛ» ПРОТИВ НАСЛЕДНИКОВ КАКИЯ

Статья посвящена идеологической борьбе между Римом и Карфагеном в период Второй Пунической войны. В условиях доиндустриального аграрного общества она имела религиозное оформление, используя широко известный в греческом мире цикл мифов о Геракле. Пропагандистское сопровождение похода Ганнибала в Италию было связано с реинтерпретацией десятого подвига Геракла, действие которого разворачивалось на территории северной Африки, Иберии и Италии. В литературе достаточно давно было обращено внимание на то, что начальный этап похода Ганнибала в Италию совпадает с маршрутом так называемого «пути Геракла», в частности, предполагающего пересечение альпийских перевалов, что позволяло провести прямые параллели между Ганнибалом и Гераклом. Как элемент пропаганды также было использовано предание о чудовищном Какии, проживавшем на территории будущего Рима и убитого Гераклом. Поход Ганнибала, таким образом, уподоблялся странствиям Геракла по Италии, уничтожавшего мифических чудовищ и разбойников, ставших олицетворением власти Рима над италиками. Среди элементов антиримской пропаганды следует выделить акцент на особой миссии Ганнибала, заключавшейся в защите и спасении италийских общин от тиранической власти наследников варварского чудовища Какия. Основным содержанием пропагандист-

---

Владимир Александрович КВАШНИН — доктор исторических наук, профессор кафедры государственного права, заведующий кафедрой всеобщей истории и социально-экономических дисциплин Вологодского государственного университета. Российская Федерация, Вологда. — kvashninv195@mail.ru

Цивилизация и варварство
2020. Вып. IX. С. 378-385
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2020. Issue IX. P. 378-385
DOI: 10.21267/AQUILO.2020.9.9.013

ской кампании Карфагена стала персонификация Ганнибала,в том числе через чеканку монеты, в качестве нового Геракла и освободителя Италии. Это показывает, что религиозные образы и сюжеты в годы войны подвергаются многочисленным трансформациям и переосмыслению, играя роль идеологического оружия в борьбе за симпатии и и лояльность населения Италии.

Ключевые слова: история Рима, Ганнибал, путь Геракла, религия, идеология.

Говоря об истории Второй Пунический войны, современный исследователь неизбежно отталкивается от той оценки событий, которая дается источниками, написанными римскими, или, по-крайней мере, проримски настроенными авторами. Полибий, Ливий, Силий Италик и другие историки древности авторы позволяют увидеть общую картину тех событий, а также их оценку, исходящие от победившей стороны. В связи с этим армия Ганнибала воспринимается как разношерстное сборище различного рода варваров (иберы, галлы, жители северной Африки), а само противостояние Рима и державы Баркидов рассматривается как столкновение варварства и цивилизации, представленной Римом и его италийскими союзниками. В то же время источники позволяют увидеть и иную оценку тех событий, в которой скрытая дикость и варварство являются характерными чертами, присущими могущественному противнику Карфагена. В литературе достаточно давно было обращено внимание на то, что начальный этап похода Ганнибала в Италию совпадает с маршрутом так называемого «пути Геракла», отсылающего к циклу мифов о подвигах Геракла, а именно к десятому подвигу, связанному со стадом Гериона[1]. Начало этой традиции восходит к «Теогонии» Гесиода, но свое развитие она находит у греческих авторов республиканского и императорского периодов — Диодора Сицилийского, Дионисия Галикарнасского и Аполлодора[2]. В традиции Герион предстает чудовищным существом, жившим далеко на западе, на острове

[1] *De Witt N. J.* 1941, 59–69; *Dion R.* 1962, 527–543; *Knapp R. C.* 1986, 103–122; *Billot F. A.* 2009, 59–66; *Miles R.* 2011, 265; *Fabrizi V.* 2015, 129–136.

[2] *Fabrizi V.* 2015, 130.

Эрифия, находившемся неподалеку от южного побережья Испании. Показательно, что Геракл прибывает на территорию Иберии из Африки, а затем, гоня Герионово стадо, направляется в Италию. «Путь Геракла», таким образом, представляет собой маршрут движения мифического героя из южной Испании через Галлию и Альпы вглубь Апеннинского полуострова, что в целом совпадает с существовавшим в период Республики и Империи военно-торговым путем, использовавшимся при передвижении из Италии в Испанию и обратно[3]. Существует отдельный пласт традиции, согласно которому после перехода через Альпы Геракл продолжил свой путь по территории Италии, пока не остановился на левом берегу Тибра возле Палатинского (по другой версии — Авентинского) холма. Там, на месте, где впоследствии появится Рим, Геракл сталкивается с чудовищным Какием (от Κακός — «плохой», «уродливый»), сыном Вулкана / Гефеста. В традиции он предстает огнедышащим людоедом, великаном, живущим в пещере, окруженной остатками пожранных им человеческих тел. Какий украл у Геракла четырёх быков и четырёх коров из Герионова стада, но после долгих поисков Геракл отыскал свой скот и убил Какия[4]. Согласно одной из версий, приводимых древними авторами, Геракл поразил его дубиной, разрушил пещеру и воздвиг на территории будущего Рима алтарь Зевса Эврисейского (*Dionys*. I. 39. 2–4).

Хотя сам мифологический цикл, посвященный Гераклу, имеет очень древнее происхождение, предание о посещении им Палатина и убийстве Какия, как полагают исследователи, появляется значительно позже, в последние десятилетия IV или в самом начале III вв. до н.э[5]. Привязка древнего мифа к Палатину позволяла повысить престиж римлян путем конструирования генеалогии Латина — легендарного царя города Лаврента, с которым было прямо связано происхождение этнонима латинов. По одной из версий, Латин был сыном Геракла и гиперборейской девы, выданной замуж за Фавна (*Dionys.* I. 43. 1). Согласно другой он был сыном дочери Фавна, зачатым опять-таки от Геракла (*Just*. XLIII. 1. 9). Пре-

[3] *De Witt N. J.* 1941, 59–63; *Fabrizi V.* 2015, 131.

[4] *Ovid.* Fast. I. 550–580;*Verg*. Aen. VIII. 193–199; *Sext*. Propert. Eleg. IV. 9.

[5] *Miles R.* 2011, 268.

тендуя на свое место в мифологической традиции, посвященной Гераклу, римляне могли не только ощутить свою сопричастность греческой культуре и истории, но и обосновывать свои претензии на политическое господство в Италии, которая в данном случае рассматривалась как часть геркулесова наследия. На то, что Какий стал персонификацией локального хтонического божества (возможно, первоначально безымянного) указывают топографические отсылки, встречающиеся у древних авторов. Так, согласно Диодору, на Палатинском холме имелся Какиев спуск с каменными ступенями, находившийся неподалеку от дома Какия (*Diod. Sic.* IV. 21. 2). Плутарх упоминает о том, что Ромул жил неподалеку от Scala Caci (*Plut*. Rom. XX). У некоторых авторов упоминается о существовании сестры Какия. Лактанций сообщает о том, что Кака почиталась римлянами за то, что сообщила Гераклу об украденных ее братом коровах (*Lact.* Div. inst. I. 20. 36). Согласно Сервию, одной из обязанностей весталок было поддержание огня в её святилище (*Serv.* VIII. 190). В связи с этим достаточно правдоподобной выглядит гипотеза о том, что Какий первоначально был божеством огня, почитавшемся вместе с Какой в качестве божественной пары[6].

Однако те же самые образы и символы использовались и противоположной стороной. Так, Тит Ливий сообщает о том, что отправным пунктом похода Ганнибала в Италию был город Гадес (*Liv.* XXI. 21. 9; 22. 5). Там находился знаменитый храм, посвященный Гераклу, о котором упоминается сразу в нескольких источниках[7]. При этом первоначально святилище было посвящено Мелькарту, одному из главных божеств Карфагена, который достаточно рано, не позднее VII в. до н.э. был отождествлен с Гераклом[8]. Поскольку только Ливий пишет о поездке в Гадес, и этого эпизода нет у Полибия и Аппиана, высока вероятность того, что данный сюжет был заимствован из прокарфагенских источников (скорее всего из сочинения сицилийского историка Силена Калактинского)[9], в которых подчеркивалась связь Ганнибала и Мелькар-

[6] Мифы народов мира, 611.

[7] *Strab.* III. 5. 5–9; *App.* Iber. II. 8; *Mela.* III. 6. 46; *Philostr*. Ap. V. 5.

[8] *Bonnet C.* 1988, 399–415; *Billot F. A.* 2009, 52; *Miles R.* 2011, 264–267; *Fabrizi V.* 2015, 129–130.

[9] *Miles R.* 2011, 264; *Fabrizi V.* 2015, 130, n. 49.

та / Геракла, что должно было усилить лояльность собственного войска и позволяло заручиться поддержкой греков, как живших в южной Италии, так и в пределах всего эллинистического мира[10]. Как отмечает Н. Де Витт, карфагенская пропаганда основывалась прежде всего на концепте, который может быть условно обозначен как «путь Геракла»[11]. В этой связи обращает на себя внимание существование самостоятельного пласта в предании о Какие, в котором мифологический сюжет переосмысливается в эвгемеристическом духе. Так, согласно Дионисию Галикарнасскому, Какий был местным правителем, побежденным войском эллинов во главе с Гераклом (*Dionys*. I. 42. 2). В описании Дионисия Какий предстает варварским вождем, предводительствовавшим диким народом. В этой версии предания отсутствует упоминание о пещере, автор лишь упоминает, что варварский вождь обитал в неприступных местах, что позволяло ему периодически совершать набеги на соседние племена. При кажущейся вторичности и искусственности эта версия, однако, позволяет объяснить наличие дома Какия и Какиева спуска на Палатинском холме, что явно не вписывается в содержащее фольклорно-мифологические элементы описание пещеры Какия с прибитыми над входом человеческими головами, окруженной останками людей и лужами крови. Как пишет Дионисий, после появления войска Геракла поселение, в котором находился Какий, было окружена эллинами, его люди взяты в плен, а сам он убит при штурме (*Dionys*. I. 42. 3). Таким образом, Какий здесь подается не как мифическое, полусказочное существо, а как варварский вождь, предводитель одного из племен, населявших Лаций. В свою очередь пещера Какия в описании Дионисия скорее напоминает разбойничье поселение, своего рода «Какиев град», возникший на месте будущего Рима. В целом версия, приводимая Дионисием, явно содержит многочисленные аллюзии на поход Ганнибала, скорее всего отражая пропагандистские модели, созданные греческими советниками карфагенского полководца. Повествование Дионисия в этой части таково, что местами достаточно просто заменить имя Геракла на Ганнибала. Как сообщает древний автор, Геракл прибыл в Италию вовсе не в одиночку и не вслед за

[10] *De Witt N. J.* 1941, 60; *Miles R.* 2011, 262–274; *Fabrizi V.* 2015, 130.
[11] *De Witt N. J.* 1941, 59.

стадом коров. Его истинной целью было подчинение Италии и установление своей власти над всеми ее народами. Дионисий подчеркивает, что Геракл появился с большим войском, захватив перед этим Иберию. Не менее интересно упоминание о том, что Геракл был вынужден провести в Италии долгое время из-за отсутствия флота, наступившей зимней погоды, а также в связи с тем, что не все народы Италии добровольно пожелали к нему присоединиться (*Dionys*. I. 41. 2).

Развернувшаяся в период Пунических войн борьба за умы и симпатии жителей Италии неизбежно была заключена в религиозную оболочку. Апелляция к культу Геркулеса / Геракла / Мелькарта со стороны Карфагена, несомненно, имела практическое значение. Поскольку культ Геракла в ипостасях Hercules Invictus и Hercules Victor с III в. до н.э. был закреплен в римском пантеоне, уподобление Ганнибала древнему герою помимо прочего подразумевало, что покровительствовавшее Риму божество перешло на сторону его противника[12]. Это позволяло подчеркнуть, в том числе через чеканку монеты, особую миссию Ганнибала как продолжателя Геракла, тогда как Рим усилиями прокарфагенской пропаганды выступал к качестве наследника нечестивого «Какиевого града»[13]. Поход Ганнибала, таким образом, уподоблялся странствиям Геракла по Италии, уничтожавшего мифических чудовищ и разбойников, ставших олицетворением власти Рима над италиками[14]. Среди элементов антиримской пропаганды следует выделить три наиболее важных. Во-первых, это акцент на особой миссии Ганнибала, заключавшейся в защите и даже спасении италийских общин от тиранической власти наследников варварского «Какиевого града». Во-вторых, это призыв к объединению варваров (в данном случае — италиков) и греков, которых объединяло их общее происхождение от Геракла. Это позволяло, помимо прочего, обосно-

[12] *De Witt N. J.* 1941, 60; *Miles R.* 2011, 268–269.

[13] *Miles R.* 2011, 269–270.

[14] В связи с этим обращает на себя внимание характеристика Геракла, которую дает Дионисий Галикарнасский: греческий герой был сильнейшим полководцем своего времени, стремившимся уничтожить тиранническое правление и власть городов, тягостные и унизительные для других народов (*Dionys*. I. 41. 1).

вать справедливость и законность перехода на сторону Ганнибала союзных Риму общин. Третьим элементом стала персонификация, в том числе через чеканку монеты, Ганнибала в качестве нового Геракла и освободителя Италии[15]. Отражением дискурса той эпохи в нарративных источниках стали описания многочисленных опасностей, трудностей и преград, с которыми сталкивается «новый Геракл». Отсюда описания переходов и переправ армии Ганнибала через широкие реки и непроходимые горы, явно перекликающиеся с различными этапами «пути Геракла». Это еще раз показывает, что религиозные образы и сюжеты в годы Ганнибаловой войны подвергаются многочисленным трансформациям и переосмыслению, играя роль идеологического оружия в борьбе за симпатии и лояльность народов Италии, большинство которых к тому времени в той или иной степени было эллинизировано.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Мифы народов мира 1987: Энциклопедия (В 2 томах) / С.А. Токарев (гл. ред). М., 1. — Mify narodov mira 1987: Jenciklopedija (V 2 tomah) / S.A. Tokarev (gl. red). M., 1.

Billot F. A. 2009: Representations of Hannibal: A comparison of iconic themes and events from the life and times of Hannibal. A thesis submitted in fulfilment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. The University of Auckland.

Bonnet C. 1988: *Melqart*: cultes et mythes de l'Héraclès tyrien en Méditerrannée. Leuven.

De Witt N. J. 1941: Rome and the «Road of Hercules» // TAPhA, 72. 59-69.

Dion R. 1962: La voie héracléenne et l'itinéraire transalpin d'Hannibal // Hommages à Albert Grenier / Marcel Renard (ed.). Bruxelles-Berchem, 527-543.

Fabrizi V. 2015: Hannibal's March and Roman Imperial Space in Livy, *Ab urbe condita*, Book 21 // Philologus: Zeitschrift für Antike Literatur Und Ihre Rezeption. 159 (1). 118-155.

Knapp R. C. 1986: La uia Heraclea en el Occidente: mito, arqueología, propaganda, historia // Emérita . Junta para Ampliación de Estudios. Centro de Estudios Históricos. 54(1). 103-122.

[15] *Miles R.* 2011, 269–273.

Miles R. 2011: Hannibal and Propaganda // A Companion to the Punic Wars / D. Hoyos (ed.). Oxford, 260-279.

Vladimir A. Kvashnin

«HANNIBAL THE LIBERATOR»

«NEW HERCULES» AGAINST THE HEIRS OF CACIUS

The article is devoted to the ideological struggle between Rome and Carthage during the Hannibal war. In the conditions of pre-industrial agrarian society, it had a form of series of religious concepts. Carthaginian propaganda used a very famous cycle of myths about Heracles in the Greek world. Ideological support for Hannibal's campaign in Italy used the reinterpretation of the tenth feat of Hercules. The action of this myth was associated with North Africa, Spain, and Italy. In historiography has long been noted that the initial stage of Hannibal's campaign in Italy coincides with the route of the so-called the so-called «Road of Hercules». This way involves the crossing of the Alpine passes that allowed us to have direct parallels between Hannibal and Hercules. As an element of propaganda, the legend of a monstrous Cacius who lived on the territory of the future Rome was also used. Thus, the campaign of Hannibal was likened to the wanderings of Hercules in Italy, killing mythical monsters and robbers who became the personification of the power of Rome over the Italians . Among the elements of anti-Roman propaganda, the emphasis should be placed on the special mission of Hannibal, which was to protect and save the Italian communities from the tyrannical power of the heirs of the barbarian monster Cacius. The main content of Carthage's propaganda campaign was the personification of Hannibal, including through coinage, as the new Hercules and liberator of Italy. This shows that religious images and stories during the war are subject to numerous transformations and reinterpretations, playing the role of ideological weapons in the struggle for the sympathy and loyalty of the Italian peoples.

Keywords: history of Rome, Hannibal, «Road of Hercules», religion, ideology.

Vladimir A. KVASHNIN — Dr. Sc. (History), Professor of the Department of the State Low, Head of the Department of World History and Socio-economic Disciplines of the Vologda State University. Vologda, Russian Federation. — kvashninv195@mail.ru

Д.М. Камари

ГРЕКИ И ВАРВАРЫ В РАССКАЗАХ ОБ ОСНОВАНИИ ЛАМПСАКИ И МАССАЛИИ

Статья посвящена вопросу о сходстве рассказов античных авторов об основании фокейцами Лампсаки и Массалии, которые были написаны в разные времена. Автор анализирует оба рассказа, чтобы определить, насколько описываемые античными авторами ранние связи между греками и варварами соответствовали реальным историческим отношениям.

Ключевые слова: бебрики, Лампсака, Массалия, фокейцы, Аристотель, Трог.

Массалия всегда была в центре внимания как историков древности, так и современных антиковедов. Причина этого очень проста. Она являлась первой и самой крупной греческой колонией в Западном Средиземноморье. Рассказ об её основании приводят в своих трудах Аристотель и Трог, хотя упоминается она в источниках намного раньше — VI в. до н.э. Серьёзно анализировать источники этих рассказов принялись давно (А. Гарсиа-и-Беллидо, П. Бош-Химпера, А. Доватур, Ю.Б. Циркини и др.), но сходство между ними и историей об основании Лампсаки (А. Домингес Монедеро, М. Мауэрсберг) стали изучать относительно недавно[1].

Даниэль Михайлович КАМАРИ — преподаватель Кафедры иностранные языки-3 Финансового университета при правительстве РФ. Российская Федерация, Москва. — kamari_daniel@mail.ru

[1] *Domínguez Monedero A.* 1997, 145–160; *Mauersberg M.* 2015, 145–168.

Цивилизация и варварство
2020. Вып. IX. С. 386-398
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2020. Issue IX. P. 386-398
DOI: 10.21267/AQUILO.2020.9.9.014

Лампсака ещё с античных времен казалась менее значительной по сравнению с Массалией, несмотря на то, что она была основана намного раньше. В середине VII в. до н.э. (654 г. до н.э.) в Мизии, на берегу Геллеспонта, выходцы из ионийского города Фокеи основали Лампсаку. Земля им была предоставлена местным царем бебриков Мандроном за помощь, которую они оказали ему в борьбе с местными племенами. Сведения об этих событиях нам известны благодаря лампсакийцу Харону, написавшему «Летопись Лампсаки» в четырех книгах. Также ему приписывают авторство «Персики» в двух книгах в V в. до н.э. Однако больше ничего о его жизни неизвестно, а его труды не дошли до наших дней. Разве что более поздние античные авторы в своих произведениях часто ссылаются на отрывки его трудов. Так в трактате «О доблести женской» Плутарх приводит историю основания Лампсаки, где ссылается на слова Харона:

> «В Фокиде были два брата, близнецы из рода Кодридов, Фокс и Блепс; из них Фокс был первым, кто бросился в море с Левкадской скалы, как сообщает лампсакпец Харон. Обладая почти царским положением и могуществом, он по своим личным делам предпринял путешествие в Парий, где стал гостем и другом Мандрона, царя бебриков, именуемых также питиессцами, и оказал ему помощь в войне, которую тот вел, обороняясь от беспокоящих его страну соседних племен. При отплытии Фокса Мандрон, среди прочих проявлений дружеского расположения, обещал предоставить ему часть земли и города, если он пожелает вывести в Питиессу колонию фокейцев. И вот Фокс, произведя набор колонистов из граждан, отправил их во главе с братом в Питиессу. Со стороны Мандрона они встретили все, чего ожидали. Но со временем рост богатств у фокейских колонистов, извлекавших обильные доходы из поборов у соседствующих варваров, стал вызывать у бебриков недоброжелательство, а в дальнейшем и страх, и они искали возможности избавиться от пришельцев. Убедить Мандрона, мужа честного и благожелательного по отношению к эллинам, им не удалось. Но в его отсутствие они состави заговор хитростью истребить фокейцев. Об этом умысле проведала Лампсака, дочь Мандрона. Сначала она пыталась отговорить своих друзей и близких, доказывая, какое жестокое и нечестивое дело они замыслили против своих союзников и благожелателей,

> а ныне и сограждан. Когда же ее уговоры остались безуспешными, она тайно сообщила эллинам о подготовляемом нападении и призвала их к бдительности. Тогда фокейцы, подготовив праздничное жертвоприношение и пиршество, пригласили для участия в нем питиесцев в пригород; сами же разделились на два отряда, из которых один занял городские стены, а другой перебил оставшихся в городе. Овладев же городом, они отправили к Мандрону посольство с предложением разделить с ними власть. Лампсака тем временем захворала и умерла; ее с почетом похоронили в городе и самый город в ее память назвали Лампсаком»[2]. (Пер. Я.М. Боровский).

Рассказы об основаниях колоний сочинялись на основе местных традиций. В своем большинстве подобного рода традиции передавались из уст в уста, через праздники, которые ежегодно отмечались и напоминали о событиях основания колонии. Основатели-ойкисты изображались на керамических сосудах. Вероятно, именно таким образом история дошла до Харона. Но некоторые детали и подробности из рассказа Харона-Плутарха, как, например, предательство Лампсаки, блестящая расправа над бебриками и неожиданная смерть Лампсаки, вызывают по меньшей мере сомнения и наводят на мысль о присутствии новеллистических элементов. Также непонятно, почему древнее название города бебриков (Питиусса) имело древнегреческий корень 'питиос' («сосна»).

Геродот во фрагменте 6, 37 приводит весьма любопытный рассказ о конфликте между лампсакийцами и лидийцами, после захвата первыми Мильтиада. Лидийский царь Крез, который дружил с Мильтиадом, приказал его немедленно отпустить, в противном случае он обещал истребить их город как сосну. Ламсакийцы, по словам Геродота, не поняли, что означают слова Креза, пока один старик не объяснил им, что “сосна единственное дерево не дающее отростков”. Пошла ли оттуда традиция называть ламсакийцев питиуссцами, а город Питиуссой, либо началось все с фокейцев или от других греков, оказавшихся там по торговым делам? Лампсакийцы или бебрики жили в Парийской области, где, по данным Страбона[3], была гора покрытая сосновым лесом, да и в

[2] *Plut.* Mul. Virt. 18, Mor. 255 A-E.
[3] *Strabo.* XIII, I. 15.

настоящее время в турецкой области Чанаккале произрастает как и в древние времена этот вид деревьев. Но кажется, что ключ к разгадке кроется в названии племени. В тексте Плутарха упоминается царь Мандрон, который был из племени бебриков. Согласно Псевдо-Скимну бебрики были кельтами[4].

Можно было бы согласиться с утверждением последнего, так как без труда в античных источниках можно найти слова с одинаковым корнем (например: Бебриниум, Бебриакум и др.), но речь идет, по всей видимости, о других бебриках. По данным Страбона, бебрики вместе с бригийцами, мигдонами, медовифинами, вифинцами являются фригийцами. К такому же заключению пришел Геродот, опросив македонян. Они утверждали, что фригийцы стали называться так после переселения в Азию[5]. До этого они именовали себя бригами. Любопытно, что в «Мифологической библиотеке» Аполлодора Мигдон назван царем бебриков[6]. Это еще раз подтверждает слова Страбона о родстве между фригийскими племенами Геллеспонта. Слово bryges восходит к индоевропейскому **b^{h}erǵ^h,* и переводится как 'возвышенный' или 'высокий'. Отсюда становится ясно, почему возникла такая путаница с кельтами. Во фригийском и итало-кельтском языках индоевропейский корень сохранился в идентичной форме. Проясняется и вопрос с именем дочери царя Мандрона и древним названием города Лампсака. Старофригийский (VIII–V в. до н.э.) и древнегреческий языки были очень похожи[7]. Об этом было хорошо известно Платону, который в Кратиле[8] отмечал сходство некоторых фригийских слов с греческими.

Античным авторам было немало известно и о «западных бебриках» или берибраках. Силий Италик утверждал, что мифическое предание гласит, что Пирене была дочерью царя Бебрика, а от ее имени названа горная цепь — Пиренеи[9]. Кажется более правдоподобным рассказ Диодора Сицилийского, который считал, что Пи-

---

[4] *Pseud.-Scym.* 200.
[5] *Hdt.* VII. 73.
[6] *Apoll.* 2,5, 9.
[7] *Баюн Л.С., Орёл В.Э.* 1988, 175–176.
[8] *Plato.* Crat. 410a.
[9] *Sil. Ital.* Pun. III. 415–433.

ренеи были названы так из-за пожара, произошедшего там в глубокой древности[10]. Эти «западными бебриками» были кельты, которые проживали на территории южной Франции, но пришли оттуда с севера. Там в 600 г. до н.э. была основана фокейцами Массалия. Фокейцы, по словам Геродота, «первыми среди эллинов пустились в далекие морские путешествия» и «открыли Адриатическое море, Тирсению, Иберию и Тартесс»[11]. Эти данные подтверждаются археологическими находками ионийской керамики на юге Франции. В Тартессе греки установили дружественные отношения с местным царем Арганфонием. Узнав об агрессивной политике лидийского царя, он предложил им покинуть родные земли и поселиться в Тартессе. Но, когда греки отказались, он выдал им деньги на возведение стен в родном городе. Такая щедрость тартессийского царя чем-то напоминает поступок Мандрона. Однако это большое заблуждение. Во многих античных текстах рассказывается о том, как местные цари предоставляют грекам место для основания поселения. По словам Фукидида, царь сикулов Гиблон отдал халкидянам земли и сам привел их туда, после того как они были изгнаны из Фапса[12]. Там они основали Мегары Гиблейские. Царь Амасис отдал грекам город Навкратис, а тем, кто не пожелал селиться там, предоставил земли для возведения алтаря и храмов[13].

До наших дней дошли два рассказа об основании Массалии, которые очень напоминают плутарховскую историю. Их приводят в своих трудах Аристотель и Юстин. Рассказ Аристотеля, дошел до нас благодаря Афинею, включивший фрагмент «Массалийской политии» в свой труд «Пир мудрецов»:

> «Массалия была основана ионийскими фокейцами, прибывшими в те края по торговым делам. Фокеец Эвксен был гостеприимцем царя по имени Нан. Этот Нан, справляя в то время свадьбу своей дочери, пригласил на пир оказавшегося в Массалии Эвксена. Свадьбы же там справляются так: когда гости насытятся, входит невеста с чашей вина и подает ее одному из сватающихся, объявляя его своим женихом. Петта, дочь Нана,

[10] *Diod. Sic.* V. 35, 3.
[11] *Hdt.* I, 163.
[12] *Thuc.*VI. 4, 1.
[13] *Hdt.* II. 178.

подала кубок Эвксену. Отец не возражал против такого выбора, видя в этом божественную волю. Эвксен взял в жены Петту и поселился с ней, дав ей новое имя — Аристоксена. У них родился сын, названный Протидом, и еще в наши дни в Массалии существует род Протиадов, происходящий от этого человека»[14] (Пер. Н.Т. Голинкевич).

Массалиотская полития, которая была написана во второй половине IV в. до н.э., была лишь частью обширного труда, посвященного описанию государственного строя известных Аристотелю городов. Советский филолог и лингвист А.И. Доватур, который детально изучил стиль Политий Аристотеля, отмечал нехарактерную для античного писателя неторопливость изложения фактов[15]. Такой стиль изложения был характерен для Исократа, которого очень уважал Аристотель и с которым часто полемизировал на разные темы. Тому подтверждение мы находим в словах Дионисия Галикарнасского. Он в трактате «Об аттических ораторах» подчеркивал, что стиль изложения Исократа не слишком сжатый и плох для судебного разбирательства, невыразительный и растянутый со своего рода блеском, а ход его неустойчивый и неоправданно медленный[16]. Что больше всего нас подталкивает к такому заключению, это тот факт, что Исократу была известна история переселения фокейцев на Запад. В «Архидаме» Исократ сообщает следующее:

Ετι δέ τούτου καταγελαστότερον, εἰ Φωκαεῖς μὲν, φεύγοντες τὴν Βασιλέως τοῦ μεγάλου δεσποτείαν, ἐκλιπόντες τὴν Ἀσίαν εἰς Μασσαλίαν ἀπῴκησαν[17].

«И вот что еще более достойно осмеяния: фокейцы, спасаясь бегством от власти персидского царя, покинули Азию и основали новое поселение в Массалии». (Пер. Е.А. Миллиор)

Название местности в аккузативе Μασσαλίαν в комбинации с глаголом ἀπῴκησαν переводится как основать или переселяться. Е.А. Миллиор перевела древнегреческое слово во фрагменте Ар-

[14] *Athen.* fr. 576b.
[15] *Доватур А. И.* 1965, 321.
[16] *Dion. Hal.* Περι των Αττικών Ρητορών 2, 2.
[17] *Isocrat.* Archid. 84.

хидамовой речи как выселяться[18]. Отечественный историк Ю.Б. Циркин считает, что этот фрагмент доказательство того, что Исократ был сторонником позднего переселения фокейцев на Запад, то есть после захвата Гарпагом Фокеи[19]. Но в середине 80-х гг. XX в. французский лингвист Мишель Казевиц заявил о том, что ἀποικέω в эпоху Исократа и Платона (IV в. до н.э.) использовалось больше в значении поселиться[20]. Подтверждение этого мы находим в «Лексиконе» Гарпократиона[21]. Он сообщает о том, что Исократ в «Архидамовой речи», как и позже Аристотель в «Массалиотской политии», утверждал о том, Массалия была основана до того, как фокейцы покинули свой город в 546 г. до н.э. Стоит отметить, что на этом ещё в 50-х гг. настаивал Джузеппе Ненчи[22].

Итак, это свидетельствует, во-первых, о том, что Аристотель позаимствовал эти данные у Исократа, а, во-вторых, о правильности перевода слова ἀποικέω как поселиться. В самом деле в середине VI в. до н.э. в фокейских колониях Западного Средиземноморья происходят изменения. Небольшая фокейская колония Эмпорион, основанная в 580 г. до н.э. на островном клочке земли, была перенесена на материковую часть Пиренейского полуострова[23]. Археологические и топографические данные показывают, что колония Массалия между 560-540 гг. до н.э. расширяется[24]. Приблизительно в это время появляются новые колонии около Массалии: Агафа и Нарбонна. Все они, кроме Массалии, могли бы разместить около 1 тыс. человек, но точно не больше.

Галльскому историку I в. до н.э. Трогу, как и Аристотелю, была известна история об основании Массалии:

> «(4) Во времена царя Тарквиния в устье Тибра приплыли молодые фокеяне и вступили с римлянами в дружественные отношения. Отсюда они отправились на кораблях в глубь Галль-

[18] *Миллиор Е.А.* 1966, 241–268.
[19] *Циркин Ю.Б.* 1990, 13–14.
[20] *Mauersberg M.* 2015, 150; *Casevitz M.* 1985,114–115.
[21] *Harpocration* 1991, 170.
[22] *Nenci G.* 1958, 51–53.
[23] *Domínguez Monedero A.* 2012, 61–82.
[24] *Tréziny H.* 2012, 87; *Bouiron M., Gantès L.-F.* 2001, 23–34.

ского залива и основали Массилию между областью лигуров и областью диких галльских племен. Великие подвиги совершали массилиоты, то оружием отражая жестокие нападения галлов, то, в свою очередь, нападая на тех, кто раньше сам нападал на них. (5) [В свое время] из-за нехватки земли и ее неплодородия фокеяне были вынуждены искать себе средств для существования больше на море, чем на суше, и проводили жизнь в занятиях рыболовством, торговлей, а также очень нередко и пиратством, занятием, которое в те времена считалось приносящим славу. (6) Поэтому-то фокеяне и осмелились доплыть до крайних берегов Океана и достигли Галльского залива у устья реки Родана. (7) Прельщенные красотой этого места, они, возвратясь домой, рассказали о том, что видели, и многих склонили [к переселению]. (8) Во главе флота [колонистов] стали Симос и Протис. По приезде на место они пошли просить о дружбе к царю сегобригиев, имя которого было Пан и во владениях которого они собирались основать город. (9) Случилось так, что в этот день царь был занят приготовлением к свадьбе своей дочери Гиптис, которую он готовился отдать в замужество тому, кто будет выбран ему в зятья по обычаю этого племени — во время пира. (10) На пир были приглашены все сватавшиеся [к девушке], в качестве гостей пригласили и греков. (11) Затем привели на пир девушку, и, когда Гиптис получила от отца приказание подать воду тому, кого она изберет себе мужем, она, пройдя мимо всех прочих, повернулась к грекам и подала воду Протису, который, став из гостя зятем, получил от тестя место для основания города. (12) Так была основана Массилия около устья реки Родана, на далеком заливе, где море как бы образует угол. (13) Но лигуры, завидуя росту города, тревожили греков постоянными войнами. Однако греки, непрерывно борясь с опасностями, одержали такие блистательные победы, что одолели врага и основали много колоний на захваченных у него землях (Пер. А.А. Деконского и М.И. Рижского)»[25].

Версии Аристотеля и Трога сходны по содержанию: 1) греки подружились с лигурийским царем; 2) были приглашены на свадьбу; 3) во время пира чашу дочь царя подала греку. Но есть и отличия в двух версиях. Это касается имени дочери царя. Трог называет ее Гиптис, а Аристотель — Петта. У афинянина ойкистом назван отец

[25] *Iust*. XLIII, 3. 4–13.

Протиса — Эвксен, а у Трога сам Протис является колонистом. Эти незначительные различия могут указывать на то, что версия Исократа, которую позаимствовал Аристотель, дошла до Трога опосредованно. Римский античный автор при написании «Истории Филиппа» опирался на Тимея, сочинившего «Историю» в 38 книгах, в том числе и о фокейцах на Западе. Учителем Тимея был Филиск, ученик Исократа. Более того, Тимей большую часть своей жизни провел в Афинах. Отсюда становится ясным, как версия Исократа об основании Массалии оказалась в труде Трога. В то же время остается непонятным, как Исократ получил сведения о Массалии.

Время жизни Исократа совпало с периодом увеличения производства греческой краснофигурной керамики. С 380-350 гг. до н.э. импорт аттических товаров достиг своего максимума[26]. Однако прямые контакты между Массалией и Афинами были отлажены немного раньше — в конце V в. до н.э. Массалийцы, по всей видимости, стали чаще посещать Афины, как и иберийцы[27]. В деле против Зенотемида Демосфен упоминает о двух массалийцах, которые совершили мошенничество. Они взяли деньги взаймы и вместо того, чтобы отвести хлеб из Сиракуз в Афины, отправили корабли в родной город. «Поскольку же в обязательственном договоре было записано, что в случае гибели корабля с них не должны требовать этих денег, то они задумали потопить корабль»[28]. От торговцев или корабельщиков, скорее всего, Исократ узнал о Массалии. Кстати, таким же образом в своё время Гомер узнал о Западе. Его информаторами были финикийские торговцы.

Представляет интерес и то, что произошло после смерти царя Нанна, когда на его место пришел галльский «царёк» Коман. Трог утверждает, что этот предводитель стал уговаривать всех пойти войной на массалийцев. Далее, по словам Трога, произошло следующее:

> «(6)... в день празднества Флоралий он послал, под защитой права гостеприимства, в город [Массилию] много храбрых и отважных мужей. Большинство из них он приказал ввести в

[26] *Cabrera Bonet P.* 1994, 91.
[27] *García y Bellido A.* 1934, 18–19.
[28] *Demosth.* XXXII, 1–4.

город на повозках, спрятав их в плетеных корзинах и прикрыв ветвями; (7) сам же царь с войском укрылся по соседству в горах с тем, чтобы внезапно прийти на помощь заговорщикам, когда засланные в город [воины] откроют ворота, и напасть с вооруженными людьми на горожан, одурманенных вином и погруженных в сон.(8) Но одна женщина, царская родственница, выдала этот коварный замысел; она имела любовную связь с одним молодым греком и, лежа в его объятиях, сжалилась над его красотой, рассказала ему о засаде и велела немедленно предотвратить опасность.(9) Юноша тотчас же сообщил об этом властям; таким образом заговор был раскрыт, все лигуры схвачены, а спрятанные в корзинах вытащены из них. Все они были убиты, и царю, готовившему засаду, была устроена засада. Вместе с царем было изрублено семь тысяч врагов» (Пер. А.А. Деконского и М.И. Рижского)[29].

В этом фрагменте повторяется история Плутарха об основании Лампсаки. Нападение произошло во время празднества, а об опасности нападения варваров предупредила женщина из их племени, только в данном случае не дочь царя, а царская родственница. Варвары были истреблены. Текст Трога больше приукрашен и насыщен деталями. Например, замысел Комана отличается большей изобретательностью — спрятать заговорщиков в корзины, или царская особа, которая сжалилась над красотой грека. Это свидетельствует о том, что, скорее всего, история Плутарха, которая была позаимствована у Харона, послужила основой для написания фрагмента о заговоре племен.

Тема любви между греком и местной женщиной присутствует в обоих текстах. До сих пор нет четкого ответа на вопрос о том, брали ли греки своих жен в колонии или были межбрачные союзы между греками и варварами. И все-таки большая часть археологов и историков (М. Финли, А. Грехэм и др.[30]) склонны считать, что греки привозили своих жен. На это есть серьезные основания. Последние исследования погребений в Гиблейских Мегарах, одной из древнейших колоний греков на Западе, не дают основания предпо-

[29] *Just.* XLIII. 4, 6–9.

[30] *Finley, M.* 1968, 18; *Graham, A.J.* 2001, 347; *Dunbabin, T.J.* 1948, 45; *Bérard R.-M.* 2016, 1–10.

лагать о существовании межбрачных отношений между греками и варварами[31]. Также античные авторы отмечают, что контакты между греками и варварами на начальном этапе были напряженными. Массалиоты вели долгие войны с галлами и лигурами. Фокейские колонии, находившиеся рядом с Массалией были основаны силой оружия. Некоторые города с основания строили стены, чтобы защититься от свирепых народностей. Самая крупная колония фокейцев на Пиренейском полуострове — Эмпорион, была двойным городом. По одну сторону жили греки, а по другую – индикеты[32]. Коринфянам же при основании Сиракуз на острове Сицилия и вовсе пришлось изгнать оттуда сикулов и построить стены[33]. Таким же образом поступили халкидяне. Они оттеснили «силой оружия сикулов» и основали Леонтины и Катану[34].

Таким образом, рассказы об основании Массалии Аристотеля и Трога были взяты у Исократа, сочинившего этот текст в IV в. до н.э. Небольшой фрагмент Трога, сильно напоминающий историю об основании Лампсаки, скорее всего, был позаимствован у Харона. Однако эти истории сомнительны по своему содержанию. Неспроста Страбон не приводит их в своем труде. Многие фокейские колонии были основаны немирным путем. Это было хорошо известно Страбону. В случае с Массалией и Лампсакой, именно желание наживы и захват греками территорий за пределами колоний привело к конфликту с местным населением.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Исократ. Речи. VI. Архидам / Е.А. Миллиор (пер.) // ВДИ. 1966. 2. 241-268. — Isokrat. Rechi. VI. Arkhidam / E.A. Millior (per.) // VDI. 1966. 2. 241-268.

Just.: Юстин. Эпитома сочинений Помпея Трога «История Филиппа» / А.А. Деконского, М.И. Рижского (пер.), М.Е. Грабарь- Пассек (ред.) // ВДИ. 1954. 2–4; 1955. 1. — Just.: Yustin. Epitoma sochinenii

[31] *Bérard R.-M.* 2016, 1–10.
[32] *Strabo.* III. IV. 8.
[33] *Thuc.* VI. 3, 2.
[34] Ibid.

Pompeya Troga «Istoriya Filippa» / A.A. Dekonskogo, M.I. Rizhskogo (per.), M.E. Grabar'- Passek (red.) // VDI. 1954. 2-4; 1955. 1.

Баюн Л.С., Орёл В.Э. 1988: Язык фригийских надписей как исторический источник // ВДИ. 1. 173–201. — Bayun L.S., Orel V.E. 1988: Yazyk frigiiskikh nadpisei kak isto-richeskii istochnik // VDI. 1. 173-201.

Доватур А. И. 1965: Политика и политии Аристотеля. М.-Л.: Наука. — Dovatur A. I. 1965: Politika i politii Aristotelya. M.-L.: Nauka.

Циркин Ю.Б. 1990: Аристотель и основание Массалии // Античный мир и археология. 8. 11-21. — Tsirkin Yu.B. 1990: Aristotel' i osnovanie Massalii // Antichnyi mir i arkheologiya. 8. 11-21.

Bérard R.-M. 2016: Greek and Indigenous people: investigations in the cemeteries of Megara Hyblaea / 7th Conference of Italian Archaeology, Apr 2016, Galway, Ireland. 1–10. — https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-02068979/document (сентябрь [sentyabr'], 2020).

Bouiron M., Gantès L.-F. 2001: La topographie initiale de Marseille. Marseille. Trames et paysages urbains de Gyptis au Roi René / M. Bouiron (ed.) Édisud. Centre C. Jullian. Aix-en-Provence, 23–34.

Cabrera Bonet P. 1994: Cádiz y el comercio de productos en Andalucía occidental durante los siglos V y IV a.C. // Trabajos de Prehistoria. 51. 2. 89–101.

Casevitz M. 1985: Le vocabulaire de la colonisation en grec ancien. Paris: Klincksieck.

Dominguez Monedero A. 1997: Lámpsace (Mul. Virt. 18 = Mor. 255 A-E), Lámpsaco y Massalia / Plutarco y la Historia. Zaragoza, 145–160.

Dominguez Monedero A. 2012: The First Century of Massalia: Foundation, Arrival of Migrants and Consolidation of a Civic Identity. From the Pillars of Hercules to the Footsteps of the Argonauts / A. Hermary, G. Tsetskhladzé (ed.). Leuven; Paris; Walpole, 61–82.

Dunbabin, T. J. 1948: The Western Greeks: The History of Sicily and South Italy from the Foundation of the Greek Colonies to 480 B.C. Oxford: Clarendon Press.

Finley, M. 1968: Ancient Sicily. London: Rowman and Littlefield.

García y Bellido, A. 1934: Los iberos en la Grecia propia y en el Oriente helenístico. Factores que contribuyeron a la helenización de la España Prerromana. Madrid. 5–36. — http://www.cervantesvirtual.com/obra/factores-que-contribuyeron-a-la-helenizacion-de-la-espana-prerromana-i-los-iberos-en-la-grecia-propia-y-en-el-oriente-helenistico--0/ (сентябрь [sentyabr'], 2020).

Graham, A. J. 2001: Religion, Women and Greek Colonization / Graham, A.J. (ed). Collected Papers on Greek Colonization. Leiden; Boston; Cologne, 327–348.

Harpocration 1991: Lexeis of the Ten Orators / J.J. Kearney (ed.). Amsterdam: Adolf M. Hakkert.

Mauersberg M. 2015: The Ktisis of Massalia Revisited: What to do with contradictory Ancient Sources // AWE. 14. 145–168.

Nenci G. 1958: Le relazioni con Marsiglia nella politica estera romana // RSL. XXIV. 51–53.

Tréziny H. 2012: Topography and Town planning in Ancient Marseilles. From the Pillars of Hercules to the Footsteps of the Argonauts / A. Hermary, G. Tsetskhladzé (ed.). Leuven; Paris; Walpole, 83–108.

Daniel M. KAMARI

GREEKS AND BARBARIANS IN THE STORIES OF THE FOUNDING OF LAMPSACUS AND MASSALIA

The article is devoted to the issue of similarity of the stories of ancient authors about the founding by the Phocaeans of Lampsacus and Massalia, which were written by Greeks at different times. The author analyzes both stories to determine how the described by ancient authors early contacts between Greeks and barbarians corresponded to real historical relations.

Keywords: Bebryces, Lampsacus, Massalia, Phocaeans, Aristotle, Trogus.

Daniel M. KAMARI **—** Teacher of the Department “Foreign Languages-3” of the Financial University under the Government of the Russian Federation. Moscow. Russian Federation. — kamari_daniel@mail.ru

И.В. Хорькова

АРНОБИЙ ПРОТИВ ВАРВАРСТВА ЯЗЫЧНИКОВ

ВОЗВРАТНЫЙ УДАР

В центре внимания статьи — апологетическое сочинение африканского ритора кон. III - нач. IV вв. н.э. Арнобия «Против язычников». Апология была написана Арнобием после принятия им христианства для обоснования своих взглядов и содержит обширный материал по греко-римскому язычеству. Известно негативное отношение языческого населения к распространению христианства в Римской империи. Зачастую последователи новой религии объявлялись суеверными и безграмотными варварами, скудоумными неучами, не знакомыми с достижениями античной философии и риторическими приемами. Арнобий, по сведениям Иеронима Стридонского, блестяще образованный учитель риторики из города Сикка. Используя все свои познания по философии, риторике и греко-римскому пантеону, Арнобий бьет противника его же оружием, обличая в варварстве религиозные представления язычников. Такой прием носит в неориторике название «возвратный удар» или «принцип бумеранга».

Ключевые слова: христианство; христианская апологетика; раннехристианская литература; греко-римский пантеон; язычество; классическая риторика.

В центре внимания настоящей статьи — апологетическое сочинение ритора Арнобия, жившего и творившего в конце III -

---

Ирина Валентиновна ХОРЬКОВА **—** кандидат исторических наук, доцент кафедры классической филологии Московского государственного лингвистического университета. Москва, Российская Федерация. — e-mail: stauross@yandex.ru

Цивилизация и варварство
2020. Вып. IX. С. 399-419
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2020. Issue IX. P. 399-419
DOI: 10.21267/AQUILO.2020.9.9.015

начале IV вв. н.э. в городе Сикка Венерия римской провинции Африка. По сообщению составителя церковной истории Иеронима Стридонского, Арнобий был хорошо образованным ритором, принял христианство и получил от местного епископа задание написать апологию в защиту своей новой веры (*Hier.* Chron. 2343; De vir.ill., 79–80). Результатом стало появление на свет сочинения «Adversus nationes libri septem» (Семь книг против язычников). Оно представляет собой хорошо спланированное полемическое произведение, четко разделенное на логические части, каждая из которых соответствует одной книге.

Будучи человеком образованным, Арнобий прекрасно владеет полемическими приемами, выработанными греко-римской классической риторикой, и хорошо ориентируется в излагаемом материале. Вот один из его пассажей, направленных против риторических ухищрений в речах ораторов:

> “Collectiones enthymemata definitiones omniaque illa ornamenta quibus fides queritur adsertioni suspicantes adiuvant, non veritatis liniamenta demonstrant? Ceterum qui scit, quid sit illud quod dicitur, nec definit nec colligit neque alia sectatur artificia verborum, quibus capi consueti sunt audientes et ad consensum rei circumscriptionis necessitate traduci”.
>
> «Силлогизмы, энтимемы, дефиниции и все те украшения речи, при помощи которых добиваются веры, помогают убеждать при колебании, но не являют черт истины. Кроме того, кто знает существо дела, тот не прибегает к дефинициям и силлогизмам и не стремится к прочим ухищрениям в речи, которыми уловляются простые слушатели, которых непременно приводят к согласию обманом». (*Arn.* I. 58)[1].

Как видно из цитаты, Арнобий стал довольно пренебрежительно относится к риторике после своего обращения, хотя широко применяет ее приемы в своем сочинении.

---

[1] Перевод автора. Поскольку перевод Н.М. Дроздова был сделан в 1917 году и отличается некоторой архаичностью слога, а недавно сделанный перевод В.М. Тюленева много критикуется в научной литературе, мы предпочли сделать собственный перевод тех цитат, которые приводятся в статье.

Логика Арнобия понятна. Известно негативное отношение язычников к распространению христианства в Римской империи. Уже самые ранние упоминания о христианах в римских источниках являют брезгливую надменность их авторов по отношению к новому «суеверию». Тацит называет христиан «преступниками, ненавидимыми за их мерзости» (reos per flagitia invisos) (*Tac.* Ann. XV. 44). Плиний Младший в известном письме к императору Траяну сообщает, что при расследовании относительно новой религии «не обнаружил ничего другого, кроме безмерно уродливого суеверия» (nihil aliud quam superstitionem pravam immodicam) (*Plin.* Ep. X. 96). Противник Оригена язычник Цельс прямо свидетельствует, что христианское вероучение варварского происхождения (*Orig.* Contra C. I. 2)[2]. Итак, христианство — это варварство, и только варвар может исповедовать это безмерно уродливое суеверие.

Разберемся, что имеется в виду. Только ли непосредственное происхождение христианства от иудаизма? Негативные характеристики нового вероучения в сочинениях писателей-язычников свидетельствуют, прежде всего, о морально-нравственной стороне вопроса и об образовательной составляющей. То есть христианин — аморальный суеверный неуч, а потому варвар. Или, если угодно, он — варвар, а потому аморальный суеверный неуч. В представлении образованного язычника замена посылок в этих энтимемах значение высказывания не меняет. Последователи новой религии объявляются скудоумными безграмотными варварами, незнакомыми с достижениями античной философии и риторическими приемами. Их представления заслуживают только «насмешки и необузданного хохота» (*Arn.* I. 53). Таким образом, задача Арнобия могла бы состоять в доказательстве неверности приведенных посылок, не будь наш автор опытным ритором. В полемике он избирает другой путь.

Две первые книги «Adversus nationes» посвящены рассмотрению аргументов противника и их опровержению. Первое и самое тяжкое обвинение против христиан, выдвигаемое язычниками,

[2] По Оригену, Цельс имеет в виду связь христианства с иудаизмом, который в глазах образованного язычника является варварством.

звучит так: мир гибнет из-за появления христиан и их нечестивого (impius) вероучения (*Arn.* I. 1). В чем это проявляется? Во-первых, в неурожаях и скудости плодов земных (*Arn*. I. 3); во-вторых, в неблагоприятных погодных явлениях и стихийных бедствиях (*Arn*. I. 3; 9–10); в-третьих, в многочисленных кровопролитных войнах (*Arn*. I. 5–6). На все эти обвинения Арнобий приводит контраргументы в лучших традициях классической риторики. Вот, например, его рассуждение касательно войн:

> "Quamquam ista quae dicitis bella religionis nostrae ob invidiam commoveri non sit difficile comprobare post auditum Christum in mundo non tantum non aucta, verum etiam maiore de parte furiarum compressionibus imminuta. Nam cum hominum vis tanta magisteriis eius acceperimus ac legibus, malum malo rependi non oportere, iniuriam perpeti quam inrogare esse praestantius, suum potius fundere quam alieno polluere manus et conscientiam cruore, habet a Christo beneficium iamdudum orbis ingratus, per quem feritatis mollita est rabies atque hostiles manus cohibere a sanguine cognati animantis occepit. Quodsi omnes omnino qui homines <se> esse non specie corporum sed rationis intellegunt potestate, salutaribus eius pacificisque decretis aurem vellent commodare paulisper et non fastu et supercilio tumidi suis potius sensibus quam illius commonitionibus crederent, universus iamdudum orbis mitiora in opera conversis usibus ferri tranquillitate in mollissima degeret et in concordiam salutarem incorruptis foederum sanctionibus conveniret".

> «Хотя эти войны, о которых вы говорите, что они происходят из-за ненависти к нашей религии, не только не умножились после того, как в мире был услышан Христос, но даже по большей части сократились вследствие подавления злобы. Ведь поскольку множество людей приняло Его поучения и законы, что непозволительно воздавать злом за зло, что лучше терпеть несправедливость, чем причинять, что правильнее пролить свою кровь, чем чужой осквернить руки и совесть, то значит неблагодарный мир уже получил благодеяние от Христа, так что свирепая ярость смягчена и начала удерживать руки врагов от [пролития] крови ближних. И если бы абсолютно все, кто считают себя людьми не по внешнему виду, а по силе разума, захотели бы хоть ненадолго приклонить свой слух к Его благотворным и мирным установлениям и поверили бы не напыщенной спеси и высокомерию своих чувств, а Его увеще-

ваниям, то уже весь мир, применяя железо для более мирных целей, пребывал бы в безмятежном покое и пришел бы к согласию, благополучию и нерушимому соблюдению договоров». (*Arn*. I. 6).

Интересно, что подобные же мысли посетили спустя почти два тысячелетия известного богослова современности, дьякона Андрея Кураева[3].

Надо отметить, что с самого начала наш автор избирает диалогическую форму полемики, напоминающую знаменитые диалоги Платона. И это само по себе уже является опосредованным аргументом против обвинения в невежестве адептов христианства. Заметим, что во всех семи книгах используются риторический вопрос и риторическое восклицание как основная форма изложения материала. Нельзя не согласиться, что автор должен был обладать значительной долей виртуозности в риторическом мастерстве, чтобы сохранить эту прихотливую форму до конца сочинения.

Но есть и аргументы фактического характера:

"Atquin videmus mediis his annis mediisque temporibus ex victis hostibus innumerabiles esse victorias reportatas, prolatos imperii fines et in potestatem redactas inauditi nominis nationes: saepenumero maximos annorum fuisse proventus, vilitates atque abundantias rerum tantas ut commercia stuperent universa, pretiorum auctoritate prostrata. Quemadmodum enim res agi et usque ad hoc tempus genus quisset durare mortalium, si non omnia quae usus [ut] vitae posceret subministraret fertilitas rerum?"

«Однако же мы видим, что между тем в течение этих лет (во время существования христианства. — *И. Х.*) были добыты бесчисленные победы над побежденными врагами, раздвинуты границы империи, приведены под власть народы неслыханных имен: часто бывали самые большие урожаи за эти годы и такая дешевизна и изобилие товаров, что вся торговля останавливалась по причине уничтожения прибыли. Ведь каким же образом иначе все происходило бы, и род смертных смог бы существовать до сего времени, если бы все, что требуется для отправления жизненных потребностей, не поставлялось плодородием плодов?» (*Arn*. I. 14).

[3] См. *Кураев А.* Дары и анафемы.

Однако антихристианский аргумент язычников раскрывается далее в том, что все перечисленные бедствия и неприятности происходят по причине гнева языческих богов, которым не оказывается должного почета и поклонения после появления и распространения новой религии.

> “Negleguntur dii, clamitant, atque in templis iam raritas summa est, iacent antiquae derisui caerimoniae et sacrorum quondam veterrimi ritus religionum novarum superstitionibus occiderunt, et merito humanum genus tot miseriarum angustiis premitur, tot laborum excruciatur aerumnis”.
>
> «Богами пренебрегают, вопят они (язычники — И.Х.), и храмы уже не посещают, оставляют старинные церемонии на посмеяние, и древнейшие ритуалы некогда существовавших священнодействий исчезли из-за суеверий новых религий, по заслугам человеческий род подавляется такой нуждой и несчастьями, истязается такими мучениями и страданиями». (*Arn*. I. 24).

Во-первых, по мнению Арнобия, истинный Бог не гневается и не негодует, поскольку Он — вечен и блажен. (Это постулат античной философии и прямо выдает незнакомство Арнобия с ветхозаветными писаниями.) Во-вторых, непонятно, почему небесному гневу подвергаются и виновные и невинные, то есть и христиане, и язычники. Ведь небожители могут по справедливости определить участь тех и других.

> “Vobis secundas tribuant valetudines, adversas nobis ac pessimas. Opportunis imbribus vestra inrigent rura, pluviarum quicumque sunt rores nostris ab agellulis abigant. Lanitia curent vestra numerosis fetibus multiplicari, sterilitatem infaustam nostris pecuariis inferant. Ex olivis vestris atque vinetis plenam faciant autumnitatem fundi, at ex nostris exprimi unum prohibeant palmitis rorem. Ad extremum et ultimum in vestro ore praecipiant suam fruges retinere naturam, at vero in nostro mel amarum fieri, olearum fluenta fracescere et sub ipsius potu labris in acoris perfidiam vinum repente mutari”.
>
> «Пусть они наделяют вас прекрасным здоровьем, а нас, наоборот, очень плохим. Пусть они поят ваши поля благоприятными и обильными дождями, а от наших клочков земли отводят какую бы то ни было дождевую влагу. Пусть заботятся, чтобы ваши стада увеличивались многочисленным потомством, а

> нашему скотоводству посылают несчастное бесплодие. Пусть устраивают полный и обильный сбор ваших олив и винограда, а от наших виноградников запрещают отжать хоть одну каплю. Ну и наконец, пусть предписывают, чтобы плоды сохраняли свою природу, попадая в ваш рот, а в наших устах мед становился бы горьким, льющееся масло приобретало бы дурной вкус, и чтобы вино неожиданно и вероломно превращалось на губах в самое кислое питье». (*Arn*. I. 21).

Мы специально приводим здесь этот фрагмент, чтобы стало очевидным прекрасное владение Арнобием риторическими приемами. Налицо замечательный период с повторяющимися vos/vester в первой части и nos / noster — во второй. Вообще, следует отметить это жесткое противопоставление vos — nos на протяжении всего сочинения как неразрешимую антитезу. Соответственно vos (вы) — это язычники, nos (мы) — это христиане.

Автор задается вопросом: откуда известно о верованиях языческих и христианских? Из сочинений. Значит, прежде всего, надо исследовать эти сочинения, эти источники. Христианам ставится в вину то, что их сочинения относятся к позднему времени, в то время как языческие — более древние, а потому заслуживают большего доверия. На это Арнобий отвечает, что древность никогда не была условием достоверности, но скорее наоборот.

> “Quasi vero errorum non antiquitas plenissima mater sit et non ipsa pepererit res eas quae turpissimas diis notas ignominiosis concinnaverunt in fabulis?”.
>
> «Как если бы древность не была матерью многочисленных ошибок и не сама произвела те непристойные басни, которые позорят богов?» (*Arn*. I. 57).

Христианские сочинения написаны людьми простыми и необразованными (читай варварами. — *И. Х.*), поэтому им не следует верить. К тому же эти писания «усеяны варваризмами, солецизмами[4] и грубыми погрешностями» (barbarismis, soloecismis obsitae sunt, et vitiorum deformitate pollutae) (*Arn.* I. 59). В ответ на это обвинение Арнобий разражается гневной филиппикой, обличающей

[4] Синтаксически неправильный оборот речи, не искажающий смысла высказывания.

образованность, которая не имеет ничего общего с мудростью и истинным знанием:

> “Quia per casus et tempora declinare verba scitis et nomina, quia voces barbaras soloecismosque vitare, quia numerosum et instructum compositumque sermonem aut ipsi vos nostis efferre aut incomptus cum fuerit scire, quia Fornicem Lucilianum et Marsyam Pomponi obsignatum memoria continetis, quia quae sint in litibus constitutiones? quot causarum genera, quot dictionum, quid sit genus, quid species, oppositum a contrario quibus rationibus distinguatur, idcirco vos arbitramini scire, quid sit falsum, quid verum, quid fieri possit aut non possit, quae imorum summorumque natura sit? Numquam ne illud vulgatum perstrinxit aures vestras, sapientiam hominis stultitiam esse apud deum primum?”.
>
> «(Неужели вы думаете, что знаете, что ложно и что истинно, что может быть или не может, какова природа низшего и высшего, из-за того только, что вам известно, как склоняются существительные, как спрягаются глаголы, как избежать варваризмов и солецизмов, как самим произносить многочисленные и богато украшенные речи или распознавать неприукрашенные; из-за того, что вы храните запечатленными в памяти Луцилиева «Развратника»[5] и Помпониева «Марсия»[6], знаете, какие есть установления для судебных тяжб, сколько существует родов в судебных делах, сколько — в докладах; что есть род, что есть вид; каким образом отличить противоположное от противолежащего?! Неужели никогда не долетало до ваших ушей общеизвестное высказывание, что мудрость человека есть глупость перед Богом?»[7] (*Arn.* II. 6–7).

Языческие мудрецы и философы ничего не знают и нечего не открывают, ведут бесконечные споры с противниками, оспаривают положения друг друга, сделали все сомнительным и доказали, что ничего нельзя знать наверняка (*Arn*. II. 10). Те, кого язычники считают авторитетами,

> “...nam et verbis eos luculentissimis scimus loqui et compositionibus fluere levigatis, concludere acutissime

[5] Одна из сатир Гая Луцилия, римского сатирика II в. до н.э.

[6] Драматическое произведение Л. Помпония, писателя I в. до н.э.

[7] «Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом» — 1-е послание коринфянам апостола Павла. 3,19.

> syllogismos, ordinare sequaciter inductiones, suas reddere definitionibus formulas, partiri, dividere...Sed quid istud ad causam? numquid enthymemata syllogismi resque aliae similes scire illos veritatem spondent aut ea re digni sunt quibus necessario debeat rebus de obscurissimis credi?".
>
> «Ведь мы знаем, что они произносят наиболее достойные доверия слова, и речь их изливается гладко, они включают в нее тонкие силлогизмы, составляют последовательные индукции, излагают свои положения при помощи дефиниций, распределяют и разделяют... Но разве это относится к делу? Разве энтимемы, силлогизмы и другие подобные вещи гарантируют, что они знают истину или из-за этого достойны доверия в вопросах неясных?» (*Arn*. II. 11).

Далее Арнобий переходит в наступление в отношение языческих верований по существу. Он считает своей основной задачей — доказать, что именно языческие религиозные представления столь грубы и нелепы, являются столь варварскими, что способны навлечь на род людской гнев небожителей, кто бы они ни были.

> "Et tamen, o magni cultores atque antistites numinum, cur irasci populis Christianis augustissimos illos adseveratis deos? Ita non advertitis, non videtis, adfectus quam turpes, quam indecoras numinibus attribuatis insanias?".
>
> «И однако, о великие почитатели и хранители божественного могущества, почему вы уверяете, что эти почтеннейшие боги гневаются на народы христианские? Итак, вы не обращаете внимания, вы не видите, сколь позорные страсти, сколь безобразные безрассудства вы приписываете богам?» (*Arn*. I. 17).

Именно эту задачу Арнобий считает для себя ключевой. Именно ей посвящены пять оставшихся книг апологии. Их можно разделить на следующие логические блоки: 3-4 книги повествуют о греко-римском пантеоне; 5 книга — о мистериях; 6 книга — о храмах и изображениях богов; 7 книга — о жертвоприношениях. И везде красной нитью проходит мысль: люди, придерживающиеся таких взглядов на богов и культ, суть суеверные и грубые варвары, что мы и попытаемся показать. Во всех пяти книгах означенный лейтмотив повторяется много раз в разных выражениях, завершая каждый тематический блок.

Первое оскорбление богов состоит в том, что им приписываются формы и пол (*Arn*. III. 20). Другим вопиюще варварским представлением о богах является тот факт, что часто имена их производятся от той сферы деятельности, которая данному божеству приписывается. Здесь острие критики Арнобия направлено против знаменитого антиквара Марка Терренция Варрона и его масштабного сочинения «Antiquitates rerum divinarum et humanarum» (Древности дел божеских и человеческих). К сожалению, этот труд дошел только во фрагментах. Разделяя взгляды стоиков, Варрон этимологически увязывает имена богов с областью их деятельности. Например, эпитет Венеры Libentina он производит от слова libido (желание, влечение) и соотносит с ее функциями богини любви и чувственных удовольствий (*Vr.* LL. 6,47). Третья и четвертая книги апологии пестрят подобными этимологиями[8], а главное его возражение звучит так:

> “Quod si habet se ita, qui fieri per rerum naturam potest, ut ex rebus postea procreatis acciperent nomina ea quae sunt priora temporibus aut tutelas sortirentur earum dii rerum quae nondum essent genitae et in usum mortalibus adtributae? An numquid ‘iamdudum sine nominibus dii erant, et postquam res nasci terrisque inesse coeperunt, his a vobis dignati sunt signis atque appellationibus nuncupari’ ”?
>
> «Может ли быть в согласии с природой, чтобы от вещей, появившихся позднее, получали названия те, что были раньше по времени, или чтобы боги получали попечение над теми вещами, которые еще не были произведены и даны в пользование смертным? И неужели “прежде боги были без имен, и лишь после того, как вещи начали производиться и становится привычными на земле, вы удостоили их этих наименований и присвоили им имена?”» (*Arn.* IV. 8).

В пятой книге апологии Арнобий обрушивается на аллегорическое толкование мифов и мистерий, присущее античной философии.

---

[8] Специально теме этимологии теонимов посвящена статья автора «Суффиксация как способ образования теонимов в римских сакральных книгах».

> “Sed erras, inquit, et laberis satisque te esse imperitum, indoctum ac rusticum ipsa rerum insectatione demonstras. Nam istae omnes historiae, quae tibi turpes videntur atque ad labem pertinere divinam, mysteria in se continent sancta, rationes miras atque altas nec quas facile quivis possit ingenii vivacitate pernoscere. Neque enim quod scriptum est atque in prima est positum verborum fronte, id significatur et dicitur, sed allegoricis sensibus et subditivis intelleguntur omnia illa secretis”.
>
> «Но говорят, ты ошибаешься, заблуждаешься и показываешь самим своим порицанием, насколько ты неопытен, неучён и груб. Ведь все эти истории, которые кажутся тебе постыдными и искажающими представления о богах, содержат в себе священные мистерии, заслуживающие удивления, возвышенные мысли, так что легко может познать их только живой ум. Ведь то, что написано, не следует понимать в лоб, но все означенное понимается иносказательно как сокровенные тайны» (*Arn*. V. 32).

Здесь имеется в виду истолкование сущности богов как природных стихий: Юпитер — дождь, Церера — земля и др. Арнобий возражает на это, что в таком случае, если истинный смысл неявен, то всякий может толковать богов и мифы так, как ему заблагорассудится, опираясь только на собственное мнение (*Arn*. V. 34). Такие истолкования суть “sophisticarum disputationum colores, non quibus [non] verum sed imago et species veri semper atque umbra conquiritur” («виды софистических рассуждений, при помощи которых всегда изыскивается не истина, а видимость, призрак и тень её») (*Arn.* V. 33).

Язычники полагают, что посредством аллегории неприличным вещам придается приличный смысл. Но, возражает Арнобий, здесь все наоборот, в неблагопристойной форме говорится о благопристойных предметах. (С точки зрения риторики, классический хиазм). Например, орошение земли дождем называется физическим соединением Юпитера с Церерой (*Arn.* V. 41). Наш автор предлагает язычникам сообщить своим несовершеннолетним детям внутреннее содержание одной из мистерий, интересуясь, насколько это нравственно с их точки зрения.

> “Ita ergo non protinus ab huiusmodi fugiendum diis longe ac ne inrepat in animum tam inpurae religionis obscenitas, audientia tota claudenda est?”.

> «Итак, не тотчас ли следует бежать подальше от богов такого рода и, чтобы не закралась в душу непристойность этой нечистой религии, закрыть ей какой-либо доступ?» (*Arn*. V. 29).

Здесь Арнобий неоригинален. Эти рассуждения перекликаются с точкой зрения Платона на традиционную греческую мифологию и мнение о том, что недопустимо знакомить с ней детей (R.P. II. 377e). А.Ф. Лосев в «Истории античной эстетики» отмечает, что традиционные греческие мифы были для Платона «слишком грубыми и некультурными, слишком варварским и антиморальным творчеством»[9]. При этом Арнобия возмущает то, что даже «самые Афины, славящиеся науками и искусствами, столь же оскорбительно говорят о богах», а следовательно, придерживаются не менее варварских представлений о них (*Arn.* V. 24).

Хочется отметить, что мистерии предполагали мистическое прохождение личности через смерть и пробуждение ее к новой жизни.

> «Посвящению предшествовал особый образ жизни, приспособленный к приведению чувственности под власть духа. Для этого служили пост, уединение, очистительные обряды и известные душевные упражнения. Все, к чему привязан человек в обыденной жизни, должно было потерять всякую цену»[10].

Разве не напоминает это христианские представления, а в дальнейшем — монашескую практику? Но все это Арнобий критикует. Вероятно, он был бы искренне удивлен, узнав о христианских реалиях последующих веков.

Построение храмов для богов также является варварством.

> “Etenim plena dementia est, necessitatibus tuis potentiora metiri et quae tibi sint usui datoribus diis dare, et honorem istum, non contumeliam ducere”.
>
> «Ведь это есть полное помешательство — оценивать более могущественное по своим потребностям и давать богам-подателям всего то, что имеется у тебя в употреблении, и полагать, что это для них честь, а не унижение» (*Arn.* VI. 3).

---

[9] *Лосев А.Ф.* 1969, 558.

[10] *Штейнер Р.* 1990, 12–13.

Кроме того, многие языческие храмы строились над старыми могилами, как свидетельствуют сочинения языческих теологов и антикваров, что, по мнению Арнобия, является оскорблением бессмертных богов (*Arn.* VI. 6).

Здесь следует пояснить, что Арнобий считает, что христиане храмов не строят.

> "In hac enim consuestis parte crimen nobis maximum impietatis adfigere, quod neque aedes sacras venerationis ad officia construamus, non deorum alicuius simulacrum constituamus aut formam, non altaria fabricemus, non aras, non caesorum sanguinem animantium demus, non tura neque fruges salsas, non denique vinum liquens paterarum effusionibus inferamus".

> «Ведь вы имеете обыкновение уличать нас в величайшем преступлении нечестия в том смысле, что мы не строим священных храмов для отправления культа, не создаем образа или изображения кого-либо из богов, не делаем алтарей или жертвенников, не приносим крови расчлененных животных, ни курения благовоний, ни подсоленных плодов, ни возлияний вина из жертвенных чаш» (*Arn*. VI. 1).

Действительно, первые христианские общины, называемые экклесиями (собраниями), не имели постоянных помещений для молитвы[11]. Христиане собирались в частных домах, на могилах мучеников (кстати, тоже на могилах. — *И. Х.*), в катакомбах. Христианские храмы начинают появляться в начале царствования Диоклетиана (244–311 гг. н.э.)[12]. Значит, ко времени жизни Арнобия особые сооружения для христианских богослужений уже существовали. Такие здания назывались «кириакон» (Господень дом). В Дура-Европос в Месопотамии была раскопана христианская церковь III века[13]. Вероятно, в родном городе Арнобия Сикке специального здания для христианских богослужений еще не было, поэтому он абсолютно уверен в том, что христианский Бог не нуждается в храме. Этим объясняется его резкая критика храмов языческих.

---

[11] *Свенцицкая И.С.* 1985, 120.
[12] *Рудаков А.* 2000, 124–125.
[13] *Свенцицкая И.С.* 1985, 188.

Далее Арнобий обрушивает свою критику на изображения богов.

> “Et quid fieri potis est iniuriosius contumeliosius durius, quam deum alterum scire et rei alteri supplicare? opem sperare de numine et nullius sensus ad effigiem deprecari?”.
>
> «И что может быть более несправедливым, оскорбительным и дерзким, чем знать одного бога, а на колени вставать перед чем-то другим? Надеяться на могущество божества, а умолять изображение, лишенное чувства?» (*Arn*. VI. 9).

И, наконец, откуда язычники знают, что их изображения богов имеют сходство с оригиналом, если таковой вообще существует (*Arn.* VI. 10). Известно, что в первые века христианства иконы как таковой не существовало, о чем свидетельствует наиболее ранняя катакомбная живопись, пользующаяся символами – агнец, павлин, рыба, крест. Наиболее ранними считаются символические изображения Иисуса Христа в виде Доброго Пастыря. Они относятся уже ко II в. н.э. Хорошо известна фреска с этим сюжетом из Катакомб святого Каллиста в Риме. А более ранний христианский автор Тертуллиан, как и Арнобий, родом из северной Африки, свидетельствует, что видел изображение Доброго Пастыря на богослужебных предметах (*Tert*. Pud. X). Вероятно, наш автор таких изображений не видел, что придает ему уверенности при обличении языческих изображений. Наверное, многие аргументы Арнобия могли бы использовать иконоборцы более поздней христианской истории. Например, вот этот:

> “Ita iste non error est, non ut proprie dicatur amentia, deum credere quem tute ipse formaris, subplicare tremibundum fabricatae abs te rei, et cum scias et certus sis tui esse operis et digitorum partum, pronum in faciem ruere, opem rogare suppliciter adversisque in rebus atque in temporibus asperis propitii numinis favore succurrere?”.
>
> «Итак, не ошибка ли это, а точнее говоря, не безрассудство ли, считать богом то, что тобою же самим создается, трепетно молиться тобою созданному, и, хотя ты знаешь и вполне уверен, что это дитя твоего труда и твоих рук, бросаться на колени перед образом, молитвенно просить о защите в неблагоприятных обстоятельствах и в тяжелые времена прибегать под покровительство милостивого божества?» (*Arn.* VI. 14).

По мнению язычников, божество может присутствовать в изображающей его статуе. По мнению Арнобия, это глупость и варварство,

> "....quia quae sunt privata singulariaque natura multa fieri nequeunt simplicitatis suae integritate servata"
> «...поскольку то, что имеет простой и единичный характер, не может быть многим, сохраняя неприкосновенность своей простоты» (*Arn.* VI. 19).

Известно множество случаев святотатства и уничтожения статуй богов. Почему же божество, находящееся в статуе, допустило это и не подвергло виновного заслуженному наказанию? (*Arn.* VI. 21).

Еще одно обличение. Арнобий пишет: «Cum simulacra quaedam sciam certorum ferre hominum formas et infamium liniamenta meretricum» (Поскольку иные изображения, как я знаю, имеют формы определенных людей и черты пользующихся дурной славой женщин) (*Arn.* VI. 13). Этот аргумент вполне может быть применен к картинам некоторых художников эпохи Возрождения. Вспомнить хотя бы изображения Мадонны с младенцем кисти флорентийского художника середины XV века Филиппо Липпи[14].

И, наконец, последняя седьмая книга апологии посвящена жертвоприношениям. — Почему в жертву богам язычники приносят определенных животных, каждому свое по ранжиру? — Потому что такое соответствие назначено сакральными законами: женским божествам в жертву приносятся особи женского пола, мужским — мужского. Но здесь мы снова возвращаемся к вопросу о приписывании божеству пола, который уже ранее был рассмотрен нашим автором. — Потому что богам следует приносить в жертву то, чем сами люди питаются и поддерживают жизнь. Но Бог не может находить удовольствия в том, что приятно человеку, существу значительно более низкому по своей природе (*Arn*. VII. 16–17).

> "Quis est enim pectoris tam obtusi, qui aut rebus nullum habentibus sensum hostias caedat et victimas aut eis existimet dandas qui sunt ab his longe natura et beatitudine disiugati?".

[14] Уффици 2003, 24–25.

> «Ведь у кого такой неразвитый рассудок, кто бы или приносил жертвы сущностям, не имеющим никакого чувства, или считал бы, что следует подавать жертвы тем, кто так далек от него по природе и блаженству?» (*Arn.* VII. 1).

Это мнение антиквара Варрона, большого знатока римской религии, приводимое Арнобием. Надо отметить, что риторическое образование Арнобия дало ему в руки прекрасные аргументы против языческих богов, выработанные самими же авторами-язычниками. Он много раз ссылается на таких знатоков религии как Цицерон, Варрон, Граний Флакк, Нигидий Фигул[15].

И вот Арнобий подходит к рассмотрению вопроса о воскурении ладана как жертвы богам. В героические, то есть в древние времена, ладан был неизвестен. Этрурия, откуда позаимствовали римляне многие обряды и религиозные обычаи, ладана не знала (*Arn.* VII. 26). Боги бестелесны, не имеют органов обоняния, а потому не нуждаются в каждении ладана (*Arn.* VII. 28). Наш автор не мог знать, как прочно каждение ладана войдет в христианские богослужения со временем, поэтому так настойчиво обличает этот обычай.

Завершая свою апологию, Арнобий подводит итог, еще раз перечисляя отличие христианских воззрений от взглядов язычников.

> “Vos habere sexus deos aliosque ex his mares, feminei generis alios esse censetis: nos potentias caelites discretas esse sexibus abnegamus, quoniam discrimen huiusmodi terrenis animantibus datum est... Vos hominum similitudinem gerere et mortalium vultibus existimatis esse formatos: nos effigies remur submotas esse ab his longe... A vobis artificia singuli opificum more habere perhibentur: ridemus, cum audimus nos ista, quoniam diis artes necessarias ducimus arbitramurque non esse et eas constat et liquidum est paupertatis ad subsidium conparatas. Irasci et perturbari vos numina ceterisque animorum adfectibus mancipata esse atque obnoxia. iudicatis: nos huiusmodi motus alienos existimamus ab hic esse; sunt enim ferocium generum et mortalitatis obeuntium functiones. Vos mero, vos thure honorem arbitramini diis addi et

[15] Источниковедческим проблемам апологии Арнобия посвящена диссертация автора «Поздние западные апологеты как источник по римской языческой религии», а также статья «Источниковедческие проблемы критики языческого пантеона у христианских авторов».

eorum augescere dignitates: nos monstrum et prodigium iudicamus”.

«Вы считаете, что боги имеют пол, и одни из них мужчины, другие — женского рода; мы отрицаем, что силы небесные различаются полами, так как различие такого рода дано смертным существам... Вы полагаете, что они имеют сходство с людьми и человеческую внешность, мы думаем, что они очень далеки от этого образа... Вы приписываете каждому промысел по обычаю ремесленников; мы смеемся, когда слышим это, поскольку думаем и считаем, что богам нет нужды в искусствах, которые совершенно явно созданы как средство от нужды. Вы рассуждаете, что божества гневаются, смущаются и бывают охвачены и подвластны другим аффектам души. Мы считаем, что движения такого рода являются для них чуждыми, ведь эти свойства характерны для дикости и смертности. Вы полагаете, что добавляете богам чести курением фимиама и возлиянием чистого вина и так увеличиваете почитание их; мы считаем это чудовищным и противоестественным» (*Arn*. VII. 36).

Опять мы видим блестяще исполненный риторический период с антитезой «мы — вы». При таком явном превосходстве автора-христианина над предполагаемым оппонентом-язычником с точки зрения логики, здравого смысла, духовности, образованности и даже риторического мастерства, кто должен быть признан аморальным суеверным неучем, а потому и варваром? Для автора апологии ответ очевиден. Используя аргументацию языческих философов и знатоков религии, свои знания по греко-римскому пантеону и классической риторике, Арнобий бьет оппонента его же оружием, обличая как дремучее варварство языческие религиозные представления и культ. Такой прием носит в неориторике название «возвратный удар» или «принцип бумеранга».

Ответом на слова Плиния Младшего из его письма к императору Траяну относительно христиан звучат слова Арнобия:

“...nihil sumus aliud Christiani nisi magistro Christo summi regis ac principis veneratores; nihil, si consideres, aliud invenies in ista religione versari”.

Мы, христиане, не что другое, как почитатели высочайшего Царя и Повелителя согласно с учением Христа. Ничего друго-

го, при тщательном рассмотрении, ты не обнаружишь в этой религии (*Arn.* I 27).

Современному читателю не могут не броситься в глаза отмеченные выше несуразности в аргументации нашего автора и несовместимость его доводов не только с христианскими реалиями более позднего времени, но даже и того, современником которого он был. На наш взгляд, имеются объективная и субъективная причины этой несообразности. Субъективной причиной является неосведомленность Арнобия, его достаточно поверхностное знание проповедуемого учения и современных ему практик христианской жизни. Объективной причиной мы считаем догматическое и историческое развитие христианства, освоение и переработка им языческого наследия.

ЛИТЕРАТУРА

Арнобий 2008: Против язычников / Н.М.Дроздов (пер.), А.Д. Пантелеев (ред.). СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета.

Arnobius 1875: Adversus nationes libri septem / A. Reifferscheid (hrsg.). Vindobonae.

Varro Marcus Terentius. 1954: De lingua latina. Paris.

Братухин А. Ю. 2018: Рождение стиля христианской литературы: Климент Александрийский и Тертуллиан. Дисс. на соискание ученой степени д.ф.н. СПб.

Витковский В.Е. 2005: Цитирование античных авторов в раннехристанской литературе: возникновение и становление традиции. Дисс. на соискание ученой степени к.ф.н. М.

Краузе В. 1958: Отношение раннехристианских авторов к языческой культуре. Вена.

Кураев А. Дары и анафемы. — https://lib.pravmir.ru/library/readbook/1030#part_6613 (сентябрь 2019).

Лосев А. Ф. 1996: Мифология греков и римлян. М.: Мысль.

Лосев А.Ф. 1969: История античной эстетики. М.: Искусство, 1.

Максимова И.В. 1993: Поздние западные апологеты как источник по римской языческой религии. Дисс. на соискание ученой степени к.и.н. М.

Рудаков А. 2000: Краткая история христианской церкви. М.: Издательство Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.

Свенцицкая И.С. 1985: От общины к церкви. М.: Политиздат.

Уффици. 2003: Уффици. М.: Олма Пресс.

Хорькова И.В. 2019: Источниковедческие проблемы критики языческого пантеона у христианских авторов // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XXIII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И.М. Тронского, 2-ой полутом. 1095-1102. — https://tronsky.iling.spb.ru/static/tronsky2019_02.pdf (сентябрь 2019).

Хорькова И.В. 2018: Суффиксация как способ образования теонимов в римских сакральных книгах // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И.М. Тронского, 2-ой полутом. 1319-1328. — https://tronsky.iling.spb.ru/static/tronsky2018_02.pdf (сентябрь 2019).

Штаерман Е.М. 1987: Социальные основы религии древнего Рима. М.: Наука.

Штаерман Е.М. 1985: От религии общины к мировой религии // Культура Древнего Рима / Голубцова Е.С. (ред.). М.: Наука, 1. 106-209.

Штейнер Р. 1990: Мистерии древности и христианство. М.: Интербук.

Cardauns B. 1976: M.T. Varro. Antiquitates rerum divinarum. Wiesbaden, 1-2.

Edwards, M. 1999: Flowering of Latin Apologetic: Lactantius and Arnobius // Apologetics in the Roman Empire: Pagans, Jews and Christians. Oxford, 197-222.

Simmons M. B. 1995: Arnobius of Sicca. Oxford.

Sitte A. 1970: Mythologische Quellen des Arnobius. Wien.

Tullius F. 1934: Die Quellen des Arnobius im 4, 5 und 6 Buch seiner Schrift Adversus nationes. Berlin.

Irina V. Khorkova

ARNOBIUS AGAINST PAGANS BARBARISM

RECOIL STRIKE

The article focuses on the apologetic composition of the African rhetorician of the 3rd — 4th centuries AD Arnobius “Adversus nationes”. The apology was written by Arnobius after he adopted Christianity to substantiate his views and contains extensive material on Greco-Roman paganism. The negative attitude of the pagan population towards the spread of Christianity in the Roman Empire is known. Often the followers of the new religion were declared superstitious and illiterate barbarians, not familiar with the achieve-

ments of ancient philosophy and rhetoric. Arnobius, according to Hieronymus of Stridon, is a brilliantly educated rhetoric teacher from Sicca Veneria. Using all his knowledge of philosophy, rhetoric and the Greco-Roman pantheon, Arnobius hits the enemy with his own weapons, exposing the barbarism of pagan religious ideas. Such a technique is called in neo-rhetoric "recoil strike" or "boomerang principle".

Keywords: Christianity; Christian apologetics; early Christian literature; Greco-Roman pantheon; paganism; classic rhetoric.

Irina V. KHORKOVA — PhD (History). Docent of the Department of Classical Philology of Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation — e-mail: stauross@yandex.ru

REFERENCES

Arnobii 2008: Protiv yazychnikov / N.M.Drozdov (per.), A.D. Panteleev (red.). SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.

Arnobius 1875: Adversus nationes libri septem / A. Reifferscheid (hrsg.). Vindobonae.

Varro Marcus Terentius. 1954: De lingua latina. Paris.

Bratukhin A. Yu. 2018: Rozhdenie stilya khristianskoĭ literatury: Kliment Aleksandriĭskiĭ i Tertullian. Diss. na soiskanie uchenoi stepeni d.f.n. SPb.

Cardauns B. 1976: M.T. Varro. Antiquitates rerum divinarum. Wiesbaden, 1-2.

Edwards, M. 1999: Flowering of Latin Apologetic: Lactantius and Arnobius // Apologetics in the Roman Empire: Pagans, Jews and Christians. Oxford, 197-222.

Khor'kova I.V. 2019: Istochnikovedcheskie problemy kritiki yazycheskogo panteona u khristianskikh avtorov // Indoevropei-skoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya – XXIII. Materialy chtenii, posvyashchennykh pamyati professora I.M. Tronskogo, 2-oi polutom. 1095-1102. — https://tronsky.iling.spb.ru/static/tronsky2019_02.pdf (sentyabr' 2019).

Khor'kova I.V. 2018: Suffiksatsiya kak sposob obrazovaniya teonimov v rimskikh sakral'nykh knigakh // Indoevropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya – XXII. Materialy chtenii, posvyashchennykh pamyati professora I.M. Tronskogo, 2-oi polutom. 1319-1328. — https://tronsky.iling.spb.ru/static/tronsky2018_02.pdf (sentyabr' 2019).

Krauze V. 1958: Otnoshenie rannekhristianskikh avtorov k yazycheskoi kul'ture. Vena.

Kuraev A. Dary i anafemy. — https://lib.pravmir.ru/library/readbook/1030#part_6613 (sentyabr' 2019).

Losev A. F. 1996: Mifologiya grekov i rimlyan. M.: Mysl'.

Losev A.F. 1969: Istoriya antichnoi estetiki. M.: Iskusstvo, 1.

Maksimova I.V. 1993: Pozdnie zapadnye apologety kak istochnik po rimskoi yazycheskoi religii. Diss. na soiskanie uchenoi stepeni k.i.n. M.

Rudakov A. 2000: Kratkaya istoriya khristianskoi tserkvi. M.: Izdatel'-stvo Svyato-Troitskoi Sergievoi Lavry.

Shtaerman E.M. 1987: Sotsial'nye osnovy religii drevnego Rima. M.: Nauka.

Shtaerman E.M. 1985: Ot religii obshchiny k mirovoi religii // Kul'tura Drevnego Rima / Golubtsova E.S. (red.). M.: Nauka, 1. 106-209.

Shteiner R. 1990: Misterii drevnosti i khristianstvo. M.: Interbuk.

Simmons M. B. 1995: Arnobius of Sicca. Oxford.

Sitte A. 1970: Mythologische Quellen des Arnobius. Wien.

Sventsitskaya I.S. 1985: Ot obshchiny k tserkvi. M.: Politizdat.

Tullius F. 1934: Die Quellen des Arnobius im 4, 5 und 6 Buch seiner Schrift Adversus nationes. Berlin.

Uffitsi. 2003: Uffitsi. M.: Olma Press.

Vitkovskii V.E. 2005: Tsitirovanie antichnykh avtorov v rannekhristanskoi literature: vozniknovenie i stanovlenie traditsii. Diss. na soiskanie uchenoi stepeni k.f.n. M.

И.Е. Ермолова

КОВАРСТВО И ИНТРИГИ В РИМСКОЙ АРМИИ

Коварство и вероломство античные писатели считали непременными качествами варваров. Но эти же приемы столетиями применялись и в римском общества. Примеров тому можно привести огромное множество. Один из эпизодов истории IV в. представляется наиболее интересным, так как показывает, насколько субъективной может быть позиция автора по отношению к очень похожим по своей сути поступкам в зависимости от того, кто их совершает, и насколько различным может быть освещение событий, если в этом проявляется личная заинтересованность писателя.

Ключевые слова: Аммиан Марцеллин, Сильван, Урзицин, Констанций II, Юлиан, римляне, варвары, коварство, вероломство.

Коварство и вероломство античные писатели считали непременными качествами варваров[1]. Но эти же приемы столетиями применялись и в римском общества. Примеров тому можно привести огромное множество. Один из эпизодов истории IV в. представляется наиболее интересным, так как показывает, насколько субъективной может быть позиция автора по отношению к очень похожим по своей сути поступкам в зависимости от того, кто их совершает.

Ирина Евгеньевна ЕРМОЛОВА — кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета. Российская Федерация, Москва. — merira@mail.ru

[1] См., напр.: *Amm. Marc.* XVII. 1. 3; 12. 7; XVIII. 2. 18; XXVII. 10. 5; XXXI. 10. 2; 12. 13.

Цивилизация и варварство
2020. Вып. IX. С. 420-431
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2020. Issue IX. P. 420-431
DOI: 10.21267/AQUILO.2020.9.9.016

В «Деяниях» Аммиана Марцеллина среди событий 355 г. довольно подробно освещается заговор некоего актуария императорских вьючных лошадей Динамия с пособниками против магистра пехоты Галлии Сильвана. Историк с возмущением и осуждением описывает, как коварно он был оклеветан якобы в попытке государственного переворота и в результате этого вынужден был решиться на узурпацию власти.

Мотивы инициатора заговора неясны, да и его фигура и должность (actuarius sarcinalium principis iumentorum[2] — интендант, отвечавший за продовольственное обеспечение подразделения[3]) несопоставима с выдающимся полководцем Сильваном. Последний по происхождению был франком, еще его отец Бонит сражался против Лициния на стороне Константина I[4]. Сам Сильван оказал Констанцию II неоценимую услугу перед битвой при Мурсе в 351 г. с узурпатором Магненцием (при котором был трибуном), когда перешел на его сторону с тяжелой конницей[5]. Именно он начал успешно наводить порядок в Галлии, до него практически незащищенной от набегов врагов:

> «Галлия из-за продолжительного попустительства власти подвергалась жестоким убийствам, грабежам и пожарам со стороны свободно бродивших по ней варваров»[6].

Но именно в 5 главе 15 книги «Деяний» много лакун. И первая из них разрывает текст между фразой о том, что могущественный в тот момент человек при дворе, магистр конницы[7] и консул 355 г., Арбицион считал Сильвана своим соперником и всячески старался ускорить его отъезд в Галлию[8], и сообщением о замысле Динамия. Из сохранившегося текста следует, что Динамий с умыслом попросил Сильвана написать ряд рекомендательных писем своим друзьям, заранее замыслив «безбожное коварство» (fraudem

---

[2] *Id.* XV. 5. 3.
[3] *Банников А.В.* 2018, 343.
[4] *Amm. Marc.* XV. 5. 32; *Aurel. Victor.* De Caes. XLII. 14.
[5] *Amm. Marc.* XV. 5. 33; *Aurel. Victor.* Ibid.
[6] *Amm. Marc.* XV. 5. 4.
[7] *Idem.* XV. 4. 1.
[8] *Idem.* XV. 5. 2.

<...> impiam)[9]. Возможно, настоящим двигателем коварной интриги был на самом деле Арбицион, а Динамий каким-то образом был с ним связан. Предполагать такой ход событий позволяет тот факт, что Арбицион сыграл отрицательную роль в дальнейших событиях. Аммиан Марцеллин дает ему нелестную характеристику:

> «...завзятый и страстный интриган (ad insidiandum acer et flagrans)»[10], «подобно тому как змея, укрываясь в подземной норе, следит оттуда за проходящими мимо, внезапно бросается на них и жалит одного за другим, так и этот человек, прошедший путь от низшего звания до высших чинов, не будучи сам ни оскорбленным, ни задетым, осквернял себя необъяснимой склонностью вредить другим»[11].

Незадолго до разыгравшейся драмы Арбицион потерпел позорное поражение[12], что могло усилить его зависть к более успешному коллеге, которого считали «способным поправить положение дел»[13] в Галлии.

Динамий с сообщниками, среди которых были префект претория Лампадий и бывший комит государственных имуществ Евсевий[14], смыли текст рекомендательных писем Сильвана и в двусмысленных выражениях попросили его друзей помочь в якобы затеваемом им государственном перевороте и посягательстве на верховную власть[15]. «Этот пакет вымышленных писем, сочиненных с целью погубить невиновного» был передан императору, что повлекло за собой «приказ взять под стражу» адресатов магистра пехоты[16].

При дворе в Медиолане было достаточно много влиятельных военачальников, по происхождению являвшихся франками[17], как и

---

[9] *Idem.* XV. 5. 4.
[10] *Idem.* XIV. 11. 2.
[11] *Idem.* XV. 2. 4.
[12] *Idem.* XV. 4. 7; *Seager R.* 1999, 581.
[13] *Idem.* XV. 5. 2.
[14] *Idem.* XV. 5. 5.
[15] *Idem.* XV. 5. 4.
[16] *Idem.* XV. 5. 5.
[17] *Idem.* XV. 5. 11.

Сильван. Так же как выходцы из других племен, они были интегрированы в римское общество и в подавляющем большинстве верно ему служили[18]. Когда началась кампания против якобы заговорщиков, командир гентилов Маларих и трибун арматур Маллобавд предлагали Констанцию отправить одного из них к Сильвану для выяснения обстоятельств дела, а другого и их семьи оставить в заложниках, поскольку не соплеменнику Сильван не поверил бы и, почувствовав опасность, мог вызвать восстание. Но именно по настоянию Арбициона с письменным предписанием явиться ко двору был отправлен императорский агент Аподемий[19], по характеристике Аммиана Марцеллина, «давний и жестокий враг всех хороших людей (inimicus bonorum omnium diuturnus et gravis)[20]». Последний нарушил все данные ему инструкции:

> «...не повидался с Сильваном, не передал ему письменного приказа возвратиться ко двору, но, пригласив к себе начальника денежной части, стал преследовать клиентов и рабов магистра пехоты с таким враждебным высокомерием, как будто тот был уже проскрибирован и приговорен к смерти»[21], —

и, видимо, сознательно довел конфликт до логического конца: узурпации Сильвана, который не видел иного способа спастись[22], поскольку бежать к своим свободным соплеменникам ему отсоветовал его подчиненный, доказав, что они «или убьют его, или выдадут за деньги»[23]. Аподемий, возможно, тоже действовал по наущению Арбициона.

Попытка оклеветать и Малариха очередным подложным письмом оказалась неудачной.

> «Динамий, желая подкрепить свою подлую интригу надежными аргументами, переслал от имени Сильвана и Малариха трибуну кремонской оружейной фабрики сочиненное им самим письмо, близкое к тем, которые он доставил императору через префекта.

---

[18] *Mitchell St.* 2007, 192.
[19] *Idem.* XIV. 11. 19.
[20] *Idem.* XV. 5. 8.
[21] Ibid.
[22] *Amm. Marc.* XV. 5. 16.
[23] *Idem.* XV. 5. 15.

> Письмо содержало предписание трибуну как соучастнику тайны поспешить с подготовкой дела. Прочитав это письмо, трибун долго недоумевал, чтобы это значило, так как не мог вспомнить, чтобы авторы письма когда-либо беседовали с ним на подобную тему. И вот он через того же посланца, который принес письмо, приставив к нему одного солдата, отослал письмо к Малариху, с настойчивой просьбой объяснить открыто и без загадок, чего он хочет. Он заявлял, что, как человек простой и необразованный, не понимает речей намеками»[24].

Вероятно, франки в окружении Констанция, действительно, были сильны: «император повелел произвести следствие по этому делу общей комиссией придворных и всех высших военных чинов». Наконец, было назначено расследование, и Флоренций, магистр оффиций, обнаружил подлог[25]. Хотя мошенничество было разоблачено, из-за усиленного заступничества многих лиц наказан никто не был, «дело кончилось освобождением всех причисленных к ответственности по доносу об этом преступлении»[26].

А в Агриппине события уже приняли необратимый характер, и для ликвидации мятежа туда был отправлен начальник Аммиана Марцеллина, магистр конницы Востока, Урзицин.

В рассказе о действиях Урзицина тон повествования становится совершенно иным. Аммиан как будто забывает, что Сильван был невиновен и стал жертвой интриг[27], что заслуги его перед Римом были недооценены, и он был позорно оскорблен несправедливыми подозрениями[28], что доместик Сильвана Прокул

> «...давал самые неопровержимые доказательства того, что не честолюбие, а необходимость вынудила его замыслить то, на что он посягнул. Он выставлял аргумент, удостоверенный показаниями многих, а именно: за пять дней до того, как Сильван возложил на себя императорскую повязку, он выдал жалование войску от имени Констанция»[29].

---

[24] *Idem.* XV. 5. 9–10.
[25] *Idem.* XV. 5. 12.
[26] *Idem.* XV. 5. 13.
[27] *Boer W. den.* 1960, 105–109; *Matthews J.* 1989, 484 n. 7.
[28] *Amm. Marc.* XV. 5. 27; 32.
[29] *Idem.* XV. 6. 2–3.

Разумеется, если бы Сильван планировал переворот, то раздал бы деньги от своего имени.

Урзицину приходится применять практически те же методы, что и интриганам при императорском дворе. Он входит в доверие к Сильвану, а сам исподволь готовит его гибель. Но данные действия не вызывают ни тени осуждения историка. Стремясь показать Урзицина невинно страдающим непогрешимым героем, Аммиан сообщает, видимо, далеко не все, что известно писателю о его действиях, иногда противореча самому себе[30]. Он и сам был участником этих драматических событий, и, чтобы спастись в непростой ситуации, все средства были хороши[31]. Урзицину и его команде удалось подкупить простых воинов из отрядов бракхиатов и корнутов, которые напали на Сильвана врасплох и убили его[32] примерно на двадцать восьмой день мятежа[33].

Об успешном выполнении (industrie gesta)[34] возложенного на Урзицина императором Констанцием задания Аммиан пишет спокойно, без малейших угрызений совести, не проронив ни слова упрека[35] и даже с облегчением, хотя по своему вероломству это деяние мало чем отличается от заговора против несчастного Сильвана, приведшего в итоге к столь печальным последствиям. Конечно, Урзицин вынужден был вести себя столь коварным образом, но если бы историк до конца придерживался принципов беспристрастности и объективности в описании событий, которые он неоднократно декларировал на протяжении своего труда[36], то они в этом эпизоде так или иначе проявились бы.

Личная заинтересованность Аммиана Марцеллина в освещении репутации Урзицина сказывается и в последующих главах о дальнейших событиях в Галлии и связанных с ними интригами внутри римского военного руководства. Аммиан, видимо, с самого начала своей военной карьеры служил под командованием магист-

---

[30] *Hunt D.* 1999, 51, 61.
[31] *Idem.* XV. 5. 25–27; 30.
[32] *Idem.* XV. 5. 31.
[33] *Aurel. Victor.* De Caes. XLII. 15.
[34] *Amm. Marc.* XV. 5. 36.
[35] *Matthews J.* 1989, 38; *Hunt D.* 1999, 58.
[36] *Amm. Marc.* XIV. 6. 2; XV. 1.1; XVI. 1. 3; XXXI. 5. 10; 16. 9.

ра конницы Востока. Он входил в корпус протекторов-доместиков. Первоначально, примерно с середины III в., протекторы были телохранителями императора, ими становились надежные и опытные воины[37]. Их положение имело ряд преимуществ[38], а также давало возможность впоследствии продвинуться по служебной лестнице. В первой половине IV в. из протекторов выделилась особая привилегированная категория протекторов-доместиков[39], которые входили непосредственно в императорскую свиту, правда, некоторые из них (deputati) были прикомандированы к военачальникам в разных частях империи и служили при них в качестве штабных офицеров[40]. Именно в таком качестве проходил службу при Урзицине Аммиан Марцеллин. Довольно часто протекторами-доместиками становились молодые люди из семей высокопоставленных военных, комитов или магистров[41]. Возможно, и сам Аммиан получил должность за счет семейных связей, дружбы его родственников с Урзицином. Личные отношения важны для каждого человека в любом обществе, тем более — в римском, хорошо известном древними традициями патроната-клиентелы; полностью отрешиться от них мало кому удается. По большей части, такие связи возникали между начальником и подчиненным. Аммиан Марцеллин не менее семи лет службы провел под началом магистра конницы на Востоке Урзицина и был ему чрезвычайно предан[42]. В силу данного обстоятельства следует чрезвычайно осторожно относится к сведениям, касающимся судьбы его начальника, и историка можно заподозрить либо в преувеличении роли магистра, либо в искажении положения вещей, либо в умолчании.

Аммиан, например, не упоминает о происхождении Урзицина. О других военачальниках он пишет, из каких племен они происходили. Судя по имени, которое носил и один из аламаннских вождей[43], Урзицин был германцем (аламанном?), но акцентировать

[37] *Rowell H. T.* 1967, 282.
[38] *Crump G. A.* 1973, 99.
[39] *Blockley R. C.* 1972, 444; *Fornara C. W.* 1992, 329.
[40] *Jones A. H. M.* 1964, 636.
[41] *Amm. Marc.* XIV. 10. 2; XXV. 5. 4; XXVI. 5. 14; 10. 1; XXXI. 13. 18.
[42] *Idem.* XIV. 9. 1; XV. 5. 22; XVIII. 6. 5; XIX. 8. 12.
[43] *Idem.* XVI. 1. 1; XVIII. 2. 18.

на этом внимание писатель, не любивший варваров, вероятно, не хотел. Можно, правда, предположить, что о происхождении магистра речь шла в несохранившихся книгам, но это маловероятно, так как о современных событиях Аммиан пишет с четырнадцатой книги, и в пятидесятых годах IV в. он только начинал служить, был еще молод[44].

Довольно темным представляется пребывание Урзицина в Галлии после гибели Сильвана в 355–357 гг. Историк, все это время находившийся рядом с ним, не только не сообщает никаких подробностей, но даже не называет его тогдашней должности. Только касаясь дел на Востоке, Аммиан мимоходом замечает, что место магистра конницы там занимал Проспер, так как Урзицин оставался в Галлии[45]. Вместе с тем, магистром пехоты в Галлии вместо Сильвана был назначен Барбацион[46]. Видимо, Урзицин находился в незавидном положении, так как он физически был изолирован с очень немногими соратниками в неизвестной ему области, должен был постоянно опасаться и сторонников Сильвана, которого он предал, и императора, уже однажды обвинявшего его в измене и, вероятно, не до конца уверенного в его лояльности власти[47]. Аммиан очень туманно пишет о том, что Констанций заподозрил Урзицина в растрате неких «галльских сокровищ (Gallicanis <...> thesauris)» и даже назначил расследование, но не сообщает, чем оно закончилось[48].

Из Галлии Урзицин был вызван Констанцием II в Сирмий только летом 357 г[49]. Не менее полутора лет он находился в Галлии и Германии одновременно с Юлианом, провозглашенным цезарем 6 ноября 355 г.[50], а 1 декабря уже выехавшем из Медиолана в Виенну[51]. Все, что предпринимал в течение данного отрезка вре-

---

[44] *Idem.* XVI. 10. 21.

[45] *Idem.* XV. 13. 3.

[46] *Idem.* XV. 2. 5.

[47] *Drinkwater J.F.* 1997, 6; *Frézouls Ed.* 1962, 679–681; *Matthews J.* 1989, 38.

[48] *Amm. Marc.* XV. 5. 36.

[49] *Idem.* XVI. 10. 21; *Frézouls Ed.* 1962, 683; *Matthews J.* 1989, 83; *Drinkwater J.F.* 1997, 6.

[50] *Idem.* XV. 8. 17.

[51] *Idem.* XV. 8. 18.

мени будущий император и признанный кумир автора «Деяний», Аммианом Марцеллином подробно описывается, вплоть до конкретных дней прибытия в тот или иной город[52]. Для не менее любимого командира на протяжении всей шестнадцатой книги у него нашлась всего одна фраза, когда речь зашла о сборе армии летом 356 г. в городе Ремы: «Возглавлял его [войско. — *И. Е.*] преемник Урзицина Марцелл и сам Урзицин, которому было предписано находиться в этих местах до окончания похода»[53]. Из нее следует, что некоторое время Урзицин был магистром конницы в Галлии, так как Марцелл был назначен именно на эту должность[54]; что он, несомненно, контактировал с Юлианом и был ему подчинен. Возникает закономерный вопрос, чем вызвано, совершенно очевидно, сознательное желание Аммиана избежать рассказа о совместных действиях и взаимоотношениях Урзицина и Юлиана?

Напрашивается предположение, что историк оказался в очень трудном положении, так как ни в коей мере не хотел уронить авторитет ни того, ни другого, а какие-то трения, возникшие в их отношениях, чрезвычайно затрудняли осуществление основного принципа «Деяний» — не допускать ни малейшего искажения правды ложью или умолчанием[55]. И в данном случае Аммиану Марцеллину пришлось от него отступить, как наименьшее зло он выбрал умолчание. Эту завесу молчания частично приоткрывают ритор Либаниий и церковный историк конца IV – начала V в. Сократ Схоластик.

Оба автора недвусмысленно заявляют, что Юлиан был послан в Галлию только номинальным командующим, а распоряжались всем военачальники[56], в число которых, вероятно, входил и Урзицин. Антиковеды полностью разделяют данное мнение и, более того, основываясь на словах самого Юлиана[57], считают, что высшие военные обязаны были надзирать над цезарем, дабы предот-

[52] *Idem.* XVI. 2. 2.
[53] *Idem.* XVI. 2. 8.
[54] *Idem.* XVI. 4. 3.
[55] *Idem.* XXIX. 1. 15.
[56] *Lib.* Or. XVIII. 42; *Socr. Schol.* H. E. III. 1. 27.
[57] *Julian.* Ep. ad Ath. 277D.

вратить возможную узурпацию[58]. Такое положение, разумеется, не могло способствовать зарождению сердечных отношений между дорогими Аммиану Марцеллину людьми. Сообщать о том, что Урзицин, возможно, писал доносы на Юлиана, так же как на Галла[59], ему, естественно, не хотелось. О подобном развитии событий косвенно может свидетельствовать сообщение Аммиана о том, что настроение Юлиана резко улучшилось летом 357 г., когда Констанций II вызвал Урзицина к себе и заменил Марцелла другим полководцем[60]. По словам Аммиана, Юлиан «бодро поспешил в Ремы. Настроение его было тем радостнее, что армией командовал Север, человек не склонный к ссорам и не высокомерный, приученный долгим военным опытом к повиновению, который будет готов как дисциплинированный солдат следовать за вождем, указывающим правильный путь»[61].

Подобные примеры свидетельствуют о весьма непростых отношениях внутри верхушки римской армии, где коварство и злоумышления друг против друга, считавшиеся античными авторами характерными особенностями варваров, были обычным явлением. Они же еще раз подтверждают, что какая-то доля субъективности присутствует в любом, даже чрезвычайно добротном, историческом сочинении, автор которого искренне стремится донести до своих слушателей и читателей истину.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Аммиан Марцеллин. Римская история / Ю.А. Кулаковский и А.И. Сонни (пер. с лат.). СПб., 1996. — Ammian Martsellin. Rimskaya istoriya / Yu.A. Kulakovskii i A.I. Sonni (per. s lat.). SPb., 1996.

Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt / W. Seyfarth (ed.). Leipzig: B. G. Teubner Verlagsgesellschaft, 1978. 1–2.

---

[58] *Гиббон Э.* 1994, 221; *Thompson E. A.* 1947, 46; *Frézouls Ed.* 1962, 684 n. 2; *Matthews J.* 1989, 88; *Drinkwater J.F.* 1997, 8.

[59] *Amm. Marc.* XIV. 9. 1.

[60] *Idem.* XVI. 10. 21.

[61] *Idem.* XVI. 11. 1.

Juliani Apostatae Epistula ad Athenienses // The Works of the Emperor Julian with an English transl. by W. C. Wright. Cambridge, Massachusetts: Harvard University press; London: William Heinemann LTD, 1969. II.

Libanii Oratio XVIII // Opera / R. Foerster (rec.). Lipsiae: Teubner Verlagsgesellschaft, 1903–1908. 1–4.

Sextus Aurelius Victor. De Caesaribus // *Id.* Liber de Caesaribus / Fr. Pichlmayr (ed.). Leipzig: BSB B. G. Teubner Verlagsgesellschaft, 1970. 77-129.

Socratis Scholastici Historia ecclesiastica // Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series graeca. Paris, 1859. 67.

Банников А.В. 2018: Военное дело римлян накануне Великого переселения народов. СПб.: Евразия. — Bannikov A.V. 2018: Voennoe delo rimlyan nakanune Velikogo pereseleniya narodov. SPb.: Evraziya.

Гиббон Э. 1994: История упадка и крушения Римской империи. М.: Изд. Группа «Прогресс», «Культура»; СПб.: «Ювента».

Blockley R. C. 1972: Constantius Gallus and Julien as Caesars of Constantius II // Latomus. 31. 2. 433-468.

Boer W. den. 1960: The Emperor Silvanus and his Army // Acta classica. Proceedings of the Classical Association of South Africa. Cape Town. III. 105-109.

Crump G. A. 1973: Ammianus and the Later Roman Army // Historia. 22. 1. 91-103.

Drinkwater J.F. 1997: Julian and the Franks and Valentinian and the Alamanni: Ammianus on Romano-German Relations // Francia. 24. 1. 1-15.

Fornara C. W. 1992: Studies in Ammianus Marcellinus, I: The Letter of Libanius and Ammianus' Connection with Antioch // Historia. 41. 3. 328-344.

Frézouls Ed. 1962: La mission du «magister equitum» Ursicin en Gaule (355–357) d'après Ammien Marcellin // Hommages à A. Grénier. Berhem; Bruxelles. (Collection Latomus. 58). 673-688.

Hunt D. 1999: The Outsider Inside: Ammianus on the Rebellion of Silvanus // The Late Roman World and its Historian: Interpteting Ammianus Marcellinus / J. W. Drijvers, D. Hunt (ed.). London; New York, 1999. 51-63.

Jones A. H. M. 1964: The Later Roman Empire (284 — 602). A Social, Economic and Administrative Survey. Oxford: Blackwell. II.

Matthews J. 1989: The Roman Empire of Ammianus. London: Duckworth.

Mitchell St. 2007: A History of the Later Roman Empire, AD 284-641: the Transformation of the Ancient World. Oxford: Blackwell.

Rowell H. T. 1967: Ammianus Marcellinus, Soldier-Historian of the Late Rome Empire // Lectures in Memory of L. Faft Semple. The University of Cincinnati. Princeton, I. 261-314.

Seager R. 1999: Roman Policy on the Rhine and the Danube in Ammianus // The Classical Quarterly. 49. 2. 579-605.

Thompson E. A. 1947: The Historical Work of Ammianus Marcellinus. Cambridge: University press.

Irina E. Ermolova

THE PERFIDY AND INTRIGUES
IN THE ROMAN ARMY

The ancient writers considered that the perfidy and the insidiousness were the compulsory barbarian's qualities. But these methods were used and in Roman society for many centuries. There are many examples of it. One episode of the Roman history of the IV century is the most interesting, because it shows, what subjective the historian's position can be to the very like acts in dependence of theirs authors; and how different can be events' illumination, if the writer's personal interest is displayed in it.

Keywords: Ammianus Marcellinus, Silvanus, Urzicinus, Constantius II, Julianus, Romans, barbarians, insidiousness, perfidy.

Irina E. ERMOLOVA — Ph.D (History), Associate Professor of the Russian State University for the Humanities. Moscow, Russian Federation — merira@mail.ru

О.А. Кирьяш

«ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ТУРИЗМ» ПЕТРА I

ВАРВАРСТВО ЯВНОЕ И ЛАТЕНТНОЕ*

В статье раскрывается содержание понятия «образовательный туризм», сложившееся в период правления Петра I, прописаны его основные характеристики. Автором представлены приоритетные направления образовательного туризма, имевшие место в начале XVIII в. На материалах писем и путевых заметок представлен собирательный образ студента эпохи Петра I, получавшего образование за границей, который совмещал в себе цивилизационный и варварский компоненты. Ментальная карта студентов XVIII в. претерпела значительные изменения. В ней прослеживается постепенное движение от варварского к цивилизованному восприятию окружающей действительности. Это нашло отражение в появлении новых интеллектуальных конструктов ментальной карты и изменении приоритетов в оценке значимости пространства.

Ключевые слова: «образовательный туризм», варварство, цивилизация, Петр I, ментальная карта, Просвещение, Европа, Россия.

Пограничное положение России, которая располагалась между Европой и Азией, актуализировало в среде интеллектуалов и

Оксана Андреевна КИРЬЯШ — кандидат исторических наук, доцент кафедры дополнительного профессионального образования Омского государственного педагогического университета. Российская Федерация, Омск. — mml1982@yandex.ru

* Редколлегия ежегодника публикует данную статью в порядке дискуссии. Мнение редколлегии по ряду вопросов может не совпадать с мнением автора.

Цивилизация и варварство
2020. Вып. IX. С. 432-442
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2020. Issue IX. P. 432-442
DOI: 10.21267/AQUILO.2020.9.9.017

научного сообщества XVIII в. поиск в решении проблемы идентификации государства. Эта проблема решалась разными путями: военными операциями, приглашением на службу иностранцев, просвещением населения внутренними ресурсами государства и т.д. Но одним из мощных рычагов воздействия на Европу оказался личный пример Петра I.

Совершая путешествие по Европе ему необходимо было самому доказать европейцам свою цивилизационную состоятельность. Ведь стереотип в Европе относительно его страны, да и личности самого государя был очень силен.

> «Придворные дамы жаждали увидать медведя с Балтийского моря, Донского казака, который отзывался с пренебрежением о прелестных парижанках»[1].

Европа ждала дикаря, варвара, но была приятно удивлена и поражена Государем. Австрийцы, располагавшие исчерпывающей информацией о поведении Петра как в Москве, так и во время путешествия, едва могли поверить, что этот почтительный и скромный молодой человек — тот самый гуляка, о котором они наслышаны. Иностранные послы в Вене отмечали его «деликатные, безупречные манеры». Испанский посланник писал в Мадрид:

> «Он не кажется здесь вовсе таким, каким его описывали при других дворах, но гораздо более цивилизованным, разумным, с хорошими манерами и скромным»[2].

София Шарлотта Бранденбургская так вспоминала о Петре I:

> «Русский царь произвел впечатление на курфюстрин незаурядностью своей личности и простотой обращения. Петр и София Шарлотта обменялись табакерками. Умиленный царь, прощаясь, поднял за уши 10-летнюю принцессу Софию Доротею, будущую мать короля Фридриха Великого»[3].

В Европе даже после поездки Петра за границу отношение к восточному пространству было весьма разрозненным. В большинстве своем бытовало представление, имевшее распространение

---

[1] Петр Великий в Париже в 1717 году.

[2] Визит Петра I в Вену и Польшу.

[3] *Довыденко Л.* Женщины Пруссии.

еще в XVII в., что там живут дикари, у которых отсутствуют манеры и тяга к образованию. В тот период времени в сознании образованной части европейского сообщества укоренилось представление о географическом распределении культурного человечества, не отвечающее реальным фактам. Между двумя центрами цивилизации Западной Европой и Китаем — лежат варварские и полуварварские страны, первым форпостом которых являлась Московия. Пребывание Петра в Европе несколько поколебало эту устоявшуюся картину мира, так как при наличии вспыльчивого нрава, неуравновешенного характера и полного отсутствия манер, роднившего его с варваром, Великий Государь обладал пытливым умом и проявлял интерес к наукам. Цивилизационный успех Петр I решил подкрепить дальнейшей отправкой за границу на обучение молодых отпрысков, которые после возвращения из-за границы, должны были стать оплотом в управлении государством.

К началу XVIII в. в России сложился устойчивый образ Европы, как образованного и просвещенного пространства, который подкреплялся ее военной мощью, в основе которой лежали научные знания и открытия в области военного искусства. В этом смысле движение в сторону Европы для Российского государства было вполне очевидно. Однако простое заимствование военных знаний у европейцев не означало признания России в качестве Европейского пространства, этот факт наоборот, укрепил бы в сознании европейцев страх и предубеждения в отношении восточного соседа. Перед Петром I стояла более амбициозная задача — перенять не только военные знания, технику и технологии, сформировать и наладить необходимые дипломатические отношения, но и изменить общеевропейское общественное мнение относительно России. Первый шаг он сделал собственным примером, далее Государь предусматривал организацию образовательных поездок за границу молодежи для освоения ими необходимых знаний.

Путешествия за границу с научными и образовательными целями на протяжении XVIII–XIX вв. стали неотъемлемой частью жизни общества, проявлением хорошего тона, элементом джентельменского набора. Необходимо отметить, что:

> «...путешествия за границу, как образовательное средство, ведут свое начало с царствования Петра Великого. Конечно, рус-

ские люди бывали за границей и раньше, но это были исключительно поездки с дипломатической целью»[4].

Каждый студент направлялся в Европу с конкретной целью — изучения одной или нескольких дисциплин.

Поток студентов, отправляемых в Европу, не иссяк даже после начала Северной войны. Основные страны, пользовавшиеся спросом в ученическом туризме, были Голландия, Франция, Англия, Германия и Италия. Но необходимо отметить, что характер этих поездок был вынужденный. «Туда не ехали, туда посылали»[5]. Вследствие этого отношение к другой культурной традиции всегда было предвзятым, необходимо было время для преодоления стереотипа и нежелания постигать новое.

Отправка студентов на учебу за границу не всегда являлась удачным мероприятием. Были положительные и отрицательные проявления. Например, будущий соратник Петра Василий Корчмин в письме Государю в Голландию отмечал, что:

> «Мы со Стенькой Бужениновым, благодаря Богу, по 20 марта выучили фейерверк и всю артиллерию; нынче учим тригонометрию. Мастер наш — человек добрый, знает много, нам указывает хорошо. Изволишь писать, чтобы я уведомил, как Степан, не учась грамоте, геометрию выучил, и я про то не ведаю: Бог и слепцы просвещает»[6].

А.И. Головин в письме своему отцу дал подробный отчет о процессе обучения и его успехах.

> «А об наукахъ моихъ моему Государю радителю при семъ верно доношу. Две части философии логику мороль, философиамъ ексъ перементале, гисториамъ универсалисъ, а из математики аритметику, гео(но)метрию тригометрию шверикамъ и плянамъи архитектуру цивилисъ фундаментамъ окончалъ же. Сие вышепомянутые науки с помощию Божию уже я окончалъ. При семъ доношу каторымъ наукамъ (нынече?) еще учусь. Юсъ натуре, европскихъ республикъ знание, третью

---

[4] *Сивков К.В.* 1914, 5.

[5] *Сивков К.В.* 1914, 8.

[6] *Простаков С.* Первые русские студенты за рубежом. Как Петр Первый создал образовательный туризм в России.

часть философии метафисику, а из математеки фортификацию и сие науки окончаю къ празнику Пасхи»[7].

Князь Куракин рапортовал, что во время пребывания за границей он изучил арифметику, геометрию (теоретическую и практическую), тригонометрию, астрономию, навтику, механику и фортификацию; кроме того он научился итальянскому языку»[8]. Весьма показательно, но при отсутствии выстроенной системы образования в Российском государстве, студенты за границей изучали базовые предметы, говорить об усовершенствовании и углублении научных знаний явно не приходилось.

При этом русские студенты, направленные на обучение за границу, зачастую показывали явно варварское поведение. Так например Василий Яковлев, присматривавший за студентами, обучавшимися в Кенигсберге, доносил в Петербург, что русские студенты «в гулянье и в сварах и во всяких злодействах упражняютца»[9]. Подобная информация поступала и со стороны профессора Стеофаса. Он писал в Сенат, что:

«...главными пороками российских студентов, по мнению кенигсбергского профессора, были лень и нерегулярность посещения занятий: за время пребывания в Кенигсберге они не пропустили ни одного праздника — ни немецкого, ни русского. Упреки Стеофаса были справедливы»[10].

В этом смысле весьма показательны, «Записки» А.Р. Воронцова, в которых он прописывает свое поведение во время заграничного путешествия.

«Я могу сказать, что мое поведение во время пути оправдало доверие моих родных, так как я ни разу не впал в те увлечения, которые так свойственны молодым людям моих лет <…> Я могу сказать, что этот отъезд во Францию имел большое влияние на склад моего ума, так как он способствовал моему умст-

---

[7] *Головин А.И.* Письмо русского студента отцу в петровское время.

[8] Из «Дневника и путевых заметок кн. Б.И. Куракина». 1914, 53.

[9] *Мазин К.А.* «Окно в Европу» и начало Российского Академического Зарубежья. Глава 1.

[10] *Мазин К.А.* «Окно в Европу» и начало Российского Академического Зарубежья.

венному развитию и еще усилил мою склонность к деловым занятиям»[11].

Анализа модели поведения до этого в отчетах и заметках не встречалось. Это в свою очередь говорит о том, что была скорее всего распространена противоположная модель поведения, характерная для варвара, а не для цивилизованного человека.

Отчеты и письма о заграничных поездках напоминали скорее перечисление диковинок, которые были увидены за границей. Так в «Журнале путешествий по Германии, Голландии и Италии» описываются подобные диковинные на первый взгляд вещи:

«Видел у доктора анатомию: кости. Жилы, мозг человеческий, телеса младенческие и как зачнется и как во чреве родится. Видел сердце человеческое, легкое, почки, и как в почках родится камень <…> Трубку зрительную видел, через которую смотрят на месяц и на звезды»[12].

Перечисление увиденного за границей у путешественников не подкреплялось никаким анализом, поиском аналогий, определением причин и следствий, выдвижением собственного мнения относительно увиденного. Тексты представляли собой простую констатацию увиденных объектов, описание их внешней стороны.

Необходимо говорить о том, что ментальная карта студентов, прибывших на обучение в Европу, все же претерпевала некоторые изменения. Например, в «Статейном списке посольства Б.П. Шереметьева» описывается эпизод осмотра боярином Академии. «Того же числа звали боярина Иезуиты смотреть их Академию, в которой учат письменным всяким наукам и иным художествам». Но если в начале XVIII в. можно говорить о том, что только появляются новые элементы ментальной карты, то во второй половине XVIII–XIX вв. они становятся приоритетными в определении значимости пространства. В 1758 г. в своих «Записках» гр. А.Р. Воронцов, описывая пребывание в Вене, подчеркивает, что:

«...дворец, в котором живет двор, хотя и велик, но старинной архитектуры. Сверх того при дворе есть великолепная публич-

[11] Из «Записок» гр. А.Р. Воронцова. 1914, 66.

[12] Из «Журнала путешествия по Германии, Голландии и Италии в 1697–1699 гг.». 1914, 36.

ная библиотека, очень обширен кабинет редкостей и прекрасная картинная галерея»[13].

В качестве значимых объектов, привлекающих внимание путешественников помимо внешних объектов, начинают включаться и объекты духовные. На лицо изменение приоритетов в конструировании пространства.

Студенты, посылаемые за границу с целью изучения конкретных дисциплин, сталкивались с целым рядом трудностей. Как писал один гардемарин, князь М.М. Голицын, обучавшийся в Голландии и Дании, «житие пришло мне самое бедственное и трудное»[14]. Нищета, несвоевременное поступление средств на обучение приводило к тому, что студенты уличались в кражах, за долги их садили в долговые тюрьмы и т.д. Другой немаловажной проблемой при получении образования стало незнание иностранных языков. Вследствие этого первоначально перед студентами вставала необходимость овладения языковой практикой, а только затем уже изучение необходимого перечня дисциплин.

Многие студенты подчеркивали наличие постоянного чувства страха перед возвращением обратно в Россию и публичным экзаменом, который будет принимать сам Петр. Страх перед неудачей — состояние, которое является неотложным элементом варварского состояния. Цивилизованный человек, преодолев страх перед неудачей, видит гораздо дальше, усматривает перспективы развития, осмысливает ошибки, готов их признать и исправить. Варвар, наоборот, замкнут в этом состоянии, не видит дальше своего страха. Страх является и мотивом дальнейшего обучения, и самым главным его тормозом.

Несмотря на грандиозный размах дела Петра, необходимо говорить об отсутствии системы и логики в образовательном процессе, узко прикладном характере получаемых знаний. Это все сопрягалось с постоянной нехваткой денежных средств для обучения студентов. Но самое главное состояло в том, что невозможно в одночасье изменить ментальную карту варвара, который видит, в

[13] Из «Записок» гр. А.Р. Воронцова. 1914, 66.

[14] Из «Письма князя М. Голицына из-за границы в 1711 г.». 1914, 60–61.

первую очередь, внешние проявления культуры, не стараясь проникнуть вглубь. Варвар, приезжавший за границу, обнаруживал отсутствие основных базовых знаний. Без этого элемента продолжение обучения и постижение науки было невозможно. Посылаемые Петром студенты на обучение, в значительной своей части возвращались домой, при успешной экзаменовке самим Государем, получали должность. Многие европейцы отмечали, что:

> «...русские люди времен Петра, побывавшие за границей, быстро расставались с приобретенными обычаями, и, усваивая лишь внешний лоск, приобретали «несносное чванство» и жили по старине»[15].

Это еще один явный признак варварства: внимание к внешней стороне другой культуры, отсутствие прочного и глубокого интереса к научным, экономическим, политическим проявлениям.

В период Петровских преобразований:

> «...старый порядок с трудом уступал свое место новому, борьба шла, что называется, не на жизнь, а на смерть, пока, наконец, принципы западного образования не восторжествовали и не дали последний удар старине, указав новый путь россиянам»[16].

Образование и просвещение становятся основными инструментами для преодоления состояния варварства. Эта традиция будет сохранена на протяжении всего XVIII и XIX вв.

В период правления Петра постепенно формируется пласт просвещенных варваров — явления уникального, т.к. оно объединяло в себе варварское начало и тягу к знаниям. Это люди, которые в силу обстоятельств соприкоснулись с европейской научной и культурной традицией, но еще не были готовы критически ее оценить и дать собственную оценку. Преодоление этого состояние стало возможным только при создании в государстве собственной образовательной системы. Хотя эту задачу Петр I решал нестандартным путем — выстраивал систему образования сверху. М.М. Богословский писал о том, что:

---

[15] *Пекарский П.П.* 1862,139.

[16] ОР РНБ. Ф.874. Оп 1. Л. 123.

> «...русское общество начала XVIII в. было темно и непросвещенно, но в этой темноте крылись заложенные возможности света и таилось желание просвещения. Это желание мы наблюдаем в русском обществе без различия составлявших ее классов: здесь выступают и члены виднейшей аристократии, и люди из среднего дворянства, и приказная среда, и крестьяне, и даже холопы. Петр пошел навстречу этим потребностям и желаниям, давая больше, чем желали, и учредил Академию Наук там, где еще не было не только средней, но и настоящей низшей школы»[17].

Начиная с правления Петра I в России начинает целенаправленно выстраиваться система образования. На протяжении XVIII в образовательный туризм постепенно уступит место научному, который совершенно по-другому расставляет акценты и приоритеты. Пространство наполняется другими (не только внешними), но и духовными элементами. Варварское состояние уступит место истинному Просвещению и в этом случае Россия станет равноправным структурным элементом Европейского Просвещенного пространства.

ЛИТЕРАТУРА

Из «Записок» гр. А.Р. Воронцова. 1914: К.В. Сивков. Путешествие русских людей за границу в XVIII в. СПб., 66–70.

Богословский М.М. 1925: Русское общество и наука при Петре Великом. М.

Визит Петра I в Вену и Польшу. — http://biofile.ru/his/619.html (январь, 2019).

Головин А.И. Письмо русского студента отцу в петровское время. — http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1700-1720/Golovin_A_I/brief_I_M_Golovin_19_10_1718.phtml (январь, 2019).

Довыденко Л. Женщины Пруссии. — http://www.kaliningrad.wie.su/WiEen/zhenshhiny_prussii-1.pdf (февраль, 2019).

Из «Дневника и путевых заметок кн. Б.И. Куракина». 1914: К.В. Сивков. Путешествие русских людей за границу в XVIII в. СПб., 53–60.

[17] *Богословский М.М.* 1925, 7.

Из «Журнала путешествия по Германии, Голландии и Италии в 1697–1699 гг.». 1914: К.В. Сивков. Путешествие русских людей за границу в XVIII в. СПб., 35–39.

Из «Письма князя М. Голицына из-за границы в 1711 г.». 1914: К.В. Сивков. Путешествия русских людей за границу в XVIII веке. СПб, 60–61.

Картины русской общественной жизни XVIII века (конспект) // Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Ф.874. Оп 1.

Мазин К.А. «Окно в Европу» и начало Российского Академического Зарубежья. — https://cyberleninka.ru/article/n/okno-v-evropu-i-nachalo-rossiyskogo-akademicheskogo-zarubezhya (январь, 2019).

Пекарский.П.П. 1862: Наука и культура при Петре Великом. СПб., 1.

Петр Великий в Париже в 1717 году. — http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XVIII/1700-720/Petr_I/petr_I_v_parize_1717.htm (январь, 2019).

Простаков С. Первые русские студенты за рубежом. Как Петр Первый создал образовательный туризм в России. — https://mel.fm/istoriya_obrazovaniya/2537961-Peter_I (январь, 2019).

Сивков К.В. 1914: Путешествие русских людей за границу в XVIII в. СПб.

Oksana A. Kiryash

«EDUCATIONAL TOURISM» OF PETER I

The article reveals the content of the concept of «educational tourism», formed during the reign of Peter I, its main characteristics. The author presents the priority directions of educational tourism that took place in the beginning of XVIII century On the materials of letters and travel notes presents a collective image of the student of the epoch of Peter I, who received education abroad, which combined the civilization and barbarian components. The mental map of students of the XVIII century has undergone significant changes. It traces the gradual movement from barbaric to civilized perception of the surrounding reality. This is reflected in the emergence of new intellectual constructs of the mental map and changing priorities in assessing the importance of space.

Keywords: «educational tourism», barbarism, civilization, Peter I, mental map, education, Europe, Russia.

Oksana A. KIRYASH — PhD (History), Associate Professor of the Department of Additional Professional Education of the Omsk State Pedagogical University. Omsk, Russian Federation. — mml1982@yandex.ru

REFERENCES

Bogoslovskii M.M. 1925: Russkoe obshchestvo i nauka pri Petre Ve-likom. M.

Golovin A.I. Pis'mo russkogo studenta ottsu v petrovskoe vremya. — http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1700-1720/Golovin_A_I/brief_I_M_Golovin_19_10_1718.phtml (yanvar', 2019).

Dovydenko L. Zhenshchiny Prussii. — http://www.kaliningrad.wie.su/WiE-en/zhenshhiny_prussii-1.pdf (fevral', 2019).

Iz «Dnevnika i putevykh zametok kn. B.I. Kurakina». 1914: K.V. Sivkov. Puteshestvie russkikh lyudei za granitsu v XVIII v. SPb., 53-60.

Iz «Zapisok» gr. A.R. Vorontsova. 1914: K.V. Sivkov. Puteshestvie russkikh lyudei za granitsu v XVIII v. SPb., 66-70.

Iz «Zhurnala puteshestviya po Germanii, Gollandii i Italii v 1697-1699 gg.». 1914: K.V. Sivkov. Puteshestvie russkikh lyudei za granitsu v XVIII v. SPb., 35-39.

Iz «Pis'ma knyazya M. Golitsyna iz-za granitsy v 1711 g.». 1914: K.V. Sivkov. Puteshestviya russkikh lyudei za granitsu v XVIII veke. SPb, 60-61.

Kartiny russkoi obshchestvennoi zhizni XVIII veka (konspekt) // Otdel rukopisei Rossiiskoi Natsional'noi biblioteki. F.874. Op 1.

Mazin K.A. «Okno v Evropu» i nachalo Rossiiskogo Akademicheskogo Zarubezh'ya. — https://cyberleninka.ru/article/n/okno-v-evropu-i-nachalo-rossiyskogo-akademicheskogo-zarubezhya (yanvar', 2019).

Pekarskii.P.P. 1862: Nauka i kul'tura pri Petre Velikom. SPb., 1.

Petr Velikii v Parizhe v 1717 godu. — http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XVIII/1700-720/Petr_I/petr_I_v_parize_1717.htm (yanvar', 2019).

Prostakov S. Pervye russkie studenty za rubezhom. Kak Petr Pervyi sozdal obrazovatel'nyi turizm v Rossii. — https://mel.fm/istoriya_obrazovaniya/2537961-Peter_I (yanvar', 2019).

Sivkov K.V. 1914: Puteshestvie russkikh lyudei za granitsu v XVIII v. SPb.

Vizit Petra I v Venu i Pol'shu. — http://biofile.ru/his/619.html (yanvar', 2019).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ

ВИ — Вопросы истории. Москва

ВДИ — Вестник древней истории. Москва

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. Санкт- Петербург

КСИА — Краткие сообщения Института археологии. Москва

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва

СВ — Средние века. Москва

ЭНОЖ — Электронный научно-образовательный журнал «История». Москва

AJPh — American Journal of Philology. Johns Hopkins University press. Baltimore

APA — Acta Praehistorica et Archaeologica. Berlin

BSA — The Annual of the British School at Athens. London

CAH — The Cambridge Ancient History. Cambridge

CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum. Berlin

CQ — The Classical Quarterly. Oxford; London; New York

GR (G£R) — Greece and Rome. Oxford

HE — *Bede.* Historia ecclesiastica gentis Anglorum. — [http://www.thelatinlibrary.com (сентябрь, 2020)]

HF — *Gregorius Turonensis*. Decem Libri Historiarum. — [http://www.thelatinlibrary.com (сентябрь, 2020)]

HL — *Paul Diaconus*. Historia Langobardorum. — [http://www.thelatinlibrary.com (сентябрь, 2020)]

HSCPh — Harvard Studies in Classical Philology. Harvard

JHS — Journal of Hellenic Studies. Cambridge

JLA — Journal of Late Antiquity. Baltimore

JRS — Journal of Roman Studies. Cambridge

KP — Der kleine Pauly. Lexikon der Antike. Bd. I–V. München, 1964–1975

PL — J.P. Migne (ed.). Patrologiae cursus completus. Series latina. Paris. 1844

PLRE — The Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge

RE — Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft von Pauly–Wissowa G. Stuttgart

RGA — Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Berlin – New York

TAPhA — Transactions of the American Philological Association. Johns Hopkins University press. Baltimore

Variae — *Cassiodorus*. Variarum libri XII [http://www.thelatinlibrary.com (сентябрь, 2020)]

ZPE — Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Koln

ZSS — Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung. Berlin

СОДЕРЖАНИЕ

Буданова В.П.
Варварство и его стрессоры в перспективе междисциплинарных исследований (Вместо предисловия)..... 9

РАЗДЕЛ 1

ЗАЗЕРКАЛЬЕ СОВРЕМЕННОГО ВАРВАРСТВА

Хвостова К.В.
Актуальные проблемы исторической событийности..... 31

Любарт М.К.
Христианское культовое наследие в современной Франции..... 42

Буданов А.В.
О сохранении человека и человечности в современных условиях наступающего варварства: ловушки на этом пути..... 63

Петров В.В.
Филологический экзистенциализм Карла Кереньи..... 96

Яковенко И.Г.
Проблема осмысления варварства в современной реальности.. 130

Арзаканян М.Ц., Герцен А.А., Паскарь Е.Г.
«Ловушка» на пути изучения раннего этногенеза молдаван (по следам исследований советских ученых)..... 145

РАЗДЕЛ 2

ИСТОКИ СКРЫТОГО И СКРЫВАЕМОГО

Суриков И.Е.
Аккумуляция латентного варварства в Афинах V в. до н.э., или Путь в бездну..... 158

Никишин В.О.
Римляне и провинциалы: проблема ответственности за тех, кого покорили..... 192

Селиванова Л.Л.
«И мальчики кровавые в глазах... и рад бежать, да некуда... Ужасно!» (сцена детоубийства и людоедства в романе Лоллиана «Финикийские истории»)..... 238

Ермолова И.Е
«Двойные стандарты» по-римски (на примере «Деяний» Аммиана Марцеллина)..... 253

Ведешкин М.А.
О варварах и тиранах: скрытое варварство как элемент политической критики в поздней Римской империи..... 266

Потокина О.В.
Приемы имитации как воплощение механизмов латентного варварства (три «портрета» правителей варваров)..... 281

Сазонова А.А.
Латентная форма заложничества в германских королевствах раннего Средневековья..... 297

Елохин К.А.
К вопросу о специальном языке латентного варварства на примере эмблем националистических организаций в России 1990–2019 годов..... 319

РАЗДЕЛ 3

КОВАРСТВО ЛАТЕНТНОЙ ДЕСТРУКЦИИ

Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Гаврилина Е.Д.
К вопросу о латентном варварстве боспорских готов..... 337

Клейменов А.А.
Открытое проявление скрытого варварства (массовые карательные акции Александра Македонского периода покорения «дальних» сатрапий)..... 357

Квашнин В.А.
«Ганнибал-освободитель»: «Новый Геракл» против наследников Какия..... 378

Камари Д.М.
Греки и варвары в рассказах об основании Лампсаки и Массалии..... 386

Хорькова И.В.
Арнобий против варварства язычников: возвратный удар..... 399

Ермолова И.Е.
Коварство и интриги в римской армии..... 420

Кирьяш О.А.
«Образовательный туризм» Петра I: варварство явное и латентное..... 432

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ..... 443

СОДЕРЖАНИЕ..... 445

CONTENTS..... 447

CONTENTS

Budanova V.P.
Barbarity and its Stressors in the Perspective of Interdisciplinary Researches (INSTEAD OF FOREWORD)..... 9

CHAPTER 1

THROUTH THE LOOKING GLASS OF LATENT BARBARITY

Khvostova K.V.
Actual Problems of Historical Events..... 31

Lyubart M.K.
Christian Cult Heritage in Modern France..... 42

Budanov A.V.
On the Preservation of Man and Humanity in Modern Conditions of the Coming Barbarity: Traps on this Way..... 63

Petroff V.V.
Philological Existentialism of Karl Kerényi..... 96

Yakovenko I.G.
The Problem of Understanding Barbarism in Modern Reality..... 130

Arzakanian M. Ts., Herzen A.A., Paskary E.G.
«The trap» on the Way to Early Moldavian Ethnogenesis Stidy (in the Wake of Research by Soviet Scientists)..... 145

CHAPTER 2

ORIGING OF THE HIDDEN AND THE HIDES

Surikov I.E.
Accumulation of Latent Barbarity in Fifth-century B.C. Athens, or The Way to the Abyss..... 158

Nikishin V.O.
Romans and Provincials: the Problem of Responsibility for those who are Conquered..... 192

Selivanova L.L.
"And Little Bloodstained Boys before my Eyes… And Gladly would I flee, but have no Refuge… o, woe is me!": Infanticide and Cannibalism in Lollianus's PhoenicianTales..... 238

Ermolova I.E.
The Roman «double standards» (Ammianus Marcellinus' «Res gestae»)..... 253

Vedeshkin M.A.
Of Barbarians and Tyrants: Hidden Barbarism
as an Element of Political Critique in the Later Roman Empire... 266

Potokina O.V.
Methods of Imitation as the Embodiment of the Mechanisms
of Latent Barbarity (Three «Portraits» of the Barbarian Rulers).. 281

Sazonova A.A.
The Latent Form of Hostage Diplomacy in the Germanic Kingdoms
of the Early Middle Ages..... 297

Elokhin K.A.
To the Question about the Spesial Language of Latent Barbarism
on the Example of Nationalist Organizations in Russia
from 1990 to 2019 Years..... 319

CHAPTER 3

INSIDOUSNESS OF LATENT DESTRUCTION

Yartsev S.V., Zubarev V.G., Gavrilina E.D.
On the Latent Barbarism of the Bosporian Goths..... 337

Kleymenov A.A.
Open Acts of the Latent Barbarity: Mass Alexander's
the Great Punitive Actions in the Eastern Satrapies..... 357

Kvashnin V.A.
«Hannibal the Liberator»:
«New Hercules» against the Heirs of Cacius..... 378

Kamari D.M.
Greeks and Barbarians in the Stories of the Founding
of Lampsacus and Massalia..... 386

Khorkova I.V.
Arnobius against Pagans Barbarism: Recoil Strike..... 399

Ermolova I.E.
The Perfidy and Intrigues in the Roman Army..... 420

Kiryash O.A.
"Educational Tourism" of Peter I..... 432

ABBREVIATIONS..... 443

CONTENTS..... 447

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Проблемно-тематическое издание «Цивилизация и варварство / Civilization and Barbarity» является научным, по тематике — историческим. К публикации принимаются рукописи, отражающие результаты оригинальных исследований. Содержание рукописи должно относиться к исторической проблематике, соответствовать научному уровню академического издания, обладать определенной новизной и представлять интерес для специалистов гуманитарного профиля.

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

1. К рассмотрению принимаются рукописи статей в электронном виде в формате MS Word, присланные по электронной почте на адрес: labcb@yandex. ru, соответствующие тематике издания и оформленные в соответствии с требованиями к оформлению рукописей. Отсутствие оформления статей согласно требованиям издания может стать причиной отказа в публикации. Получение рукописей подтверждается. Если уведомление не получено в течение семи дней, пожалуйста, продублируйте отправку материалов.

2. К рассмотрению принимаются научные статьи и переводы научных статей. К публикации *не принимаются* обзоры конференций, фрагменты диссертаций, тексты учебно-образовательного и научно-популярного характера, тезисы различного рода докладов и тексты, не соответствующие тематике и формату издания или написанные в иных жанрах, кроме научного.

3. Рекомендуемый объем статей 0.5 – 1 а.л., включая сноски, список литературы, аннотацию и ключевые слова. (1 а.л. = 40 000 знаков, включая пробелы и сноски). По согласованию с главным редактором принимаются статьи и большего объема.

4. Языки публикаций: русский, английский, французский, немецкий, испанский. *Не принимаются* статьи, написанные на иностранных языках русскоязычными авторами.

5. Статьи должны быть подготовлены к процедуре анонимного рецензирования. Информация об авторе должна быть представлена в отдельном файле.

6. Автор гарантирует, что текст не был опубликован ранее и не был сдан в другое издание.

7. Ссылка на издание «Цивилизация и варварство» при использовании материалов статьи в последующих публикациях обязательна.

8. Автор берет на себя ответственность за точность цитирования, правильность библиографических описаний, транскрибирование имен и названий.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

1. Статья должна быть оформлена в соответствии с принятыми в издании требованиями и тщательно вычитана автором.

Текст набирается в программе Word: размер шрифта — 14, гарнитура (шрифт) — Times New Roman, межстрочный интервал — 1,5, поля — 2 см со всех сторон.

3. *Название статьи, аннотация, ключевые слова и сведения об авторе должны быть представлены на русском и английском языках.* В переводе заголовка, аннотации, ключевых слов не должно быть никаких транслитераций с русского языка, кроме непереводимых названий собственных имен.

4. Библиографическая запись должна содержать следующие пункты: автор / авторы, год издания, заглавие, место издания.

Если описывается *сборник статей*, материалы конференции и т.д., то указывается редактор или составитель. То же правило используется и при описании *статьи в сборнике*; следует указывать страницы, на которых расположена статья.

При описании *статьи в журнале* обязательно указывается год издания, номер, страницы, на которых расположена статья.

Ссылки на архивные документы приводятся в общем библиографическом списке по автору или, при его отсутствии, по названию документа.

Ссылки на публикации в электронных СМИ или на сайтах приводятся в общем библиографическом списке по автору или заглавию публикации с указанием адреса, где эта публикация размещена, и *датой проверки наличия ресурса.*

5. Иллюстрации (фотографии, рисунки, схемы, графики, диаграммы, карты) должны быть выполнены с учетом возможностей *черно-белой печати* (четко, без мелких деталей, недопустимо использование фона, полутонов, цветных элементов), их следует представлять отдельным файлом и сопровождать *подписями*. Графические материалы (схемы, диаграммы и т.п.) должны быть представлены в векторном формате (AI, EPS, Excels); рисунки и фотографии — в формате TIF или JPG с разрешением не менее 300 DPI. В тексте должны присутствовать ссылки на иллюстрации.

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ

Все статьи, планируемые к публикации, проходят процедуру анонимного рецензирования и утверждения на редколлегии.

ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

1. Решение о публикации принимается в течение трех месяцев с момента предоставления рукописи.

2. Авторы всех опубликованных статей получают один экземпляр.

3. Авторские экземпляры рассылаются только иногородним. Проживающие в Москве и Московской области получают экземпляр издания в Лаборатории по исследованию цивилизации и варварства по адресу: Москва, Ленинский пр. 32А, 15-й этаж.

4. Плата за публикации не взимается; гонорары не предусмотрены.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСТВО

ЛОВУШКИ, ЗАСАДЫ И ПРОПАСТИ ЛАТЕНТНОГО ВАРВАРСТВА

Выпуск IX

Главный редактор
Вера Павловна Буданова

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН
http:igh.ru

Рецензенты
доктор исторических наук *Ю.Е. Арнаутова*
Институт всеобщей истории РАН, Москва
доктор философских наук, профессор *Е.В. Афонасин*
Новосибирский государственный университет

Reviewers
Prof. *Juliya E. Arnautova*
RAS Institute of World History (Moscow, Russia)
Prof. *Eugene V. Afonasin*
Novosibirsk State University (Russia)

Научное издание

Дизайн обложки *И.Н. Граве*
Корректор *М.М. Горелов*
Бригадир выпуска *Г.В. Шпак*

Издательство «Аквилон»
Тел.: +7 (968) 924–97–30
Электронная почта: aquilopress@gmail.com
Сайт: aquilopress.com

Подписано к печати 20.10.2020
Формат 60x90/16
Гарнитура Times. Печать цифровая
Усл.-печ. л. 30. Тираж 500 экз. Зак. №_____

Отпечатано в типографии Onebook.ru ООО «Сам Полиграфист»
Москва, 109316, Волгоградский пр., дом 42, Технополис МОСКВА
Тел. +7 (495) 545–37–10
Электронная почта: info@onebook.ru
Сайт: www.onebook.ru

ISSN 2307–7794

На обложке: Эдвард Берн-Джонс. Колесо фортуны. XIX в.